

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА

ВТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н. А. ПЬЯНОВА

г. Иркутск, 2020 г.

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Иркутск, 6 и 14 ноября 2020 года

**ВТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ**

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. ИРКУТСК - 2020г.

**ВТОРЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

Материалы конференций

Иркутск, 6 и 14 ноября 2020 года

**УДК (321:340)
ББК Х01.лО**

Редакционная коллегия

- И. А. Арзуманов, д-р культурологии, канд. филос. наук, доц.;
С. А. Комаров, д-р юрид. наук, проф.;
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Ю. Спиринов, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред. и сост.);
А. В. Степанов, магистр религиоведения;
С. Ю. Суменков, д-р юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций, 6 и 14 ноября 2020 г. / отв. ред. и сост. М. Ю. Спиринов; [науч. ред. С. Ю. Суменков, И. А. Кузьмин]. – Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2021. – 500 с.

Представлены результаты исследований актуальных проблем государственно-правовой действительности, а также философских, исторических этноконфессиональных и иных специальных аспектов взаимодействия государства и права с общественными институтами.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства общества и права, специальным аспектам их взаимодействия. Сформулированные положения могут быть использованы при изучении и преподавании философии, теории государства и права, конституционного права, социологии, религиоведения, теологии, культурологии и других гуманитарных дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

*Сборник издан при поддержке проекта
«Байкальский этнорелигиозный дискуссионный клуб
«Время говорить!» (куратор проекта А.В. Степанов)*

ISBN 978-5-6044847-0-8

© Авторы
© Межрегиональная
ассоциация теоретиков
государства и права, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	8
----------------------------------	----------

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Анисимова А. С. Влияние цифровизации на современное общество и государство: к вопросу о тенденциях ее проявления.....	9
Вильнова В. А. Познание вреда как явления государственно-правовой действительности: междисциплинарный подход.....	16
Дружинин Г. В. К проблеме понимания корпоративного регулирования.....	23
Комаров В.С. К вопросу теории принципов российского права...	29
Куприянова А. В. Роль православной литературы в формировании правовой культуры России.....	35
Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения в свете поправок к Конституции РФ.....	43
Мерзлякова И. С. Юридическая природа репродуктивных прав человека.....	50
Мирошниченко О. И. К вопросу о нивелировании прав человека в период пандемии	58
Михеев Д. Ю. Сибирский суд в период НЭП: поиск оптимальной модели.....	66
Орлова С. В. К вопросу о значении фиктивных юридических норм в процессе правового регулирования.....	73
Плахтий Н. А. Случай как феномен государственно-правовой действительности: проблемы познания.....	80
Силивеев И. М. Решение конституционного (уставного) суда субъекта РФ как акт государственно-властного органа.....	87
Спирин М. Ю. Особенности религиозных факторов (источков права), определяющих сущность правового регулирования.....	93
Тирских М. Г. К вопросу о деформации (протрузии) права.....	101

Чигринский Н. С. К вопросу о значимости правовых источников в романо-германской и социалистической правовых семьях.....	108
Шиханов В. Н. Религиозно-нравственные императивы: об утраченном основании уголовной политики и симулякрах в постсовременном обществе.....	114

ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ИНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственная инновационная деятельность.....	123
Дроботушенко Е. В. Постановления ВЦИК как малоизвестный правовой источник религиозной политики советской власти в первой половине 1930-х гг.....	132
Коноплев Н. С. Живая этика – путь к совершенству человека....	138
Мартынов А. С. Православная жизнь в городе Славянске (Донбасс) в период нацистской оккупации (1941-1943).....	153
Степанов А. В. Церковь в условиях чрезвычайных ситуаций: история и современность (богословский аспект проблемы).....	166
Устимчук Д. А. Правовые основы миссионерской деятельности религиозных организаций в Республике Беларусь на примере белорусской православной церкви.....	184

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Александрович Я. П., Бакуленко Е. И. Международное усыновление: условия, проблемы, тенденции.....	195
Бакшеев Г. Н. Правовое регулирование антикоррупционной политики в КНР.....	203

Верескун Д. Е., Казакова А. А. Судебная реформа 1864 года: к вопросу о взаимной рецепции законодательства.....	207
Вершинина М. К. Международное сотрудничество как основной инструмент борьбы с глобальными эпидемиями.....	215
Глущенко Я. А. Проблемы реализации конституционного права на бесплатную медицинскую помощь в рамках медицинских правоотношений.....	221
Григорьева И. А. Нормативно-правовое регулирование государственной молодежной политики: анализ последних изменений.....	229
Гурко А. К. Действие уголовных законов в Российской Империи в начале XX века (историко-правовой анализ).....	236
Денисенко Н. В. Правовые и религиозные аспекты суррогатного материнства.....	249
Дядькина П. К. Европейский суд по правам человека и суды общей юрисдикции в механизме обеспечения гражданских прав: современное состояние и проблемы.....	259
Зябкина А. А. Некоторые новеллы отечественного законодательства в сфере трудовых отношений в период эпидемиологической угрозы 2020 года.....	269
Кадушкина Н. А., Обрядина П. П. Влияние международных договоров на развитие экономики (на примере Киотского протокола).....	278
Калинин В. А. Динамика форм юридической ответственности физических лиц в условиях пандемии COVID-19.....	286
Карпец Д. В. Влияние цифровых технологий на правотворческую деятельность государства.....	302
Кирячкова Е. Д. Цифровизация XXI века: возможности и перспективы развития.....	308
Клепцова Л. В. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: проблемы становления.....	314
Козлова А. А. Юридический аспект оказания медицинской помощи в условиях карантинного режима (COVID-19).....	326
Кужлев К. И. Диктатура: между монархией и республикой.....	335

Кузнеченков А. А. Цифровое право как платформа глобальной экосистемы.....	342
Могилева Д. Г. Право как один из видов социальных регуляторов общественных отношений.....	347
Муратова С. С. Вина и отношение к ней в философско-правовой концепции И. А. Ильина.....	353
Нарышкин П. А. Проблема соотношения морали и права в творчестве Н. Макиавелли.....	359
Негамутзянова А. С. Государственная политика в сфере противодействия коронавирусной инфекции.....	368
Нечитайло Д. В. Проблемы правового регулирования интернет-отношений в России и мире.....	375
Нечкина А. А. Конституционно-правовой статус определения политической оппозиции в современной России.....	382
Попов С. Ю. Неуплата алиментов как нарушение естественного права ребенка на жизнь и достойное содержание.....	389
Сидоренко А. А. Краткий обзор нормативно-правовых актов для регулирования деятельности общественных организаций в КНР с 1988 по 2005 гг.	396
Ткаченко П. Н. Борьба с терроризмом как предмет правового регулирования угроз чрезвычайной ситуации в КНР	402
Тользак А. Е. Специфика публично-правового регулирования... ..	416
Юрьев К. П. Основные нормативно-правовые акты регулирования экологической сферы в РФ.....	427

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Барнышева Я. О. Динамика современного российского общества в эпоху глобализации.....	434
Ганжа Н. С. Политическая коммуникация парламентских партий с гражданами (на примере Иркутской области).....	438
Городецкий О. Д. Движимое имущество церковей Лидского благочиния в конце XVII – середине XIX вв.....	447

Гузенко С. С. Современный взгляд на физическую культуру в вузе во время пандемии.....	460
Клепиков И. А. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» как политическое средство обеспечения ее легитимности.....	465
Кукель В. Е. Феномен появления православной скульптуры в Иркутской епархии XVII-XVIII вв.	472
Махмудов Д. Б. Военные формирования коллаборационистов и практика их использования на оккупированных территориях СССР.....	478
Нековаль М. А. Встречи на высшем уровне и международные экономические связи Российской Федерации.....	489
Рожков А. О. Проблемы определения четвертой политической теории по А. Г. Дугину.....	494

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вашему вниманию предлагается сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы познания государственно-правовой действительности» (06 ноября 2020 г.) и Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Государство и право в современном мире» (14 ноября 2020 г.). Данные конференции были проведены в городе Иркутске под эгидой Вторых теоретико-правовых чтений, посвященных выдающемуся теоретику Восточной Сибири – профессору Николаю Андреевичу Пьянову.

Несмотря на сложный для всего человечества 2020 год в условиях пандемии и кризисов, в научных мероприятиях смогли принять очное и заочное участие около 100 представителей профессиональных кругов, исследователей и учащихся из Республики Беларусь, России и Китайской Народной Республики.

Широта междисциплинарной тематики и научных интересов поражает, начиная от глобальных вопросов международного гуманитарного сотрудничества и до статуса движимого имущества церквей в отдельно взятых местностях. В связи с этим, все материалы сборника расщеплены на четыре раздела, первые два из которых включают работы «взрослых» исследователей, а оставшиеся – результаты научных изысканий студентов вузов. Разделы «Актуальные проблемы государственно-правовой действительности» и «Государство и право в современном мире» преимущественно раскрывают юридическую (историко-правовую) проблематику, а разделы «Философские, исторические, этноконфессиональные и иные специальные аспекты взаимодействия государства и права с общественными институтами» и «Взаимодействие государства и права с обобществлёнными институтами» отражают видение молодежью сопутствующих социальных проблем.

Оргкомитет Вторых теоретико-правовых чтений сердечно благодарит Межрегиональную ассоциацию теоретиков государства и права в лице ее Президента – профессора Сергея Александровича Комарова и куратора Байкальского этнорелигиозного дискуссионного клуба «Время говорить!» Андрея Васильевича Степанова, благодаря деятельной поддержке которых, настоящий исследовательский проект был воплощен в жизнь.

*С уважением и надеждой на сотрудничество,
Оргкомитет Вторых теоретико-правовых чтений
имени профессора Николая Андреевича Пьянова*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Анисимова*

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.53.27.001

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса цифровизации в современном государстве. Обращается внимание, что понятие цифровизации необходимо иначе рассматривать, нежели процесс компьютеризации и информатизации. Это новый период, который пришел на смену информатизации. В работе отмечается ряд новых правовых документов, которые разработаны и содержат в себе перечни цифровых технологий. Выделяются тенденции развития различных сфер, которые определенным образом трансформируются в рассматриваемых условиях.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, трансформация, управление технологиями.

THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON MODERN SOCIETY AND STATE: TO THE ISSUE OF THE IRRESVERSIBLE TRENDS OF ITS MANIFESTATION

Annotation. The article is devoted to the study of the digitalization process in a modern state. Attention is drawn to the fact that the concept of digitalization must be considered differently than the process of computerization and informatization. This is a new period that has replaced informatization. The work notes a number of new legal documents that have been developed and contain lists of digital technologies. The trends in the development of various spheres, which are transformed in a certain way in the conditions under consideration, are highlighted.

---

* **Анисимова Алина Сергеевна**, кандидат юридических наук Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия.

Anisimova Alina Sergeevna, candidate of legal sciences, Saratov state law academy, Saratov, Russia.

Key words: digital technologies, digitalization, transformation, technology management.

Одним из основных трендов в деятельности государств XXI века является становление процесса цифровизации. Новые цифровые технологии все больше проникают в экономику, бизнес, социальную сферу, в частности мы имеем дело с цифровизацией образовательной среды; бухгалтерского дела; сельского хозяйства и агропромышленного производства; медицины; при доказывании преступлений; в процессе защиты и обработки информации и многих других [4; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 16]. Новые технологии активно развиваются и в мировом масштабе – это и разработка беспилотного автомобиля Tesla, и технологии 5G. На нашей планете проживает 7,7 миллиарда человек и 4,5 из них пользуются Интернетом [3].

Масштабный характер Интернета все больше подчеркивает значимость мирового сообщества в управлении им и разработке глобальной политики в этой области. Сообщество объективно нуждается в универсальных «правилах поведения» в киберпространстве, что может быть выражено в таком документе как конвенция, которая будет посвящена вопросам кибербезопасности и проблемам ликвидации угроз и рисков, связанных с Интернетом [17, с. 16]. Таким образом, уже больше половины населения мира взаимосвязаны с цифровыми технологиями, а их повсеместное проникновение ведет к изменению представления об их возможностях. Покупки через интернет, работа удаленно, общение в социальных сетях, онлайн образование – все это способствовало стиранию границ между off-line и on-line, переходу от информационной эпохи в эпоху цифровую.

Новые информационно-коммуникационные технологии наращивают свою мощь, становятся доступными и популярными среди населения всего международного сообщества. Использование передовых наукоемких технологий не только во многих сферах общественной жизни, заставляет нас задуматься об имеющейся зависимости людей от всевозможных компьютерных и роботизированных систем. Интеграция передовых технологий в социальную жизнь позволяет нам констатировать существование некоей закономерности приводящей к зависимости человечества перед информационными технологиями [18, с. 22].

Нынешнее общество характеризуется тотальной цифровизацией. Данное понятие плотно вошло в категориальный обиход не только ученых и специалистов, но и всего социума.

Вместе с тем, важно понимать, что представляет собой цифровизация, поскольку до сих пор ошибочно полагают, что цифровизация, компьютеризация и информатизация являются синонимами. Однако, это не так, поскольку в предыдущий период развития акцент был в области применения и распространения вычислительной техники и информационных технологий, то цифровизация направлена на формирование целостных технологических сред «обитания» (экосистем, платформ), в которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское) с тем, чтобы решать уже целые классы задач [2].

На сегодняшний день понятие «цифровизация» применяется как в узком, так и в широком смысле. Цифровизация в узком смысле – некая трансформация информации в цифровой вид, которая должна в большинстве случаев вести к уменьшению издержек, возникновению новых возможностей и развитию инноваций [15]. Весомое количество локальных трансформаций информации в цифровую форму приводит к существенным положительным результатам, которые обуславливают развертывание понятия цифровизации в широком смысле. Цифровизация в широком смысле – обращение в цифровую форму всех сфер экономической и социальной жизни человека и общества, цифровизация из локального метода улучшения конкретных (единичных) сторон жизни модернизируется в драйвер социального развития мирового уровня, ориентированный на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни [15]. Таким образом, цифровизация представляет собой современное направление развития экономики и общества, основанное на трансформации информации в цифровой вид и ориентированный на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни [8].

Стоит отметить, что количество новых и разрабатываемых цифровых технологий столь велико, что в России предпринята попытка зафиксировать их в рамках одного документа – постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» (проект, вступает

в силу с 28 января 2021 г.). Постановлением утверждается перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, среди них:

1. Нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта, в том числе технологии.

2. Технологии работы с большими данными.

3. Квантовые технологии.

4. Производственные технологии.

5. Технологии робототехники и сенсорики.

6. Технологии систем распределенного реестра.

7. Технологии беспроводной связи.

8. Технологии виртуальной и дополненной реальности.

9. Технологии промышленного интернета (интернет вещей).

10. Отраслевые цифровые технологии [14].

Наша страна не первый год ведет политику по вопросам упорядочивания цифровых технологий. Так, в России реализуется Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в соответствии с которой запланирована реализация и развитие перспективных «сквозных» технологий, которые схожи с пунктами указанного постановления [9].

Важно отметить разработку Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», который предусматривает поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и созданию благоприятного правового поля для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации [13].

Как справедливо заметил А. О. Козырев: «новые технологии настолько сильно меняют устоявшиеся правоотношения, что теперь мы начинаем в регулировании идти не от правоотношений, а от технологий. В самом деле, никогда раньше мы не планировали отрегулировать, например, саму технологию хранения информации в базах данных. Теперь же нам нужно специальное регулирование для таких технологий как блокчейн, искусственный интеллект и “интернет вещей”. В этом вопросе мы можем стать мировым лидером» [1].

Стремительное развитие цифровизации всех сфер жизни аргументируется главным образом с проявлением ее положительных тенденций:

Во-первых, отмечается повышение качества жизни в основном за счет улучшенной возможности предоставления услуг – удовлетворения конкретных уже известных и новых потребностей потребителей.

Во-вторых, уменьшение издержек (уменьшение затрат на поиск информации, идентификацию; расходов по продвижению товаров и услуг; сокращение сроков разработки продукции и услуг и представлении их на рынке).

В-третьих, доступность и продвижение товаров, работ и услуг на всех уровнях – от коммерческого до государственного и мирового.

В-четвертых, появление человекозаменяющих управляющих систем в опасных для жизни и здоровья человека производствах и повышение уровня производительности труда за счет привлечения новых производств.

В-пятых, формирование представления о потребностях граждан, соответственно повышению качества продукции и услуг.

В-шестых, одновременное использование информации и отсутствие конкуренции в использовании знаний и информации в силу того, что пользователем базы данных или базы знаний могут быть одновременно несколько потребителей.

В-седьмых, возможность накопления и хранения больших объемов информации, осуществление ее автоматической переработки и анализа.

Таким образом, значимость цифровых технологий велика, использование их потенциала способно выстроить новый цифровой мир. Однако таким миром также следует определенным образом управлять и предусматривать меры по обеспечению безопасности, защиты данных, предоставляемых для работы таких технологий.

Источники и литература

1. Алексей Козырев доложил в Совете Федерации о создании нормативно-правовой базы для цифровой экономики // URL: https://www.ruscable.ru/news/2017/12/11/Aleksej_Kozyrev_dolozhil_v_Sovete_Federatsii (дата обращения: 09.09.2020).

2. *Асеева И. А.* Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 124–137.

3. Аудитория Рунета в 2020 году пробьет планку в 100 млн пользователей // Российская газета, 2020, 15 апреля.

4. *Бисалиев А. С.* Проблемы внедрения цифровых технологий в сельском хозяйстве региона // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. - Уфа, 2020. – С. 122–124.

5. *Бисалиев А. С.* Цифровые технологии как основа эффективного развития агропромышленного комплекса // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 29–30.

6. В России вступает в силу закон о телемедицине // Российская газета, 2018, 1 января.

7. *Котова С. С., Хасанова И. И.* Технология формирования психолого-педагогической готовности педагогов к освоению новых видов деятельности в условиях цифрового образования // Акмеология профессионального образования: материалы XV Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2019. – С. 238–242.

8. *Маякова А. В.* Понятие и потенциальные положительные перспективы цифровизации // Медико-экологические информационные технологии – 2019: сборник научных статей по материалам XXII Международной научно-технической конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета / отв. ред. Н. А. Корневский. – Курск, 2019. – С. 105–109.

9. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7) // СПС «Консультант Плюс».

10. Наш ответ Да Винчи // Российская газета, 2019, 3 марта.

11. *Обидин К. В.* Использование цифровых технологий в доказывании отдельных видов преступлений // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2019. – С. 145–152.

12. *Осерская Е. В., Яковлева П. А., Шмелева С. О.* Внедрение цифровых технологий в ведение бухгалтерского учета // Экономика 2020: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей

Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 88–90.

13. Паспорт Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 г. № 9 // СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СПС «Консультант Плюс».

15. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация / Е. М. Анохина, Ю. В. Косов, В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2016. – № 10. – С. 8–26.

16. *Стельмашонко Е. В., Васильева И. Н.* Цифровые технологии обработки и защиты информации. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – 161 с.

17. *Анисимова А.С.* Международный механизм правового регулирования интернет-отношений в условиях глобализации // Теория государства и права. – 2019. – № 1. – С. 15-18.

18. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22-35.

ПОЗНАНИЕ ВРЕДА КАК ЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматривается вред как универсальная междисциплинарная категория, исследуемая различными науками. Сделан вывод о том, что общественная значимость вреда как объекта государственно-правового регулирования обусловлена его негативным воздействием на блага, закрепляемые правом. Познания вреда необходимо для его эффективного государственно-правового регулирования. Представлен перечень факторов, имеющих существенное значение при исследовании вреда как явления государственно-правовой действительности.

Ключевые слова: вред, категория вреда, благо, ценность, право, государственно-правовое регулирование.

KNOWLEDGE OF HARM AS A PHENOMENON OF STATE-LEGAL REALITY: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Annotation. The article considers harm as a universal interdisciplinary category studied by various Sciences. It is concluded that the social significance of harm as an object of state-legal regulation is due to its negative impact on the benefits secured by law. Knowledge of harm is necessary for its effective state and legal regulation. The list of factors that are important in the study of harm as a phenomenon of state-legal reality is presented.

---

* **Вильнова Валентина Андреевна**, аспирант 2 курса юридического факультета Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия. Научный руководитель: **Суменков Сергей Юрьевич**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, доктор юридических наук, доцент, г. Пенза, Россия.

Vilnova Valentina Andreevna, 2nd year postgraduate student of the faculty of law Penza state university, Penza, Russia. Scientific supervisor: **Sumenkov Sergey Yurievich**, doctor of legal sciences, associate professor Penza state university, Penza, Russia.

Key words: harm, category of harm, benefit, value, law, state and legal regulation.

Начиная с идей «естественного права», зародившихся в Древней Греции раскрывающих необходимость соблюдения разумного и справедливого порядка воздержания от вреда во благо человечеству, рассматривалась как гарантия существования и обеспечения субъективных прав граждан.

«Вред» – это многоаспектная категория, которая является объектом познания различных наук: лингвистики, медицины, естественных наук, гуманитарных, в том числе теории государства и права. Так, в лингвистике «вред» отражает оценочное отношение субъекта к какому-либо объекту с точки зрения его соответствия или несоответствия определенным ценностным критериям [17, с. 5].

Однако категория «вред» - это не только утилитарная оценка, это часть объективной действительности, которая отображается в сознании индивида, но не зависит от него. Вред как фактор социальной реальности всегда подразумевает негативное воздействие, которое может быть выражено как повреждение, убыток, ущерб, утрата [19].

Общественная значимость категории вреда обусловлена его разрушительной направленностью на все сферы жизнедеятельности общества. Объектами вреда всегда являются блага, имеющие социальную культурную ценность. Государство в силу своих властных полномочий берет на себя обязательства по обеспечению охраны и защиты населения от вреда, организации безопасного стабильного общественного пространства [16, с. 332]. Право нормативно закрепляет единую систему ценностей общества, и тем самым унифицирует понятие вреда, как посягательства на общественно-значимые блага, и противостоит ему посредством запретов и санкций. В этом проявляется его охранительная функция.

Материальное выражение вреда различно и его можно рассмотреть на примере исследования вреда отдельными науками. Все науки в той или иной степени касаются категории вреда, анализируют ее в рамках своего предмета исследования и создают комплекс превентивных мер для его предупреждения, который впоследствии получает правовое закрепление.

Например, медицинские науки, целью которых является укрепление и сохранение здоровья, продление жизни людей, преду-

преждение и лечение болезней человека, а также облегчение страданий от физических и психических недугов появились в результате наличия фактов причинения вреда здоровью и необходимости их устранения. В свою очередь, если вред здоровью человека нанесен виновными действиями другого лица, то такой вред становится объектом правового регулирования. В праве закреплены медицинские критерии для установления степени тяжести вреда здоровью, которые позволяют определить размер ответственности лица, виновного в его причинении [8; 9]. Жизнь и здоровье человека являются высшей ценностью, и охраняются государством посредством правовых запретов на причинение вреда, правовых предписаний по осуществлению и порядку оказания медицинской помощи [1; 7].

Вред, который исходит от космических объектов (астероидов, комет) исследуется астрономией. Если эти объекты имеют достаточно большие размеры и приближаются к земле на потенциально близкое расстояние, то возникает опасность нанесения глобального урона планете. Регулирование отношений по поводу возможного вреда в космическом пространстве осуществляется посредством международного космического права [2; 3].

Потенциальную вредоносность атомной энергии исследуют физические науки, которые в том числе разрабатывают комплекс мер по минимизации возможных рисков, правом в свою очередь закреплена массив норм, направленный на обеспечение безопасности при использовании атомной энергии - защиту отдельных лиц, населения и окружающей среды от радиационной опасности [5]; география исследует разрушительную силу природных явлений землетрясений, ураганов, составляет расчеты для определения возможной даты этих явлений, а комплекс мер по защите от вредоносного воздействия явлений природного и техногенного характера также закрепляется правом [4].

В окружающей среде вред может быть следствием не только природных сил, но и неразумной хозяйственной деятельности человека и такой вред исследуется совместно экологией и юриспруденцией. В юридической науке выработано понятие «экологический вред» – это следствие негативных изменений в состоянии окружающей природной среды, вызванных деятельностью человека и выражающихся в загрязнении природной среды, истощении природных ресурсов, нарушениях экологических систем, причинивших ущерб здоровью человека, растительному и животному миру, материаль-

ным ценностям [18, с. 5]. Правом закреплены государственные гарантии на благоприятную окружающую среду, санитарно-эпидемиологическое благополучие, порядок и основания государственного экологического надзора за состоянием окружающей среды. Данные правовые меры позволяют регулировать количественные и качественные показатели вреда в окружающей среде.

Экономическая наука закрепляет понятие экономического ущерба и методологические подходы к его оценке. Экономический ущерб от негативных воздействий на окружающую среду представляет собой экологическую составляющую общественно необходимых затрат. Это, прежде всего, издержки, связанные с влиянием загрязнения и других вредных воздействий на здоровье людей: недопроизводство дохода, затраты на лечение и т.д. Кроме того, антропогенные воздействия приводят к потерям продукции в промышленности, сельском хозяйстве, разрушению основных фондов и т.д.

Посягательство на основы политической власти, оказание давления на органы управления государством является объектом исследования политологии с точки зрения девиации функционирования общества, право устанавливает ответственности за подобные вредоносные действия.

Категория вреда оказывается на стыке различных наук и является объектом государственного и общественного контроля. Государством осуществляется мониторинг и контроль над действиями / деятельностью человека, способными причинить вред социально-значимым интересам. Посредством нравственной и правовой оценки обществом моделируется и поощряется социально-полезный тип поведения, а совершение вреда находится под запретом, нарушение которого влечет наказание, предусмотренное санкцией.

Необходимость ограничения поведения человека с целью защиты общественно-значимых интересов от вреда отмечалась многими исследователями. Источник зла, по мнению различных философов, сосредоточен в человеке и его тяге к чувственным удовольствиям [10, с. 79-80]. Так, с самого начала понимание вреда оказывается неразрывно связано с природой и характером человека, необходимостью ограничения его поведения правилами и запретами посредством государственного управления и права.

Аристотель также придерживался идеи о добродетельном поведении, и соответственно потребности человека воздерживаться от

совершения вреда (зла) для достижения собственного благополучия и счастья [10, с. 74].

Для эффективного регулирования вреда необходимо его теоретическое исследование. В то же время, познание вреда затрудняется тем, что он детерминирован различными социальными факторами, а именно исторической эпохой, культурой, социальной стратификацией, которые определяют иерархию ценностей, положенных в основу права. Лабильность категории вреда явно прослеживается в процессе исторического развития государства и права. Например, в период античности не являлось вредом использование человека как вещи, эксплуатация класса рабов соответствовала существующему способу производства, а в новое время в период буржуазных революций происходит формирование представлений о естественных правах человека и подобная эксплуатация человека уже неприемлема [12; 13, с. 137; 14]. В настоящее время использование рабского труда является уголовно наказуемым деянием.

Именно поэтому, как верно отмечает А. В. Малько: «ставить границы активности индивиду или группе лиц, когда она идет во вред обществу, противоречит общим интересам, - проблема, которую человечество решает уже многие тысячи лет» [15, с. 96].

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета, 2020, 4 июля; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

2. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (принята резолюцией № 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1971 г.).

3. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (принята 10.12.1976 г. резолюцией № 31/72 на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

4. Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 23.06.2020 г.) // Российская газета, 1994, 24 декабря.

5. Федеральный закон от 21.11.1995 г. № 170-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «Об использовании атомной энергии» // Российская газета, 1995, 28 ноября.

6. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «Об охране окружающей среды» // Парламентская газета, 2002, 12 января.

7. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. Г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 2011, 23 ноября.

8. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 г. № 522 (ред. от 17.11.2011 г.) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета, 2007, 24 августа.

9. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012 г.) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 г. № 12118) // Российская газета, 2008, 5 сентября.

10. *Философия: учебник* / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Мирнова, А. В. Разина. 6-е изд. – М.: Проспект, 2019. – 672 с.

11. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 640 с.

12. *История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов в 2 ч. Ч. 1* / под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд. – М.: Норма, 2004. – 624 с.

13. *Гоббс Т.* Левиафан. – М.: Рипол-Класик, 2017. – 608 с.; Локк Дж. Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 405 с.

14. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с франц. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.

15. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд. – М., 2003. – 250 с.

16. *Суменков С. Ю.* Ограничения в праве и исключения в праве: аспекты соотношения // *Юридическая техника*. – 2018. – № 12. – С. 330–337.

17. *Савельева Е. А.* Концептуализация утилитарных оценок полезный / вредный в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2014. – 23 с.

18. *Мисник Г. А.* Возмещение экологического вреда в российском праве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.

19. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: около 100.000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд. – М.: Оникс, 2009. – 1359 с.

20. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М.: Альта-Принт, 2008. – 1239 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Рассмотрено корпоративное регулирование с позиции конечного результата. Установлено, что корпоративное регулирование как конечный результат предполагает соответствие предписаний, содержащихся в корпоративных нормах, и фактически совершенных действий участниками корпоративных отношений. Выявлено, что соответствие действий участников корпоративных отношений предписаниям, содержащихся в корпоративных нормах, может реализовываться в таких формах как соблюдение, исполнение и использование. Проанализированы формы реализации корпоративных норм: соблюдение, исполнение и использование. Дано определение корпоративного регулирования.

Ключевые слова: корпоративная норма, норма права, корпоративное регулирование, правовое регулирование, корпоративное управление, корпорация, корпоративная организация.

TO THE PROBLEM OF UNDERSTANDING OF CORPORATE REGULATION

Annotation. The article considers corporate regulation from the perspective of the final result. It has been established that corporate regulation as an end result presupposes the compliance of the instructions contained in the corporate norms and the actual actions taken by the participants in corporate relations. It was revealed that the compliance of the actions of participants in corporate relations with the prescriptions contained in corporate norms can be implemented in such forms as compliance, execution and use. Analyzed the forms of implementation of corporate norms: compliance, implementation and use. The definition of corporate regulation is given.

Key words: corporate rule, rule of law, corporate regulation, legal regulation, corporate governance, corporation, corporate organization.

---

*Дружинин Глеб Викторович, преподаватель Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Druzhinin Gleb Viktorovich, lecturer of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Общество представляет собой сложный социальный организм, который нуждается в организованности и порядке, которые необходимы для достижения целей и удовлетворения потребностей общества. Организованность и порядок создаются, в первую очередь, благодаря социальному регулированию. Социальное регулирование осуществляется при помощи нормативных и индивидуальных средств воздействия, при этом при нормативном регулировании задействованы в большей степени социальные нормы, именно поэтому такое регулирование носит общий (абстрактный характер), поскольку рассчитано на неопределенное количество повторяющихся случаев.

По мнению Н. А. Пьянова, социальное регулирование в зависимости от вида социальной нормы, которая задействована в упорядочении общественных отношений, может подразделяться на следующие виды: правовое, моральное (нравственное), традиционное (обычное) и корпоративное регулирование [2, с. 111]. Следует согласиться с этим мнением, поскольку выделение такой классификация следует из законов логики.

Актуальность исследования корпоративного регулирования для теории права заключается в тесном взаимодействии правовых и корпоративных норм, и как следствие правового и корпоративного регулирования. Взаимодействие названных явлений проявляется в их взаимном влиянии друг на друга, так принимаемые в организации корпоративные нормы могут быть задействованы в механизме государственного управления. Важно отметить, что государство не является единственным субъектом, который разрабатывает эффективные механизмы регулирования, например, в процессе локального нормотворчества на уровне предприятий могут создаваться и устанавливаться эффективные средства и механизмы регулирования, ранее неизвестные государству.

В определенных случаях механизмы корпоративного регулирования, разработанные и установленные в организациях корпоративного типа, в силу их социально-экономической эффективности могут представлять интерес для государства и быть им реципированы в действующее законодательство.

Полагаем, что корпоративное регулирование можно рассматривать с позиции конечного результата.

Под корпоративным регулированием как конечным результатом можно понимать достижение полного соответствия между тем, что предписано корпоративными нормами и фактически последовавшими действиями со стороны участников корпоративных отношений. Соответствие действий участников корпоративных отношений предписаниям, содержащимся в корпоративных нормах, может реализовываться в таких формах как соблюдение, исполнение и использование. Реализация корпоративных норм в указанных формах возможна в силу их регулятивной природы.

Первая форма реализации соблюдение корпоративных норм и правил предполагает, что участник корпоративных отношений воздерживается от совершения определенных действий. При этом соблюдение предполагает пассивную форму поведения участника корпоративных отношений.

Например, в корпоративных организациях могут быть установлены правила, закрепляющие обязанность участника (учредителя) корпорации не совершать определенных действий. Так, согласно содержанию постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2019 № 09АП-24716/2019 по делу № А40-297036/2018 [3], в Обществе с ограниченной ответственностью «Прокомплект.ру» (далее – ООО «Промкомплект.ру») на внеочередном общем собрании участников (учредителей) было принято Положения о порядке ознакомления с документами общества (далее – Положение ООО «Промкомплект.ру»), которое устанавливало режим защиты информации, составляющей коммерческую тайну общества.

Положение ООО «Промкомплект.ру» было принято в соответствии с пунктом 5.1.5 устава ООО «Промкомплект.ру», который обязывал участника (учредителя) не совершать действия, затрудняющие деятельность общества, которые могут произойти при раскрытии коммерческой тайны, применительно к отношениям, связанным с предоставлением документов, содержащих конфиденциальную информацию.

Соответственно, при соблюдении указанной корпоративной нормы от участника (учредителя) ООО «Промкомплект.ру» требовалось воздержаться от совершения действий, которые могли повлечь разглашение конфиденциальной информации и как следствие затруднить деятельность общества.

Второй формой реализации корпоративных норм является их исполнение. Исполнение корпоративных норм является активной

формой реализации, поскольку в отличие от соблюдения предполагает уже совершение участником корпоративных отношений определенные действия по исполнению возложенных на него обязанностей.

Так в такой форме корпоративной организации как товарищество товарищ обязан участвовать в деятельности товарищества, что неизменно отражается в товарищеском договоре. Заметим, что обязанность принимать участие может проявляться по-разному: быть имущественным, состоять в совершении сделок, оказании услуг от имени товарищества или в изготовлении вещей своими усилиями и трудом [1, с. 136-139]. В любом случае лицо обязано совершить активные действия, которые будут оценены другими участниками товарищества как исполнение возложенной на участника корпоративных отношений обязанности.

Третья форма реализации корпоративных норм является использование. Важно понимать, что использование корпоративной нормы допустимо в том случае, когда корпоративное предписание, зафиксированное в норме, содержит указание на обладание корпоративных прав участником корпоративных отношений. Например, из текста решения Арбитражного суда г. Москвы от 28.07.2008 по делу № А40-12731/08-57-80 [4] следует, что пунктом 7.2. Устава Общества с ограниченной ответственностью «Союзпатент» был установлен механизм выхода участника из общества, предполагающий направление заявления о выходе из состава участников общества в адрес общего собрания. Реализация такого права, закрепленного в корпоративном документе (в данном случае в уставе) представляет собой такую форму реализации корпоративного предписания как использование.

Корпоративные нормы, которые содержатся в корпоративных письменных актах, предполагают определенную модель поведения, которая воспринимается участниками корпоративных отношений в качестве образца поведения. Поэтому, конечным (итоговым) результатом корпоративного регулирования является достижение соответствия между тем, что предписано в корпоративных нормах, т.е. тем образцом поведения, который заложен в корпоративной норме, и фактическим поведением участников корпоративных отношений.

Таким образом, результат корпоративного регулирования можно обозначить как выстроенный порядок, т.е. ожидаемое и предсказуемое поведение со стороны участников корпоративных отно-

шений, которое достигается за счет таких форм реализации корпоративных норм как исполнение, соблюдение и использование.

С учетом приведенного выше подхода к пониманию корпоративного регулирования, установим основные признаки корпоративного регулирования и дадим определение такому явлению как «корпоративное регулирование».

Во-первых, это один из видов социально-нормативного регулирования, т.е. регулирования, связанного с упорядочением корпоративных общественных отношений. При корпоративном регулировании происходит упорядочение общественных отношений, возникающих как внутри корпоративной организации, так и между несколькими корпоративными организациями. Данное регулирование при этом может осуществляться разными социальными регуляторами, но первостепенная роль отводится корпоративным нормам.

Во-вторых, это определенное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения. Регулирование предполагает придания порядка и упорядочивания, приведение чего-либо в систему. Поэтому корпоративное регулирование выступает как целенаправленное воздействие на общественные отношения, в результате которого они приводятся в упорядоченную систему и в корпорации создается определенный порядок.

В-третьих, корпоративное регулирование осуществляется корпоративной организацией в лице ее органов управления. Воздействие всегда предполагает конструкцию субъект-объект, поэтому субъектом выступает корпоративный орган управления, а объектом корпоративные отношения. Если при правовом регулировании право устанавливается или санкционируется государством, то при корпоративном регулировании корпоративные нормы устанавливаются органами корпорации. Такие корпоративные нормы, как уже было указано ранее, могут содержаться в уставах, регламентах, положениях корпорации.

В-четвертых, поскольку корпоративное регулирование выступает целенаправленной деятельностью, Основными целями корпоративного регулирования является создание стабильного, устойчивого и не подвластного произволу со стороны третьих лиц порядка в корпоративной организации.

В-пятых, одна из форм воздействия правил поведения на внутрикорпоративные и связанные с ними отношения. Наряду с другой формой воздействия – правовым регулированием, корпоратив-

ное регулирование обладает возможностью задействовать различными способами (методы) и средствами воздействия на внутрикорпоративные и связанные с ними отношения.

С учетом указанных признаков можно дать следующее определение корпоративному регулированию: под корпоративным регулированием следует понимать осуществляемое с помощью корпоративных и иных социальных норм, в том числе норм позитивного права воздействие на внутрикорпоративные и связанные с ними общественные отношения с целью их упорядочения.

Данное определение, которое сформировано нами, рассматривает корпоративное регулирование с позиции широкого подхода, при данном подходе предполагается, что упорядочивание корпоративных отношений задействованы не только корпоративные нормы, но, в том числе, и нормы позитивного права. Если подходить к рассмотрению корпоративного регулирования с позиции узкого подхода, то под корпоративным регулированием следует понимать осуществляемое с помощью корпоративных норм воздействие на внутрикорпоративные и связанные с ними общественные отношения с целью их упорядочения. Как следует из узкого подхода к определению корпоративного регулирования основным и единственным средством воздействия на корпоративные отношения выступает корпоративная норма.

Источники и литература

1. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
2. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права. Часть 2. Теория права: учебное пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 457 с.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2019 г. № 09АП-24716/2019 по делу № А40-297036/2018 [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (20.10.2020 г.)
4. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.07.2008 г. по делу № А40-12731/08-57-80 [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (20.10.2020 г.).

К ВОПРОСУ ТЕОРИИ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются общее и особенное в принципах российского права, излагаются основные подходы к их реализации в нормах материального и процессуального права. Автор отстаивает преимущество теоретических взглядов на правовую форму закрепления принципов, как особое правовое средство регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: принцип, правовой принцип, норма права, отрасли права, диссертации о принципах права.

ON THE ISSUE OF THE THEORY OF THE PRINCIPLES OF RUSSIAN LAW

Annotation. The article examines the general and specific in the principles of Russian law, outlines the main approaches to their implementation in the norms of substantive and procedural law. The author defends the advantage of theoretical views on the legal form of consolidating the principles, as a special legal means of regulating social relations.

Key words: principle, legal principle, rule of law, branches of law, dissertations on the principles of law.

Научная категория «принцип» проявляется в самых различных сферах государственной и общественной жизни: экономической, политической, социальной, духовной. Правовая сфера также не осталась в стороне, в ней активно используется эта идея, причем существуют различные подходы к раскрытию понятия «принцип».

В общей теории государства и права эта категория является одной из основных, так как дает нам представление о наиболее важ-

---

* **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: wladskom@mail.ru

Komarov Vladimir Sergeevich, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: wladskom@mail.ru

ных, существенных сторонах построения государственно-правовой реальности. С.С. Алексеев рассматривал правовые принципы как «сквозные «идеи»», которые «реально выражены в самой материи права», «как бы «растворены» [в нем]... пронизывают собой многие правовые нормы» [2, с. 100-101].

Например, метод теории государства и права, будучи сложным по своей структуре, представляет собой применение обусловленной философским мировоззрением внутренне организованной системы общенаучных, общелогических и частнонаучных принципов, приемов, средств познания государственно-правовой надстройки [4, с. 37].

Бывают ситуации, когда принцип лежит в основе возникновения новых общественных отношений, с необходимостью порождает их бытие, иными словами вызывает к жизни новые, к которым законодатель сознательно стремится. В целом отмена феодальных привилегий и введение принципа свободы частной собственности приводят к возникновению нового отношения, которое создается в ходе буржуазной революции. Национализация земли и объектов крупной частной собственности повлекла возникновение социалистических производственных отношений [4, с. 84]. В свою очередь приватизация собственности в Российском государстве в 90-е годы прошлого столетия привела к появлению частно-собственнических отношений, прежде всего, в экономической сфере жизни общества.

Надо отметить, что принципы не являются вечно данными, они меняются и порождают в современных условиях различные тенденции, начиная от стабильности, так и нестабильности, что приводит к попыткам изменить сложившийся порядок реализации государственно-правовых явлений. Например, попытка южных штатов выйти из состава США привела к Гражданской войне 1861-1865 гг. и к утверждению принципа неделимости федерации, получившего подтверждение в решении Верховного суда США о том, что Соединенные Штаты есть нерушимый союз, состоящий из нерушимых штатов. По мере скатывания США к большему политическому расколу этот принцип все чаще подвергается сомнению.

С точки зрения взаимодействия государства и общества наиболее последовательно принципы проявляются в основе организации и деятельности государственного аппарата, ибо они осуществляются на основе руководящих идей, основополагающих начал, лежащих в основе его создания и функционирования. Они проявляют-

ся в деятельности как государственного аппарата в целом, так и в его отдельных частях, структурно обособленных единицах.

В целом все принципы закреплены в Конституции России, однако в федеральных законах и других нормативных правовых актах они могут быть развиты и дополнены. Например, принципом деятельности органов прокуратуры является их независимость от каких-либо иных органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней.

В юридической литературе тема принципов особенно активно рассматривается применительно к праву. Достаточно сказать, что за последние годы по юриспруденции были защищены ряд диссертаций. Причем принципы права не нашли равнодушных среди специалистов различных отраслей как материального права [5], так и процессуального права.

Например, А.А. Трефилов считает, что «принципы уголовного процесса представляют собой фундаментальные начала, отражающие его построение, структуру, сущность, движение дела по стадиям, систему уголовно-процессуальных функций и мер принуждения» [7].

При этом очень важно подчеркнуть, что принципы права должны быть зафиксированы в российском законодательстве, иметь так называемую «правовую оболочку»! Следует согласиться с С.А. Комаровым в том, что «нормы-принципы не содержат явно выраженных элементов норм права, они являются результатом нормативных обобщений, выражают социальное содержание всех норм права данной группы. В некоторых отраслях права нормы-принципы позволяют непосредственно регулировать отношения, специально не урегулированные конкретными нормами. Так, например, принципы гражданского права являются непосредственным основанием для применения аналогии права [4, с. 330]. Поэтому трудно согласиться с утверждением О.А. Кузнецовой, что принципы права могут выводиться «из его смысла (принципы-идеи, косвенные принципы)» [5, с. 83-85].

Примером правовой четкости, определённости нормы права, содержащей принцип, является п. 6 ст. 3 НК РФ: «При установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения. Акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы, страховые взносы), когда и в каком порядке он должен пла-

тить» [1]. Такой подход будет приемлемым для всех иных нормативных правовых актов органов государственной власти, в которых речь идет о налогах и сборах.

В этой связи следует поддержать точку зрения В.Д. Филимонова, который справедливо считает, что принципы уголовного права — это требования, определяющие *содержание его норм, устанавливающих ответственность за совершение конкретных преступлений, а также основание, условия и характер уголовной ответственности* (курсив – мой, - В.К.); они могут выполнить свою функцию только в том случае, если будут соответствовать социально-экономической обстановке в стране, международно-правовым актам о правах человека и стоящим перед государством задачам по борьбе с преступностью [8, с. 5].

Рассуждая о принципах российского права, не следует забывать и о том, что они бывают общими, межотраслевыми и отраслевыми. Но в любом случае они есть правовое средство воздействия на общественное отношение, а будучи закрепленным в правовом сознании правоприменителя, вполне способно разрешать «конфликты между общими (публичными) и частными интересами, а также между интересами частных лиц. Можно констатировать, что анализ принципов права более активно осуществляется в отраслевых юридических науках, чем в теории государства и права.

В современном публичном праве, исходя из принципа соразмерности, определяются пределы властных полномочий органов государства и допустимость ограничений прав человека, в том числе адекватность мер юридической ответственности совершенному правонарушению. Частное право в целом базируется на принципе соразмерности, поскольку оно может быть представлено как правила эквивалентного социального обмена между частными лицами» [3, с. 3].

Источники и литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ст. 3, п. 6) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/d03926665abaf79635a902fe666ce607ad1cdab0/

2. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – М.: Статут, 2010. – С. 100–101.

3. *Бажанов А.А.* Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 3.

4. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – С. 37.

5. *Кузнецова О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – С. 83–85.

6. *Смирнова А.В.* Принципы права в системе источников современного российского права: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 188 с.; *Бажанов А.А.* Соразмерность как принцип права: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019 – 193 с.; *Воронов И.Ю.* Основополагающие принципы российского права и российско-го трудового права: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 215 с.; *Рябко Н.В.* Принципы противодействия преступности в международном и российском уголовном законодательстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 206 с.; *Сидоркин А.С.* Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 207 с.; *Татарников А.В.* Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 169 с.; *Захарова К.С.* Системные связи принципов права: теоретические проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 255 с.; *Кондратюк Д.Л.* Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: На примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006; *Иванова С.А.* Принцип справедливости в гражданском праве России: дисс. ... док. юрид. наук. – М., 2006. – 415 с.; *Лаврусъ С.Ю.* Реализация принципов права в юридической практике: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 239 с.; *Овод А.В.* Принцип законности в публичном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 286 с.; *Волосатова Л.В.* Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 195 с.; *Вагина Н.М.* Принципы публичного права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – 357 с.; *Захаров А.Л.* Межотраслевые принципы права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 357 с.; *Чернов К.А.* Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2003. – 230 с.; *Ведяхина К.В.* Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права:

дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 255 с.; *Фролов С.Е.* Принципы права: вопросы теории и методологии: дисс. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2001. – 168 с. и др.

7. См.: *Трефилов А.А.* Система принципов в уголовном процессе Швейцарии // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2018. – № 2. – С. 170. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.2.170.192

8. *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права: монография. – М.: «АО Центр ЮрИнфоР», 2002. – С. 5.

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость поиска новых подходов к изучению правовой культуры, в том числе в рамках междисциплинарных исследований в области права и литературы. Одним из таких подходов является тео-аксиологический подход, применяемый в современных исследованиях словесной культуры. На примерах из текстов художественных произведений показана роль православной литературы в формировании правосознания и правовой культуры России.

Ключевые слова: христианство, православие, русская литература, право, правовая культура, тео-аксиологический подход.

THE ROLE OF ORTHODOX LITERATURE IN THE GENESIS OF LEGAL CULTURE IN RUSSIA

Annotation. The article substantiates the need to seek new approaches to the study of legal culture and, notably, in the interdisciplinary research of Law and literature. One such approach is theo-axiological, used in modern studies of verbal culture. Based on examples from literary works, the article reveals the role of Orthodox literature in the formation of the legal consciousness and legal culture in Russia.

Key words: Christianity, orthodoxy, Russian literature, law, legal culture, theo-axiological approach.

В России долгое время правовая культура являлась предметом теоретических исследований в области права. В настоящее время вектор исследований изменился. Причиной этого является признание факта, что правовая культура современной России находится в упадке. Поиск путей развития правовой культуры общества привел к тому, что изменилась и методология исследований в этой области.

---

* Куприянова Александра Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Kupriyanova Alexandra Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor, Transbaikal state university, Chita, Russia.

В зарубежных междисциплинарных исследованиях в 70-е годы XX века появились исследования, которые обозначались термином «право и литература». В настоящее время можно говорить о самостоятельном научном направлении, внутри которого выделяется две ветви: исследования темы права в литературных произведениях и исследования правовых текстов с помощью подходов и методов, применяемых к изучению литературных произведений. Начав свое становление в США, научное направление «право и литература» в последние десятилетия активно развивается в Европе [3].

В России одной из первых работ в рамках этого направления можно считать работу И. Т. Голякова «Суд и законность в художественной литературе» [5]. Позднее о взаимодействии права и литературы писал А. И. Алексеев [1]. Уголовно-правовому и криминологическому исследованию произведений русской классической литературы XIX века посвящена книга К. В. Харабета «Преступление и наказание. Закон и порядок в русской классической литературе XIX века» [20]. Один из ведущих современных юристов А. В. Наумов неоднократно подчеркивал, что чтение классической литературы для юриста не менее важно, чем изучение учебной и научной литературы [15, с. 4-5].

Необходимо отметить и появление в юридических вузах новой учебной дисциплины «Право и история художественной культуры» [17]. О. Н. Бибик, ссылаясь на работу В. А. Бачинина «Философия права и преступления», отмечает выделение такого направления, как криминография, под которым понимается описание преступления в документальной, публицистической, художественной литературе [2, с. 104]. Изучением вопроса о взаимодействия права и литературы занимаются большей частью юристы, однако и филологи, в свою очередь, предлагают создание научного направления на границе юриспруденции и литературоведения – «правовой филологии» [18, с. 154]. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть исследований проведена в области взаимодействия литературы и уголовного права, являющегося важнейшей правовой отраслью.

Возвращаясь к вопросу о правовой культуре, отметим, что о ней также можно говорить с учетом предмета и метода регулирования определенных отраслей права. Так, можно говорить о правовой культуре применительно к уголовному, гражданскому, семейному праву. Уголовное право является важнейшей отраслью права, поэтому остановимся на рассмотрении вопроса о том, какую роль пра-

вославная литература играла в становлении и развитии уголовно-правовой культуры в России.

В теории права и государства существует много определений понятия «правовая культура». Это связано с тем, что к ее изучению применяются различные подходы – философский, антропологический, социологический, информационно-семиотический и другие, в соответствии с которыми исследователи выделяют те или иные стороны правовой культуры. Особо следует выделить аксиологический подход [4; 16], применение которого в исследованиях уголовно-правовой культуры помогает решить вопросы соотношения права и нравственности, обусловленности выбора в качестве объектов уголовно-правовой охраны определенных ценностей, раскрыть содержание принципов уголовного права, одним из которых является принцип справедливости.

Результатом обобщения различных позиций можно считать комплексный подход к определению правовой культуры, в соответствии с которым ее можно понимать как «совокупность всех материальных и духовных достижений в правовой жизни индивида и общества в целом» [12, с. 18].

Однако на этом не заканчивается изучение правовой культуры. Интеграция права и таких наук, как история, этнология, культурология, и, как следствие, взаимное их обогащение стала одной из важнейших примет современных исследований в области права. Используя достижения междисциплинарных исследований в области права и литературы, следует обратить внимание на новейшие исследования в культурологии, связанные с решением проблемы целостности духовного смысла в русской словесной культуре.

Изучение правовой и, в частности, уголовно-правовой культуры, по крайней мере, в ее ретроспективе, возможно и с применением тео-аксиологического подхода [14]. Данный подход может способствовать целостному восприятию уголовного права, имеющего в своей основе нравственно-религиозные нормы и являющегося одним из достижений духовной культуры человечества в области регулирования отношений между людьми.

После принятия христианства в 988 году право и правовая культура Древней Руси претерпели значительные изменения. Анализируя важнейший правовой акт Древней Руси – Русскую Правду, ученые отмечают соединение в нем черт правового обычая, долгое время господствовавшего в качестве источника права, и норм, сфор-

мировавшихся под влиянием византийского права. Эта особенность позволяет сделать вывод о религиозной основе одной из важнейших отраслей права – уголовного права [10, с. 4].

Возникновение и дальнейшее развитие литературы Древней Руси также связано с принятием христианства на Руси с той лишь разницей, что влияние было более сильным. Формирование представлений читателя о религиозной картине мира, обучение нравственным нормам являлось одной из главных задач древнерусской литературы Древней Руси, что отражало одну из ее особенностей – религиозно-учительный характер. [13, с. 9]. Исследователи отмечают, что «появившаяся с принятием христианства церковная литература... была направлена на духовное пересоздание людей» [19, с. 72]. В этот исторический период возникла и ее особая взаимная связь с правом: древнерусская литература не только отражала правовые реалии того времени и отношение к ним населения, но и являлась источником правовых знаний и мощным инструментом формирования правосознания и правовой культуры общества, определяя христианские представления о должном и недолжном поведении в качестве нравственно-религиозной основы права.

История «взаимодействия» права и литературы начинается с известного памятника древнерусской литературы – «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, главной мыслью которого является мысль о превосходстве христианства над иудаизмом [13, с. 27]. И. А. Исаев отмечает, что это произведение является одним из первых трактатов, «в котором разбираются теологические и правовые концепции византийской политической и правовой культуры, которые автор сопоставляет с исконно русской национальной и духовной традицией» [11, с. 6].

Ключевым моментом в процессе становления уголовно-правовой культуры России является формирование в древнерусском праве понимания преступного деяния как греха – посягательства на божественные установления [6, с. 167 – 168]. Вопрос о соотношении греха и преступления станет с этого момента одним из важнейших и для православной русской литературы. На примере одного из самых ярких произведений литературы Древней Руси – «Повести о Борисе и Глебе» Нестора-летописца, написанной в XI веке, рассмотрим, как формируется правосознание и правовая культура древнерусского человека на основе христианских ценностей. В повести рассказывается об убийстве захватившим киевский престол князем Святопол-

ком своих братьев Бориса и Глеба, причисленных позднее к лику святых. В этом произведении можно увидеть несколько идей, которые найдут свое развитие в более поздних произведениях русской классической литературы.

Во-первых, отметим, что братоубийство, восходящее к библейской истории о Каине и Авеле, в сознании древнерусского человека не столько является нарушением формальных запретов, сколько грехом – посягательством на волю Бога.

Во-вторых, в повести четко прослеживается мысль о том, что грех порождает еще больший грех. Встав на путь греха, Святополк уже не может остановиться и продолжает совершать злодеяния: «и не остановился на этом убийстве Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном, и тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства» [9, с. 101]. Эта мысль получит свое развитие в произведениях Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и других авторов, а в уголовно-правовых и криминологических исследованиях найдет свое отражение, например, в исследованиях о самодетерминации преступности.

В-третьих, в произведении показано понимание сути наказания, которое не ограничивается реакцией общества на поведение человека, преступившего закон. Наказанный безумием и изгнанный с Русской земли Святополк не только лишился всего, что получил в результате своих преступных деяний, но погубил свою душу: «И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти – муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан» [9, с. 105 – 106]. Эта мысль находит свое продолжение в произведениях Ф.М. Достоевского. Так, наказание Раскольникова заключается не в том, что он приговорен «к каторжной работе второго разряда, на срок всего только восьми лет» [8, с. 471], но в преодолении зла в душе путем страдания и покаяния, что соответствует православному представлению об избавлении от греха.

В-четвертых, в повести можно увидеть и формирование особого отношения древнерусского человека к преступнику с нравственно-религиозных позиций. Закрепившееся за Святополком про-

звище «Окаянный» имеет несколько значений: с одной стороны – это проклятый, нечестивый, преданный общему поруганию человек, с другой стороны – погибший духовно, несчастный [7, с. 663]. Такое отношение к преступнику, как к человеку, погубившему свою душу и от этого несчастному, прочно закрепится в сознании русского человека и найдет свое отражение в произведениях русской классической литературы. Обращаясь вновь к роману Ф. М. Достоевского, вспомним, как Соня восприняла известие о том, что Раскольников совершил убийство: «вдруг, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего перед ним на колени.

– Что вы, что вы это над собой сделали! – отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею, обняла его и крепко-крепко сжала его руками» [8, с. 366].

Этот краткий, точечный анализ позволяет сделать вывод об особой системе уголовно-правовых ценностей, ядром которой выступают божественные заповеди, нарушение которых и является преступлением в понимании древнерусского человека. Но обращение к более поздним литературным произведениям приводит к мысли, что эта система ценностей в основе своей не претерпела изменений.

В русской литературе так же, как и в зарубежной, можно найти много примеров описания преступных деяний, попыток объяснения причин и условий совершения преступлений и исследования личности преступника, но, в отличие от зарубежных исследований, изучение права и литературы в России с позиций теоаксиологического подхода представляет уникальную возможность уяснить, что уголовное право России имеет нравственно-религиозную основу. В системе ценностей уголовно-правовой российской культуры изначально находились христианские ценности, и их главенствующая роль не утрачена в сознании русского человека до настоящего времени. Православная литература с момента ее возникновения активно способствовала формированию представлений человека о добре и зле, нравственном и безнравственном, грехе и покаянии, милосердии и жестокости, и эти представления нашли свое отражение в уголовно-правовой культуре, являющейся составной частью духовной культуры России. Поиск духовных смыслов, определение высших ценностей в русской культуре, в том числе правовой, позволит человеку преобразиться, встать на путь преодоления греха и стремления к духовному идеалу.

Источники и литература

1. *Алексеев А. И.* Музы и право. – М.: Норма, 2003. – 176 с.
2. *Бибик О. Н.* Введение в культурологию уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 352 с.
3. *Борщ И. В.* «Право и литература» – направление в зарубежных междисциплинарных исследованиях // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 73–81.
4. *Бочкарев С. А.* Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 73–80 //URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/issue/view/1096>. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS.24> (дата обращения 10.03.2020).
5. *Голяков И. Т.* Суд и законность в художественной литературе. – М.: Госюриздат, 1959. – 360 с.
6. *Георгиевский Э. В.* Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 320 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2: И – О. – М.: РИПОЛ Классик, 2006. – 784 с.
8. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 10 т. – Т. 4. – М.: Литература; Престиж-книга; РИПОЛ Классик, 2005. – 496 с.
9. Древнерусская литература: сборник произведений древнерусской литературы. – М.: Дрофа, 2010. – 414 с.
10. *Зюбанов Ю. А.* Уголовный закон Древней Руси. К 1000-летию Правды Русской. – М.: Проспект, 2016. – 240 с.
11. *Исаев И. А.* Правовая культура России: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2015. – 96 с.
12. *Каландаришвили З. Н.* Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 10.
13. *Камедина Л. В.* Лекции по древнерусской литературе (XI – XVII вв.): учебно-метод. пособие. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2017. – 100 с.
14. *Камедина Л. В.* Духовные смыслы русской словесной культуры. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 284 с.
15. *Наумов А. В.* Преступление и наказание в истории России в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 752 с.

16. *Петручак Л. А.* Правовая культура: обоснование аксиологического подхода // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 31–39.

17. Право и история художественной культуры: учеб. пособие / под ред. М. М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 431 с.

18. *Сафронова Е.Ю.* Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846 – 1862 гг. / под науч. ред. С. М. Козловой. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. – 182 с.

19. *Скурат К. Е.* Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: ИЭОПГКО, 2006. – 128 с.

20. *Харабет К. В.* Преступление и наказание. Закон и порядок в русской классической литературе XIX века. – М.: РИПОЛ Классик, 2012. – 432 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ

Аннотация. В работе анализируются поправки к Конституции РФ в свете трансформации конституционных правоотношений. Автор делает вывод, что в России сформировалась общая тенденция централизации публичной власти на фоне формирующейся социальной государственной политики. При этом в Конституции РФ отсутствуют нормативные основы для формирования строительства цифрового государства и развития институтов информационного общества.

Ключевые слова: конституционные правоотношения, поправки к Конституции, государственные правоотношения, новации в конституционном праве, цифровое государство.

CONSTITUTIONAL-LEGAL RELATIONS IN THE LIGHT OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes amendments to the Constitution of the Russian Federation in the light of the transformation of constitutional legal relations. The author concludes that in Russia there is a general trend of centralization of public power against the background of the emerging social state policy. At the same time, the Constitution of the Russian Federation does not provide a regulatory framework for the formation of a digital state and the development of information society institutions.

Key words: constitutional legal relations, amendments to the Constitution, state legal relations, innovations in constitutional law, digital state.

---

* **Лунгу Евгения Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия.

Lungu Evgeniya Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor, Kuzbass Institute of the Federal penitentiary service of Russia, Novokuznetsk, Russia.

Ускорение темпов развития общественных отношений в первое десятилетие XXI века привнесли существенные изменения в конституционные правоотношения многих государств. По данным Экспертного института социальных исследований с начала XXI века 785 раз вносились поправки в действующие Конституции, новые Конституции были приняты в 57 государствах, в этот же период было проведено 95 наиболее заметных конституционных реформ [1]. Конституционные правоотношения охватили новые актуальные сферы, такие как экология, защита животных, научно-техническое развитие, защита персональных данных в Сети, расширение прав человека, включая свободу гендерного самоопределения, укрепление национального единства и национальных ценностей.

Темп изменений конституционных правоотношений в Российской Федерации в первые десятилетия XXI века также не отставал от общемирового уровня. В аналогичный период в Конституцию РФ вносились поправки в 2008 году, дважды в 2014 году и 2020 году. Анализ поправок к Конституции РФ позволяет выделить два основных направления. Это трансформация публичной власти и возвышение до конституционного уровня новых общественных отношений [2, с. 43-54; 6].

Трансформация конституционных правоотношений публичной власти вышла на конституционный уровень в 2008 г. и началась с увеличения сроков полномочий Президента РФ и Государственной Думы РФ (ч. 1 ст. 81 и ч. 1 ст. 96 Конституции РФ). Поправки к Конституции РФ не затрагивали конструктивных основ [9], но оформили политическую волю находящейся у власти элиты. В то же время п. «а» ч. 1 ст. 114 расширил парламентский контроль, закрепив контроль Государственной Думы над деятельностью Правительства РФ в форме ежегодных отчетов о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой. Данная новация не повлекла за собой признание за Федеральным Собранием РФ статуса контрольного органа, что по справедливому замечанию Ж.И. Овсепян, вполне соответствует уровню развития партийной системы, оказывающей существенное влияние на эффективность парламентского контроля [12, с. 79-83].

В 2014 году наметившиеся ранее изменения в системе публичной власти получили дальнейшее развитие. В частности: в состав Совета Федераций включили представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом РФ, число которых составляет не

более десяти процентов от числа членов Совета Федерации (ч. 2 ст. 95); отнесли к ведению Российской Федерации процессуальное законодательство в целом (п. «о» ст. 71); упразднили Высший Арбитражный суд РФ, и интегрировали арбитражные суды в систему судов общей юрисдикции (ст. 126).

Расширили полномочия Президента РФ по формированию органов Прокуратуры РФ, предоставив право, не только представлять Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора РФ, но и заместителей Генерального прокурора РФ, а также вносить в Совет Федерации предложения об освобождении от должности Генерального прокурора РФ и заместителей Генерального прокурора РФ; назначать на должность и освобождать от должности прокуроров субъектов РФ, а также иных прокуроров, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров (п. «е.1» ст. 71).

Оценивая поправки к Конституции РФ 2014 г. необходимо отметить, что они закрепили разнонаправленные тенденции. С одной стороны, статус Прокуратуры РФ был возвышен до конституционного уровня, а также была решена проблема дуализма судебной системы. С другой стороны, заметно снизилась самостоятельность органов Прокуратуры. Сложившийся уровень развития партийной системы по-прежнему не позволял выстроить эффективную парламентскую работу в процессе комплектования должностей Генерального Прокурора РФ, а также его заместителей. В результате, интеграции Прокуратуры РФ в систему правоохранительных органов продолжилось дальнейшее нарастание централизации государственной власти на фоне ликвидации наиболее эффективного элемента судебной защиты – Высшего Арбитражного Суда РФ.

Несмотря на то, что поправки к Конституции РФ 2014 года позиционировались как разовое явление, не предполагавшее дальнейшей трансформации конституционных правоотношений, уже в 2018 году прозвучали первые заявления крупных политиков о необходимости дальнейших изменений конституционных правоотношений. В своих публичных выступлениях В. В. Володин, Д. А. Медведев [8], В.Д. Зорькин [9], а затем и В. В. Путин [13] указывали на необходимость конституционных поправок. В научном мире идеи о необходимости проведения конституционной реформы получили как своих сторонников [3, с. 31-44], так и противников.

Конституционные поправки 2020 г. – самая крупная конституционная реформа в современной истории, цель которой обозначена в наименовании закона о поправках к Конституции, как совершенствование регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [7]. Необходимость реформирования публичной власти действительно назрела. Накопились вопросы относительно места в системе государственной власти Президента РФ, правового положения Правительства РФ, Федерального Собрания РФ и органов местного самоуправления, как собственно равновесия всей системы разделения властей.

Оценивая поправки к Конституции РФ необходимо отметить, что трансформация конституционных правоотношений затронула три основных направления: расширение перечня базовых конституционных ценностей, формирование «единства публичной власти» и изменение конфигурации органов государственной власти.

Поправки к Конституции РФ создали нормативную основу для появления целого ряда новых конституционных правоотношений, в частности «федеральных территорий». Положения о федеральных территориях внесены в ч.1 ст. 67 Конституции РФ и видимо получают развитие в случае принятия соответствующего федерального закона. В настоящее время, можно только предполагать какие территории и на каком основании получают статус федеральных, в чем будет состоять принципиальное отличие в правовом положении этих территорий. В научной литературе к категории федеральных территорий относят земли, находящиеся в федеральной собственности (среди них 95% лесных угодий). К ним также относятся: земли под объектами федеральной собственности, в том числе земли, используемые для нужд министерства обороны; земли для реализации таких проектов как: прокладывание трасс, расширение населенных пунктов, организация крупных мероприятий (Олимпиада, Чемпионат мира по футболу и пр.) [11, с. 241]. Закрепление этого вопроса на конституционном уровне в любом случае свидетельствует о важности решения этого вопроса для эффективной реализации государственных функций и задач.

Категория «публичная власть» несмотря на то, что является новеллой российского конституционного законодательства, по сути, достаточно давно и активно обсуждается в научном сообществе. В работах С. А. Авакьяна [4], А. А. Безуглова, С.А. Солдатова [5], Г. Н. Чеботарева [14, с. 19-23] отмечалась неоправданная разорванность

государственной власти и местного самоуправления. Закрепление системы публичной власти, принципов и целей ее реализации нормами Конституции РФ потребует разработки законодательной основы для реализации эффективных конституционных правоотношений в целях совместного эффективного решения задач в интересах населения (ч. 3 ст. 132).

Самую значительную группу составляют правоотношения, ранее существовавшие и возвышенные до конституционного уровня. В частности, правоотношения, вытекающие из правопреемства Союза ССР, а также преемственности в развитии Российского государства, обеспечения защиты исторической правды, признания детей важнейшим приоритетом государственной политики (ст. 67.1). Широкие правовые начала получили правоотношения в области культуры, (ч. 4 ст. 68) включая культурную самобытность всех народов и этнических общностей, а также поддержку соотечественников, проживающих за рубежом (ч. ч. 2, 3 ст. 69). Следуя общемировым тенденциям, Российская Федерация возвышает до конституционного уровня правоотношения в области информационных технологий, а также обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. п. «и», «м» ст. 71), парламентский контроль (ст. 103.1) и других.

Возвышение до конституционного уровня получили правоотношения, в самых разнообразных сферах включая установления новых конституционных ценностей, организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, социальной поддержки населения и здравоохранения. Данные положения не являются новеллами действующего законодательства, но по логике законодателей повысят уровень ответственности органов государственной власти и должностных лиц.

Второй по количеству изменений следует считать правоотношения, подвергнутые существенной конфигурации. В основном это правоотношения составляющие суть положения высших органов государственной власти. Поправки к главе 4 Конституции РФ подвели правовую базу под полномочия Президента РФ в области руководства отдельными органами федеральной власти (п. «д.1» ст. 83), а также закрепили полномочия Президента РФ по осуществлению общего руководства Правительством РФ (п. «б» ст. 83), формированию Счетной палаты РФ, прекращению полномочий судей высших

судебных органов (п. «е.3», «е.4» ст. 83). Существенно изменилось формирование Совета Федерации, в результате которой данная палата приобретает черты органа федерального представительства (ст. 95), расширены основания роспуска Государственной Думы (ч. 1 ст. 109).

Новации затронули правовое положение Правительства РФ, начиная с порядка формирования, включая распространение полномочий Правительства РФ на вновь возвышенные до конституционного уровня вопросы в сфере научно-технического развития, социальной защиты, волонтерской деятельности, экологического образования и целого ряда других сфер (ч. 1 ст. 114).

Несмотря на существенную трансформацию конституционных правоотношений, тем не менее, не определено место Президента РФ в системе разделения властей, вопросы ведения субъектов РФ и другие нерешенные ранее вопросы. В то же время в условиях стремления России войти в четвертую промышленную революцию, строительства цифрового государства и развития институтов информационного общества и формирования информационного и цифрового конституционализма необходимо закрепить на конституционном уровне правовые основы для развития данных правоотношений [10, с.43-58].

Таким образом, в свете поправок к Конституции РФ сформировалась общая тенденция централизации публичной власти на фоне формирующейся социальной государственной политики, опирающейся на историческое и культурное наследие народов Российской Федерации. При этом в Конституции РФ отсутствуют нормативные основы для формирования строительства цифрового государства и развития институтов информационного общества и формирования информационного и цифрового конституционализма.

Источники и литература

1. XXI век — обновление конституций: международный опыт. Доклад Экспертного института социальных исследований [электронный ресурс] [//http://eisg.ru/upload/iblock/12a/12a6d81e9d6ac30e50d603c137143950.pdf](http://eisg.ru/upload/iblock/12a/12a6d81e9d6ac30e50d603c137143950.pdf) (дата обращения: 24.08.2020).

2. *Авакьян С. А.* Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2003. – №11. – С. 43–54.

3. *Авакьян С. А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грянет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 31–44.

4. *Авакьян С. А.* Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 5–15.

5. *Безуглов А. А., Солдатов С. А.* Конституционное право России: учебник в 3 т. – М.: Профобразование, 2001. – Т. 1. – 351 с.

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

8. *Медведев Д.А.* 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. – 2018. – № 12. – С. 8-16.

9. *Зорькин В.Д.*: увеличение президентского срока меняет облик, но не основу Конституции [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/45258> (дата обращения: 8.10.2020).

10. *Кравец И. А.* Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) // LEX RUSSICA. – 2020. – № 1 (158). – С. 43–58.

11. *Медведев И. П.* Разрешение городских конфликтов. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 372 с.

12. *Овсепян Ж. И.* Изменения в Конституцию РФ: некоторые тенденции // Российское право: образование, наука, практика. – 2014. – № 2. – С. 79–83.

13. *Путин В.В.* О том, нужно ли менять Конституцию // Российская газета, 2019, 20 декабря.

14. *Чеботарев Г. Н.* Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 3. – С. 19–23.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Репродуктивные права человека и гражданина есть новый институт законодательства, сложивший во второй половине XX века. Данные права закреплены в международных правовых актах и связаны с основными конституционными правами граждан Российской Федерации. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует законодательное определение репродуктивных прав, отсюда остается открытым вопрос об их содержании. Данной проблеме посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: репродукция, право на жизнь, здоровье, продолжение рода, неприкосновенность частной жизни, аборт, стерилизация, применение методов вспомогательной репродукции человека.

THE LEGAL NATURE OF REPRODUCTIVE HUMAN RIGHTS

Annotation. Human and civil reproductive rights are a new institution of legislation that emerged in the second half of the XX century. These rights are enshrined in international legal acts and are linked to the basic constitutional rights of citizens of the Russian Federation. To date, there is no legal definition of reproductive rights in Russian legislation, so the question of their content remains open. This article is devoted to this problem.

Key words: reproduction, the right to life, health, procreation, privacy, abortion, sterilization, the use of methods of assisted human reproduction.

Репродуктивное здоровье является важнейшей частью общего здоровья и для большинства людей является залогом семейного и личного счастья. Понятие «репродуктивное здоровье» возникло в 1980-х годах и по содержанию тесно связано с репродуктивными

***Мерзлякова Ирина Станиславовна**, кандидат культурологии, доцент Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Merzlyakova Irina Stanislavovna, PhD in Culturology, associate professor of Zabaikalskiy state university, Chita, Russia.

правами женщин и мужчин. Права, связанные с принятием репродуктивного решения, были признаны в решениях ООН еще в 1968 году.

Концепция репродуктивных прав получает свое развитие в содержании следующих ключевых международных правовых актов: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 года); Декларация Международной конференции ООН по правам человека (Тегеран, 1968 год); Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1979 год); Конвенция ООН о правах ребенка (1989 год); Материалы Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993 год); Материалы международных конференций по проблемам народонаселения и развития (Бухарест, 1974 год; Мехико, 1984 год); Программа действий, принятая Международной конференцией по народонаселению и развитию (Каир, 1994 год); Декларация и Программа действий, принятые главами государств, на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 1995 год); Декларация и Платформа действий, принятые Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин (Пекин, 1995 год) [4, с. 364-365].

В настоящее время репродуктивные права человека относятся к общепризнанным правам, и появилось мнение, что репродуктивные права можно отнести к четвертому, новейшему поколению прав и свобод человека: «в связи с нарастанием негативных тенденций в демографической ситуации в стране, с ухудшением репродуктивного здоровья мужчин и женщин, а, следовательно, с появлением новых методов преодоления бесплодия, специалисты заговорили о перспективе формирования нового поколения прав человека, связанного с сохранением репродуктивного здоровья нации» [2].

Самая значимая для развития и закрепления репродуктивных прав является Программа действий, принятая на Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире. Глава 7 данной программы посвящена репродуктивным правам. Следует отметить, что в ней впервые было закреплено определение репродуктивного здоровья как состояния полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов. В программе отмечается, что основой репродуктивных прав выступают права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно ко-

личества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения. Также данное право предполагает доступ к информации и средствам, необходимым для достижения максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья [9].

Всемирная организация здравоохранения раскрывает репродуктивные права как «право мужчин и женщин на получение информации и на доступ к безопасным, эффективным, недорогим и доступным способам регулирования рождаемости, в соответствии с их выбором, а также право на доступ к надлежащим службам здравоохранения, которые могут обеспечить для женщин безопасные беременность и роды, а также создать для супружеских пар наилучшие возможности для того, чтобы иметь здорового ребенка»[3].

В России нет законодательного определения репродуктивных прав, как и закрепления ряда прав, входящего в него. Поэтому следует обратиться к доктринальным учениям о репродуктивных правах.

В России о реализации репродуктивных прав с помощью вспомогательных репродуктивных технологий в научной литературе одной из первых заговорила О. А. Хазова. Под репродуктивными правами она понимает «права граждан, самостоятельно и свободно от какого бы то ни было принуждения, решать вопросы деторождения, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи».

О. А. Хазова считает, что репродуктивные права состоят из совокупности следующих прав:

- право на свободное принятие ответственного решения относительно количества детей, интервалов между их рождениями и времени их рождения;

- право на доступ к необходимым для этого информации и средствам;

- право достигать высших стандартов сексуального и репродуктивного здоровья, включая право принимать решения по вопросам, касающимся репродуктивного поведения в условиях отсутствия дискриминации, принуждения и насилия [11, с. 15-24].

Е. В. Перевозчикова определяет репродуктивные права как «права, связанные с реализацией различных аспектов продолжения рода (деторождения), в частности – с принятием решения о зачатии ребенка, с определением количества детей, интервалов между их рождением, с применением высоких репродуктивных технологий в

случае, если беременность не может наступить естественным путем». Она отмечает, что «репродуктивные права – это разновидность так называемых личностных прав, которые являются подвидом личных прав человека, закрепленных в Конституции РФ» [8, с. 16-23].

Ю. В. Павлова уделяет внимание институту репродуктивных прав, под которым понимает «права супружеских пар и отдельных лиц на достижение максимально высокого уровня репродуктивного здоровья, включающие право свободно и ответственно принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой-либо дискриминации, принуждения и насилия, располагать для этого необходимой информацией и средствами и иметь доступ к наиболее эффективным методам планирования семьи и методам преодоления бесплодия» [7].

Ю. В. Павлова отмечает, что репродуктивные права человека находят свое определение в том или ином конституционном праве (например, право на охрану здоровья, право на жизнь, право на государственную защиту своих прав и др.) и формирует следующий свод прав, составляющих репродуктивные права:

- право на свободный репродуктивный выбор и планирование семьи;
- право на получение информации по охране репродуктивного здоровья и планированию семьи;
- право на невмешательство в личную жизнь и конфиденциальность при получении услуг по охране репродуктивного здоровья;
- право на получение специализированной медицинской помощи в целях охраны репродуктивного здоровья;
- право на пользование достижениями научного прогресса в целях охраны репродуктивного здоровья и лечения бесплодия;
- право на донорство и хранение половых клеток;
- право человека на защиту своих репродуктивных прав [7].

К. В. Балакирева полагает, что «в целом репродуктивные права в той или иной степени включают право на контроль рождаемости (использование контрацептивов), безопасный и законный аборт, право на доступ к качественной акушерско-гинекологической помощи, на информацию и сексуальное образование. Репродуктивные права призваны достичь максимально высокого уровня репродуктивного здоровья, преодолеть бесплодие, защищать человека от принудительной стерилизации и абортов, а также обезопасить от распространенных в религиозных и обрядных культах увечий гени-

талий» [1]. Нужно заметить, что К. В. Балакирева практически единственная, кто в контексте репродуктивных прав, упоминает о необходимости защиты от возможных религиозных и обрядных увечий гениталий.

Е. Г. Соловьев в свою очередь отмечает, что «репродуктивные права в той или иной мере производны от основных прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ. Репродуктивным правам свойственны признаки, лежащие в основе конституционных прав и свобод человека и гражданина. Их наличие развивает, дополняет и конкретизирует основные права» [10]. Что, в общем-то, указывает на производный характер репродуктивных прав.

Репродуктивные права являются лишь одной из множества граней конституционных прав, их конкретизацией. Речь идет о таких конституционных правах как: право на свободу и личную неприкосновенность; право каждого человека и гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на неприкосновенность частной жизни; право на охрану личной и семейной тайны; недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица; защита государством материнства, детства и семьи и т.д.

Немаловажное значение в рамках раскрытия содержания репродуктивных прав имеет Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ст. 51 указанного закона гарантируется право каждого гражданина по медицинским показаниям на консультации без взимания платы по вопросам планирования семьи, наличия социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, по медико-психологическим аспектам семейно-брачных отношений, а также на медико-генетические и другие консультации и обследования в медицинских организациях государственной системы здравоохранения в целях предупреждения возможных наследственных и врожденных заболеваний у потомства.

Статья 56 № 323-ФЗ устанавливает право каждой женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве, а также право на искусственное прерывание беременности, которое по желанию женщины проводится при сроке беременности до двенадцати недель.

К репродуктивным правам относится право на медицинскую стерилизацию как на специальное медицинское вмешательство в

целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции. Возможность проведения такой стерилизации указана в статье 57 указанного закона – она может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина – независимо от возраста и наличия детей.

А также к репродуктивному праву относится право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, которое регулируется статьей 55 цитируемого закона [5].

Безусловно, институт репродуктивных прав носит достаточно интимный характер, и необходимо не нарушать очень тонкую грань, между тем, что можно регулировать правовыми нормами и куда государство может вмешиваться, и тем, что должно оставаться в рамках личной жизни граждан.

Репродуктивные права в наше время имеют большую актуальность в связи с остро стоящей проблемой демографии в стране. Признание и закрепление репродуктивных прав, как и укрепление репродуктивного здоровья граждан, являются неотъемлемой составляющей демографической политики страны. Об этом может свидетельствовать указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», в котором одной из задач является укрепление репродуктивного здоровья населения [6].

Решение данной задачи включает в себя повышение доступности и качества оказания бесплатной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям, в частности, за счет развития высокотехнологичной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов и новорожденным детям, а так же обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе вспомогательных репродуктивных технологий, снижение доли рабочих мест с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда в целях сохранения репродуктивного здоровья.

Стоит отметить, что ожидаемые результаты реализации демографической политики в части увеличения численности населения и увеличения коэффициента рождаемости достигаются (существенную роль здесь сыграл материнский капитал), однако в части улуч-

шения здоровья населения, создания условия для комфортной жизнедеятельности семей, воспитывающих детей, результат менее заметен.

Важно, чтобы репродуктивные права были гарантом для пар и отдельных лиц осуществлять свое естественное право на продолжение рода, которое должно быть подкреплено личным желанием и ответственным решением данных лиц. Государство не должно использовать граждан и их репродуктивные права как средство улучшения демографического положения в стране, что является негуманно и недемократично.

Таким образом, институт репродуктивных прав является относительно новым, он начал развиваться сравнительно недавно – в XX веке, но уже получил закрепление во многих международных правовых актах и нашел свое отражение в общепризнанных правах.

В рамках отечественного законодательства «институт репродуктивных прав» не имеет законодательно закрепленного определения понятия, которое мы попытались раскрыть через совокупность доктринальных исследований отечественных правоведов. Несмотря на некоторые различия в трактовке содержания репродуктивных прав, все исследователи сходятся на мысли, что все репродуктивные права закреплены не прямо в законодательстве, а вытекают из других основополагающих прав и имеют производный характер. Возникает вопрос, можно ли считать ли репродуктивные права детализацией естественных прав, закрепленных в Конституции РФ, или же они должны быть закреплены и рассмотрены лишь в рамках нормативных актов, регулирующих здравоохранение, а также возможно ли объединение всех репродуктивных прав в одном правовом акте.

Следовательно, юридическая природа репродуктивных прав носит комплексный характер, поэтому репродуктивные права включают в себя ряд личных прав, которые закреплены в международных правовых документах о правах и свободах человека, национальных законах и других правовых актах. Репродуктивные права являются личными естественными неотчуждаемыми правами, они вытекают из основных конституционных прав человека и гражданина, охраняются и гарантируются государством.

Источники и литература

1. Балакирева К. В. Репродуктивные права гражданина Российской Федерации // Медицина и здравоохранение: материалы V

международной научной конференции. – Казань: ООО «Бук», 2017. – С. 106–109.

2. *Веселкова И. Н.* Демографические факторы здоровья семьи // *Семья, гендер и культура: материалы Международной конференции.* – М., 1997. – 91 с.

3. ВОЗ. Репродуктивное здоровье // URL: https://www.who.int/topics/reproductive_health/ru/

4. *Дикке Г. Б.* Пять шагов к успешной контрацепции: руководство для врачей. – М.: Академия естествознания, 2017. – 428 с.

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

6. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 (с изм. и доп.) // *Собрание законодательства Российской Федерации.* – 2007. – № 134. – Ст. 5009.

7. *Павлова Ю. В.* Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 167 с.

8. *Перевозчикова Е. В., Панкратова Е. А.* Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // *Медицинское право.* – 2006. – № 2. – С. 16–23.

9. Программа действий международной конференции по народонаселению и развитию от 1994 г., Каир [электронный ресурс] // URL: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/kair1.htm (дата обращения: 19.10.2020).

10. *Соловьев Е. Г.* Репродуктивные права как элементы конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владикавказ, 2010. – 182 с.

11. *Хазова О. А.* Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // *Конституционное право: восточно-европейское обозрение.* – М.: Институт права и публичной политики, 2001. – С. 15–24.

К ВОПРОСУ О НИВЕЛИРОВАНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПАНДМИИ¹

Аннотация. Автор анализирует правовые последствия пандемии коронавируса и тенденции цифрового развития общества в этот период. Выявлены несовершенства цифровизации, которые стали отчетливо видны на фоне Covid-19. Особенно автор выделяет обострившиеся проблемы глобального неравенства и тотального ограничения в правах, с которыми правовая система оказалась просто неспособна справиться.

Ключевые слова: коронавирус, цифровизация, пандемия, права человека, информатизация, правовая парадигма.

TO THE QUESTION OF THE LEVELING OF HUMAN RIGHTS IN THE PANDEMIC PERIOD

Annotation. The author analyzes the legal consequences of the coronavirus pandemic and trends in the digital development of society during this period. Imperfections of digitalization were revealed, which became clearly visible against the background of Covid-19. In particular, the author highlights the aggravated problems of global inequality and total restriction of rights, with which the legal system was simply unable to cope.

Key words: coronavirus, pandemic, legal rights, human rights, informatization, legal paradigm.

Информация за несколько последних десятилетий, став ведущим ресурсом цивилизации, реформировала всю систему ценностей современного общества. Сначала мы наблюдали смену финансовых

***Мирошниченко Ольга Игоревна**, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Miroshnichenko Olga Igorevna, head of the Department of theory and history of state and law, candidate of legal sciences, associate professor, Far-East federal university, Vladivostok, Russia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129 мк.

гигантов: за буквально двадцать лет сырьевых титанов на вершине финансового Олимпа сменили информационно-технологические (Google, Microsoft, Amazon, Facebook). Эпоха цифровизации ставит, точнее, уже поставила перед исследователями разного рода специфические задачи.

На наш взгляд, самые серьезные вызовы коснулись гуманитарной, в частности, правовой сферы, ведь именно нам правоведам – необходимо изменить всю методологию научного познания, с одной стороны, и фактический массив реального законодательного регулирования – с другой. Справедливо, на мой взгляд, мнение Г. П. Коршунова о том, что «ценности, модели, практики, институты, которые формируются сейчас (особенно быстро в рамках антивирусных мероприятий) – они останутся, создавая каркас для институтов будущего» [6, с. 517]. Ведь именно сейчас, в период кризиса в качестве моментального (и не очень) инструмента реагирования формируется все то, что впоследствии мы назовем новой цифровой парадигмой.

На самом деле тема, которую я обозначила в качестве заглавной для своего доклада, очевидно весьма широка. И я хотела бы сосредоточиться на так называемом цифровом развитии общества на сегодня – а именно в «эпоху коронавируса».

По сути, все случилось мгновенно. Вирус распространился по планете, в считанные месяцы спровоцировал глобальный коллапс системы здравоохранения, и – как итог – впервые за многие десятки лет большая часть мировой популяции оказалась ограниченной в передвижении и фактических возможностях. И это неожиданное «оставайтесь дома» естественно породило то, что многие назвали «цифровым потоком» – от дистанционной работы до «цифрового шоппинга» и необходимости поддерживать отношения через цифровую среду. Так, в связи с поступающими обращениями в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации омбудсменом Т. Н. Москальковой было замечено, что количество обращений, в том числе, по поводу Интернет-действий существенно возросло. Граждане, к примеру, испытали сложности при получении необходимых документов в условиях отсутствия возможности осуществить онлайн-регистрацию на различных порталах [1, с. 77]. И вне зависимости от желания или нежелания, умения или отсутствия такового, всем пришлось становиться адептами цифровой среды.

То есть, фактически Covid-19 должен был сделать для человечества хоть одну положительную вещь: он фактически обязал всех

включиться в среду, которая так долго называлась и считалась невероятно перспективной. Но, на наш взгляд, вместо этого он фактически оголил недостатки цифровизации. Естественно, хотелось бы, прежде всего, проанализировать возникшие пробелы в правовом регулировании, которые благодаря кризисным моментам 2020 года стали показательно очевидны.

Ну, во-первых, затронем так называемую «упругость, гибкость» системы. В англоязычной доктринальной литературе это принято обозначать термином «resilience». Термин не имеет четкого перевода в данном контексте, но обозначает способность какой-либо системы быстро восстанавливаться и эффективно реагировать на внешние негативные воздействия. Изначально термин появился в IT-сфере для разделения всех систем на неспособные работать в случае проблем с одним из компонентов, способными работать в менее эффективном варианте и способным работать в прежнем режиме, перестроившись за счет изменения алгоритмов работы к изменившимся условиям. Естественно, мы будем анализировать правовую систему, которая, по своей сущностной логике, должна быть именно системой третьего типа.

Начнем с главного (главного на взгляд автора). Итак, теоретически, что должна была предложить нам цифровизация? Возможность беспрепятственно осуществлять свои рабочие функции и реализовывать свои личные потребности, не выходя из дома. Для этого всего лишь нужен компьютер, смартфон, или их аналоги. И теоретически выстраиваемая система была вполне работоспособной. Многочисленные Google Meeting, Zoom, Microsoft Teams и прочие интерактивные системы позволили нам организовывать видеоконференции, обмениваться мнениями в онлайн режиме и т.д. Google Share и Microsoft Office дали возможность делиться документами, складывая их в одну папку или в облако, а e-mail работал с информацией, не требовавшей немедленного осмысления.

Студентов и учителей отправили в Microsoft Teams, а потребителей в онлайн. И вроде как все отлично работает. Кроме того момента, когда не работает.

И одним из таких «не работает» является ключевой момент глобального всеобъемлющего неравенства, вызываемый цифровизацией. Тотального ограничения в правах во всех сферах, с которым правовая система оказалась просто неспособна справиться.

Начнем с простого. С элементарного. С финансовой стороны вопроса. Итак, для сохранения собственных возможностей нам «все-го лишь» нужен смартфон и компьютер. Но, к сожалению, по статистике, у 35,4 % семей РФ нет финансовой возможности приобрести каждому члену семьи пару обуви по сезону. По той же статистике, 80% российских семей испытывают затруднения с тем, чтобы приобрести необходимый минимум товаров и уложиться в сумму семейного дохода [10]. Таким образом, указанное «все-го лишь» становится непреодолимым препятствием для реализации своих прав третью населения. Отечественная правовая система предполагает возможность реализации большей части нормативно-правовых установок только через презумпцию равного ДОСТУПА всех членов общества к получению любых социальных благ.

Либертарная концепция правопонимания, с которой знаком любой теоретик права, также категорично отвечает на вопрос о первичных обязанностях любого государства: равный доступ к реализации возможностей [9]. Дальше уже вопрос фактического «делания», способностей и трудолюбия. НО! Возможность воспользоваться чем-либо у всех должна быть одинаковая. В теории права мы называем это «формальным правовым равенством», противопоставляя его фактическому. Тех лиц, которые находятся за пределами формального равенства (беременные женщины, студенты, инвалиды и т.д.) мы, образно говоря, «дотягиваем» до уровня стартовых равных возможностей.

Получается, на сегодня мы должны всех, финансово неспособных реализоваться в цифровой сфере, дотянуть до уровня всех остальных? Это логично, но экономически, скорее всего, на настоящем этапе развития нашего государства недостижимо. И снова – «привет» неравенству и ограничению прав даже не гражданина, а просто человека.

Второй момент – уже совершенно не финансовый, а социальный. Огромное количество людей, исходя из возрастных, а иногда и интеллектуально-психологических характеристик, на настоящем этапе не в состоянии составлять конкуренцию в цифровой среде. Да, в первую очередь мы говорим о людях старшего поколения, которые в силу того, что с цифровой средой впервые столкнулись в весьма зрелом возрасте, не чувствуют себя в ее рамках уверенно, а зачастую и в принципе не способны реализовать свои функции в непривычном формате.

И вот мы уже наблюдаем тот самый предсказанный когда-то Э.Тоффлером, очевидный футурошок [11, с. 6]. Статистика показывает, что в категории 65+ только 18,6 % граждан пользуются Интернетом «почти каждый день», тогда как эта цифра среди молодежи (15 – 34) в среднем составляет около 92% [5, с. 39]. Связана такая разница с несколькими также статистическими факторами. Тройка лидеров среди обоснований неиспользования сети Интернет выглядит следующим образом: нежелание пользоваться Интернетом, а равно отсутствие необходимости и интереса, недостаток навыков для работы в сети и высокие затраты на подключение [5].

Еще одна причина такой существенной дифференциации кроется в том, что «цифровые иммигранты» (лица старше 30 лет) воспринимают цифровые компетенции как директиву для осуществления профессиональной деятельности. Иными словами, как необходимость. В то же время для «цифровых аборигенов» (лиц младше 30 лет) использование цифровых технологий является нормой жизни и не требует усилий [7].

Социальная проблема, не правовая? Позволим себе не согласиться. Такого рода «социальные» проблемы ведут к потере ценных кадров, к общему снижению уровня жизни, к росту преступности на фоне социальной напряженности. В конечном итоге, все это становится сугубо правовыми проблемами, решения которых на данный момент очевидно не имеется.

Но мы говорили в большей степени о неравенстве. И этот, второй момент, также полагаем фактором потенциального неравенства, с одной стороны, и фактором, катализирующим неравенство, с другой стороны. Объясним обозначенный тезис: по факту, через, например, пенсионное обеспечение мы достигаем все той же обозначенной в предыдущем параграфе, цели – «дотягиваем» пенсионеров до черты формального равенства. И пенсии – в их сегодняшнем размере – теоретически были рассчитаны именно на это.

Сейчас, когда полностью изменились условия внешнего взаимодействия и жизнедеятельности в целом, а для реализации большинства социальных функций просто необходим навык жизни в цифровой среде, нет ли необходимости повысить уровень пенсионного обеспечения для того, чтобы у пенсионеров появилась реальная, а не гипотетическая возможность реализовать эти цифровые навыки?

Иными словами, не нужно ли на государственном уровне закрепить денежные доплаты старшему поколению для обучения работы на компьютере или том же смартфоне? Ведь как показывает статистика, несмотря на фактическое наличие у человека старшего возраста персонального компьютера, всего 33,3% людей старше 65 лет пользуются им в течение 12 месяцев [5, с. 39].

Третий момент напрямую связан, с одной стороны, с финансовым фактором, а с другой стороны, совершенно не связан с ним. Речь идет о фактическом неравенстве в сфере доступа к цифровому контенту в разных регионах и на разного уровня технике (разные сети, разный уровень защиты информации, разная скорость и т.д.). Правы те авторы, которые утверждают, что реализация отношений в рамках информационной реальности свидетельствует о существовании параллельной обывденной жизни – информационной сферы (среды), её влияние на мировое сообщество и деятельность государств, не поддается полному контролю, имеются своеобразные риски. Существование информационной сферы влияния в рамках информационной реальности является доказательством действия и устойчивости информационной цивилизации перед объективной реальностью [3, с. 21].

Так, например, значительное количество учащихся средних школ РФ были лишены возможности учиться дистанционно из-за отсутствия в деревнях сотовой связи с выходом в глобальную сеть Интернет [8]. Заголовки газет звучали примерно следующим образом: «Интернет на сосне» - остроумно и достаточно плачевно. Исследования же показывают, что по отдельным показателям, таким как рост доступности информационно-коммуникационных технологий разрыв между г. Москвой и федеральными округами слишком велик. Последние имеют показатели распространения широкополосного доступа в Интернет в 2 – 4 раза меньше [4, с. 381]. Причина обусловлена особым статусом столицы, в которой в первую очередь реализуются перспективные направления цифровой экономики.

Согласно обобщенному, «доковидному» подходу, цифровизация считалась основанной на трех китах. Первый – технологический – большие данные, ИИ, Интернет вещей. Второй – экономический, связанный с появлением новых акторов (так называемого GAFAGoogle, Amazon, Facebook, Apple), навязавших новые способы предпринимательства. И только третий – социальный, предусматри-

вавший новые коллективные действия, совместное потребление, но также и новые формы реагирования и управления.

В юридической литературе верно считается, что новые информационно-коммуникационные технологии наращивают свою мощь, становятся доступными и популярными среди населения всего международного сообщества. Использование передовых наукоемких технологий не только во многих сферах общественной жизни, заставляет нас задуматься об имеющейся зависимости людей от всевозможных компьютерных и роботизированных систем. Интеграция передовых технологий в социальную жизнь позволяет нам констатировать существование некой закономерности приводящей к зависимости человечества перед информационными технологиями [2, с. 22].

Праву в принципе не отводилось самостоятельной роли, кроме необходимости поиска новых форм регулирования под формирующиеся благодаря первым двум элементам новые формы общественных отношений. Полагаем, что на настоящий момент мы (правоведы) всего лишь реагируем на происходящее. Очень медленно и тягуче. Иногда вообще не реагируем, так как не знаем как. А должны предвосхищать события. Иначе то, что сегодня лишь формируется, станет реальностью. Реальностью тотального цифрового неравенства, где о каких-либо правах человека можно будет забыть.

Думается, что кризис, вызванный коронавирусом, дал нам последнюю попытку переосмыслить вышесказанное и понять, что, если мы не поставим в указанной триаде социальной элемент на первое место, а позволим технологически-экономическим аспектам лидировать, мы придем к варианту «нового Лондона» О. Хаксли, с неизбежным и тотальным массовым неравенством и несвободой.

Источники и литература

1. Бандурин А. П., Самыгин П. С., Сизова Н. М. Проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан в период пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 75–79.

2. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22-35.

3. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20-36.
4. *Дубинина М. Г.* Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах России // Управление наукой и наукометрией. – 2019. – № 3. – С. 368–399.
5. Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2019 // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2019.pdf>
6. *Коршунов Г. П.* Социальные и социально-экономические вопросы цифровизации на фоне пандемии // Евразия и глобальные социально-экономические изменения. – 2020. – С. 516–524.
7. *Левина Е. Ю.* Цифровизация – условие или эпоха развития системы высшего образования? // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 5. – С. 4–9.
8. *Скудаева А.* Интернет на сосне // Российская газета, 2020, 9 июня // <https://rg.ru/2020/06/09/reg-cfo/distancionnoe-obuchenie-vysvetilo-problemy-v-cifrovizacii-regionov.html> (дата обращения: 05.11.2020).
9. *Нерсесянц Вл. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.
10. Не умереть с голоду: сколько денег нужно россиянам // Газета.ру. 2019. 3 апреля // <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/03/12281539.shtml> (дата обращения: 18.11.2020).
11. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – 554 с.

СИБИРСКИЙ СУД В ПЕРИОД НЭП: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. Статья посвящена формированию советской судебной системы в Сибири, месту судебной власти в системе советского государства; описывает поиск оптимальной структуры судов в Сибири, изменения в судебной системе в связи с переходом советского государства к новой экономической политике.

Ключевые слова: государство и право, советский суд, социалистическая законность, Сибирь, НЭП.

THE SIBERIAN COURT DURING THE NEP PERIOD: SEARCH FOR THE OPTIMAL MODEL

Annotation. The article forms the Soviet judicial system in Siberia, the place of judicial power in the system of the Soviet state; given the search for the optimal structure of communication in the system of courts of Siberia, changes in the judicial system with the transition of the Soviet state to a new economic policy.

Key words: state and law, Soviet court, socialist legality, Siberia, NEP.

Создание новой судебной системы в Сибири начиналось по мере продвижения частей Красной армии и восстановления в регионе Советской власти. Координационным центром для всех возникших судебных органов являлся Сибирский отдел юстиции (Сибюст), начавший свою работу в регионе 27 ноября 1919 г., находившийся в Омске.

Организованные в сибирских губерниях органы юстиции в 1920 г. приступили к формированию сети судебных учреждений и разделению территории региона на закрепленные за ними судебные и следственные участки. На протяжении двадцатых годов количество судебных учреждений и закрепленных за ними судебных участ-

---

***Михеев Дмитрий Юрьевич**, кандидат исторических наук, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Mikheev Dmitriy Yurievich, candidate of historical sciences, Novosibirsk military institute of National Guard troops, Novosibirsk, Russia.

ков изменялось в зависимости от административно-территориальных преобразований и финансирования. В первые годы НЭПа оно сократилось по сравнению с началом десятилетия, а в конце двадцатых годов выросло и превысило показатели начала двадцатых.

К концу 1929 г. количество участков народных судов возросло до 285 с 275 участков в 1922 г., но развитие сети судебных учреждений в Сибири все еще отставало от потребностей населения: на один судебный участок в Сибири приходилось значительно больше территории, чем в центральной части РСФСР [1]. В среднем народные суды в сельской местности Западной Сибири обслуживали население в радиусе 100-110 км, а в Восточной Сибири в некоторых судебных участках людям нужно было добираться до суда за тысячу и более километров [2, с. 41].

Переход к НЭПу сделал необходимостью разработку и проведение нэповской законности, всесторонне обеспечивающей права граждан, что потребовало ликвидации чрезвычайной и реорганизации конституционной юстиции. Необходимо было создать такую судебную систему, которая отвечала бы задачам НЭП и способствовала ее развитию. Принципы, строение и механизм советской судебной системы на территории сибирского региона были заданы новым законом о судостроительстве. После образования Советского Союза текст «Положения о судостроительстве РСФСР» был изменен, и в новой редакции Положение было введено в действие ВЦИК РСФСР 19 ноября 1926 г. [3].

Реорганизация судебных учреждений определила приоритетное значение народного суда в создаваемой на принципах нэповской законности новой судебной системе. Основой судопроизводства в Сибири становился не трибунал, а народный суд: в 1923 г. народные суды рассмотрели 96,3% всех судебных дел [4].

В новой судебной системе был закреплён принцип привлечения населения к отправлению правосудия за счёт участия в судебном процессе народных заседателей. Выбирались они на общих собраниях трудящихся: на предприятиях, в воинских частях, на собраниях крестьян. Возможность привлечения населения к отправлению правосудия охватывала значительное число жителей Сибири. Так, в 1926 г. было избрано 43 тыс. народных заседателей [5]. Однако возникали и сложности. Например, часто заседатели не являлись в судебное заседание, так как для участия в судебном заседании им при-

ходилось порой идти пешком 30 – 40 верст, а суточные и прогонные не выплачивались.

Помимо неявки народных заседателей, еще одной проблемой было формальное, отстраненное отношение народных заседателей к своим обязанностям. Порой у заседателей не возникало чувство ответственности за судьбу разрешаемых дел. Кроме того, в силу низкого уровня образования заседатели не всегда обладали возможностями отстаивать свою точку зрения, и особое мнение народных заседателей по поводу судебного постановления было редкостью [6, с. 67].

Говоря о советской судебной системе, следует напомнить, что в советском государстве не обеспечивался принцип разделения властей. Судебная власть не была в полной мере независима от других ветвей власти. Советы, объединившие в своем лице законодательную и исполнительную ветви власти, по существу, подчинили себе судебную власть. Принцип подчинения судебной власти партийно-государственному аппарату определялся идеологическими ориентирами. Например, согласно упомянутому ранее «Положению о судостроительстве РСФСР», задачей судов являлась, в первую очередь, защита завоеваний революции, обеспечение интересов советского государства, и только потом – защита прав трудящихся. Хотя «Положение о судостроительстве», в определенной мере, все же способствовало дистанцированию суда от исполнительной власти, но реального отделения судебной власти от административно-исполнительной не произошло. Последняя, по-прежнему, сохраняла мощные аргументы. В их числе, прежде всего избрание судей только на один год, право на предоставление судебным органам зданий и обеспечение их техническими средствами, монополия на формирование бюджета органов юстиции и другие возможности.

В рамках судебной реформы, в соответствии с «Положением о судостроительстве» в 1923 г., в Сибирском крае развернулась организационная работа по поиску оптимальной модели структуры судебных органов, выстраиванию их звеньев. В частности, в первой половине 1923 г. были образованы губернские суды, на которые возлагалась задача руководства низовыми судебными ячейками – народными судами.

Важной частью работы губернских судов стало осуществление судебно-административных и надзорных функций по отношению к народным судам. Направления и объемы такой работы можно

проследить на примере деятельности губсудов в Томской и Иркутской губерниях. Томский губернский суд уже в феврале 1923 г. организовал четыре ревизионные комиссии во главе с членами губсуда для обследования судебных и следственных участков. Ревизии показали, что народные суды находились в чрезвычайно тяжелом положении, а судейский корпус в значительной степени не отвечал своему назначению [7].

Решительно и энергично проводил руководящую и контролирующую работу Иркутский губсуд. Так, в первой половине 1923 г. им были организованы четыре уездных (Иркутское, Верхотенское, Зиминское и Тулунское) и одно губернское совещание работников юстиции. Совещания позволили выявить недостатки и просчеты в работе иркутских судей. Коллективная работа позволила разрешить наиболее важные вопросы, учесть успешный опыт применения нового, нэповского законодательства [8, с. 144].

Однако в некоторых губерниях организационный процесс неоправданно затягивался. Так, Енисейский губернский суд начал функционировать только с 1 марта 1923 г. Состав его неоднократно менялся: за несколько месяцев сменилось 4 председателя, 3 заместителя председателя и 7 членов губсуда. В повседневной работе губсуда царил нервная атмосфера, взаимоотношения с местными учреждениями, в том числе, с партийными организациями, с прокуратурой, были напряженными. Разумеется, такая обстановка негативно отражалась на работе. На втором губернском съезде (1924 г.) работников юстиции в докладах с мест отмечалось, что в ряде районов Енисейской губернии местные советские и партийные органы часто вмешивались в судебную работу, грубо нарушая установленный законом порядок. Долгое время оставался нерешенным вопрос о разумной дислокации судебных участков, территория ряда которых превышала площадь европейских государств. Между тем денег для надлежащей деятельности судебных участков Енисейский губисполком не выделял [9]. Только после прямого вмешательства из Москвы работа судебных органов в Енисейской губернии начала постепенно стабилизироваться [10].

Огромную роль в становлении все более оформлявшейся модели сибирских судебных учреждений стали играть инструкторско-ревизионные отделы (ИРО) губсудов. На эти отделы, состоявшие из заведующего, запасных судей и ревизоров-инструкторов, легла основная работа по отладке судебного механизма, выявлению недос-

татков, их анализу и устранению [11]. Наиболее эффективным методом стали ревизии и обследования народных судов, количество которых постоянно возрастало. Так, Иркутский губсуд в 1923 г. произвел ревизии 11 судебных и 5 следственных участков, а за 3 квартала 1924 г. обследовал 12 судебных и 8 следственных участков [12, с. 295]. Самое пристальное внимание поднадзорным судебным учреждениям уделял Омский губернский суд. Уже в 1923 г. были обследованы 70 % судебных участков, в 1924 г. ревизии охватили все народные суды. В 1925 г. обследовательская работа осуществлялась в прежнем объеме.

Еще одна проблема в деятельности губсудов была связана с необходимостью переводить отношения судов с местными властями в русло закона, устранять поразительно незаконные казусы. Так, Тюкалинский уездный исполком советов в 1924 г. прямо вмешивался в работу суда: принимал кассационные жалобы на приговоры и решения судов и направлял их в райисполкомы для дачи заключения. Калачинский уездный исполком и его административный отдел не выполняли постановлений суда об аресте осужденных, заключенных направляли на работы за пределами тюрем без согласия и разрешения судебных органов. Неслучайно в 1925 г. после очередной ревизии Омский губсуд крайне резко оценивал деятельность нарсудов указанных уездов [13]. Как правило, такие ревизии завершались освобождением от работы судей и следователей, не способных или не желавших проводить курс на отказ от законности периода военного коммунизма. Так, в Алтайской губернии в 1925 г. губсуд отстранил от работы двух следователей и трех нарсудей, двое из судей были преданы суду [14].

В целом после проведения судебной реформы руководство губернских судов Сибири много внимания уделяло обеспечению законности в деле проведения новой экономической политики. Совокупность мероприятий по совершенствованию работы судебных учреждений позволила добиться перемен в деле установления правопорядка, переломить военно-коммунистические настроения, сформировать негативное отношение к бюрократизму, халатности и волоките в работе судебных органов. Создание в ноябре 1925 г. Краевого суда внесло серьезные перемены в процесс совершенствования деятельности судебных учреждений Сибири. Реакция краевого суда на недостатки, отклонения от нэповской законности, на недостойное поведение судебных работников отличалась жесткостью, последова-

тельностью, действенностью принимаемых мер: в 1926 г. отозвано с занимаемых должностей 22 работника, в том числе 5 членов краевого суда, привлечено к уголовной ответственности 14 судебных работников, среди них 10 народных судей, 2 нарследователя, 2 судебных исполнителя [15].

В результате этих преобразований в Сибирском крае была создана довольно сложная, иерархически не просто устроенная пирамида судебных учреждений с весьма существенными недостатками. Обретенная путем проб и ошибок модель судебных учреждений, в целом, позволила улучшить руководство народными судами. Но сохранялись серьезные недостатки в качестве процесса правосудия в Сибири. Наиболее существенным являлось отсутствие у краевого суда кассационных функций по отношению к тем делам, которые рассматривались окружными судами. Рассмотрение кассационных жалоб на приговоры и решения окружных судов оставалось прерогативой Верховного суда РСФСР. Лишь после неоднократных обращений сибирских юристов в НКЮ РСФСР 1 сентября 1928 г. Сибирь получила наконец-то право на кассацию. Таким образом, в результате большой и сложной работы в течение 1920-х гг. в сибирском регионе была создана обширная сеть судебных учреждений, выстроена их иерархия, организовано устойчивое взаимодействие между структурными уровнями, опробованы и внедрены различные формы проверки судов и контроля качества судопроизводства.

Источники и литература

1. Отчет Сибирского краевого исполнительного комитета советов Совнаркому РСФСР. Новосибирск, 1927; Отчет Сибирского краевого исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов второму Сибирскому краевому съезду советов. Новосибирск, 1927; Два года работы Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. 1927 – 1928. Новосибирск, 1929; ГАНО-П, ф. 2, оп. 1, д. 1153, л. 56, 154.
2. Отчет Сибирского краевого исполнительного комитета советов Совнаркому РСФСР. Новосибирск, 1927. – 143 с.
3. СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
4. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 257. Л. 52, 135.
5. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1153. Л. 63.

6. Работа органов юстиции Сибирского края. Краткий отчет краевого суда и краевой прокуратуры. Октябрь 1925 – май 1930 г. Новосибирск, 1930.

7. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 937. Л. 59.

8. Жизнь Сибири. 1924. № 1.

9. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 46. Л. 14–15.

10. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 46. Л. 14.

11. ГАНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 1171. Л. 7.

12. Отчет о деятельности Иркутского губернского исполнительного комитета советов за 1923 – 1924 хозяйственный год. Иркутск, 1925.

13. ГАОО. Ф-27. Оп. 1. Д. 792. Л. 21; ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 46. Л. 28.

14. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 635. Л. 238.

15. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1153. Л. 155, 156.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФИКТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие фиктивной юридической нормы, его соотношение с понятиями «юридическая фикция» и «мёртвая» правовая норма. Показано, что фиктивные нормы права не тождественны юридическим фикциям, но идентичны «мёртвым» нормам, поскольку не претворяются в жизнь большинством их адресатов. Сформулировано опровержение утверждения о том, что фиктивные нормы всегда являются недостатком правового регулирования, и доказано их возможное положительное значение.

Ключевые слова: юридическая фикция, фиктивная норма, «мёртвая» норма, антипод закона, недействующая норма.

TO THE ISSUE OF THE ROLE OF FICTIVE NORMS IN LEGAL REGULATION

Annotation. The article considers the concept of fictive legal norm and its interrelation with the concepts “legal fiction” and “dead” legal norm”. It is demonstrated that a fictive legal norm is not identical to legal fiction, and it is a synonym of “dead” norm because such rule is not realized by the majority of its addressees. The assertion that fictive legal norms are always an imperfection of legal regulation is refuted. Possible positive effect of such norms is proven.

Keywords: legal fiction, fictive legal norm, “dead” legal norm, antipode of a law, unapplied norm.

Для нормальной жизнедеятельности государства необходимо, чтобы большая часть его граждан добровольно подчинялась действующим юридическим нормам. Об этом, в частности, писал американский политолог Д. Истон. По его представлениям, политическая система, обязательно предполагающая наличие юридических пра-

---

*Орлова Светлана Владимировна, старший преподаватель Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.

Orlova Svetlana Vladimirovna, senior lecturer of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

вил, налицо лишь там, где функционируют её существенные переменные величины [3, с. 55-85].

Так он именовал социальные взаимодействия, необходимые для обеспечения сохранения «всякой политической системы, независимо от типа» [1, с. 96]. Для них существует нормальная сфера, выход из которой приводит к уничтожению указанной целостности. Выделяя «две существенные переменные для всех и любых разновидностей политической системы», он имел в виду, прежде всего «создание и выполнение решений для общества», ибо такими делами призваны заниматься «власти» [1, с. 96] политической системы.

Есть и вторая существенная переменная. Здесь подразумевается «относительно частое принятие» анализируемых решений «в качестве обязательных большей частью общества» [1, с. 97]. Впрочем, вторая существенная переменная охватывается первой. Ведь правительство в состоянии выполнять принятые постановления только при условии, что они признаются обязательными большинством людей в обществе.

В то же время в формальных источниках права любого политически организованного общества существуют нормы, которые не реализуются на практике. Недействующие юридические правила в литературе обычно именуется «мёртвыми». Эти нормы не претворяются в жизнь большинством их адресатов.

Юридические правила, которые не реализуются на практике, также именуется фиктивными. В частности, О.А. Кузнецова, писала, что «если результат реализации нормы равен исходному состоянию, то перед нами фиктивная норма» [5]. Также, по словам О.А. Курсовой, «фиктивные правовые нормы являются разновидностями правотворческой ошибки» [5; 6].

Фиктивные правовые нормы необходимо отличать от юридических фикций. «Юридическая фикция – средство юридической техники, условно признающее заведомо ложное положение истиной, возможность опровержения которой, как правило, не имеет никакого юридического значения» [7, с. 63].

В свою очередь термин «фиктивные нормы» может быть определен иначе. По этому поводу В.Н. Пяткин заметил следующее. «Действительно, у юридической фикции есть ещё и другое, часто употребляемое значение – «фикция-антипод закона», как определяет это явление К. К. Панько. Сущность фикции-антипода закона, заключается в «искажении содержания закона, выразившемся в отсут-

ствии социальных связей между поведением субъекта и требованиями закона, между индивидуальными притязаниями субъекта и общественно необходимыми требованиями правовых норм» [9, с. 48; 10, с. 42]. Термин «фикция» в значении антипода закона употребляется, как правило, в ненаучной сфере, однако «в последнее время ученые стали изучать проблемы коллизии и противоречивости права, которые тесно примыкают к проблеме фикции как антиподу закона» [8, с. 34; 10, с. 42].

В.Н. Пяткин рассматривает фиктивные нормы права как следствие несовершенства правотворчества и правоприменения. «Причинами возникновения фикций – «антиподов законов» могут являться неточные, неполные знания, например, об объекте нормативного регулирования, непонимание целей и задач, стоящих перед соответствующей нормой права и т.п., а также правотворческие и правоприменительные ошибки. Таким образом, можно согласиться с К.К. Панько, что значение фикций – «антиподов закона», под которыми он понимал, как уже отмечалось, «свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности», состоит в том, что они позволяют выявлять как противоречия, так и степень несоответствия между содержанием общественных отношений и формой опосредствования общественных отношений, т.е. – правом» [10, с. 42].

Различные мнения высказываются относительно того, реализуется ли фиктивная норма на практике. К.К. Панько говорит, что фикция – «антипод закона» может реализовываться и реализуется (это вытекает из данной им формулировки фикции – «антипода закона») в «процессе» и в рамках правотворчества и правоприменения (но правоприменение – это и есть один из видов реализации права), но она (фикция) не соответствует потребностям общества по своей сути. У О.А. Курсовой «фиктивная норма» – не реализуется в силу определённых причин. Но данные точки зрения не стоит противопоставлять [10, с. 42]. По мнению В.Н. Пяткина, «более оптимально рассматривать их в качестве элементов одного и того же феномена, связанного с фиктивностью правовых норм» [10, с. 42].

Критерием отнесения нормы к числу фиктивных может быть внутреннее или внешнее ее несовершенство. «К.К. Панько понимает под «антиподом закона» скорее внутреннее содержание нормы, которое не соответствует потребностям общества, государства, целям и задачам права, сущности права, а О.А. Курсова делает акцент на

несоответствие внешнего выражения нормы реальной действительности, вследствие чего норма не действует, не реализуется (например – неточные, неверные нормативные формулировки, непригодность для современных условий и т.д.)» [10, с. 42].

Таким образом, соотношение юридических фикций и фиктивных норм, на взгляд ранее упомянутых авторов, выглядит следующим образом. «Хотя фикция, как приём законодательной техники внешне схожа с фиктивной правовой нормой – и та, и другая закрепляет «нечто» не существующее в действительности, природа этих двух проявлений фиктивности в праве разная: фикция, как приём законодательной техники, представляет собой эффективный инструмент в руках грамотного законодателя, позволяющий достичь наибольшей результативности правовой нормы, тогда как фиктивная норма права является результатом ошибки законодателя, создавшего «неработоспособную» норму либо результатом своего устаревания. То есть фиктивные нормы, в отличие от правовых фикций – это негативное и нежелательное явление, требующее обязательного устранения» [8, с. 43; 10, с. 43].

По мнению некоторых авторов, фиктивные нормы нельзя относить к праву. Так, О.А. Кузнецова полагает, что «такая норма является своеобразной “выдумкой” законодателя, “пустым звуком” закона, ее нельзя назвать нормой права в истинном значении этого слова» [5]. Этот вывод, полагает О.А.Кузнецова, базируется на известном суждении А.А. Ушакова. Как он считал, «то, что не находит применения на практике, ... не является правом, это просто клочок бумаги» [5; 12, с. 225].

Однако не всегда фиктивные юридические нормы бесполезны для правового регулирования. Их влияние на общественные отношения зависит от природы недействующих норм, причин появления указанных правил в нормативных правовых актах. В частности, определяющее значение имеет наличие или отсутствие умысла суверенной власти на существование недействующих норм.

Фиктивные юридические правила, действительно, во множестве случаев являются следствием правотворческой ошибки. О видах типичных ошибок писал американский юрист Л.Л. Фуллер. К ним относятся, во-первых, неудача в деле доведения правовых норм до сведения их адресатов. Во-вторых, формулирование непонятных правил анализируемого рода. В-третьих, принятие правовых норм, противоречащих друг другу. В-четвёртых, введение в действие юри-

дических правил, требующих от людей невозможного [2, р. 39; 4, с. 525-526].

В то же время недействующие нормы могут появляться и иначе, нормотворческие структуры любой из рассматриваемого типа организаций способны формулировать правила, которые невозможно провести в жизнь, и умышленно. Об этом также писал Л.Л. Фуллер [2, с. 40-41; 4, с. 544-545]. После осуществления в государстве переворота новая суверенная власть оставляет в формальных источниках права часть ранее действовавших юридических правил, но перестает их осуществлять на практике. Л.Л. Фуллер имел в виду террористический политический режим в стране в условиях формального сохранения институтов демократии [2, р. 40-41; 4, с. 548-549].

Описанная ситуация вредна для политически организованного общества, поскольку допускает игнорирование норм, закрепляющих демократические права и свободы граждан. Однако в ряде случаев умышленное допущение суверенной властью существования недействующих правовых норм имеет положительное значение. Речь идёт о случаях, когда юридическое правило намеренно вводится правотворческим органом для цели, достижению которых способна служить именно такая правовая норма, которая на практике не реализуется.

Так, в 1941 г. «одним из постановлений» Государственного комитета обороны СССР «предписывается арест семей военнослужащих, командиров и политработников, сдавшихся в плен» [11]. Как заметил приведший эти данные директор Российского государственного архива социально-политической истории А. Сорокин, «сразу было ясно: распоряжение невыполнимо – где взять столько тюрем и лагерей для родственников миллионов пленённых? Как говорится, всех не пересажаешь. А ведь есть ещё моральная сторона вопроса...» [11].

Тем не менее, перечисленные соображения не остановили Государственный комитет обороны СССР. Рассматриваемое постановление стало юридически действительным. Для обеспечения самосохранения советского государства ГКО пытался не допустить добровольную сдачу в плен военнослужащих путём их явного введения в заблуждение. Разработчики постановления имели в виду, что солдаты и офицеры будут сопротивляться противнику, рассчитывая тем самым не навлечь неприятные последствия на членов своих семей.

При этом авторы анализируемого документа обоснованно полагали: сведения о миллионах пленённых гитлеровцами военнослужащих СССР и вытекающая отсюда невозможность для советского государства покарать всех членов их семей были неизвестны сражающимся с врагом советским солдатам и офицерам.

Изложенное позволяет заключить, что фиктивная юридическая норма представляет собой изложенное в формальном источнике права юридически действительное правило, которое не реализуется на практике или в силу ошибки, или вследствие умысла суверенной власти. Если нормы не претворяется в жизнь вследствие допущенных ошибок при правотворчестве и применении права, необходимо исправление ошибок для обеспечения реализации юридического правила или отмена последнего как не способствующего упорядочению общественных отношений. В свою очередь в случаях, когда норма намеренно не претворяется в жизнь для достижения целей, соответствующих сохранению и прогрессу политически организованного общества, её положительное значение очевидно.

Источники и литература

1. Easton D. A Framework for Political Analyses / D. Easton. Chicago: The University of Chicago Press, 1979. 834 p.
2. Fuller L.L. The Morality of Law / L.L. Fuller. New Haven, 1964. 215 p.
3. *Дробышевский, С.А.* Из классических учений о политике и праве XX века: актуальные идеи Г. Еллинека и Д. Истона: монография / С.А. Дробышевский. – М.: Норма Инфра-М, 2014. – 112 с.
4. *Дробышевский, С.А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие / С.А. Дробышевский. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 591 с.
5. *Кузнецова, О.А.* Пороки правовой нормы: диагностика и предупреждение / О.А. Кузнецова [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2005. – № 3 //URL: <http://www.lawmix.ru/comm/1612/> (дата обращения: 10.10.2020).
6. *Курсова, О.А.* Фикции в российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / О.А. Курсова. – Н. Новгород, 2000. – 29 с.
7. *Лотфуллин Р.К.* Юридические фикции в гражданском праве / Р.К. Лотфуллин. – М., 2006. – 213 с.

8. *Марохин, Е.Ю.* Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дисс. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Марохин. – Ставрополь, 2004. – 179 с.

9. *Панько, К.К.* Фикции в уголовном праве и правоприменении / К.К. Панько. – Воронеж: Истоки, 1998. – 233 с.

10. *Пяткин, В.Н.* Содержание и соотношение понятий «правовая фикция» и «фиктивная норма» / В.Н. Пяткин // Социально-политические науки. – 2012. – № 4. – С. 41–44.

11. *Сорокин А.* Прошлое нельзя стереть ластиком // Российская газета, 2015, 28 мая (№ 114).

12. *Ушаков, А.А.* Законодательная техника / А.А. Ушаков // Государство, право, законность: Ученые записки. – Пермь, 1970. – № 238. – Вып. 2. – 326 с.

СЛУЧАЙ КАК ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правопонимания феномена «случай» в правовой действительности через призму исторических парадигм развития российского права. Анализируется проблематика отнесения категории «случай» к правовым феноменам. Автор приходит к выводу, что исследуемое явление имеет длительный этап эволюции, в течение которого до сих пор не выработана единая позиция относительно правопонимания данного феномена.

Ключевые слова: случай, казус, вина, государственно-правовая действительность, феномен.

CASE AS A PHENOMENON OF STATE-LEGAL VALIDITY: PROBLEMS OF KNOWLEDGE

Annotation. The article examines the issues of legal understanding of the phenomenon of a case in legal reality through the prism of historical paradigms of the development of Russian law. The article analyzes the problems of classifying the category of case as a legal phenomenon. The author comes to the conclusion that the phenomenon under study has a long stage of formation, during which a unified position regarding the legal understanding of this phenomenon has not been developed.

Key words: case, incident, guilt, state-legal reality, phenomenon.

Общим объектом современного правоведения выступала и выступает государственно-правовая действительность, олицетворяющая все юридически значимые явления (отношения, процессы,

---

***Плахтий Николай Алексеевич**, аспирант 1 курса Юридического института Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия. Научный руководитель: **Суменков Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.

Plakhtiy Nikolay Alekseevich, 1st year postgraduate student of the Law Institute of Penza state university, Penza, Russia. Scientific curator: **Sumenkov Sergey Yurievich**, doctor of legal sciences, associate professor, Penza state university, Penza, Russia.

средства, факторы), а также непосредственно закономерности и другие специфические свойства такой действительности. Это исходное положение обосновывалось еще в 80-е годы XX столетия. Также в объект правоведения наряду с государством и правом включают юридически значимые свойства реальных жизненных отношений, сознание, менталитет и фактические волеизъявления их реальных участников. Причем, эти свойства могут быть из разных сфер человеческой деятельности экономической, социальной, политической и духовной [12, с. 7].

Применительно к термину «правовая реальность (действительность)» необходимо говорить о том, что бытие права аккумулирует в себе все существующие в пространстве и во времени правовые феномены. Такая позиция широко распространена и ее придерживается. Например, Н. И. Матузов, определял правовую систему как категорию, отражающую все правовые явления и всю правовую реальность, существующие в обществе. Иными словами: правовая система включает в себя все правовые феномены [6, с. 641].

Соответственно можно в целом утверждать, что государственно-правовая действительность состоит из множества феноменов, имеющих отношение к государственно-правовым явлениям. В рамках данного суждения возникает вопрос, является ли случай феноменом государственно-правовой действительности? Одна из задач права заключается в систематизировании и регулировании существующих жизненных феноменов. Однако возможно ли структурировать и определить в законодательном положении все происходящие в общественной жизни повседневные случаи?

Прежде чем ответить на данный вопрос, нужно разъяснить для начала, что представляет собой само понятие феномен. Согласно Большому Энциклопедическому словарю, феномен – это или необычный, исключительный факт, явление... или во-втором смысле философское понятие, означающее явление, данное нам в опыте, чувственном познании (в противоположность ноумену, постигаемому разумом и составляющему основу, сущность феномена) [9, с. 1408]. Безусловно, в нашем контексте данное определение должно быть интерпретировано в первом варианте. Таким образом, ответ на вопрос «случай - это феномен?» можно переформулировать так: является ли случай частицей объективной реальности имеющее такие характеризующие признаки как необычность, исключительность? Как правило, да. Это явление имеет такие свойства, и они имеют

определяющее значение для данной языковой экспликации. И, безусловно, это определенное жизненное обстоятельство. Соответственно случай – это, несомненно, феномен. Однако это феномен государственно-правовой действительности или только жизненный фактор? Иными словами, имеет ли данный феномен свое выражение в современных правоотношениях?

Для того чтобы более детально разобраться в данном вопросе стоит более подробно углубиться в понимание самого термина «случай» в праве.

Рассматривая явление юридического случая, прежде всего, следует отметить тот факт, что в отечественной юридической науке ему уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем с пониманием явления юридического случая связаны такие важные проблемы юридической науки, как правопонимание, эффективность механизма правового регулирования и современной системы законодательства России, а также другие важные вопросы, имеющие как теоретический, так и практический характер.

Вопросы случая, исследуемые отраслевыми юридическими науками, известны еще со времен римского права. В римском частном праве случайный вред (*casus*) определялся как вред, происшедший помимо вины причинившего вред лица. Случай мог быть двух видов: простой случай (*casus*) и непреодолимая сила (*casusmajor*). Простым назывался преодолимый случай, примером которого может быть вред, причиненный грызунами, насекомыми или нападением слабоумного человека [11, с. 111]. По поводу последнего вида высказывался еще В. А. Ойгензихт. Он писал, что в римском праве также существовала точка зрения, которая заключалась в том, что под случаем понимался вред, причиненный не по воле должника или третьего лица.

И. Б. Новицкий указывал, что в римском праве «случай» мог пониматься как техническое выражение для гибели или повреждения вещи, происшедших без вины должника. Автор также приводит в пример ситуацию, когда наследник обязан выдать вещь по распоряжению завещателя, но вещь утрачена не по вине наследника [1, с. 21-22].

В науке русского дореволюционного права понятию случай противопоставлялась вина. Под случаем, как юридической категорией понимались такие события (действие или бездействие лица, проявление сил природы) или такие последствия подобных событий и

даже произвольных деяний, которые произошли помимо воли и вины лица [8, с. 65].

Н. С. Таганцев называл деяние случайным, когда лицо, по своему возрасту, интеллектуальному и моральному развитию вполне дееспособное, действовало при таких условиях, что оно не только не сознавало, но и не могло сознавать, что совершает данное преступление и что из его поступка произойдут преступные последствия [10, с. 34-35]. Таким образом «случай» как юридическая категория определялся в уголовном праве.

В период советского права в отечественной цивилистической науке была разработана теория отграничения случая от непреодолимой силы и получила название «теория необходимых и случайных связей». Первым ее изложил Д. М. Генкин в 1949 году: «понятие казуса – простого случая лежит в ряду понятия виновности ... вина и казус лежат в ряду необходимой причинности, непреодолимая же сила связана с понятием случайной причинности». Впоследствии данная концепция пользовалась значительной популярностью в СССР [4]. Смысл указанной концепции заключается в том, что при казусе существует необходимая причинная связь между противоправным поведением и его результатом.

Также одно из интересных позиций по правопониманию случая, состоит в том, что его сущность может сливаться с сущностью юридического факта. Учитывая мнение В. Б. Исакова, следует отметить, что «многие факты сочетают в своем содержании элементы объективного и субъективного характера. Например, сложные юридические факты в большинстве своем не являются ни «чистыми» действиями, ни «чистыми» событиями, они объединяют элементы того и другого». По мнению ученого «системе юридических фактов, как и многим другим правовым явлениям, свойственно тесное переплетение объективного и субъективного. «Человеческий фактор» проявляет себя в том, что именно человек выступает «автором» подавляющего большинства юридических фактов» [2, с. 235]. Несомненно, случай как феномен в государственно-правовой действительности имеет как объективный, так и субъективный характер. Однако многие ученые правовой мысли очень часто не соглашались с такой позицией.

По мнению Л. А. Лунца «случай и отсутствие вины – это две стороны одного и того же явления, и там, где кончается вина, там начинается случай. Поэтому, по его мнению, принцип ответственно-

сти должника лишь при наличии вины можно иначе сформулировать следующим образом: «должник не отвечает за случай» [7, с.356].

О. С. Иоффе также отмечал, что если лицо не знало, не могло и не должно было знать о возможности наступления результата, то вред признается случайным. То есть случай, по мнению ученого, можно определить, как антипод вины. Похожих взглядов придерживался В. А. Туманов.

Одно из любопытных мнений на исследуемый феномен «случай» высказал Е. А. Павлодский. Он отмечал, что случай как антипод вины характеризует такое психическое отношение лица к своим действиям, при котором он не знал и не должен был знать о возможности наступления вредных последствий, то есть случай как гражданско-правовой термин характеризует субъективную сторону гражданского правонарушения. Аналогичной точки зрения придерживались многие советские цивилисты. Однако С. С. Алексеев и М. Д. Шаргородский под случаем понимали отсутствие причинной обусловленности между деянием лица и причиненным вредом.

В. Варкалло замечает, что концепция случая как противоположности вины является, можно сказать, общепризнанной. Но иногда данному понятию предают значение, более приближенное к его философской интерпретации. Случай может пониматься как фактор, вызывающий изменения, не являющиеся результатом человеческой деятельности или, например, незапланированное событие [1, с. 21-24].

На сегодняшний день некоторые исследователи смысловое содержание феномена «случай» отождествляют с формулировкой, закрепленной в ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации: лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства [3, с. 47; 5]. Такая позиция видится не совсем верной. Приведенное выше определение может быть вполне уместно в гражданско-правовой сфере отношений. Но данный феномен применяется повсеместно во всех институтах и отраслях правовой мысли.

В мировой гражданско-правовой науке также существует взгляд, который определял «случай» как особую форму психического отношения лица к своим поступкам и их последствиям. Полагаем, что в действительности «случай» характеризуется не особой формой

психического отношения лица к последствиям своих действий, а отсутствием какого-либо психического отношения лица к наступившим последствиям своих действий.

Сегодня в теории российского права в основе традиционного понятия «случай» лежит представление о случайности как исключительно субъективной категории. Событие может быть признано случайным только по отношению к сознанию действующего или наблюдающего, так как со стороны объективной всякое явление в мире есть неизбежный продукт всех предыдущих; в природе ничего случайного не существует. Сообразно с этим воззрением на случайность, последняя определяется как посягательство на правоохранный интерес, которые учинивший не только не предвидел, но и не мог предвидеть при полной внимательности к своей деятельности, или наступление которых не только казалось, но и должно было казаться ему при данных обстоятельствах невероятным [11, с. 113]. Отметим, что право не носит статичный характер, поэтому предполагаем, что с процессом его совершенствования существующее устоявшееся определение «случай» будет уточняться и видоизменяться.

Таким образом, можно сделать два логически обусловленных вывода. Во-первых, феномен «случай» является правовым явлением, включенным в государственно-правовую действительность. Исходя из позиции исследователей права и действующих норм законодательства, имеющийся феномен занимает важное место в современной конструкции правовой системы. Его обусловленность существования в данной структуре связано с постоянно меняющимися общественными отношениями и детерминирующими их событиями. Во-вторых, исходя из этого, определенным образом установить и нормативно отразить в законах и актах все происходящие в общественной жизни повседневные случаи нельзя. Но предусмотреть такие вариации в некоторых обстоятельствах возможно.

В целом же проблемы правопонимания термина «случай» возникали на всем этапе становления права. В разные эпохи развития сферы правоотношений понимание данного феномена было различно и его определение до сих пор вызывает обширные дискуссии. Но, несомненно, одно: прогресс права и его составляющих, очевидно, зависит от установления сути этого явления и окончательное формирование смысла данной языковой экспликации в юридической сфере позволит сделать шаг вперед в эволюции правовой мысли.

Источники и литература

1. *Белобородов А. С.* История развития случая как института гражданского права России // Сборник статей по материалам XX Международной научно-практической конференции «Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия». – М., 2018. – С. 20–26.

2. *Вележев С. С.* Казус как индивидуально-конкретное проявление реальности // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3 (4). – С. 234–236.

3. *Гараева И. И.* Разграничение неопределимой силы и гражданско-правового случая // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Прорывные научные исследования как двигатель науки». – Уфа, 2019. – С. 46–48.

4. *Генкин Д. М., Новицкий И. Б., Рабинович Н. В.* История советского гражданского права 1917 – 1947 гг. – М., 1949. – 181 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

6. *Жилина Ю. А.* Правовая реальность как философско-правовая категория: понятие и структура // Молодой ученый. – 2015. – № 3 (83). – С. 640–643.

7. *Новицкий И. Б., Луцк Л. А.* Общее учение об обязательстве. – М.: Юридическая литература, 1950. – 412 с.

8. *Пирвиц Э. Э.* Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. – 154 с.

9. *Прохоров А. М.* Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. – М.: Большая Рос.энцикл., 2001. – 1632 с.

10. *Таганцев Н. С.* Лекции по русскому уголовному праву. – М.: Типография Борякова, 1899. – 126 с.

11. *Трофимов Я. В.* Случаи наступления ответственности за безвиновное причинение вреда и казус в гражданском законодательстве России и КНР // Власть. – 2010. – №7. – С. 110–114.

12. *Фаткуллин Ф. Н.* Проблемы теории государства и права: учебное пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2003. – 351 с.

РЕШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) СУДА СУБЪЕКТА РФ КАК АКТ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНОГО ОРГАНА

Аннотация. В настоящей работе рассматривается решение конституционного (уставного) суда субъекта РФ. Исследуются такие существенные признаки решения как государственно-правовой и властно-волевой характер, отмечается наличие принятия настоящего акта в определенном законом порядке, именуемом как конституционное производство. Указывается, что письменный характер является также одним из существенных признаков решения конституционного (уставного) суда. Обращается внимание на то, что решения конституционного (уставного) суда могут быть задействованы и проявляться в таких процессах как реализация права, так и применение права.

Ключевые слова: конституционный суд субъекта РФ, уставный суд субъекта РФ, решения конституционных и уставных судов субъектов РФ, правореализация, правоприменение.

THE DECISION OF THE CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURT OF SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN ACT OF STATE-POWER CHARACTER

Annotation. This article examines the decision of the constitutional (statutory) court of a constituent entity of the Russian Federation. It examines such essential features of a decision as state-legal and power-willed character, notes the existence of the adoption of this act in a manner determined by law, referred to as constitutional proceedings. It is indicated that the written nature is also one of the essential features of the decision of the constitutional (statutory) court. Attention is drawn to the fact that the decisions of the constitutional (statutory) court can be involved and manifest in such processes as the implementation of law and the application of law.

***Силивеев Илья Михайлович**, старший преподаватель, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Siliveev Ilya Mikhailovich, senior lecturer of Institute (branch) of the All-Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

Key words: constitutional court of a constituent entity of the Russian Federation, statutory court of a constituent entity of the Russian Federation, decisions of constitutional and statutory courts of constituent entities of the Russian Federation, legal implementation, law enforcement.

Предназначение права, как известно, заключается в придании общественным отношениям упорядоченного характера. Изменения в правовом развитии государства необходимо рассматривать в неразрывном контексте с политической и социально-экономической областями развития.

Отталкиваясь от задач, которые в настоящее время стоят перед Российской Федерацией, допустимо с уверенностью предполагать, что роль права в жизни общества будет только возрастать, что подтверждается актуальностью научных исследований, изучающих вопросы, связанные с различными средствами правового регулирования.

В настоящее время конституционный (уставный) суд субъекта РФ в системе власти призван обеспечивать правовую защиту конституции (устава) субъекта РФ и тем самым поддерживать стабильность конституционности и основ отечественного правопорядка. На наш взгляд, в первую очередь указанное предназначение должно реализовываться через решения конституционных (уставных) судов субъекта РФ.

Именно в решениях указанных судов дается официальное толкование положений регионального законодательства, формулируются выводы о конституционности (неконституционности) региональных законов и нормативных актов органов региональной власти. В этой связи, можно указать, что решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ выступают своеобразными связующими звеньями, которые объединяют конституцию (устав) субъекта РФ с текущей как правоприменительной, так и правотворческой деятельностью.

Следовательно, решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ выступают средством обеспечения не только устойчивости, но и необходимой для общества, находящегося в динамике развития, гибкости и рациональности конституционного правопонимания.

Для того, чтобы разобраться какое место занимают решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ в системе актов

органов государственной власти, необходимо определить существенные признаки решений судов конституционной юстиции.

Во-первых, решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ являются актами органов государственной власти. В толковом словаре В. И. Даля под «актом» понимается «всякое сбывшееся действие, принятое в значении: бумаги, заключающей в себе постановление, решение, сделку, свидетельство, грамоту, документ, письмо» [4]. Применительно к термину акт, его следует толковать как действие или документ, который отражает информацию о совершенном действии со стороны органа государственной власти.

Во-вторых, решение конституционного (уставного) суда РФ обладает государственным характером. Рассматривая правовое положение конституционного (уставного) суда субъекта РФ, важно указать, что данный субъект учреждается (создается) субъектом Российской Федерации, что отражено в статье части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [5]. Соответственно, воля на создание конституционного (уставного) суда субъекта РФ исходит от властного субъекта, который одновременно при учреждении суда, на наш взгляд, наделяет его властными полномочиями по решению определенного круга вопросов, который определяется субъектом РФ. Определяя место конституционного (уставного) суда субъекта РФ, наряду с региональным характером необходимо выделить, что указанный субъект входит в судебную систему РФ. Так, в статье 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определено, что правосудие в РФ осуществляется судебными органами, в том числе конституционными (уставными) судами [5].

В-третьих, осуществляя правосудие в регионах, конституционный (уставной) суд субъекта РФ, выносит властные решения. Властный характер деятельности и, как следствие, решений указанного суда, проявляется в обязательности исполнения судебных решений такого суда со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, физических и юридических лиц. Кроме того, властный характер также может проявляться в том, исходя от органа государственной власти, указанные решения выступают в определенной роли юридическими фактами, поскольку принятие таких решений как порождает целый ряд прав и обязанностей, так и может их прекратить. Например, по мнению В.

В. Гошуляка, нормативные акты, признанные конституционным (уставным) судом субъекта РФ неконституционными, утрачивают юридическую силу, это влечет определенные последствия, которые могут быть выражены в возложении обязанности на орган, принявший неконституционный акт, отменить либо изменить его [2, с. 92].

В-четвертых, занимая определенное место в судебной системе, свою деятельность конституционный (уставный) суд субъекта РФ осуществляет посредством конституционного судопроизводства, которое представлено как одна из процессуальных форм осуществления правосудия. Одновременно с этим Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации», дополняет и детализирует положения статей 118 и 125 Конституции РФ, закрепляя, в том числе, возможность создания органов конституционной судебной юрисдикции и на региональном уровне [5].

В-пятых, решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ, имеют письменный характер, который придает легальность решению конституционного (уставного) суда субъекта РФ. Документарная легальность означает, что решения названных судов предполагает требование надлежащей структуры (вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной части), требование мотивированности и определенности.

Наличие вводной части, в которой отражаются сведения следующего характера: наименование и номер решения, наличие даты и места его принятия; персональный состав суда; необходимые данные о сторонах для их персонализации; формулировка рассматриваемого вопроса, поводы и основания к его рассмотрению; ссылка на правовые нормы, в соответствии с которыми суд вправе рассматривать данный вопрос.

В описательной части решения конституционного (уставного) суда должна содержать информацию о требовании, содержащемся в обращении; правовой позиции сторон по делу; фактических и иные обстоятельства дела, которые установлены судом.

В мотивировочной части отражаются нормы конституции (устава) субъекта РФ, которыми руководствовался судебный орган; доводы в пользу принятого решения, а при необходимости также доводы, опровергающие утверждения сторон.

В резолютивной части решения отражается формулировка самого решения; указание на обязательность и окончательность реше-

ния; как видится, порядок вступления решения в силу, а также порядок, сроки и особенности его исполнения и опубликования.

Указанные признаки позволяют предположить, что решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ могут быть задействованы в таких процессах как реализация права и применение права.

Обратим внимание, что в тексте и содержании решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ содержится определенная правовая позиция. Данная правовая позиция может оказывать определенное воздействие на поведение региональных органов исполнительной или представительной государственной власти.

Представляется также интересным рассмотреть вопрос о роли конституционного (уставного) суда субъекта РФ в процессах применения права и реализации права. В процессе применения права конституционный (уставный) суд, как судебный орган главным образом осуществляет применение права. Так, органы конституционного правосудия могут осуществлять профилактику правонарушений по предупреждению нарушений в нормативном регулировании конституционных прав и свобод граждан со стороны законодателя или пресечение правонарушений, заключающееся в распространении решений суда о признании неконституционными отдельных правовых положений на аналогичные нормы других нормативных правовых актов [1, с. 362-366].

В процессе реализации права конституционный (уставный) суд может осуществлять влияние на поведение государственных органов власти. Например, конституционный (уставный) суд субъекта РФ прямо не осуществляет правотворческую деятельность, но косвенно, путем признания регионально-правового акт неконституционным, фактически прекращает исполнение правоприменительных актов региональных органов исполнительной власти, в случае, когда такие правоприменительные акты основаны на неконституционном регионально-правовом акте. В таком случае органами региональной власти приобретает форму непосредственной реализации права, которая выражена в соблюдении органами исполнительной власти обязанности не применять правовой акт, признанный неконституционным.

Признание неконституционности определенного правового регулирования означает установление запрета в будущем на повторное введение такого же регулирования [3, с. 20]. Это означает, что

правовая позиция, содержащаяся в решении конституционного (уставного) суда, в дальнейшем учитывается правотворческими органами и используется при разработке нормативно-правовых актов, посредством которых осуществляется правовое регулирование.

Таким образом, рассмотренные свойства решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ и его роль в процессах правореализации и правоприменения свидетельствует о потребности более глубокого осмысления роли судебных органов конституционного контроля на региональном уровне. Вместе с этим существует и необходимость более подробной законодательной регламентации правового положения конституционных (уставных) судов и правового регулирования их деятельности в законодательстве федерального уровня.

Источники и литература

1. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. – М.: Инфра-М, 2008. – 448 с.
2. *Гошуляк В. В.* Решения конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации как форма развития конституционной теории // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 2 (6). – С. 91–98.
3. *Петров А. А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации в доктрине и практике конституционного правосудия: дисс. ... докт. юрид. наук. – Иркутск, 2019. – 569 с.
4. Толковый словарь живого Великорусского языка В. И. Даля [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=176> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1. – Ст. 1.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ (ИСТОКОВ ПРАВА), ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Тезисы доклада посвящены анализу сущности правового регулирования общественных отношений с учетом религиозных факторов (религиозных норм и отношений) в качестве правообразующих факторов (источков права).

В процессе анализа выясняется различие категорий «сущность правового регулирования» и «сущность права», определяется менее абстрактный и более субъективный характер сущности правового регулирования.

По итогам рассмотрения данной проблематики делается вывод о том, что учет религиозных норм и отношений как правообразующих факторов особого типа, определяющих природу и характер нормативной правовой регламентации, способствует объективному рассмотрению сущности правового регулирования.

Ключевые слова: сущность правового регулирования, сущность права, религиозные факторы, религиозные нормы, религиозные отношения, правообразующие факторы, истоки права.

FEATURES OF RELIGIOUS FACTORS (ORIGINS OF LAW) DEFINING THE ESSENCE OF LEGAL REGULATION

Annotation. The theses of the report are devoted to the analysis of the essence of legal regulation of social relations taking into account religious factors (religious norms and relations) as law-making factors (origins of law).

In the process of analysis difference between the categories «essence of legal regulation» and «essence of law» is clarified, less abstract

---

* **Спири́н Михаи́л Юрье́вич**, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, г. Самара, Россия.

Spirin Mikhail Yurievich, candidate of legal sciences, associate professor, Samara national research university, Samara, Russia.

and more subjective nature of the essence of legal regulation is determined.

Based on the results of considering this issue it is concluded that taking into account religious norms and relations as law-making factors of a special type that determine the nature and character of normative legal regulation contributes to an objective examination of the essence of legal regulation.

Key words: essence of legal regulation, essence of law, religious factors, religious norms, religious relations, law-making factors, origins of law.

Рассматривая важнейшие особенности религиозных факторов (соответствующих норм поведения в рамках религиозных общин, а также в социуме; религиозных отношений между лицами, возникающих и реализующихся на основе соответствующих норм) как правообразующих факторов, необходимо изначально обратить внимание на принципиальный факт того, что сущность правового регулирования, познание которой возможно именно с учетом всех проявляющихся правообразующих факторов, выступает как категория менее глобального характера в сравнении с требующей философского осмысления категорией «сущность права» [1, с. 5, 32].

Причиной этому, как представляется, выступает философский уровень восприятия сущности права и несколько более «приземленный», в гораздо большей степени субъективный характер сущности правового регулирования. На это фактически обращал внимание в свое время С. С. Алексеев, переходя от анализа механизма правового регулирования [2] к детальной разработке механизма правового воздействия и определению «тайны и силы права» в значительно более глубоком смысле, чем субъективное нормативное правовое регулирование, осуществляемое органами публичной (в т.ч. государственной) власти [3; 4].

Правда, стоит признать, что как на практике, так и в научной литературе по-прежнему часто происходит сведение всего богатства регулятивного потенциала и инструментария правового воздействия к нормативному правовому регулированию (в т.ч. законодательному регулированию) [5]. Следовательно, известная концепция Л. С. Явича о многоступенчатой (многопорядковой) природе единой сущности права как социокультурного явления не в полной мере примени-

ма к определению сущности правового регулирования общественных взаимодействий [6].

Основной причиной этого выступает отчетливое внешнее регулятивное влияние органов публичной власти, которые в рамках осуществляемой правовой политики определяют пределы и уровни применяемого ими правового регулирования. Тем самым, поскольку достаточно точно определены субъекты этого регулирования, оно становится в нашем понимании внешним, исходящим от властных лиц, а, следовательно, установить сущность данного явления проще, чем более абстрактную сущность права.

Таким образом, сущность правового регулирования можно в первом приближении определить как единую «горизонтальную» (неуровневую) категорию, которая зависит от особенностей текущей правовой политики органов публичной власти в конкретном обществе.

В то же время, при всем порой нежелании признавать наличие внешних влияний на эту правовую политику необходимо однозначно указать на то обстоятельство, что эти влияния существуют и носят двойственный характер: объективный и субъективный. Существуют факторы двух типов, определяющие характер, как самой правовой политики органов публичной власти, так и сущностные особенности процесса правового регулирования, посредством которого эта политика реализуется в обществе.

К объективным правообразующим факторам следует отнести природно-климатические, национально-этнические, языковые, исторические, социально-экономические и иные, определяемые глобальными и коллективными обстоятельствами, факторы. В отличие от них, субъективные правообразующие факторы зависят от внутренних причин развития каждой конкретной личности, среди них устойчивы социально-психологические, моральные и религиозные факторы [7, с. 15, 21].

Факторы обоих типов, активно влияющие на устанавливаемую нами сущность правового регулирования, действуют в пространстве и во времени, исходят из определенных начальных точек общественного и личностного восприятия жизни (истоков права), которые, собственно, и объясняют их характер, а также формирующие векторы их развития. Поэтому истоки права суть первоосновы всех правообразующих факторов, на базе анализа которых определяется сущность правового регулирования, но также, отдельно от этих

факторов, существующие первопричины их появления и последующего развития. Данный вывод был уже сделан нами по итогу логического соотношения категорий «правообразующий фактор» и «исток права» [8].

Возвращаясь к началу нашего анализа, необходимо обратить особое внимание на религиозные факторы, влияющие на процесс правового регулирования и часто вносящие значительный вклад в вопрос определения сущности такого регулирования.

Религиозные факторы можно анализировать с позиции их выражения в устойчивых религиозных нормах, а также – с точки зрения развития унифицированных на базе действия этих норм религиозных отношений. При этом в зависимости от типа понимания самого правового регулирования, можно поставить на первое по значению место именно нормы (нормативистский и, в целом, позитивистский подход) либо соответствующие отношения (социологический или реалистический подход).

Начнем с характеристики религиозных норм как одного из знаковых средств выражения религиозных истоков права. Следует иметь в виду, что религиозные нормы проявляют свое регулятивное начало в двух плоскостях:

1) как формально-фактические нормы религии, закрепленные специальными церковными формальными источниками и регулирующие вопросы отправления религиозного культа, обрядности, порядка использования священных книг в рамках богослужений и т.д.;

2) как фактические нормы религии, изменившие с течением времени свою внешнюю нормативную оболочку на формально-юридическую и существующие в настоящее время в качестве правовых норм, поддерживаемых в своем действии как общинами верующих и религиозными объединениями, так и органами публичной власти (регулирующие вопросы вступления в брак, семейной жизни, порядка наследования имущества, воспитания детей в семье, применения уголовных наказаний за совершение преступлений против личности и имущества и т.д.).

Религиозные нормы второго типа – это преобразованные и используемые для нужд светской жизни религиозные нормы первого типа. Например, закрепленный Конституцией РФ и Уголовным кодексом РФ принцип справедливости отражает суть религиозного догмата о равном воздаянии по вере и делам людей, облеченный в

нормативную оболочку конституционного и уголовно-правового характера. Установленные той же Конституцией РФ и Семейным кодексом РФ нормы взаимодействия родителей и детей находятся в русле религиозных представлений о благой и милосердной семейной жизни разных поколений людей.

По сути, религиозная норма первого типа является истоком для появления нормы второго типа с имманентным религиозным содержанием и перманентной формально-юридической оболочкой. Одновременно с этим развитие формально-фактического религиозного нормативного регулирования на протяжении многих столетий оказывало сильнейшее факторное воздействие на последующую специально-юридическую регламентацию социальной жизни, которая, используя заимствованное ядро регулятивного воздействия, с определенного момента стала нуждаться именно в публично-правовой оболочке своего нормативного существования.

Перейдем теперь к оценке религиозных отношений, которые отражают динамический аспект истоков правового регулирования.

Религиозные отношения, складывающиеся под влиянием действия религиозных норм двух вышеуказанных типов, по сути, также соответствуют заданным этими нормами плоскостям регламентации социальной жизни:

- 1) религиозные (канонические) отношения в рамках действия формально-фактических религиозных норм первого типа;
- 2) обретшие специально-юридическую оболочку религиозные отношения, урегулированные нормами светского права в условиях воцерковленного общества.

ИмPLICITный религиозный характер многих формальных правовых отношений в публичной и частной сферах часто подтверждается добровольной беспроблемной реализацией их содержания на основе понимания участниками этих отношений своего внутреннего долга (долженствования) по отношению к контрагенту. При этом такое понимание долга и исполнение юридически значимых обязанностей вследствие существования этого долга субъективно располагается за пределами формально-юридической составляющей, о которой участник правоотношения обычно вспоминает только тогда, когда его контрагент нарушает взятые на себя обязательства.

Известные социальные примеры Л. И. Петражицкого, показывающие различие между юридическим и моральным (и, в этом же смысле, религиозным) нормативным регулированием (императивно-

атрибутивными и императивными эмоциями), по сути, также основаны на понимании внутреннего долга участником социального отношения и в том случае, когда такое понимание носит двусторонний характер (извозчик и пассажир etc.), его необходимо признавать правовым [9, с. 128-171; 10, с. 271-272]. В то же время понятно, что сама суть двустороннего обязательства покоится на сугубо религиозной (внеправовой) уверенности в необходимости сделать адекватное добро (предоставить соразмерное благо или ценность) тому лицу в социальном отношении, которое оказало соответствующую услугу. Это лицо вправе требовать предоставления возмездных благ (на чем и основан императивно-атрибутивный характер эмоций правообязанного), но обычно это происходит, когда что-то в реализации отношения «пошло не так». В нормальных условиях адекватное исполнение обязанности воспринимается абсолютным большинством людей как само собой разумеющееся (следовательно, основанное на религиозной и моральной силе внутреннего убеждения в необходимости выполнить то, что лицо должно выполнить в рамках содержания правового отношения).

В этом смысле, например, соблюдение абсолютных прав собственника вещи также основано на уважении к этим правам, которое, в свою очередь, восходит к основополагающим религиозным постулатам. Религиозные отношения, проявляющиеся в вышеуказанных двух плоскостях, стоит воспринимать и как исходные точки (истоки, шаблоны человеческого поведения), и как особые факторы, воздействующие на сущность собственно правового регулирования. В таком случае многие аспекты данного воздействия достаточно убедительно объясняют не только психологическая, но и социологическая концепция права.

С позиции социологической юриспруденции сам характер правового регулирования, а также конкретные правовые явления, посредством которых происходит детальная регламентация человеческих взаимодействий, определяется не произвольными желаниями законодателя и судей и не конструктивными особенностями самих юридических норм, правовых отношений, презумпций, фикций и преюдиций, а внутренней социальной необходимостью в формально-юридической регламентации конкретных видов и вариантов социальных отношений.

В этом смысле правовое регулирование становится аналогом действий разумного инженера, проектирующего новые социальные

пространства, который указывает на необходимость прокладки асфальтированных дорожек лишь там, где люди уже протоптали тропинки, а значит, эти асфальтовые дорожки будут соответствовать и реальным направлениям людских потоков, и внутреннему удовлетворению людей от того, что их социальные потребности были адекватно и оперативно учтены [11, с. 73-74; 12, с. 172-173; 13, с. 12, 167-168, 170-177]. Данное внутреннее удовлетворение создает в обществе духовную гармонию, спокойствие крупных социальных групп, уверенность в завтрашнем дне и смысле своего сегодняшнего существования каждого человека, что выступает безусловным признаком религиозного явления.

Таким образом, если учитывать особый характер влияния на сущность правового регулирования религиозных норм и религиозных отношений в конкретном обществе, сама эта сущность в нашем понимании может несколько измениться и стать более объективной, т.е. приблизиться к уровню понимания сущности права как более абстрактной модели. Отсюда можно сделать принципиальный вывод о значении учета и изучения многочисленных социальных явлений и элементов «живой жизни», которые, расширяя и обогащая характер сущности правового регулирования, предоставляют возможность определить ее максимально объективно и научно.

Как представляется, в том числе и с привлечением внимания к воздействию на функционирование права как регулятивной системы неформальных (общественных) факторов аргументированно высказался В. А. Рудковский, указав на жизненный, естественный характер плюралистической модели организации правовой жизни общества в сравнении с моделью государствоцентричной, в соответствии с которой любая форма осуществления правовых предписаний, равно как и форма закрепления этих предписаний должна исходить исключительно от компетентных органов государственной власти [14]. Именно плюралистическая модель возникновения и действия правовой системы общества содержит в себе элементы религиозно-правового регулирования социальных взаимодействий.

Следовательно, религиозные факторы в качестве принципиальных истоков правового регулирования должны быть учтены при анализе как сущности правового регулирования (как социальной деятельности), так и сущности права как социального регулятивного явления.

Источники и литература

1. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Изд-во Зерцало, 2008. – 452 с.
2. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
3. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория - философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
4. *Алексеев С. С.* Тайна и сила права. 2-е изд. – М.: Норма, 2009. – 176 с.
5. *Байтин М. И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд. – М.: Издат. дом «Право и государство», 2005. – 544 с.
6. *Явич Л. С.* Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 207 с.
7. *Придворов Н. А., Трофимов В. В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2012. – 400 с.
8. *Спирин М. Ю.* О соотношении правообразующих факторов и истоков права // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 31 января – 2 февраля 2019 г. Ч. 80 / под ред. М. М. Журавлева, С. В. Ведяшкина, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова. – Томск: Издат. дом Томского госуниверситета, 2019. – С. 38–40.
9. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Юрайт, 2016. – 295 с.
10. *Антонов М. В.* Теория государства и права. Учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – 498 с.
11. *Сабо И.* Основы теории права / пер. с венг. – М.: Прогресс, 1974. – 272 с.
12. *Кульчар К.* Основы социологии права / пер. с венг. – М.: Прогресс, 1981. – 256 с.
13. *Сырых В. М.* Социология права. 5-е изд. – М.: Justitia, 2018. – 472 с.
14. *Рудковский В. А.* Государствоцентризм и плюрализм как модели организации правовой жизни // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3 (54). – С. 8–12.

К ВОПРОСУ О ДЕФОРМАЦИИ (ПРОТРУЗИИ) ПРАВА

Аннотация. Рассматривается явление протрузии права, связанного с возникновением формально не противоречащего действующим нормам и не формирующего пробел в правовом регулировании массива норм, приводящих к дисгармонии в праве и, как следствие, реакции отторжения права в обществе. Такое явление возникает, как правило, в период трансформации политических режимов, как реакция на невозможность в условиях сложившихся правовых реалий реализовать интересы правящей политической группы. Отмечается, что протрузии бывают трех типов: правотворческие, толковательные (интерпретационные) и правоприменительные.

Ключевые слова: гармония права, протрузия права, политический режим, правовое явление.

TO THE QUESTION OF DEFORMATION (PROTRUSION) OF THE RIGHT

Annotation. The article considers the phenomenon of protrusion of law associated with the emergence of formally not contradicting the current norms and not forming a gap in the legal regulation of an array of norms leading to disharmony in law and, as a consequence, the reaction of rejection of law in society. This phenomenon occurs, as a rule, during the transformation of political regimes, as a reaction to the impossibility of realizing the interests of the ruling political group under the prevailing legal realities. It is noted that protrusions are of three types: law-making, interpretive (interpretive) and law enforcement.

Key words: harmony of law, protrusion of law, political regime, legal phenomenon.

Право, как система регулирования общественных отношений стремится к гармонии. Гармония является одновременно и свойством права, опирающимся на категорию упорядоченности, и принци-

---

*Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Tirskikh Maksim Gennadievich, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

пом права [2], определяющим правовое регулирование общественных отношений.

В первом случае речь идет о том, что отдельные элементы права должны прибывать в рамках правовой системы в состоянии гармоничной упорядоченности, не противоречить друг другу, не создавать ситуации существования внутренних противоречий, коллизий. При этом, как отмечал С. С. Алексеев, «при помощи норм, нормативных начал достигается общая упорядоченность данной группы общественных отношений, участка социальной жизни» [1, с. 90], что также можно интерпретировать как проявление свойства гармонии права.

Во втором случае, гармония выступает в качестве базовой ценности, определяющей деятельность законодателя, который, создавая норму права, стремится к тому, чтобы данная норма была когерентна регулируемому общественному отношению, а сами нормы создавались как конструкции, не противоречащие уже действующим правовым нормам.

Очевидно, что в процессе функционирования общества могут возникать ситуации, при которых гармония права (и как свойство и как принцип) нарушается. В таком случае, гипотетически возможно два варианта развития ситуации.

Первый, связан с комплексным нарушением гармонии права и приводит к разбалансировке правового регулирования, требующей быстрых и комплексных решений. В частности, такая ситуация возникает тогда, когда нормы права, закрепленные в формальных источниках, перестают соответствовать реальному содержанию общественных отношений. В таком случае эти нормы должны прекратить свое действие, либо посредством их отмены в рамках нормотворческого процесса, либо посредством неприменения при регулировании изменившихся общественных отношений.

Второй вариант связан с ситуациями, когда возникающая дисгармония в праве не приводит к невозможности функционирования нормы, однако, при этом вызывает негативную реакцию общества. Фактически субъекты правоотношений не могут в полной мере реализовать собственные права и обязанности, не испытывая при том негативных аспектов такой дисгармонии.

В юридической науке нет термина, который бы в полной мере описывал такое состояние, в том числе и потому, что оно является многогранным и связано с одновременным проявлением нескольких

неблагоприятных последствий нарушения гармонии права. В частности, к таким последствиям можно отнести: появление норм, не сопряженных с ранее существовавшими нормами, что существенно затрудняет правореализацию и правоприменение, вызывает негативное состояние правосознания граждан (от разочарованности в логичности и благоприятности правового регулирования, до формирования устойчивого правового нигилизма), формирует дисбалансы в конкретных общественных отношениях. Это, разумеется, не влечет утрату возможности реализовать свои права и обязанности в рамках конкретных общественных отношений, но оценивается обществом весьма неблагоприятно. Возникающие реакции на нарушение гармонии приводят к увеличению случаев негативной оценки права и явлений с ним связанных.

Такое явление, на наш взгляд, целесообразно назвать «протрузия права» по аналогии с известным медицинским термином, обозначающим состояние позвоночника, характеризующееся развитием неестественного выпячивания межпозвоночного диска с сохранением его целостности. Аналогичным образом протрузия возникает вследствие регулирования, которое не образует пробелов в праве, равно как и не приводит к появлению коллизий, которые очевидно препятствуют осуществлению регулятивной функции правовых норм.

В отношении норм, вызывающих протрузию права, мы не можем говорить, что они каким-либо образом противоречат уже действующим нормам, а равно не можем говорить о состоянии отсутствия урегулирования данных общественных отношений. Напротив, такие нормы могут достаточно полно и комплексно регулировать общественные отношения. Они могут иметь высокую степень соответствия принятым правилам юридической техники и, разумеется, не будут выходить за пределы нормотворческих полномочий принимающих их органов и должностных лиц. В этой части такие протрузионные нормы не могут быть названы противоречащими каким-либо правилам, связанным с нормотворческой деятельностью, порядком придания нормам юридической силы и так далее.

Между тем действие норм, вызывающих протрузию права, сопряжено с негативными последствиями, связанными с возникновением в обществе, профессиональном сообществе юристов, в среде лиц, осуществляющих правоприменительную практику «болезненного» и восприятия, чувства утраты гармонии и сущностного напол-

нения права. Прекрасно эту ситуацию описал В. И. Ленин. Рассуждая о ситуации с бюрократизмом в органах государственной власти, он писал: «но у нас дело всерьез не берут. А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути, издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту?» [3, с. 328]. Такие, правильные по форме и издевательские по содержанию нормы вызывают вполне естественную социальную реакцию, выражающуюся в целом комплексе различных последствий. Среди них можно назвать следующие последствия дисгармонии в праве.

Во-первых, невозможность осуществить полномасштабное надлежащее регулирование иных, смежных общественных отношений, а в некоторых случаях и фактическое приостановление, замораживание регулирования таких общественных отношений, что формирует в обществе состояние правовой неурегулированности, и, все последствия, возникающие вследствие нее;

Во-вторых, формирование в обществе состояния правового нигилизма, в связи с тем, что норма поведения, по мнению граждан «смещается» в результате произвольного ее установления органами государственной власти и должностными лицами, участвующими в нормотворческом процессе, а, следовательно, воспринимаются обществом как не отвечающие принципам и назначению права;

В-третьих, формирование специфического подхода органов государственной власти и должностных лиц к нормотворческой деятельности, в функционировании которых укрепляется принцип, связанный с допустимостью отступления от ранее принятых норм в угоду конъюнктурной целесообразности при условии, что эти нормы формально не противоречат иным правовым нормам;

В-четвертых, возникновение в обществе состояния социальной неудовлетворенности и недоверия к решениям органов государственной власти и должностных лиц, связанной с невозможностью определить базис правильного (логически обоснованного и подтвержденного практикой правоприменения) поведения на фоне возникающих особых порядков регулирования, на которые не распространяются некоторые общераспространенные ограничения, или предоставляются какие-либо правовые льготы.

В таком случае, очевидно, что протрузионные нормы приводят к комплексному поражению всей системы общественных отношений, деградации назначения и социальной ценности права. При этом, самостоятельный выход из этой ситуации для общества практически невозможен, поскольку формирует в создании поразительный комплекс «двоемыслия», когда человек, привыкший к определенным правовым принципам, сталкивается с легальным и не противоречащие де-юре другим нормам, однако, очевидно несоотносимые с уже сложившемся и устоявшимся правовым порядком.

Как правило, такие протрузионные нормы возникают в связи с особым целеполаганием органов государственной власти и должностных лиц в необходимости правового регулирования общественных отношений, который существенно отличается от ранее существовавшей традиции правового регулирования. Примером такого рода протрузионной нормы, можно, например, считать меру административной ответственности, санкция которой, существенно превосходит санкции иных мер административной ответственности, без учета степени общественной опасности такого деяния. Введение указанного правила поведения в таком случае не может не вызвать у субъектов, участвующих в общественном отношении первоначально реакции когнитивного диссонанса, а затем и отторжения такого правила поведения. В таком случае, участники общественных отношений воспринимают такие нормы как не соответствующие их представлениям о справедливости, а, следовательно, будут порождать как правовой нигилизм, так и негативную реакцию по отношению к государству, допустившую принятие такой правовой нормы.

Важно отметить, что протрузия права может возникать не только в связи с принятием нормы, вызывающей дисгармонию в праве, хотя такой вид протрузий, который можно условно назвать «нормативной протрузией» и является самым распространенным. Помимо него могут существовать еще два вида протрузий, связанных не с возникновением новой нормы, а, фактически, с приданием уже существующей норме нового содержания через ее интерпретацию, или формирование новой, устойчивой позиции (модели поведения) в рамках правоприменительной практики.

При возникновении «протрузии правоприменения», когда поведение субъектов в рамках общественных отношений хотя и урегулировано должным образом нормами права (традиционными, устойчивыми, когерентными сложившейся правовой с традицией), однако,

не может в полной мере быть реализовано из-за формирования правоприменительными органами правовых позиций, которые не в полной мере соотносятся с прежним применением данных норм.

В таком случае правоприменительная практика оказывается некогерентной правовым нормам, однако в силу особой позиции правоприменительных органов, воспринимается ими как оправданная и обоснованная. При этом, зачастую, в обществе возникает фон негативного отношения к такой правоприменительной практике, появляется восприятие суда, не как органа, в котором можно разрешить возникшие между субъектами правоотношений противоречия и добиться справедливого решения по делу, а как к органу государственного произвола.

Третьим видом протрузий являются «протрузии интерпретации», когда официальное, или аутентичное толкование права (либо специализированным органом толкования, либо органом, принявшим такую норму) придает норме иное звучание, нежели чем то, которое изначально воспринималось обществом. Такие протрузии возникают тогда, когда орган государственной власти, уполномоченный давать официальное толкование нормам права, принимает акт толкования права, в котором содержится положение, очевидно искажающее смысл правовой нормы, ранее укоренившийся в юридической практике. В таком случае, длительное действие такого разъяснения и формирование на основании него правоприменительной практики может вызвать негативную реакцию общества, послужить основанием для формирования в обществе отторжения права и его ценностей.

Все указанные типы протрузий фактически характеризуются тем, что регулирование, осуществляемое «протрузионной нормой» не соотносится с устоявшимся в данном государстве правовым порядком. Таким образом, зачастую демонстрируется стремление государства в рамках нормотворческой, правоинтерперетационной и правоприменительной деятельности использовать правовые средства для реализации целей, далеких, собственно, от целей правового регулирования в интересах общества. Создание таких норм осуществляется для удовлетворения потребности в формировании такого механизма властвования, который позволит удержать власть в государстве и обеспечит ее реализацию наиболее приемлемым для правящей группы способом. Чаще всего это происходит в периоды трансформации политического режима, постольку, поскольку в эти пе-

риоды новая власть не может положиться на традиционные механизмы управления, вынуждена формировать новые, атипичные механизмы управления, обеспечивать их функционирование правовыми нормами, приводящими к возникновению протрузий в праве.

Таким образом, явление протрузии можно рассматривать как производное от реализуемых властеотношений, которые, в силу неустойчивости политического режима, не могут реализоваться иначе, опираясь на устоявшиеся нормы права, не вызывающие в обществе негативного восприятия.

Источники и литература

1. *Алексеев С. С.* Теория государства и права. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.

2. Martin G. T. Revolutionary Holism: The Principle of Harmony and the Rule of Law in Human Affairs. URL: <https://www.radford.edu/gmartin/Harmony%20and%20the%20Rule%20of%20Law.June14.pdf> (дата обращения: 12.12.2020).

3. *Ленин В. И.* Материалы к съезду РКП // Полн. собр. соч.. 5-е изд. Т. 43. – М., 1970.

К ВОПРОСУ ЗНАЧИМОСТИ ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКОВ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ

Аннотация. В статье рассматривается значение института правовых источников в наиболее известных системах права – романо-германской и социалистической. В процессе изучения поставленного вопроса автор затрагивает тему проблемы определения «истины» и соотношения ее с институтом правовых источников. В ходе исследования использовался сравнительно-правовой метод. Кроме того, аналитически рассмотрены сущности выбранных правовых семей. Попутно автор делает интересные выводы относительно соотношения правовой истины и источников права в плоскости динамики развития общественных отношений.

Ключевые слова: континентальная правовая семья, социалистическая правовая система, правовая истина, правовой источник, динамика развития отношений.

TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF LEGAL SOURCES IN THE ROMANO-GERMAN AND SOCIALIST LEGAL FAMILIES

Annotation. The article examines the importance of the institution of legal sources in the most famous systems of law - Romano-Germanic and socialist. In the process of studying the question posed, the author touches on the topic of the problem of defining "truth" and its correlation with the institution of legal sources. The study used the comparative legal method. In addition, the essence of the selected legal families is analyzed analytically. Along the way, the author draws interesting conclusions re-

---

***Чигринский Николай Сергеевич**, аспирант 1 года обучения Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Тирских Максим Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Chigrinskiy Nikolai Sergeevich, 1st year postgraduate student of the Law Institute of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Tirskikh Maksim Gennadiyevich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

garding the relationship between legal truth and sources of law in the plane of the dynamics of the development of social relations.

Key words: continental legal family, socialist legal system, legal truth, legal source, dynamics of relations development.

Изучая такие фундаментальные явления как «правовая семья», «правовая система», «система права», в определенный момент интересующийся юридической наукой юрист, подходит к рассмотрению вопроса правовых источников – или внешних форм выражения права, придающие ему характер официальных правовых норм (в юридической практике мы представляем себе это как нормативные правовые акты, нормативные договоры, санкционированные обычаи, судебные и административные прецеденты). Важно сразу же отметить, что это определение выражает формально-юридический смысл правовых источников, однако нам представляется более интересным значение источников права в материальном смысле – то есть как социально-политических причин, условий возникновения права и определяющих его содержание [1, с. 21; 6, с. 266]. Еще более интересным представляется не опускать практический аспект влияния источников права на реальную действительность, поэтому в рамках данной работы мы постараемся определить значимость института источников права в двух схожих системах права – романо-германской и социалистической.

Говоря о значимости какого-либо института правовой науки, необходимо понимать – что брать за критерий значимости и от чего отталкиваться, определяя важность того или иного явления. В рассматриваемой нами ситуации мы думаем, что будет разумно взять за основу критерий «истинности» или «истины» – воспринимая ее как нечто первозданное, основное, наиболее точно соотносящее теоретические гипотезы с объективной реальностью. Но будет правильным прежде определиться с термином «истина» с точки зрения формального подхода.

Отталкиваясь от того, что «истина» - это нечто, связанное с «правдой, объективной реальностью», стоит взять за основу определение И. Т. Касавина: истина – это одна из базисных категорий философии, науки, культуры, религии и обыденного сознания, обозначающая соответствие человеческих знаний объективной действительности и подразумевающая идеал знания и способ его достижения [4, с. 6]. И в этой связи можно предположить, что истина в праве

– это соответствие правовых теоретических познаний событиям объективной реальности. Однако в контексте анализа выбранных нами правовых систем мы рассматриваем только один элемент их структуры – правовой источник – то есть форма внешнего выражения законодательных норм, поэтому в вопросе поиска и конкретизации правовой истины в определенной правовой семье мы будем опираться на особенности формирования их источников права. При этом мы все равно будем рассматривать правовые источники именно как условия возникновения права, определяющие его содержание.

Когда ставится вопрос поиска правовой истины в определенной правовой системе – целесообразным представляется воспользоваться сравнительно-аналитическим методом, который можно реализовать следующим способом: проанализировать две правовые системы, попутно соотнося их отдельные элементы, выявляя сходства, различия и точки пересечения этих систем. Взяв за основу институт правовых источников, разберем отдельно каждую взятую правовую семью.

Первоначально разберем сущность романо-германской правовой семьи в вопросе правовых источников. Известно, что данная система определяет несколько видов источников права, и в классическом понимании перечисляются следующие: конституционные законы; кодифицированные нормативно-правовые акты; обычные законы и правовой обычай. Спорным является правовой прецедент – с точки зрения признания его как полноправного источника права в романо-германской правовой семье [3, с. 2]. Однако на сегодняшний день можно утверждать, что в современных странах романо-германской правовой семьи правовой прецедент если и не является признанным источником права, то оказывает значительное влияние на развитие системы законодательства таких стран, правотворческую деятельность и деятельность по толкованию норм права. Тем не менее, в таких случаях принято говорить уже о смешанных правовых системах, вопрос о которых выходит за рамки рассматриваемой нами темы.

Итак, мы можем определить, что источник права в романо-германской правовой семье представляет собой, прежде всего закон – нормативный акт, как результат правотворческого созидательного процесса, направленного исключительно на создание документа, содержащего исключительно нормативно закрепленные абсолютные правила поведения в абстрактных правоотношениях. И, как уже бы-

ло упомянуто ранее, коль скоро мы связываем правовую истину определенной правовой семьи именно с ее источниками права, то в романо-германской системе права закон (или нормативный правовой акт) – это важный элемент правовой истины данной системы права [5].

Теперь разберем основные черты социалистической правовой семьи. Примечательно, что известный французский правовед Р. Давид ставил социалистическую правовую систему в один ряд с англосаксонской и романо-германской – хотя многие авторы с такой точкой зрения не согласны [2, с. 215]. Тем не менее, важно понимать, что социалистическая правовая система, возникшая в XX веке (прежде всего – в СССР и других странах социалистического лагеря) опиралась при создании своего базиса, прежде всего на романо-германскую правовую систему, а именно – в терминологическом аппарате и внешней структуре.

Общность рассматриваемых систем совпала и в институте источников права – как и в континентальной, в социалистической системе главная роль источников права принадлежит нормативным правовым актам (при этом – основным формам выражения системы закона). Регламентировались также общепризнанные принципы и признавались международные договоры. Однако существенным отличием здесь было то, что все нормативные акты создавались под существенным влиянием идеологии государства, как «следствие реализации коммунистической доктрины». Судебная практика также не оказывала существенного влияния на закон – в отличие от партийных программ и решений.

В процессе изучения социалистической правовой семьи мы затрагиваем вопрос сравнения рассматриваемых нами правовых систем в части источников права. Как мы уже отметили, основным отличием социалистической правовой семьи от романо-германской было неукоснительное следование социалистической идеологии соответствующими странами, которые в букве закона полностью поддерживали идеологические решения правительственных органов. Основы построения нормативных источников романо-германской правовой системы подобных положений не предусматривают.

Поэтому стоит предположить, что значительная суть правовой истины романо-германской правовой системы находится в источниках ее права; данный вывод основан на мысли о том, что именно закон в случае с континентальной системой отражает актуальные об-

щественные отношения действительности – так же, как и отражают ее изменения закона, динамика его внутренних перемен. Кроме того, так как социалистическая система, как мы упомянули, создавалась на базисе романо-германской правовой системы – то и в этой правовой семье суть правовой истины лежит в ее источниках права, но с единственной поправкой – все элементы этой истины проходят через «фильтр» идеологии и решений руководящих органов страны.

С другой стороны, мы можем столкнуться с проблемой того, что, ввиду различных обстоятельств динамика изменения закона может не соответствовать динамике перемен в общественных отношениях – и, в таком случае, закон не является отражением действительной реальности. Тем не менее, мы говорим об «идеальной» модели работы законотворческих структур, когда динамика развития двух упомянутых явлений параллельна друг другу – однако нельзя отрицать, что «реальная модель функционирования» далеко не всегда совпадает с «идеальной доктринальной».

С.А. Комаров прав, считая, что формы (источники) права как понятие характеризуют связь права с государством, поскольку именно государственная воля опосредует связь права с объективно существующими общественными отношениями [6, с. 265].

Подводя итог можно сказать, что критерий «объективности» истины позволяет говорить о ней как о сложном, многогранном явлении, требующих определенных усилий, навыков и знаний при подходе к ней – поэтому изучение источников права в конкретных правовых системах является важным шагом при постижении конкретной правовой истины.

Источники и литература

1. *Разумович Н. Н.* Источники и форма права // Советское государство и право. – 1988. – № 3. – С. 20-27.
2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.
3. *Емельянов Б. М., Сильчева А. А.* Сравнительный анализ правовых систем (семей) современности: англосаксонская, романо-германская (континентальная), мусульманская правовые семьи // Вызовы глобального мира. – 2014. – № 4. – С. 34-37.
4. *Касавин И. Т.* Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 20. – № 2. – С. 5-12.

5. *Спирин М. Ю.* Тип восприятия источника права как важный фактор выделения правовых традиций и групп правовых систем в теоретической и сравнительной юриспруденции // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 29 – 30 марта 2013 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. – М.: Изд-во РУДН, 2014. – С. 137–143.

6. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ: ОБ УТРАЧЕННОМ ОСНОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И СИМУЛЯКРАХ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема размытия концептуальных мировоззренческих начал уголовного права и уголовной политики. Автор обращает внимание на то, что многие категории, на которые принято опираться в риторике о праве и политике, утратили прежние смыслы и стали симулякрами.

Ключевые слова: уголовная политика, постмодернизм, религиозно-нравственные императивы, уголовное право, культура, религиозоведение.

RELIGIOUS AND MORAL IMPERATIVES: ON THE LOST FOUNDATION OF CRIMINAL POLICY AND SIMULACRA IN POST-MODERN SOCIETY

Annotation. The article deals with the problem of blurring the conceptual worldview principles of criminal law and criminal policy. The author draws attention to the fact that many categories that are commonly used in the rhetoric of law and politics have lost their former meanings and become simulacra.

Key words: criminal policy, postmodernism, religious and moral imperatives, criminal law, culture, religious studies.

Уголовная политика в постсовременном обществе развивается под влиянием разнонаправленных тенденций. В полной мере эта ситуация затрагивает и Россию. Несмотря на вопросы выбора вариантов развития, поиска баланса между глобалистскими и национальными приоритетами, статус аксиоматического приобрел постулат о поступательном росте цивилизованности человечества, государства

---

* **Шиханов Владимир Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Shikhanov Vladimir Nikolaevich, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

и права (в том числе уголовного), обо все большем осознании важности и необходимости закрепления свобод, защиты прав человека, расширения гуманных начал в правовом регулировании. В России на протяжении как минимум десяти лет не утихают споры об оптимальных уголовно-политических тенденциях, о просчетах и перекосах правоприменительной практики, вплоть до постановки диагноза о глубоком кризисе как уголовной политики [16, с. 15-16], так и самого уголовного права [4, с. 63-66; 6; 12, с. 216-219, 240, 267-295].

Ознакомление с публикациями и изданиями, на страницах которых обсуждаются эти проблемы, позволяет обнаружить весьма конкретный разлад между представителями юридической науки с одной стороны (отчасти и внутри самого сообщества правоведов), законодателями с высшими органами государственной исполнительной власти с другой стороны и судами с третьей стороны. Не остается в стороне и общественность в самом широком понимании.

Создается ощущение широкого плюрализма: споры идут о границах допустимого вмешательства в процессы воспитания детей, о важности или ненужности защиты религиозных чувств верующих, о необходимости уголовно-правовой защиты символов государства, истории [20, с. 66, 106-108; 6, с. 100-101], о возможности или недопустимости легализации эвтаназии, о легализации проституции [2, с. 26; 15], оборота марихуаны, об отношении к наркоманам, о моделях ответственности предпринимателей, вообще о курсе на либерализацию уголовной ответственности [20, с. 86] и практик обращения с осужденными, и т.д. Одновременно представлены обвинения оппонентов или властей в попустительстве правонарушителям и в сверхкриминализации, в излишнем консерватизме и в излишней либеральности, в дискриминации предпринимателей и в потакании предпринимателям. Предостаточно и других антиномий.

Несмотря на все противоречия в риторике всех спорящих легко обнаружить и общее: это отсылки к неким императивам и представлениям об идеальном. Здесь «человечность» и «гуманность», «человеческие качества» [8, с. 22], «общечеловеческие ценности» [1, с. 40; 3, с. 660-661; 18, с. 16], «совесть», «справедливость» [20, с. 104], «нравственность» [5, с. 21; 9, с. 416-417; 10, с. 42, 104; 11; 20, с. 94, 104, 186-187], а также ряд надличностных ценностей и феноменов (Родина, общественные интересы, патриотизм и др.) [17, с. 29-35]. Часть этих категорий мы находим и в Стратегии национальной

безопасности, утвержденной указом Президента РФ в 2015 году, в разделе о культуре [19, п.п. 77, 78].

Становится ясным, что это атрибуты некоей системы координат, которая размечает социальное пространство, означает разные явления, привязывает к ним эмоциональный окрас, конструирует представления о нормальности и девиантности с их градациями. Спорящие стороны опираются на эту систему координат как на некоторый фундамент, какой бы сложной ни была аргументация. Процесс редукции такой аргументации не может быть бесконечным и в итоге, как видим, он и приводит нас к выводу, что фундаментом для рассуждений об общественной опасности, вредности или допустимости какого-то поведения оказываются морально-нравственные императивы.

Вместе с тем, кажущееся единое смысловое поле, на которое пытаются опираться все говорящие об уголовной политике, является лишь симулякром. Поясним свою позицию.

Любая мировоззренческая система, философская парадигма, а также научная теория не может быть обоснована из себя самой. В своей основе она всегда содержит ряд допущений, которые необходимо принять по принципу, который можно назвать *a-priori*. Значит, создавая определенную модель рациональности, в ее основании мы находим некоторую исходную точку, которую уместно считать иррациональной. Тем не менее, она необходима, поскольку обосновывает императивы и задает границы смыслового поля, за пределами которых вся конструкция (теория или мировоззренческая рамка) становится уже не самой собой, а иной.

Применительно к уголовной политике принято подчеркивать, что во многих правовых системах в качестве базовых морально-нравственных постулатов выступают такие императивы, которые самым серьезным образом согласуются с Заповедями Ветхого и Нового Заветов [21, с. 21; 14, с. 333-335]. Действительно, длительное время в основании мировоззренческих систем многих государств, а отсюда и в основании их уголовной политики и уголовного права лежали религиозно-нравственные императивы. У них имеется исходная точка – Бог.

По разным причинам, которые в рамках настоящей работы рассматривать было бы излишне, в разных обществах происходили процессы борьбы с религией. С некоторой долей условности эти процессы можно разделить на два вида.

Первый характерен для послереволюционной России и союзных республик бывшего СССР: сначала это полный отказ от религии и ее морально-нравственных императивов, а затем рецепция этих императивов с конструированием советской мировоззренческой системы. В результате во главу угла в этой системе были поставлены вожди мирового пролетариата и действующие руководители партии, а в качестве исходной точки вместо Бога была выбрана коллективная воля трудящихся.

Как это ни парадоксально, но такая мировоззренческая парадигма позволила породить феномены «православный атеист», «исламский атеист» – то есть модели индивида, отрицающего Бога и почитающего партийных вождей, размещающего в красном углу портреты руководителей страны, но главное – с позиции морально-нравственных императивов достаточно близкого к верующим людям, поскольку *defacto* он придерживается двух третей реального Декалога.

Второй путь характерен для целого ряда зарубежных стран, где официального отказа от религии не было, но происходили и происходят процессы ее реформации, переистолковывания базовых положений, смыслов, тех самых религиозно-нравственных императивов [7, с. 101-109]. Сюда относятся вопросы отношения к богатству и стяжанию, посту, праздности, гомосексуальности, вопросу рукоположения женщин в иереи и т.д.

В итоге произошел кризис искусственных идеологий, выступавших субститутом религиозного мировоззрения, равно как происходит и кризис реформированных версий религии. Примечательно, что эти кризисные явления происходили параллельно с развитием теории юснатурализма и в итоге повлияли на возникновение ситуации постмодернизма.

Несомненно, постмодернизм в науке открывает целый ряд интересных перспектив: закрепление лингвистического поворота, процессуальный подход, внимание к практикам повседневности. Но во многом – как мировоззренческая ситуация – он стал проклятой стороной и модерна [13], и премодерна. Деконструкции подвергнуто, в том числе то, что считалось *а-ргіоі*, а потому заявлено о кризисе всех метанарративов и так называемых «мегапроектов», закреплена постулат о принципиальной спорности и конвенциональности любых утверждений и императивов – в том числе и морально-нравственных.

Юснатурализм, выведя естественные права и свободы человека и гражданина за пределы человеческого опыта и государственно-властных решений, с одной стороны дал возможность обеспечить их надгосударственное признание и защиту, но с другой стороны – отрицая Бога – он так и не смог внятно обосновать, откуда эти права и свободы берутся? Таким образом, постмодернизм в этом вопросе просто констатировал случившееся: прежние источники, исходные точки морально-нравственных императивов были дезавуированы и в итоге утрачены.

Можно возразить: стопором на пути полного размытия нравственности и всех связанных с ней императивов стоит общество или же процесс общественного развития, или же здравый смысл. Однако не стоит забывать, что общество будет порождать культуру или нравственность (а в итоге – мировоззренческие установки) в соответствии с рациональностью определенного типа, а для этого нужна исходная точка, опора. Ее теперь нет (или так принято считать в обществе).

Процесс общественного развития самым серьезным образом связан с процессами культурно-символического обмена, а означивание социальных явлений, окружающего мира и социальных действий связано с репрезентативной культурой, с мировоззренческими установками. Двумя предложениями ранее об этом уже было сказано. Поэтому процесс общественного развития с точки зрения постмодернизма нельзя оценивать позитивно или негативно – он просто есть. Но и гарантий сохранения прежних морально-нравственных императивов этот процесс не дает. Скорее напротив.

Здравый смысл различается в разные эпохи и в разных обществах одного периода. Следовательно, он не является, каким бы то ни было, фундаментом или опорой – он сам изменчив.

В такой ситуации было бы наивным рассчитывать, что культуру общества и уголовную политику можно осовременить в одной части, но провести красную черту в каких-то других частях, ведь в основании всей системы морально-нравственных координат и смыслов открыта бездна. Теперь совершенно легко можно ставить (и это происходит) вопрос о допустимости вообще рамок нравственности, границ или эталонов нормальности, идеалов человечности, об интимности сексуального и вообще о понимании высказывания «быть человеком», и т.д.

По этой причине, увы, риторика правоведов и представителей общественности, в своих аргументах или послылках апеллирующая к нравственности, совести или к общечеловеческим ценностям, становится бесперспективной, поскольку и сами эти категории совершенно логично признаются элементами группового давления, навязывания, ограничения, управления и дискриминации. Следовательно, отсылки к морально-нравственным императивам становятся атрибутом уходящих поколений, поскольку в их сознании имеются репрезентирующие смыслы, значения, тогда как для более молодых поколений – это все суть неоднозначные категории либо вовсе симулякры.

Нет сомнений в том, что уголовная политика не может быть изолирована от социокультурных процессов, от мировоззренческих установок дифференцированного и меняющегося общества, а также от политических интересов, связанных с удовлетворением интересов избирателей. Значит, эта политика и уголовное право и дальше будут обречены на достаточно серьезные трансформации и метания, вызывающие кардинально противоположные оценки ее со стороны разных социальных групп в разрезе вертикали и горизонтали, а уголовное право и практика его применения будут иметь проблемы с легитимацией. Будет переосмысляться то, что видится опасным, будет происходить маргинализация попыток защитить прежние редакции социальных ценностей и морально-нравственных императивов. Примечательно, что имеющиеся проблемы уголовной политики и уголовного права, связанные с утратой опорных координат в понимании нормы и девиации, не могут быть решены изнутри, то есть средствами уголовной политики и уголовного права.

В настоящее время выходов из этой ситуации видится немного. С позиции социокультурного детерминизма происходящий процесс, по-видимому, следует признать необратимым и нормальным. Он закономерно приведет человечество к другому состоянию и конкретным событиям, которые описаны Иоанном Богословом в его Откровении (Апокалипсисе). Призыв обратиться к Богу и положить религиозно-нравственные императивы в основание мировоззренческих установок, а отсюда – и в основание уголовной политики (а такие призывы от лица всех основных конфессий России так или иначе имеют место) у значительной части современного общества вызывают скепсис по целому ряду причин.

Трагикомизм ситуации состоит в том, что, пытаясь «освободиться» от рамок, ограничений, и обязанностей, установленных Богом (и нашедших закрепление в религиозных нормах), общество бросает вызов всем сторонам своего существования и стремительно размывает само понятие «человечность». Вместе с тем, этот процесс был давно предсказан.

Другим (по всей видимости, временным) направлением может выступать поиск некоторых морально-нравственных императивов, которые устроили бы большинство общества. В некоторой степени полезными для этого могут быть процесс и результат спора исторической школы права и школы естественного права, научная дискуссия и работа с общественностью.

Размышления в этом направлении, однако, заслуживают отдельного и самого серьезного внимания, поскольку они актуализируют вопросы выбора стратегии развития российского общества в условиях глобализации и активного взаимопроникновения культур, развития парадигмы общества потребления и тех вызовов, с которыми сталкивается человечество сейчас.

Источники и литература

1. *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфорР», 1999. – 293 с.
2. *Винокуров В. Н.* Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 368 с.
3. *Головистикова А. Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 832 с.
4. *Дубовик О. Л.* Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. – 2001. – № 2. – С. 63–66.
5. *Исмаилов И. А.* Преступность и уголовная политика: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 42 с.
6. *Кауфман М. А.* Пробельность, неопределенность, избыточность уголовного законодательства как криминогенные факторы // Криминологические основы уголовного права. Материалы X Российского конгресса уголовного права (26 – 27 мая 2016 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2016.
7. *Клейменов И. М.* Сравнительная криминология. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 368 с.

8. *Кондратьев Л. В.* Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. – М.: Норма, 2019. – 272 с.

9. *Кузнецова Н. Ф.* Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с.

10. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

11. *Москалькова Т. Н.* Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета, 2018, 17 апреля.

12. *Лунеев В. В.* Истоки и пороки российского уголовного законодательства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 320 с.

13. *Мартыанов В. С.* Постмодерн – реванш проклятой стороны Модерна // Полис: политические исследования. – 2005. – № 2. – С. 147–157.

14. Мировые религии о преступлении и наказании / С. Бабкина, А. Бойко, О. А. Мозговой, Л. Р. Сюкияйнен, К. В. Харабет, А. А. Тер-Акопов, А. А. Толкаченко, С. В. Шанхаев. – М.: РИПОЛ Классик, 2013. – 339 с.

15. *Пархоменко С. В.* Правовые и этические предпосылки законодательной регламентации причинения вреда по просьбе потерпевшего в глобальном обществе риска // Право и этика в глобальном обществе риска: материалы. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2016. – С. 197–203.

16. *Побегайло Э. Ф.* Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Международной научно-практической конференции, 28 сентября 2012 г. в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. – Т. 1. – С. 14–24.

17. *Сахаров А. Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1961. – 279 с.

18. *Стешич Е. С.* Криминология гомицида / под ред. Д. А. Корещкого. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 496 с.

19. Стратегия национальной безопасности: утв. указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (Часть II). – Ст. 212.

20. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития / Бабаев М. М., Звонов А. В., Ки-

лимбаев Р. В., Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф., Пудовочкин Ю. Е., Розенко С. В., под ред. В. Ф. Лапшина. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 408 с.

21. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2006. – 540 с.

ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ИНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Г.Р. Асадуллина^{*}, DOI:10.47905/MATGIP.2021.24.62.015
С.И. Ивентьев^{**}

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье на теоретическом уровне рассматривается инновационная деятельность, которая связана с духовно-нравственной сферой человека и общества. Авторы вводят в оборот понятия «духовно-нравственная инновация», «духовно-нравственная инновационная деятельность», которым даны следующие авторские определения. Духовно-нравственные инновации – это новшества и изменения в духовно-нравственном облике человека и его душе. Под духовно-нравственной инновационной деятельностью понимается деятельность, направленная на формирование нового понятийного аппарата духовно-нравственной сферы человека, трансляция и культивирование духовно-нравственных ценностей человека, развитие духовно-нравственного потенциала личности и духовно-нравственное совершенствование человека с использованием про-

---

^{*} Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия.

Asadullina Guzeliya Raufovna, candidate of philosophy, associate professor, Bashkir state university, Ufa, Russia.

^{**} Ивентьев Сергей Иванович, ООО «ДЭЛИЛ», г. Казань, Россия.

Iventev Sergey Ivanovich, «DELIL» LLC, Kazan, Russia.

грессивных методов и технологий. Духовно-нравственная инновационная деятельность прослеживается и практикуется в воспитательном и образовательном процессе.

Ключевые слова: человек, душа человека, личность, духовность, нравственность, ценности, инновации, инновационная деятельность, духовно-нравственные инновации, духовно-нравственная инновационная деятельность, молодежь.

SPIRITUAL AND MORAL INNOVATION ACTIVITY

Annotation. The article deals with innovative activities related to the spiritual and moral sphere of a person and society at the theoretical level. The authors introduce the concepts of «spiritual and moral innovation», «spiritual and moral innovation», which are given the following author's definitions. Spiritual and moral innovations are innovations and changes in the spiritual and moral appearance of a person and his soul. Spiritual and moral innovation activity is understood as activity aimed at forming a new conceptual apparatus of the spiritual and moral sphere of a person, transmitting and cultivating spiritual and moral values of a person, developing the spiritual and moral potential of a person and spiritual and moral improvement of a person using progressive methods and technologies. Spiritual and moral innovative activity is traced and practiced in the educational process.

Key words: human, soul of man, personality, spirituality, morality, values, innovation, innovative activity, spiritual and moral innovations, spiritual and moral innovative activity, youth.

Современную Россию, все сферы ее деятельности (политика, экономика, образование, промышленность, технологии и др.) захлестнули процессы, связанные с инновацией (лат. *novatio* – обновление или изменение; лат. *innovatio* – в направлении изменений), как продукта технического прогресса [6, с. 11].

Согласно статье 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», «инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [14].

В науке по характеру применения выделяют следующие виды инноваций: 1) Продуктовые (ориентированы на производство, использование новых продуктов); 2) Технологические (создание и применение новой технологии); 3) Социальные или процессные (ориентированы на реорганизацию, построение и функционирование новых социальных структур); 4) Комплексные (несколько видов изменений, рыночные, маркетинговые) [10, с. 213].

Как усматривается из приведенной классификации инноваций, духовно-нравственная сфера человека не охватывается инновационной деятельностью и не была включена даже в какой-либо состав инноваций, что говорит о неполноте данной классификации, а также непроработанностью данного вопроса, что определяет востребованность и актуальность исследуемой темы.

Без духовно-нравственной сферы человека и общества немислимы экономическая, политическая, образовательная и другие сферы человеческой деятельности.

На фоне инновационной деятельности в российском обществе произошла и происходит подмена общечеловеческих ценностей на ценности общества потребления, а также наблюдается девальвация духовно-нравственных ценностей человека. Эти негативные процессы связаны с приоритетом материальных ценностей над духовно-нравственными ценностями, расплывчатым и неконкретным понятийным аппаратом духовно-нравственной сферы человека, связанным с отсутствием точных определений понятиям «духовность», «духовно-нравственная сущность человека», «душа человека», «дух человека», «духовно-нравственная сфера» и другим их производным.

Традиционно понятие «духовность» рассматривается в двух аспектах: 1) Относится к внутренней, психической жизни человека, связанная с нею; с общностью идей, взглядов, стремлений и т.п.; 2) Относится к церкви, религии, принадлежит ей, связанный с нею; церковный [5].

В таких монотеистических (авраамических) религиях, как иудаизм, христианство и ислам, духовность напрямую увязывают с верой в Бога и миром Святого духа [16, с. 186-190].

Считаем, что понятие «духовность» невозможно мыслить без Бога.

Некоторые авторы духовность (переживание и оценка священного внутри или за пределами материального мира) отделяют от

религии (лат. religare – связывать, соединять) как «структурированной системы убеждений, включающей эмоции, мораль и чувство идентичности и общности», в связи с различными структурой, практиками поиска и подходами к истине [3, с. 40-41].

Понятие «духовность» не только увязывают с религией и духовной культурой определенного народа, но и с душой и духом человека [2, с. 21-29].

Под духовно-нравственной сферой человека понимается «духовное и нравственное пространство, формируемое человеком, его душой и духом, в котором проявляются и реализуются морально-нравственные наклонности и качества человека, духовные ценности и потребности, его мировоззрение, уровень духовного и нравственного сознания» [9, с. 87-91].

Концепт «духовно-нравственные ценности» включает в себя три таких понятия, как духовность, нравственность и ценность («то, что имеет для человека важное значение, особую значимость») [13, с. 9-12].

Как указывает З. А. Айзатуллин, «духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу. Она проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности – любовь.

Нравственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира.

Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие ее на достижение высших идеалов» [1, с. 9-12].

В соответствии с четвертым и пятым поколениями прав человека или правам души и духа человека, душа человека относится к главной духовно-нравственной ценности человека, которая наделяется определенными правами и свободами [4, с. 62-65].

В состав духовно-нравственной сферы человека также входит и его духовный потенциал.

Под духовным потенциалом (от лат. *potentia* – сила) человека мыслится «личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве основы для духовного поведения» [12]. В свою очередь, духовно-нравственный потенциал человека – это личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве основы для духовного и морально-нравственного поведения, духовного и нравственного совершенствования.

Духовно-нравственный потенциал человека базируется на его духовном и морально-этическом уровне, который некоторые исследователи относят к так называемым духовно-нравственным рискам, от которых зависит то или иное управленческое решение топ-менеджера или государственного деятеля [7, с. 179-182].

Духовно-нравственный потенциал человека формируется в результате духовного и нравственного развития, воспитания и обучения, самосовершенствования, а также накопления определенного духовного опыта.

По мнению Н. И. Джегутановой, «понятие «духовно-нравственный потенциал личности» объединяет духовное и нравственное в личности как не реализованные в конкретный момент времени возможности личности, ее способности к действию, которые при определенных обстоятельствах (факторах, педагогических условиях) могут быть актуализированы. Данное понятие отражает стремление и способность (внутренне присущую силу) человека к самосовершенствованию» [8, с. 174].

По нашему мнению, в классификацию инноваций по характеру применения необходимо включить дополнительно новую группу (вид) инновации «духовно-нравственные инновации», которая связана с духовно-нравственной сферой человека.

В литературе отсутствуют такие понятия, как «духовно-нравственные инновации» и «духовно-нравственная инновационная деятельность».

Духовно-нравственные инновации – это новшества и изменения в духовно-нравственном облике человека и его душе.

Под духовно-нравственной инновационной деятельностью понимается деятельность, направленная на формирование нового понятийного аппарата духовно-нравственной сферы человека, трансляция и культивирование духовно-нравственных ценностей человека, раскрытие и развитие духовно-нравственного потенциала

личности, и духовно-нравственное совершенствование человека с использованием прогрессивных методов и технологий.

К духовно-нравственной инновационной деятельности, связанной с формированием нового понятийного аппарата духовно-нравственной сферы человека, можно отнести провозглашение в теории прав человека так называемых прав и свобод души и духа человека [4, с. 62-65], введение в оборот экономической науки концепта «духовно-нравственные риски», в состав которого входят человеческий фактор, духовный и нравственный уровень человека, который определяет верные и направленные на пользу человека и общества управленческие решения [7, с. 179-182].

Духовно-нравственная инновационная деятельность прослеживается и используется в воспитательном и образовательном процессах, благодаря которым происходит раскрытие и развитие духовно-нравственного потенциала личности, в частности, творческих потенций [11, с. 32-37; 12, с. 73].

Трансляцию и культивирование духовно-нравственных ценностей человека осуществляют религиозные институты и государство.

К духовно-нравственной инновации следует также отнести создание в обществе положительного образа того или иного человека, политика или государства, то есть использование так называемого в народе «науки образности». Кроме того, к данному виду инноваций необходимо причислить разработку и внедрение технологий по созданию в обществе духовно-нравственного иммунитета к антисоциальной и аморальной рекламе и явлениям (информационные войны, пропаганда войны, порнографии, проституции, наркомании, алкоголизма, духовно-нравственных и уголовных преступлений, вовлечение молодежи в экстремистские формирования и криминальные группировки и пр.).

В целенаправленной деятельности по реализации задач гражданского образования молодежи отмечают о необходимости «определения оптимального сочетания традиционных и инновационных технологий, направленных на создание условий для становления гражданских компетентностей и нравственных ценностей» [15, с. 73]. В данном случае идет о балансировке духовных потребностей и материальными притязаний человека, что позволяет создать благоприятные условия для духовного и нравственного развития человека.

Вышеперечисленными примерами духовно-нравственная инновационная деятельность не ограничивается, и будет пополняться по мере духовного и нравственного развития человеческой цивилизации.

В ходе нашего исследования выявлено, что в современной России инновации не обошли духовно-нравственную сферу человека и общества.

Духовно-нравственные инновации напрямую взаимосвязаны и влияют на жизнь и безопасность человека и общества, а также духовно-нравственную сферу.

Таким образом, понятие «духовность» невозможно мыслить без Бога, души и духа человека.

Духовно-нравственная инновационная деятельность позволяет транслировать и культивировать духовно-нравственные ценности в обществе, а также способствует раскрытию и развитию духовно-нравственного потенциала личности.

Духовно-нравственные инновации выступают значимым и существенным заслоном против девальвации духовно-нравственных ценностей в российском обществе, а также духовно-нравственным и уголовным преступлениям.

Введение авторами исследования в оборот понятий «духовно-нравственные инновации» и «духовно-нравственная инновационная деятельность» позволяет обществу и государству обратить особое внимание на духовно-нравственную сферу человека, а также пополнить и конкретизировать понятийный аппарат.

Источники и литература

1. *Айзатуллин З. А.* Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://islam.ru/content/obshestvo/44258> (дата обращения: 05.08.2020).

2. *Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И.* Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21 мая 2020 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21–29.

3. *Бабаева Э. А.* Духовность и религия. Тождество и различие // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей / под общ. ред. Н. А. Саркаровой. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 40–45.

4. *Боброва Н. А., Ивентьев С. И.* Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека: материалы Второго научного симпозиума, 11 – 12 октября 2019 г., Таганрог / отв. ред. В. П. Рыжов. – Таганрог: Типография Ступина С. А., 2019. – С. 62–65.

5. *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.

6. *Воробьева (Пригода) Н. С.* Философская интерпретация сущности инноваций // Известия Саратовского госуниверситета. – Новая серия. – Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2018. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 11–15.

7. *Гузенко С. С., Тимофеев Р. А.* Духовно-нравственный аспект риск-менеджмента // Информационные технологии в экономике: материалы IV Республиканской научно-практической Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, 25 – 26 марта 2020 г. [электронное издание]. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2020. – С. 179–182.

8. *Джегутанова Н. И.* Потенциал личности как основа духовно-нравственного воспитания будущего учителя // Преподаватель XXI века. – 2007. – № 2. – С. 170–175.

9. *Ивентьев С. И.* Душа и дух человека как главный субъект безопасности жизнедеятельности // Безопасность жизнедеятельности: современные вызовы, наука, образование, практика: материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (3-4 декабря 2018 г., Южно-Сахалинск): сборник научных статей / сост.: С. В. Абрамова, Е. Н. Бояров; под ред.: О. А. Федорова, В. В. Моисеева. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2019. – С. 87–91.

10. *Кутепов О. Е., Непарко М. В.* Виды и классификация инвестиционной деятельности и инноваций // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 1. – С. 211–214.

11. *Калинина З. Н., Декина Е. В.* Духовно-нравственные традиции и инновации в воспитании студенческой молодежи // Международный журнал экспериментального образования. – 2018. – № 4. – С. 32–37.

12. Трофимова Н. Б. Развитие духовно-нравственного потенциала учащихся в образовательном процессе школы (психолого-педагогический аспект). – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2008. – 283 с.

13. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. – 2010. – № 7. – С. 9–12.

14. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

15. Фарафонова Л. Некоторые аспекты гражданского образования молодежи // Высшее образование в России. – 2006. – № 12. – С.71–74.

16. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 186–190.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК КАК МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПРАВОВОЙ ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. В статье делается попытка акцентировать внимание современного исследователя на том, что, наряду с широко известными, существуют малоизвестные и практически не известные постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) начала 1930-х г., содержащие нормы, регламентирующие религиозную политику советской власти. Данные правовые источники требует специального изучения.

Ключевые слова: источники права, нормативно-правовой акт, постановления ВЦИК, религия, религиозная политика.

DECISIONS OF THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEES AS A LITTLE-KNOWN LEGAL SOURCE OF RELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN THE FIRST HALF OF THE 1930

Annotation. The article attempts to focus the attention of a modern researcher on the fact that, along with the well-known ones, there are little-known and almost unknown resolutions of the All Russian Central Executive Committee (ACEC) of the early 1930s containing norms regulating the religious policy of the Soviet government. This legal issue requires special study.

Key words: sources of law, normative legal act, resolutions of the Central Executive Committee, religion, religious policy.

Правовые основы религиозной политики советского государства нашли отражение на страницах научных исследований, причем первые публикации появились еще в начальный советский период. Это работы таких относительно хорошо известных специалистам авторов, как П. В. Гидулянов, Л. П. Дьяконов и др. [1; 2; 3; 5].

***Дроботушенко Евгений Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Drobotushenko Evgeniy Victorovich, candidate of historical sciences, associate professor, Transbaikalian state university, Chita, Russia.

Ряд публикаций по проблематике вышел из печати в более позднее советское время, причем, как в СССР, так и за рубежом. В отечественной науке большой вклад в изучение правовых основ религиозной политики советской власти внес Председатель (с 1960 по 1965 гг.) Совета по делам Русской Православной Церкви и Председатель (с 1965 по 1984 гг.) Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедов. За его авторством из печати вышел ряд публикаций, содержащих большой объем информации по нормативно-правовой базе политики СССР в отношении религий [8; 9; 10; 11].

За рубежом из печати на русском языке вышел доклад Комитету прав человека «Законодательство о религии в СССР» И. Р. Шафаревича [16].

Очевидно, что к нормативно-правовым источникам при анализе истории, к примеру, Русской Православной Церкви, в советское время обращались и авторы обобщающих исследований по названной истории. Речь идет о таких признанных специалистах как Д. Поспеловский, М. В. Шкаровский, протоиерей Владислав Цыпин и др. [13; 15; 17; 18; 19; 20].

Здесь следует отметить, что разделения в нормативных актах по отдельным религиозным учениям не было вплоть до 1943 г., когда был создан Совет по делам Русской Православной церкви при Совете Народных Комиссаров (СНК). В 1944 году был создан Совет по делам религиозных культов. С этого времени к общим актам для всех религиозных учений добавляются ведомственные акты для православия и иных культов.

Несмотря на наличие определенного количества публикаций по проблематике, вышедших из печати в самое разное время, можно констатировать, что нет полной, всесторонней характеристики всех правовых источников, определяющих религиозную политику советской власти. Часть публикаций просто приводит тексты нормативных актов, часть говорит только об отдельных, самых значимых и наиболее известных.

Несомненно, следует упомянуть большое многотомное издание «Декреты советской власти», на страницах которых приведены тексты всех декретов и постановлений различных органов государственной власти общегосударственного уровня [4]. Однако при работе с архивными документами встречаем отсылки к постановлени-

ям, которых нет в указанном сборнике. Есть и иные издания справочного характера [21].

В данном исследовании мы остановимся на некоторых постановлениях ВЦИК первой половины 1930-х гг. Хронологические рамки определены тем, что начало четвертого десятилетия XX в. стало временем активного гонения на религии в целом и на основное религиозное учение в стране – православие, в частности. Именно в это время в отдельных регионах закрываются последние из оставшихся действовавших храмов, прекращают существование епархии Русской Православной Церкви.

Акцент только на некоторых постановлениях ВЦИК предопределен, во-первых, объемом настоящего исследования, а во-вторых, тем, что мы приводим их как иллюстрацию для акцентирования, в свою очередь, внимания на самой проблеме.

Начало 1930-х не стало исключением в появлении постановлений ВЦИК, касающихся регламентации того или иного аспекта существования религиозных институтов и верующих в СССР. Таковых появилось не мало. Часть из них получила, в силу своей значимости, достаточно большую известность. К таковым можно отнести постановление Президиума ВЦИК от 30 мая 1931 г. о создании Культурных комиссий. Цель нормативного акта содержала в себе следующие составляющие «... наблюдение за правильным поведением на местах законосвязанных с культом, Инструктирование нижестоящих органов, дача им указаний и разъяснений; Предварительное рассмотрение по представлениям райисполкомов и горсоветов дел об открытии и закрытии молитвенных зданий; Разрешение вопросов о разрешении религиозных съездов; Рассмотрение жалоб на действия Райисполкомов и Горсоветов по вопросам: расторжения договоров, обложения налогами и земельной рентой, дачи твердого задания, трудгужповинности, земельным и т.д.; Учет всех религиозных обществ и групп верующих и составление по ним сводок [6, л. 1; 7, л.л. 17-19; 25; 28-29; 30].

В то же время, помимо относительно широко известных постановлений, был ряд постановлений, полные тексты которых сложно найти в настоящее время. К тому же разные архивные документы дают разные даты их появления. Таким, к примеру, является постановление ВЦИК от 26 марта 1933 г. «О мясозаготовке среди служителей культа» согласно делу 27 первой описи фонда Р5263 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [6, л. 37]. В одной

из статей О.Б. Приказчикова со ссылкой на дело 143 второй описи фонда Р5263 говорит о том, что данное постановление появилось 16 ноября 1932 г. При этом речь идет о Постановлении СНК и ЦК ВКП (б) [14, с. 53-54]. В данном постановлении речь идет о том, священнослужители должны участвовать в мясозаготовке наравне с единоличными хозяйствами, т.е. сдавать больше в 1–1,5 раза, чем по обычной норме [14, с. 53].

Если об отдельных, малоизвестных постановлениях некоторые исследователи говорят, то есть постановления ВЦИК, информацию о которых найти в литературе практически невозможно, однако она встречается в архивных документах. Здесь примером могут являться постановление ВЦИК от 19 декабря 1932 г. «О заготовке масла, молока и сыра», от 20 февраля 1933 г. «Об обязательной поставке картофеля государству», а также последовавшее за ними постановление ВЦИК от 26 июня 1933 г. с разъяснением первых двух. Нормы определяли, что если у священнослужителя «... есть посадки и скот и не попадают под кулацкие хозяйства, должны сдавать как единоличные крестьяне конкретного района» [6, л. 41].

Еще одно постановление ВЦИК (согласно архивным документам) – это постановление, в котором говорится о том, что «...договор по пользованию молитвенными зданиями...» должен быть дополнен пунктом, по которому религиозные объединения обязаны хранить средства в государственных трудовых сберегательных кассах [6, л. 30].

Выше приведено только несколько постановлений ВЦИК начала 1930-х гг., содержащих нормы, регламентирующие, в частности, религиозную политику советской власти. Можно утверждать, что постановления ВЦИК и Президиума ВЦИК, в целом, являются богатейшим, но малоизученным правовым источником по политике СССР в сфере религии, как минимум в первой половине четвертого десятилетия XX в., а как максимум на протяжении всего периода их появления.

Можно констатировать, что, на сегодняшний день, нет полного, всестороннего научного анализа нормативно-правовых актов советской власти, регламентирующих религиозную политику в СССР в целом, и нет такового по постановлениям ВЦИК. Исследователи, зачастую, говорят о наиболее известных и значимых актах, второстепенные же, регламентировавшие какой-либо отдельный, на первый взгляд, малозначимый аспект существования религиозных орга-

низаций, деятельности священнослужителей или политики власти в отношении них и верующих, остается за границами научного анализа.

Присутствуют разногласия в архивных документах. Те или иные данные требуют подтверждения.

Сказанное подводит к итоговому выводу о том, что требуется серьезная кропотливая работа, прежде всего, с архивными документами, по восстановлению полной, достоверной истории появления всех нормативно-правовых актов, регламентировавших религиозную политику Советской власти.

Источники и литература

1. *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов и РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / под ред. П. А. Красикова. Изд. 2-е. – М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1924. – 416 с.

2. *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства в С.С.С.Р. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда Р.С.Ф.С.Р. и других Советских Социалистических Республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р., Узбекской и Туркменской / под ред. П. А. Красикова. Изд. 3-е. – М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.

3. *Гидулянов П. В.* Церковь и государство по Законодательству Р.С.Ф.С.Р. Сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / под ред. П. А. Красикова. – М.: Тип. ГПУ, 1923. – 100 с.

4. Декреты Советской власти. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. – 626 с.

5. *Дьяконов Л. П.* Советские законы о церкви. – Л.: Гос. изд-во, 1926. – 55 с.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 27.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 44. Д. 779.

8. *Куроедов В. А.* Религия и закон. – М.: Знание, 1970. – 61 с.

9. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1981. – 263 с.

10. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском обществе. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1984. – 256 с.

11. *Куроедов В. А.* Советское государство и церковь. – М.: Знание, 1976. – 79 с.
12. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: РО-ИР, 2002. – 312 с.
13. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. – М.: Изд-во Республика, 1995. – 511 с.
14. *Приказчикова О. Б.* Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929 – 1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – II: История, История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II: 2(31). – С. 41–76.
15. *Цыпин Владислав*, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 1700 – 2005. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 816 с.
16. *Шафаревич И. Р.* Законодательство о религии в СССР: доклад Комитету прав человека. – Р.: Ymca-Press, 1973. – 81 с.
17. *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь в XX веке. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
18. *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и советское государство в 1943 – 1964 годах. – СПб.: Dean+Adia; – М., 1995. – 216 с.
19. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Кн. 24. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1999. – 400 с.
20. *Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime 1917 – 1982. Vol. 2. NY.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. – 248 p.; Vol. 2. – 535 p.
21. The USSR religious legislation. Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). Изд. 2-е, доп. / под. общ. ред. В. А. Куроедова. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». – М.: Юридическая литература, 1971; NY.: Chalidze Publication, 1981. – 210 с.

ЖИВАЯ ЭТИКА – ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассмотрено учение Живая Этика, созданное русским религиозным философом Е. И. Рерих и направленное на личностно воспроизводимое культурное обустройство социума. При этом – показано в настоящем тексте – сами собою всплывают *научные интенции*, подспудно содержащиеся в данном учении. А это в свою очередь ведет к выявлению диалектики культуры и того, что связано с содержанием цивилизации. В этом, по мнению автора, выражена направленность анализируемого учения.

Ключевые слова: учение Живая Этика, Е. И. Рерих, Агни Йога, Вселенная, микрокосмос, космическое мышление, интеллект, память, метисированная духовность, программа, культура, цивилизация, миф, религия, В. В. Маяковский, Гомер, Ф. Бэкон.

LIVING ETHICS – THE WAY TO HUMANIAN PERFECTION

Annotation. The teaching of Living Ethics created by the Russian religious philosopher E. I. Roerich and aimed at personally reproducible cultural arrangement of society. At the same time, as Annotation shown in this text, the scientific intentions that are latently contained in this teaching emerge by themselves. And this, in turn, leads to the identification of the dialectics of culture and what is associated with the content of civilization. In this, according to the author, the direction of the analyzed teaching is expressed.

Key words: teaching Living Ethics, E. I. Roerich, Agni Yoga, Universe, microcosm, cosmic thinking, intellect, memory, mixed spirituality, program, culture, civilization, myth, religion, V. V. Mayakovsky, Homer, F. Bacon.

---

* **Коноплев Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Konoplev Nikolay Sergeevich, doctor of philosophy, professor, Honored Worker of the Higher school of the Russian Federation Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Минуло 100 лет с начала выстраивания обширного теоретико-практического направления – учения Живой Этики. Вроде безымянное, оно, тем не менее, имеет автора – Е. И. Рерих (1879-1955). За годы напряженного творчества (1920-1938) она выпустила 14 связанных внутренней логикой книг, закреплявших установки русского космизма. Женщина тысячелетия – краса и гордость человечества – Елена Ивановна своим мудрым бытием утверждала нормы общежития, индивидуального самовыражения, весьма поистершиеся от натиска капитала. Е. И. Рерих, можно сказать, влила в прежние мехи свежее вино, забурлившее «общечеловеческими всплесками».

Она – образно говоря – подарила людям путевку в космическое будущее. Прежде всего, это касается наших соотечественников: созданный ею на русском языке труд несет посвящение: «В Новую Россию Моя первая весть» [1, с. 8]. Нужно, подчеркнула она, вернуться к культурным истокам, десятками тысяч лет облагораживавшим наших предков. Будучи *провидящей*, Елена Ивановна прекрасно осознавала роль социально выраженной устойчивости (т.е. женского начала) в сохранении вида *Homo Sapiens*. При этом нарабатываемые традиции, воспроизводящие культуру, способны цивилизационно оформляться. Иначе человечество впадет в ступор, как это случилось с нашими не столь далекими «родственниками» – неандертальцами. Мощная составляющая учения Живой Этики – Агни Йога (Йога Огня, или Огненная Йога) – выстраивает методологию «самоутверждающейся космочеловечности».

Последняя пребывает не за жизненным полем индивида, но в нем самом. Агни Йога – значимое средство раскрыть в человеке реально воспроизводимую бесконечность как актуально присущую ему данность. ...Выдающийся труд Е.И. Рерих – подчеркнем это – изучаем при свете дня (а не при «лунно-мистическом затемнении»: ведь «тьма не выносит дерзновения света» [2, с. 10]), что обеспечивает «расшифровываемому» тексту «многие лета». Панорамно озаряясь современной духовностью, Живая Этика выступает – и мы подчеркиваем это – против оперирования глубинными человеческими структурами, возведенными аурой ДНК. Но учение Живой Этики, обуславливая необходимость освоения «космического беспредела», допускает изменения в человеке, которые коррелируются при возрастающей роли радио. Под его

воздействием создается «лаборатория мысли» [2, с. 26], приоткрывающая космические перспективы. Е. И. Рерих в этой связи отмечает: «Только при устремлении к междупланетности можно рассчитывать на эволюцию человечества» [2, с. 8].

Живая Этика как одно из направлений философии жизни наполняет Агни Йогу системно-структурной методологией. Принимая во внимание, что для Е. И. Рерих идеальное тождественно материальному (с чем мы не согласны), то «из всех созидательных энергий самой высокой остается мысль» [2, с. 12]. ...Агни Йога – неумный взрыв мысли, управляемый Живой Этикой с целью достижения космического совершенства. ...Мы различаем специфику учения Живой Этики и специфику (о ней мы только что сказали) ее «подопечной» - Огненной Йоги, являющейся совокупностью методов по внутреннему совершенствованию человеческого «Я». Раскрывая его, наблюдаем: учение Живой Этики как «философско-религиозный компендиум» предлагает *исследовательскую программу*, промеряющую нравственные поиски, обуславливающие двойственную – наземно-надземную - их природу.

Сердечным настроем, преподнося программу, Е. И. Рерих картинно живописует: «Я – твое благо. // Я – твоя улыбка. // Я – твоя радость. // Я – твой покой. // Я – твоя крепость. // Я – твоя смелость. // Я – твое знание. // Камень драгий, единый, благостью в жизни сохраните. // Аум Тат Сат, Аум. // Я – вы, вы – Я – частицы Божественного Я. // Воя Моя! Шумит жизнь – осторожнее! // Опасность! – душа шорох слышит. // Тяжко миру – спешите спастись. // Жизнь питает душу. // Утверждение чистаго Я. // Работай для жизни и сознания чистоты. // Оставьте все предрассудки – мыслите свободно. // Не уходите от жизни, ведите себя верхним путем. // Храмина всем. Всем Един. // Дом Божій населен мірами и всюду витает Св. Дух [1, с. 9].

Фокус приводимых «постулатов» может быть сведен к действительному осознанию сложных жизненных перипетий, неизбежно преодолеваемых с земных позиций – при посредничестве, однако, *надземного* «Св. Духа». Раскрытию собственно «надземности» в качестве значимой реалии посвящены пятый и последний – шестой - тома учения Живой Этики.

Создается впечатление, что сливающийся с заоблачного мира рациональный настрой человеческой духовности в пору

истолковывать как нечто дополнительное по отношению к осваиваемой нами живой жизни. Что касается слова «Я», которое в приводимой программе выглядит чем-то «запредельным», оно фактически воплощает мудрую человеческую собранность, направленную на преодоление – при опоре на свободное мышление – «волн моря житейского».

По нашему мнению, Е. И. Рерих, претворяя – повторимся – мудрость, оперирует ею именно как представитель социально выраженной устойчивости, носитель которой – прекрасный пол, обретший себя духовно в неуклонном следовании традициям. Отсюда сердечное расположение незаурядной женщины к разуму как проводнику духовной сущности социально воспроизводимой изменчивости, представленной мужским началом, – оно, это расположение, показывает его – рацию – производность от социально заангажированной устойчивости. ...Е. И. Рерих, направляя сознание на охват трансцендентной реальности как чего-то такого, что содействовало бы нашим попыткам обозреть картину смысла жизни, развивает космическое мышление. Но не впадем ли мы в космическую дурнобесконечность? Отвечаем на вполне резонный вопрос.

Мы сможем к чему-либо прийти (сохранившись в дальнейшем Космосе), коль скоро обретаем космическую духовность (а не космический разум) как синтез мудрости и интеллектуально задействованных знаний. Агни Йога – теоретико-практическое «резюме» Живой Этики – настраивает сознание читателя воспринимать «между строк» отдельные страницы из наследия Е. И. Рерих. Можно высказать предположение, что, формально пребывая в ауре мужской цивилизационной духовности, Е. И. Рерих незаметно замещает ее традиционно сложившейся женской мудростью.

В этом отношении Е. И. Рерих напоминает Диотиму («Пир» Платона, 427 – 347 до н. э.), обучавшую Сократа (469 – 399 до н. э.) философски отточенной мудрости. Попутно заметим: философия, обуславливаемая социально выраженной изменчивостью, цивилизационно развивалась по мужским духовным стандартам, опредмечиваемым технико-производственными достижениями. Повидимому, осознавая это, Е. И. Рерих наполняет мудростью свою исследовательскую программу, незримо приобщая мужское «интеллектуальное поле» – и этим оправдана «уловка»: «между строк» – к его выверенно исполняемой мудрости. Под воздействием

практически значимых научно-методологических принципов, где Живая Этика займет руководящее положение, человечество преодолет трудности сегодняшнего общежития: вскроет возможности благоприятного «движения наверх» – к тем «высшим сферам», которыми, согласно Е. И. Рерих, определится совершенство «рядовых земностроителей». А ими являемся мы – люди, – пока не достигшие надземных высот, но тянущиеся к ним «фактом» нашей «завербованности» актуальными перспективами.

Наша задача – освоить объемно воспроизводимую духовность Е. И. Рерих. Но не все так просто. Структура мира – с позиций Живой Этики (точнее – пределами Агни Йоги как совокупности различных психофизиологических практик, организующих названную структуру в человеческо-этическом промере; и это говорит о том, что Агни Йога – вполне осязаемый двигатель – мотор – возвышенного учения Живой Этики, и различие между содержанием двух названных понятий – в том, что Живая Этика как космическое «прочтение» сути человека имеет предметной основой практику Агни Йоги, т. е. опирается на материально «взвинченный» *огненный мир*, и Агни Йога здесь – значимый срез космической самореализации нашего современника) – такова, что между человеческим земным миром как первым ее (т. е. структуры) компонентом и огненным миром, где сосредоточена ведущая нас к совершенству психическая энергия (третий мир), «затесался» тонкий мир (второй компонент структуры) с его – можно выразиться так – отрицательно заряженной и, тем не менее, сполна ощутимой энергией. За огненным миром следуют завершающие его структурированность высшие сферы, отвечающие за космическую эволюцию человека.

В учении о его космической эволюции отмечается, что до сих пор наука признавала идею реального развития. Однако идеи многомерности бытия и многомерной сущности человека, будучи эзотерическими, пока освоены Живой Этикой, и лишь сегодня к ним подступает наука, – что, конечно же, оспариваемо. И посмотрим, так ли все обстоит. ...Вспомним, что мировоззрение Е. И. Рерих (как и всего ее семейства) окончательно закрепилось Центрально-Азиатской экспедицией (1924 – 1928). Елена Ивановна убедила себя в том, что культурное совершенство – набор непреходящих общечеловеческих традиций – по-настоящему вершилось Востоком (имелась в виду, прежде всего Древняя Индия), который мало

затронула губительная – европейская – цивилизация с ее обезчеловечивающей наукой.

Поскольку учение Живой Этики – и это подтверждено *Пактом Рериха* (1935) – звучит весьма актуально, оно – ввиду его широкой распространенности (конструктивное влияние Рерихов на мировое сообщество – «зашкаливает») – исполнено, как и многие положения Библии, во «в ненаучном режиме». Е. И. Рерих права здесь в том, что, поскольку наука раскрывает человека преимущественно в его «функциональном ренеме», а потом из изученных функций «конструирует» цельного, но – повторимся – только что «разобранного» представителя вида *Homo Sapiens*, то «всевидящая женщина», избегая евро подхода к проблеме человека, изучает ее, отмечаемую проблему, фокусом синтетически-сущностного (а не функционального) видения того, что организовывает собою подлинную человечность.

Со своей задачей она справилась блестяще, применяя доверительный новозаветный стиль общения, обогащенный восточной образностью. И, конечно, афористично-сосредоточенное размышление прикрито древнерусско-житийным одеянием. Все это придает изложению Елены Ивановны многомерно запечатлеваемую объемность, которое, т. е. изложение, как бы манкируя научность, своим мифонастроенным вторжением в сознание читателя, незаметно обращает его к науке (чего вряд ли хотела созидательница учения Живой Этики; однако поскольку она считает Живую Этику учением, надо признать: оно приводит нас к необходимости с научных позиций подойти к раскрытию его сути).

Постигая Живую Этику, вступаем в непременно общение с одной из самых обаятельных представительниц прекрасного пола. И оно (т. е. общение) – как мы уже отметили – невольно «припадает» к теории. Значит – опять-таки вопреки автору – берем Живую Этику под «научный прицел». И снова зададимся вопросом, а как к этому отнеслась бы сама Елена Ивановна?

Овладевая «фундаментальным подспорьем», убеждаемся: создатель его – живой человек, наш современник (проживавший, правда, минувшим столетием).

... Перед добровольным уходом из жизни великий В. В. Маяковский (1893-1930) «во весь голос» заявил, что, как «живой с живыми говоря», он к нам придет в «коммунистическое далеко». Полагаем, что, будучи по-религиозному православно настроенной,

Е. И. Рерих просто не могла не быть убежденной в том, что коль скоро проявится в сознании читателей Живая Этика, то она, Елена Ивановна, обретя в ней бессмертие, даст согласие на научный подход к исследованию эпохальной панорамы. При этом она явно осознавала, что ей уютнее пребывать в «мифо-религиозном облачении». ...Однако уповаем на прощение нам за «невольный грех» - выведение Агни Йоги за пределы авторского истолкования. Так оно, как и в случае с В. В. Маяковским – атеистом и одновременно убежденным в своем бессмертии *титаном*, на глазах происходит с Е. И. Рерих: религиозность ее (и всего святого – отнюдь не только в религиозном контексте – семейства Рерихов), затверждаясь земными делами, ставит «феномен Рерихов» – в лице родителей и детей – на пьедестал бессмертия. Ибо все Рерихи подключены Живой Этикой к раскрытию человеческой культуры как чего-то необычного, поскольку с ним (т. е. с этим необычным) отправляемся в перестроечную для каждого из нас космическую эволюцию. Как можно после этого говорить, что учение Живой Этики – не более чем фэнтези?

...Не соглашаясь с мифо-религиозными взглядами Е. И. Рерих, корректируем их «научным знаменателем». Пользуясь мифом (сопряженным с религией, дающей ему этическое обеспечение), Е. И. Рерих – соответствуя своему культурному престижу – выражала цельный взгляд на человека, не затеняя его – указанный взгляд – набором функциональных компонентов. И – как мы уже сказали – за мифо-религиозным подходом Живая Этика таит широкие возможности ее научной выверяемости. Для этого культурный антураж – основу созданной энциклопедической эпопеи – следует перевести в цивилизационное русло. Миф здесь утрачивает свои очертания, религиозность с ее иллюзорно-компенсаторной воплощенностью растворяется небытием, и в чистом остатке находим подлежащую изучению «научную предметность».

И если с указанных позиций посмотрим на Живую Этику, она непременно засвидетельствует актуальность синтеза культуры и складывающейся на ее основе цивилизации (для самой Елены Ивановны сие было сомнительно или же – проблематично). И это – самый значимый научный вывод, опосредованно выявляющий немеркнущий вклад Е. И. Рерих в систему духовных ценностей. Также сочетание мифосознания и религии (специалисты считают религиозные напластования в Живой Этике составной частью «ню-

эйдж», или религии нового века) проясняет, к примеру, теоретически выверяемое наследие культа личности (а это – согласитесь – имеет прямое отношение к научным выводам, следующим из учения Е. И. Рерих).

Что касается Агни Йоги как практики в вышеотмеченном специфическом смысле, она открывает широкие возможности конструктивного анализа воздействия психоэнергетики на статуарность индивида. Сложившаяся гелиобиология, обращаясь к огненному миру, рассматривает его потенциал при подготовке космонавтов. ...Сердечный тон автора Живой Этики – прежде всего, как мы сказали выше, к русскоязычному читателю тянулась Е. И. Рерих – вызывает уважительный отклик. И от этого, т. е. рядового читателя обращаемся с низким поклоном: «Салфет вашей милости, бесценная Елена Ивановна».

...Продолжим, однако, оживленное обсуждение Живой Этики с постоянным осознанием заинтересованного присутствия героини нашего повествования. Автору настоящего текста хотелось бы с нею обсудить что-то личное. Разъясняю свою позицию. ...По объективным показателям двухлетним припоминаю себя с ощущением того, что формирующий меня мир - не для меня. Он чужд мне, хотя, возможно, я тоже ему не близок. Неопределенность продолжается до 15 лет, после чего я смиряюсь... Все забылось, но всплыло зрелым возрастом при погружении в мой «золотой век» – время младенческого, дородового «предбытия»: тогда я пребывал в уютной вселенной, именуемой лоном моей любимой мамы. Я переживал там космическую эволюцию: сперва был никем (на языке философии воплощал собою «ничто»), потом «подвергся» антропологизированию, т. е. обрел человечески воплотимую телесность. А ближе к «выходу в свет» осуществилась моя частичная социализация. ...И вот я на свободе! Она ослепила меня: из глубин моего «Я» до сих пор помню ее вспышку (ранее я обитал во мраке маминой вселенной). «Переселение» в непривычный для меня мир встретил громким плачем...Я переносился, того не осознавая, из одной космической реальности в другую. Память тела как исторически выверяемая спрессованная информация уведомила меня об этом, подключив к сознанию так называемую метисированную духовность [3, с. 36-40]. Последняя складывается из памятно нацеленной информации (попутно отметим: память как спрессованная информация является также условием «всплывания»

в сознании незабываемого прошлого), которая, локализуясь с индивидуально-духовным повседневым, производит сиюминутную вербализацию.

Примером может служить общение спутников Одиссея с циклопом Полифемом. Последний, являясь гигантопитеком, проживавшим глубокой архаикой, памятно воскрешен Гомером, древнегреческим поэтом-сказителем VIII в. до н. э. Гомер – по легенде слепой – успешно оперировал вызываемой из памяти информацией (раскрываемое состояние «кумира тридцати веков» (А. С. Пушкин), которое – как жизненный факт – несет медитативный оттенок, явно способствовало глубокому вхождению величественного старца в свой внутренний мир с последующим выявлением всевозможных – метисированно насыщенных – «памятных чудес»: ими преисполнена упомянутая нами поэма «Одиссея»).

...С освоением земноданности начиналась моя эволюция. Но еще на вне сознательном уровне – телесно и в девятидесятилетнем обличье – я усвоил главное: представ человеком «младенческой пробы» (пусть и с трудностями, о которых возвестил мой первожизненный крик), мне подручно овладевать сложными обстоятельствами. ...Вместе с тем часто свершаемое искусственное прерывание беременности вызывает инстинктивное стремление зародыша избежать неминуемую гибель. Моментом прощания с жизнью он бьется предсмертной агонией... Такова неосознаваемая сила жизни, и моя мама утвердила меня в ней. Она – отмечаемая сила – предшествует своему рациональному охвату. Значит, «предстоящий» младенец, ничего не понимая, вполне инстинктивно прилагает усилия для самосохранения. Этим он утверждает, что данная природой жизнь значимее любого ее осознания.

...Социализуясь новорожденный начинает постепенно оперировать становящимся и несущим знания рассудком. Со временем ему кажется, что он окончательно возвысился над своим «незапамятным» прошлым. ...Жизненный опыт разрушает эту ставшую довольно жалкой иллюзию. ...При всей важности космической эволюции состоявшегося человека исходом ее выступает лоно любимой мамы – это самая примечательная космическая – здесь она увязана микрокосмосом (но это все равно космос) – данность, изначально вбирающая все последующие, осваиваемые нами «дали неоглядные».

...Итожим сказанное здесь. Порождаемая сингулярностью Вселенная впоследствии оборачивается сущим, высшее выражение коего – появившийся на свет младенец. Его мама плотно соотнесена с «сингулярным обличьем», поскольку именно ей приходится выстраивать аналогичную ему микрокосмическую структуру, в которой зародившееся сущее заявит о себе полноценной личностью. Заметим также, что эволюционная спираль все еще становящейся Вселенной не предполагает запараллеленности земного и надземного миров. Оба мира – прямая и обратная стороны субстанциального «запрограммированного» сущего. Его предельным претворением, как это хорошо известно, выступает человек.

Выходит, предлагаемая Живой Этикой космическая эволюция – довольно абстрактна... Освоим мы очередной виток Вселенной и даже как-то антропо-лично эволюционируем; умножим свою память и научно разовьем интеллект – что из того? Нам никогда не вжиться в то состояние, которое одарило нас жизнью. Оно для нас – основной космический факт, поскольку благодаря ему обретаем свободу, т. е. то, что для нас определяет бесконечность бытийной самореализации. И пребывать в «космической неоглядности» – констатирует сопутствующая нам обыденность – не значит проживать «суперсостояние»... Спеша в космическую эволюцию – просто убегаем от самих себя. ...Под влиянием времени покидаем свое начало, но нам зачем-то нужно еще и пространственно удалиться от него. ...Распадается наше «Я», предвосхищая – по мнению ряда ученых – предстоящую элиминацию Вселенной, которая, существуя уже 15 миллиардов лет, «обещает» – тем не менее – исчезнуть, правда, через вдвое бóльший срок.

...Учение Живой Этики настаивает на том, что космическая эволюция человека избавит его от трудностей. Но не лучше ли употребить усилия в разборе генезиса сущностно-живого, чтобы в итоге выйти за пределы предопределенного самой Вселенной ее завершения? Ведь Живая Этика, практикой затвердив идею развития, активно – как было сказано выше – рассматривает в чем-то опережающие современную науку идеи многомерности бытия и сущности человека. Кстати, установка на раскрытие космической эволюции человека может быть успешно реализована с подачи отмечаемых идей, когда они получают глубокую теоретизацию. Но такое – назовем его преднаучным – забегание Живой Этики пусть и не совсем корректно, но по-своему оправданно, поскольку традиции,

которыми преисполнена культура, оно (т. е. забегание) желает оградить от научной объективации, обусловливаемой «цивилизационным прессингом». Это противоречие между культурой и цивилизацией следует конструктивно разрешать, поскольку вне науки даже весьма актуальная тема космической эволюции человека – «прикажет долго жить».

Создаваясь непростыми годами, Живая Этика не могла не эволюционировать. Последняя книга «Надземное» (1938), глубоко рефлексировав, связывает гармонию и мышление. «Как рассказать человеку, – вопрошает эмоционально настроенная (если не сказать – судя по тону изложения – опечаленная непониманием окружающих, коим адресует выстраданное всей своей жизнью учение) Елена Ивановна Рерих, – об искусстве мышления? Многие примут такой совет, – продолжает она, – как неудачный афоризм. Как сказать им, что Наше мирозерцание основано на мышлении о Беспредельности? При таком задании земные меры покажутся не важными, и легко управлять ими. Нужно не страшиться понятия гармонии, оно применимо ко всем формам жизни.

Каждый человек, – рассуждает Е. И. Рерих, – может вызвать в себе ощущение гармонии. Можно называть это состояние разными именами, но человек должен понять, что ему, – завершает свою мысль Е. И. Рерих, – суждено рано или поздно продвинуться к ощущению гармонии, основанному на искусстве мышления» [4, с. 7]. Это справедливое положение, однако, напрямую связано с некоей запредельностью, заложенной в самом названии цитируемого труда. Выходит, учение Живой Этики располагает количественным подходом в понимании космической эволюции человека. Автор, к сожалению, не связывает себя с научно-цивилизационным мышлением. И когда сторонники Живой Этики, сомневаясь в науке (которая на многие вопросы ответов пока не дает), оперируют вне теоретическим познанием, они выражают несостоятельность своего – особенно по отношению к Космосу – мировидения. В данном же случае Е. И. Рерих можно понять и так, что она не против науки, поскольку искусство мышления неизбежно к ней его ведет. Значит, загадочная женщина желала бы облечь надземное в рационально-земные очертания.

Может быть, так оно и есть, но вездесущие мистические *Махатмы*, которые через *яснослышание* «диктуют» ей текст Живой Этики, не позволяют действительно автору – а это светлейшая

Елена Ивановна – раскрыть его в земном ключе. Такое было бы весьма желательно, поскольку суть космической эволюции сосредоточена, как выше мы пытались показать, матерински запечатленным космосом.

Сказанное также свидетельствует о том, что, воплощая мудрость как духовную суть социально выраженной устойчивости, Е. И. Рерих, испытывая цивилизационное воздействие, по инерции продолжает смотреть на мир с позиций, мало радующей ее социально воспроизводимой изменчивости. Это как бы освобождает автора Живой Этики от осмысления диалектики культуры и цивилизации. Но попытки синтетического подхода к ним явно прокламируются. В уже приводимой цитате об актуальности гармонического самовыражения в его рациональном исполнении отмечаемая гармония может восприниматься с позиций противоречиво претворенного единства социально выраженной устойчивости и социально воспроизводимой изменчивости. Но об этом можно лишь догадываться – не более того.

...Значение Живой Этики видно, к примеру, в том, что ее автор хотел бы вскрыть правополушарные возможности головного мозга в реализации своей теоретико-исследовательской программы. Обычно такие процессы обеспечивает левое полушарие, занятое интеллектуально-знаниевой деятельностью, преимущественно связанной с выявлением возможностей социально воспроизводимой изменчивости. Правое полушарие сосредоточено на знаково-образной специфике субъектно заданного отношения к среде.

Попытка Е. И. Рерих не проходит бесследно, приобретая значение условиями разразившейся сексуальной революции: в ней мужской пол понес сокрушительное поражение. Это неизбежно приводит к духовным изменениям, и бывший слабый пол с присущей ему мудростью в силах овладеть научным совершенством, единым порывом, объединяющим «полушарные изыскания». Провидческими интенциями преисполненное учение Живой Этики вряд ли следует отделять от науки: у них тесные связи, обусловленные тем, что культура как система традиций, предопределяя будущее, подчиняет его цивилизационному – а, следовательно, научному – осмыслению.

И хотя Е. И. Рерих мифо-религиозностью прикрывает эту сторону своего учения, оно не теряет – благодаря фееричности Агни Йога, где сфокусировано земное и надземное потребностями живой

жизни, – стремления сочетать их в коллективистском обустройстве социума.

В книге «Община» Е. И. Рерих размышляет: «семья, род, страна, союз народов – каждое объединение стремится к миру, к улучшению жизни. Каждое сотрудничество и сожительство нуждается в совершенствовании. Никто не может показать предел эволюции. Тем самым труженик становится творцом <...> Монастыри часто назывались общинами. Жизнь общинная уже была признаком сотрудничества и взаимоуважения. Так и каждая мастерская уже будет зачатком общины» [1, с. 194]. Общинная жизнь, утверждает Е. И. Рерих, – источник творчества. «Учите понять Общину, – пишет она, – как кипящий источник возможностей» [1, с. 263]. И уже – совсем невероятное: «утверждающий Общину способствует ускорению эволюции планеты. Всякое окаменение и неподвижность будут означать возвращение к первичным формам» [1, с. 263].

Рассмотренный взгляд на общину, делая вселенски возвышенные воззрения Е. И. Рерих на мир весьма земными, ставит ее в число теоретиков общинного социализма. И это примечательно, поскольку вскрывает корни культурного строительства: они пронизаны коллективным трудом – физически выраженной целеположенной деятельностью. Здесь видны приоритеты земного, наполняющего жизненный путь устроителей общинных традиций. ...Живую Этику следует также рассматривать в качестве своеобразного духовного знаменателя при раскрытии паритета в отношениях между Западом и Востоком.

Созданная, как выше мы сказали, на русском языке и прежде всего предназначенная россиянам Живая Этика отводит Отечеству высокое духовно-посредническое положение как организатора дружбы народов. Обращение к Живой Этике, где определение «живая» характеризует ее внутренне совершенствующейся, указывает на то, что забота об устойчивости вида Homo Sapiens – главное для Е.И. Рерих, занятой широким поиском смысла жизни. ...Важно помешать геной инженерии – о чем было сказано выше – «скорректировать» ДНК человека или осуществить чипирование его телесно заданной антропности. ...Следует укрепить, как мы сказали, первичную космическую крепость, где зачинается человеческая жизнь. И чтобы в материнском лоне она протекала успешно до

момента рождения младенца, надлежит социализовать антропную субстанцию предстоящего сподвижника Вселенной.

Социализация еще не рожденного младенца проводится «материнской пристрастностью» для того, чтобы он активизировал свой «антропос» применительно к внешним вызовам. Тогда, появившись на свет, малыш почувствует себя уверенно, и его первый крик возвестит о жизненном оптимизме. ...Возможная привязка Живой Этики к микрокосмосу – явный выход ее на тему космической эволюции. Космос сей пребывает ниже нулевого измерения, но он, несомненно – важная часть Вселенной; и, идя по стопам Живой Этики, мы расширяем ее границы.

Вместо заключения: творец Живой Этики – всегда с нами!

Выстроим картину реальности в рамках вскрываемого учения. Данная картина, вобрав мифолого-религиозные черты, более зрима, нежели научно доказательна. Включая рационально поданную реальность, она, однако, отстраняет ее от научных результатов. ...Трудности могут быть преодолены частичным пересечением двух кругов, один из которых оперирует мифо-религиозной иллюзорностью, другой – непосредственно предметным содержанием. Складывающаяся смешанная картина в ее иллюзорно-компенсаторном и здраво репрезентируемом активе позволит увидеть в Живой Этике проблемные моменты, разрешая которые становится достижимым синтез культуры и цивилизации.

Труд Е. И. Рерих «Живая Этика», как выше мы его попытались разобрать, носит сопутствующее ему название – Агни Йога. Содержимое понятий – повторимся – не во всем идентично. Если Живая Этика обосновывает космизм социума, то Агни Йога оборачивается методологией его «запредельного» обустройства. Остановимся на этом подробнее. Когда-то Р. Киплинг (1865 – 1936) произнес: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись никогда». ...Меняющимися временами окинем ситуацию. Ментальность представителя Запада определяется его субъектностью. Последняя противостоит объекту, являющемуся снимком мироздания. Запаралеленность субъекта и объекта ведет сложившийся тандем к дурнобесконечной тупиковости. Это мы наблюдаем сейчас, когда Запад устремлен к всесветной гегемонии. Казалось бы, английский нобелиат Р. Киплинг прав. Однако НТР, спущенная Западом на Ойкумену, своим глобализмом обесценила приводимое высказывание...

Отказ Живой Этики от западного образа жизни, связанного с выстраиванием субъектно-объектной поглощенности человека, выражает нашу неприязнь к торжествующей социоиндивидуализированной – а ей, де, «все дозволено» – «непосредственности». Живая Этика перечеркивает установку на покорение природы, истоки которого выразил Ф. Бэкон афоризмом «Знание – сила». В Индии, где создается Живая Этика, Е. И. Рерих раскрывает соотношенность человека с миром формулой: «все во мне и я во всем». Это придает Живой Этике новаторское звучание. Ярко и доступно написанная она затрагивает внутренний мир постигающего ее с желанием – повторимся – о чем-то поспорить... Создавая Живую Этику, Е. М. Рерих пребывала в глубоких раздумьях. Это позволило ей – при опоре на мудрость – стихийно использовать диалектику. ...Живая Этика, обходя мужскую – порою классово ограниченную – духовную однолинейность, предлагает исследовать Космос в его многомерной объемности.

Источники и литература

1. Агни Йога. В 6 т. Т. 1. Листы сада Мории; Зов; Листы сада. – М.: Озарение; Община. – М.: Русский Духовный Центр, 1992. – 288 с.
2. Агни Йога. В 6 т. Т. 2. Агни Йога; Беспредельность, I и II части. М.: Русский Духовный Центр, 1992. – 368 с.
3. Коноплев Н. С. Историческая выводимость Восточно-сибирской – метисированной духовности: к постановке вопроса // Россия и Восток: взгляд из Сибири: материалы и тезисы докладов к XI Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13 – 16 мая 1998 г.: в 2 т. / под. ред. В. И. Дятлова и В. П. Олтаржевского. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – Т. I. – С. 36–40.
4. Агни Йога. В 6 т. Т. 6. Надземное. – М.: Русский Духовный Центр, 1992. – 336 с.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ СЛАВЯНСКЕ (ДОНБАСС) В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1943)

Аннотация. В статье рассматривается религиозная жизнь Славянска в условиях германской оккупации Донбасса. Автор обобщает имеющиеся исторические данные о мероприятиях нацистских оккупантов и коллаборационистов по открытию и деятельности местных церквей, проведению религиозной и политической пропаганды. Как следует из архивных источников, Православная Церковь в Славянске находилась под жестким политическим контролем германских властей и украинских националистов, вследствие чего местная церковная жизнь была противоречивой и ограниченной. Исследование основано на материалах Донецкого государственного архива и дополнительных источниках.

Ключевые слова: Донбасс, Славянск, Православная Церковь, нацистская оккупация, коллаборационизм, национализм.

ORTHODOX LIFE IN THE CITY OF SLAVYANSK (DONBASS AREA) DURING THE NAZIS OCCUPATION (1941 - 1943)

Annotation. In the article there is examined religious life in Slavyansk in terms of the German war occupation in Donbass area. An author summarizes present historical data about measures of the Nazis occupiers and collaborators on opening and functioning of the local churches, realizing religious and political propaganda. As follows from archive sources Orthodox Church in Slavyansk had been under rigid political control of the German rules and Ukrainian nationalist that's why local church life was contradicted and limited. The study is based on materials of the Donetsk State's Archives and additional sources.

Key words: Donbass area, Slavyansk, Orthodox Church, Nazis occupation, collaboration, nationalism.

***Мартынов Алексей Сергеевич**, историк, свободный исследователь, г. Донецк, Донецкая народная республика (ДНР).

Martynov Aleksey Sergeevich, Historian, Free researcher, Donetsk, Donetsk People's republic.

Настоящая статья посвящена 375-летию донецкого города Славянска (1645-2020) и 75-летию Великой Победы (1945-2020). В исследовании автор рассматривает специфическое положение Православной Церкви в Донецком бассейне в условиях нацистской оккупации и религиозно-политического коллаборационизма украинских националистов. На примере г. Славянска анализируется политика и практическая деятельность германских оккупантов и коллаборационистов в «зоне военной администрации» в сфере религии и общественных отношений, устанавливается значение религиозного фактора в политико-пропагандистских акциях оккупационных властей.

Поскольку на Славянской земле со времен Средневековья (официально – с XVI столетия) развивалась и расширялась знаменитая Свято-Успенская Лавра в Святых горах на реке Северский Донец (Святогорская обитель), эта часть Донецкого края традиционно являлась региональным центром Православия на Юге России. Неслучайно именно в Славянском районе гитлеровские оккупанты и коллаборационисты, исходящие из собственных политических целей, предприняли определенный религиозный эксперимент по «возрождению» местной церковной жизни, допустив даже возможность восстановления Святогорского монастыря, который в 1922 г. был закрыт советскими властями и превращен в санаторий. Разрешение богослужбной деятельности рассматривалось гитлеровцами в качестве идеологического инструмента для дискредитации Советской власти, устроившей массовые богоборческие репрессии верующих в 1920 – 1930-х годах. Таким образом, пример религиозной политики нацистов в Славянске позволяет обобщить мероприятия оккупационной администрации в других городах и районах Донбасса.

Исследование основано на материалах украинско-немецкой «Донецкой газеты» (печатный орган Славянской городской управы) из фондов Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), а также на дополнительных исторических источниках. В частности, автор использовал работы по проблеме украинского коллаборационизма американского историка Джона Армстронга [1], донецкого историка В. Н. Никольского [13], украинских националистических деятелей Л. Шанковского [28] и А. Добровольского [6; 16]. По вопросам церковной политики нацистов были учтены публикации М. И. Ребровой [19] и М. В. Шкаровского [29], по пропаган-

дистским акциям оккупантов – работы Д. Н. Титаренко [26], В. П. Сиротенко и О. Л. Максименко [25].

Важным источником о православной жизни в Славянском районе в период оккупации является личный дневник архидиакона Авраамия, служившего на восстановлении Святогорской Лавры в 1942 – 1943 гг. [23, с. 97-102]. На основе сопоставления и анализа указанных источников реконструированы основные события религиозной жизни Славянского района в период оккупации (конец 1941 г. – лето 1943 г.).

Город Славянск находился под германской оккупацией неполные два года: с 28 октября 1941 г. по 6 сентября 1943 г. (не считая временного освобождения советскими войсками с 17 февраля по 1 марта 1943 г.). Уже в первые недели оккупации в Славянске была сформирована местная вспомогательная администрация в составе городской и районной управы, «украинской полиции» и других учреждений. С конца 1941 г. в Донбасс и Славянск стали прибывать из западных областей участники «походных групп» украинских националистов, создавшие в регионе местные резидентуры ОУН.

В 1942 г. при участии оуновцев в Славянске развернулась прозелитическая деятельность неканонической «Украинской автокефальной православной церкви» (УАПЦ). Раскольники УАПЦ вступили в жесткую конкуренцию с местными священниками «Автономной Православной Церкви» (АПЦ), что сохранила каноническую связь с Московской Патриархией. Данная ситуация была характерна не только для вновь созданного «Донецкого епархиального управления», но для остальной оккупированной территории УССР. На Востоке, «автокефалисты» находились в меньшинстве по сравнению с духовенством «московской» ориентации. Так как после советских богоборческих гонений кадры местного духовенства были весьма ограничены, гитлеровцы были вынуждены относительно лояльно обращаться со священниками, не подвергая их прямым репрессиям, что могло разрушить публичный образ «церковного возрождения», создаваемый оккупантами. Вместе с тем духовенству вменялось в обязанность чтение молитв и проведение молебнов за Адольфа Гитлера, победу германской армии, «освобождение от большевизма» и т.д.

Германские военные власти, разрешив богослужения для канонических священников (формально относившихся к АПЦ), в то же время покровительствовали УАПЦ, занимавшей германофильские и

националистические позиции. В инструкции «Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению» указывалось, что следует ни запрещать, ни поддерживать религиозную деятельность населения, но разрешить открывать церкви, закрытые советским режимом [19, с. 57].

В инструкции рейхсминистра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга от 18 ноября 1941 г. рекомендовалось внедрять в религиозной жизни украинский язык и «препятствовать любому влиянию русского Православия и его священников», а также «противодействовать тому, чтобы конфессии и секты занимались политикой и выступали с какими-либо политическими декларациями перед общественностью» [29, с. 290-291]. Затем в январе 1942 г. в предложениях министерства восточных территорий Розенберга в очередной раз предлагалось ни в коем случае не поддерживать Русскую Православную Церковь на Украине, но в то же время поддержать «автокефальную украинскую церковь» в качестве противовеса РПЦ [29, с. 295].

Помимо «автокефальной украинской церкви» министерство Розенберга планировало разрешить и другие религиозные секты, находившиеся в конфликте с Москвой [29, с. 296]. В циркуляре рейхсминистра Розенберга от 13 мая 1942 г. о принципах германской религиозной политики на Востоке предписывалось поддерживать «автокефальную украинскую церковь» как инструмент для ограничения влияния «Православной Церкви московского направления» [29, с. 209]. В этом циркуляре подчеркивалось, что «не следует упускать из виду возможную опасность с украинско-церковной стороны для цели – раскола Православной Церкви московского направления, которая является носителем панславянской идеи» [29, с. 210]. Однако, согласно германским документам, верующие на Украине предъявляли претензии «автокефальной украинской церкви» в том, что та отделилась от Матери-Церкви неканоническим путем и ее священники не канонически рукоположены [29, с. 105].

В Днепропетровске между «автокефальным» епископом УАПЦ Геннадием и «автономным» епископом Димитрием происходила борьба за влияние, так как националисты пытались вытеснить «местный русофильский элемент» из общественной жизни [1, с. 240-241; 28, с. 44-45]. Днепропетровский генеральный комиссариат вначале поддерживал УАПЦ, но затем сохранял баланс между УАПЦ и «русофильской» Автономной Церковью [28, с. 150]. По мнению

американского историка Джона Армстронга, попытки гитлеровцев объединить «автокефальную» и «автономную» церковные группы не получили конечного результата, поскольку «автономная церковь» желала «продолжения доминирования русской культуры на Украине» и поддерживала связи с Москвой, тогда как «автокефальное» духовенство являлось распространителем национализма [1, с. 244-245].

Украинские националисты преследовали собственные политические цели, вследствие чего религиозный фактор служил для ОУН средством экспансии националистической идеологии на Донбасс. Бандеровцы, издававшие оккупационные газеты, организовали в Славянске и Краматорске местные организации «Просвиты», через которые вели националистическую пропаганду [25, с. 125]. В 1942 г. в Славянске уже действовали украинские школы, читальни, городской театр, хоровая капелла и «Просвита», в которой состояло 400 человек [6, с. 55].

Руководителем Славянского подполья ОУН стал бывший учитель техникума Петр Шинкарь, бежавший с немцами в сентябре 1943 г. [16, с. 222]. Шинкарь работал заведующим отдела народного образования Славянской горуправы и руководил местной «Просвитой», проводил агитацию за «самостийную Украину», но в мае 1943 г. был арестован немцами и затем бежал с ними [16, с. 235]. Бандеровское руководство инструктировало своих подчиненных в Донбассе, что главной целью ОУН является борьба за «украинскую самостийную соборную державу» и для достижения этой цели бандеровцы должны контактировать с немцами, чтобы после поражения немцев ОУН могла «своевременно перестроиться» и продолжать подпольную работу в условиях советского режима [13, с. 50].

Вполне логично, что «Донецкая газета», которую в Славянске издавали Шинкарь и другие бандеровцы, имела явную пронемецкую, антисоветскую и антисемитскую направленность, регулярно публиковала статьи националистического содержания [25, с. 127-129]. Следует учитывать, что в Донбассе ведение пропаганды осуществлялось под строгим надзором германских военных отделов «Пропаганда-штаффель», работавших в Мариуполе, Сталино, Славянске, Ворошиловграде и т.д. [26, с. 22]. Полевые комендатуры тылового района должны были учитывать вражескую пропаганду, партизанский вопрос, настроения населения, религиозную политику, культурные вопросы, еврейский вопрос, прессу, кино и радиовещание

ние; по всем этим блокам вопросов формировались и проводились соответствующие пропагандистские мероприятия, в том числе посредством местных газет [26, с. 22-23]. Соответственно вся агитационная работа бандеровцев в «Донецкой газете» полностью отражала политические установки нацистов.

Обязательным направлением религиозной пропаганды оккупантов в Славянске и Донбассе являлась критика богоборческой политики Советской власти и восхваление германского «нового порядка», разрешившего свободу совести и открытие церквей в оккупированных областях. Так, в сентябре 1942 г. областная газета «Донецкий вестник» напечатала большую пропагандистскую статью с обличением религиозной политики Сталина, в которой утверждалось, что только благодаря германским войскам священнослужители каждого народа СССР получили возможность духовной жизни и теперь *«каждый свободен исповедовать ту религию, которая ему по душе»* [22].

В ноябре 1942 г. Славянская газета опубликовала подробную статью об уничтожении церквей в СССР за 25 лет, приводя следующие факты: из 50 тыс. церквей в царской империи большевики уничтожили почти все, только в 1935 г. было закрыто 14 тыс. церквей, из 800 московских церквей осталось лишь 24, в 1931 г. был разрушен Храм Христа Спасителя [12]. Антихристианские репрессии Советской власти довоенной эпохи действительно оказали негативное влияние на общественное сознание населения СССР, и теперь оккупанты рассчитывали манипулировать настроениями верующих, чтобы склонить их к идейной лояльности нацистскому режиму. В связи с этим оккупационная пресса осуждала приветствия Сталину со стороны Патриаршего местоблюстителя Сергия и приводила антирелигиозные цитаты Сталина из сборника «Вопросы ленинизма» [15]. В «Донецкой газете» большевиков обвиняли в разрушении храмов, замене христианской морали аморальностью, шпионством, провокаторством, предательством и т.д., благодарили Гитлера за «освобождение» Украины от власти неверных: «земля наша и весь народ наш стали снова вольными, открылись пути для новой, лучшей жизни. С неизреченной радостью набожный украинский народ отстраивает храмы Божьи. Пришла в церковь и молодежь вместе со своими родителями» [11].

От имени молодежи в Славянской газете заявлялось, что «дети революции», которым большевизм внушал, что религия – это «опи-

ум для народа», даже не умели молиться, но теперь многие из молодежи ходят в церкви «отвести душу, облегчить свое горе» и имеют веру в Бога: «Вера даст нам возможность сдерживать свои дурные намерения, укрепить семью, объединить украинский народ. Вера поможет нам перенести все трудности этой войны и одолеть большевиков» [10]. После почти четверти века воинственного безбожия и угнетения Православия в СССР подобная пропаганда действительно могла возыметь определенное психологическое и политическое воздействие на часть верующих. В то же время оккупационная пресса резко критиковала Московскую Патриархию за ее антифашистскую позицию. Например, в мае 1943 г. «Донецкая газета» опубликовала статью «ГПУ в рясе епископа», в которой высмеивались послания Сталину от митрополита Московского Сергия, католикоса Грузии и католикоса всех армян [7].

На главные церковные праздники – Рождество и Пасху – германские власти и коллаборационисты устраивали в Славянском районе массовые религиозно-политические мероприятия, направленные на внедрение в общественное сознание постулатов фашистской и националистической пропаганды. Для этого цинично использовались духовные потребности верующих и проводимые богослужения, а герmanoфильские пропагандистские клише маскировались псевдохристианской популистской фразеологией. В качестве примера религиозной политики гитлеровцев и их пособников в Славянске можно привести празднование Рождества и Пасхи в 1943 г. Рождественские праздники в период оккупации отмечались с 25 декабря по западному григорианскому календарю, т.е. вопреки канонической традиции Русской Православной Церкви, но синхронно с немецкими протестантами. При этом и 7 – 8 января Рождество все равно отмечалось. В то же время Пасху продолжали праздновать по церковному юлианскому календарю.

Празднование Рождества 1943 г. началось в Славянске в конце декабря 1942 г., когда при участии городской управы и немецких военных властей были организованы массовые собрания на заводах и в других местных учреждениях. Так, 24 декабря было проведено собрание 230 рабочих завода «Металлист», на котором выступили руководитель завода немец Шонфельд, хозяйственный руководитель немец Кроне, бургомистр Славянска Виноградов и дирекция завода; рабочих поблагодарили за качественную работу для немецкой армии, после чего состоялись рождественский обед и танцы [9]. В гос-

хозе № 4 служащие немецких и украинских учреждений 26 декабря организовали праздник рождественской елки с обедом, пообещав в новом году посадить 20 га капусты, 25 га помидоров, 12 га огурцов, 15 га лука и т.д. [30].

Особое внимание оккупационная администрация Славянска уделяла пропагандистской работе среди учащихся школ, для которых устраивались рождественские елки. Например, на празднике в школе № 4 присутствовал представитель отдела «Штафель-Пропганда», который похвалил учеников, но отметил, что их дисциплина еще недостаточна по сравнению с немецкой школой [20]. Во время рождественских каникул родители с детьми посещали службы в церквях, в школах проводились празднования с участием представителей немецких властей – например, в школе № 1 присутствовали лейтенант ортскомендатуры и сотрудник земельной управы, в ремесленной школе – руководитель завода «Металлист» Шонфельд, в детском доме № 2 – сотрудники жандармерии; для всех учеников были подготовлены подарки [21]. Славянская городская управа стремилась показать населению, что после 23-летнего правления большевиков рождественская елка вновь возвращается в школу и к детям.

В апреле 1943 г. к празднику Пасхи отдел социальной опеки Славянской городской управы организовал раздачу внеочередной помощи нуждающимся в размере недельной зарплаты; в честь Пасхи также восстанавливалась работа трехлетних средних школ, всему населению дополнительно выдавалось по полкило муки и по 300 грамм соли, вводились два выходных дня – воскресенье и понедельник [5]. Оккупационные власти разрешили на Великий четверг, Великую пятницу и Великую субботу утренние и вечерние богослужения, а на саму Пасху – проведение Литургии и Крестного хода, был даже смягчен режим комендантского часа [27].

Воскресный номер «Донецкой газеты» от 25 апреля 1943 г. вышел с иллюстрированной передовицей «Пасха под охраной немецкого оружия» [2]. В этом праздничном номере «Донецкой газеты» был опубликован ряд пропагандистских статей, в которых восхвалялась религиозная политика оккупантов на Украине. Так, в статье «Воскреснешь, Украина!» утверждалось, что теперь Воскресение наступило и для украинского народа, который должен трудиться над возрождением хозяйства и помогать «великому немецкому народу» [4]. Статья «Пасхальные обычаи в Германии» (с приложением трех

больших фотографий немецких готических соборов) описывала протестантские традиции празднования Пасхи немцами [18]. Ниже была опубликована статья о Пасхальных традициях украинского народа, но уже без фотографий и с меньшим объемом текста [3]. Иллюстрированные публикации к празднику Пасхи напечатала также областная газета «Донецкий вестник» (Сталино). В этих пропагандистских материалах критиковалась 20-летняя политика советских властей по борьбе с религией и выражалась благодарность Гитлеру и германскому командованию за возможность исповедания веры и празднования Пасхи [17].

Отдельно следует упомянуть попытки возрождения богослужebной деятельности в Святогорской Лавре на Северском Донце. По данным записей дневника архидиакона Авраамия, 1 июля 1942 г. в Троицком соборе Славянска состоялось собрание монашествующих во главе с благочинным Константином Ружицким, на котором было решено восстановить Святогорскую обитель, и уже 4 июля в трапезной церкви монастыря было проведено первое богослужение [23, с. 97-98].

Однако даже во второй половине 1942 г. комплекс монастыря оставался разрушенным, здания были поломаны и заросли бурьяном, местные грабители уносили мебель, полы, двери и окна; но немногочисленные монахи старались навести порядок и на праздник Крещения 19 января 1943 г. на Донце возле монастыря было проведено торжественное освящение воды [23, с. 98-99]. В марте 1943 г. монастырь превратился в опорный пункт боевых действий между гитлеровцами и Красной Армией, вследствие чего здания обители подверглись артиллерийским обстрелам и разрушению [23, с. 99-100].

В июле 1943 г. гитлеровцы создали мощный оборонительный бастион в Святогорском монастыре и возле берега Северского Донца, примыкавшего к монастырю, шли ожесточенные бои между германскими и советскими войсками [23, с. 230, 230-234]. Ко времени освобождения Донбасса в августе 1943 г. немцы варварски разгромили здания дома отдыха и монастырь: листы старых церковных книг валялись в уборных и немецких блиндажах, монастырские постройки XIX века находились в полуразрушенном состоянии [23, с. 256, 259-261]. Таким образом, восстановление Святогорской обители не состоялось. После войны монастырь оставался в положении музея-заповедника и санатория, и возвращение Лавры в Церковь произошло только в 1992 г., уже после распада СССР.

Прозелитизм УАПЦ в Донецком бассейне и в Славянском районе не принес украинским раскольникам ожидаемого результата. По воспоминаниям руководителя ОУН в Донбассе Евгена Стахова, «украинская автокефальная церковь» в регионе не действовала, хотя Днепропетровский архиепископ Геннадий пытался вместе с другими епископами направить в Донбасс священников, и одна парафия УАПЦ была организована в Мариуполе [16, с. 295-296]. Однако, по данным националистического историка А. Добровольского, за время оккупации общины УАПЦ были открыты в Алексеево-Дружковке, Славянске, Горловке, Мариуполе; в Славянске действовали три русские и одна украинская церковь – эта «автокефальная» община была открыта в декабре 1941 г. [6, с. 55]. Впоследствии за чрезмерную националистическую активность часть оуновцев и участников общины УАПЦ в Славянске были арестованы германскими властями [6, с. 56].

В публикациях «Донецкой газеты» сохранились некоторые сведения о попытках прозелитизма «автокефалистов» в Славянске. Так, 15 февраля 1942 г. в Александро-Невском соборе Славянска состоялось общее собрание, на котором священник поблагодарил «великий немецкий народ» за восстановление и заявил: «наши религиозные пути ведут в Киев, к Софийскому собору и Киево-Печерской Лавре, а не в Москву, что уничтожала украинскую национальную культуру». После этого в состав церковного совета были избраны «люди, что проводили борьбу за родную церковь и потерпели от большевицкой власти много горя, но не отреклись от Христа и национального дела» [8].

Такого рода риторика была характерна для УАПЦ, обособлявшей Киевские православные святыни от Русской Церкви. В марте 1942 г. «Донецкая газета» сообщила: «Администратор Автокефальной Православной Церкви на занятых украинских территориях, архиепископ Поликарп, установил в своем округе, в Луцке, Консисторию для Администрации Православной Церкви. В Консисторию входит ряд украинских священников и светских лиц» [14]. Затем в июне 1942 г. в «Донецкой газете» было объявлено, что «после освобождения Украины ощущается большая потребность в богословских образованных людях», в связи с чем епископы «автокефальной православной церкви» организовали в Луцке и Днепропетровске специальные курсы духовного образования [24]. Как следует из приведенных фактов, западно-украинские деятели УАПЦ не оставляли попы-

ток проникновения на Восток и готовили для этого кадры «автокефального» духовенства. Однако православные священники Донбасса в подавляющем большинстве остались в «автономной» церкви, т.е. фактически в Московской Патриархии. В 1942 г. канонический епископ в Киеве Пантелеймон, подчинявшийся экзарху Украины митрополиту Алексию (Громадскому), вступил в отношения с «Донецким епархиальным управлением», которое вошло в общение с «автономной» церковью, отвергнув раскольническую УАПЦ [19, с. 59-60].

Глава Донецкой епархии протоиерей Арсений (Кнышев) на переговорах в гестапо отверг возможность внедрения «автокефалии» и выступил против поддержки «самосвятов» УАПЦ в Донбассе [19, с. 61-62]. Принципиальная позиция Донецкой епархии по проблеме «автокефалии» сохранялась до конца оккупации. Всего же к 1943 г. в Сталинской области было открыто 232 церкви, тогда как до войны в регионе вообще не было церквей; теперь в городах, селах и поселках Донбасса действовали десятки церквей и молитвенных домов [19, с. 58]. Многие православные приходы в Донбассе, открытые за время оккупации, больше не закрывались и продолжали служить в послевоенный период.

Таким образом, пример города Славянска характеризует общую религиозную политику нацистских оккупантов и коллаборационистов в «зоне военной администрации» Донбасса в 1941 – 1943 гг. Данная политика, будучи производной от соответствующих практик, применявшихся в рейхскомиссариате «Украина», заключалась в расчетливом использовании религиозного фактора в интересах идеологической войны Германии против СССР, для раскола советского общества и обеспечения лояльности оккупантам верующей части населения. Открытие местных церквей сопровождалось популистскими публикациями в пропагандистской прессе и массовыми мероприятиями на Рождественские и Пасхальные праздники с привлечением школ, предприятий, Славянской городской управы. Спекулируя на проблеме многолетнего безбожия и гонений Церкви в СССР, гитлеровцы и обслуживавшие их пропагандисты провоцировали антисоветские настроения в среде верующих, чтобы обеспечить таким способом морально-политическую легитимацию германских оккупационных властей как «освободителей от большевизма». В свою очередь украинские националисты и связанная с ними раскольническая «автокефальная» группа при поддержке нацистов пы-

тались вести собственную идейно-политическую борьбу против канонического Православия на Востоке. В этих условиях Славянский район оказался в положении региональной площадки для осуществления религиозных и социокультурных экспериментов нацистов и националистов. В то же время, несмотря на жесткий контроль германской администрации над местными приходами, в Славянске произошло относительное возобновление религиозной жизни, были воссозданы церковные общины, предпринята попытка восстановить Святогорскую Лавру. Несмотря на прозелитизм «автокефальных» раскольников, Донецкая епархия в рамках «автономной» церкви сумела сохранить свое каноническое единство с Московской Патриархией.

Источники и литература

1. *Армстронг Дж.* Украинский национализм. Факты и исследования / пер. с англ. – М.: «Центрполиграф», 2008. – 368 с.
2. Великдень під охороною німецької зброї // Донецька газета. 25.04.1943.
3. Великодні звичаї українського народу // Донецька газета. 25.04.1943.
4. Воскреснеш, Україно! // Донецька газета. 25.04.1943.
5. До свят Пасхи // Донецька газета. 22.04.1943.
6. Добровольський О. Українське відродження на Донбасі в роки Другої світової війни // Діяльність підпілля ОУН на Сході України: збірник статей / упор. П. В. Хобот. Дніпропетровськ: «Спадщина», 2010. – С.50–68.
7. ДПУ в рясі єпископа // Донецька газета. 30.05.1943.
8. За рідну церкву // Донецька газета. 1.03.1942.
9. Зустріч Різдва на заводі «Металіст» // Донецька газета. 30.12.1942.
10. Молодь і релігія // Донецька газета. 25.04.1943.
11. Мораль єднання, сили й любові // Донецька газета. 8.01.1943.
12. Нищення церков в СРСР // Донецька газета. 6.11.1942.
13. Нікольський В. М. Підпілля ОУН(б) у Донбасі. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2001. – 177 с.
14. Нова православна консисторія в Луцьку // Донецька газета. 15.03.1942.
15. «Обранець Божий Сталін» // Донецька газета. 18.12.1942.
16. ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). Т. I. / упор. О. Добровольський. Коломия: Коломийська друкарня ім. Шухевича, 2014. – 352 с.

17. Пасха 1943 года – праздник возрождения // Донецкий вестник. 25.04.1943.
18. Пасхальні звичаї в Німеччині // Донецька газета. 25.04.1943.
19. *Реброва М. И.* Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941 – 1943 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия II. – 2016. – Вып. 3. – С.66–68.
20. Різдвяна ялинка в школі № 4 // Донецька газета. 13.01.1943.
21. Різдвяне свято в школах // Донецька газета. 15.01.1943.
22. Свобода совести и религии на Востоке // Донецкий вестник. 8.09.1942.
23. Святогорский плацдарм. 1941 – 1943. Документы и свидетельства участников боев с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны на плацдарме р. Северский Донец / сост. В. Н. Дедов. – Донецк: «Ваш имидж», 2008. – 284 с.
24. Семінарські курси для духовенства // Донецька газета. 28.06.1942.
25. *Сиротенко В. П., Максименко О. Л.* Гортаючи поживкли сторінки: огляд публікацій «Донецької газети», м. Слов'янськ, 1942 – 1943 рр. // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2015. – № 2. – С. 122–131.
26. *Титаренко Д. М.* Нацистська пропаганда в окупованому Донбасі: цілі, засоби, умови діяльності // Нові сторінки історії Донбасу: збірник статей. – Книга 17/18. – Донецьк: Донецький національний університет, 2009. – С. 21–33.
27. Церковна служба // Донецька газета. 22.04.1943.
28. Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941 – 1943 рр. Мюнхен: «Український самостійник», 1958. – 371 с.; Діяльність підпілля ОУН на Сході України. Дніпропетровськ: «Спадщина», 2010. – 132 с.
29. *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935 – 1945 годов: сборник документов. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 2003. – 365 с.
30. Ялинка в держгоспі № 4 // Донецька газета. 30.12.1942.

ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие Церкви государства и общества в условиях чрезвычайных ситуаций. Приводятся исторические примеры, начиная с «киприановой чумы» II половины III века н.э., эпидемии холеры в Москве в XIX веке и распространение коронавируса в 2020 году, выявляются общие черты и характерные особенности экстремальных ситуаций в свете рассматриваемой темы. Особое внимание уделено роли церковного священноначалия в условиях чрезвычайных ситуаций. Выдвигается тезис о том, что главная проблема в условиях эпидемий - это вопрос о ценности человеческой жизни. Автор предлагает рассматривать эту проблему в призме православной аксиологии в контексте достоинства и предназначения человека. Подчеркивается необходимость богословского осмысления чрезвычайных ситуаций с точки зрения сотериологии и экклезиологии. Затрагивается тема так называемого «ковидного богословия». Также автор рассматривает реализацию конституционных свобод в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: аксиология, вредоносное поветрие, киприанова чума, «ковидное богословие», чрезвычайная ситуация, вирус COVID-19, эпидемия холеры в Москве, свобода вероисповедания, священномученик Киприан Карфагенский, святитель Дионисий Великий, святитель Филарет (Дроздов), патриарх Кирилл.

CHURCH IN EMERGENCY SITUATIONS: HISTORY AND MODERNITY; THE THEOLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM

***Степанов Андрей Васильевич**, протоиерей, настоятель храма в честь Входа Господня в Иерусалим г. Иркутска, старший преподаватель кафедры теологии Иркутского государственного университета, магистр религиоведения, г. Иркутск, Россия.

Stepanov Andrey Vasilievich, archpriest, rector of the church in honor of the entrance of the Lord to Jerusalem in Irkutsk, senior lecturer of the Department of theology of the Irkutsk state university, master of religious studies, Irkutsk, Russia.

Annotation. The article deals with the interaction of the Church, state and society in emergency situations. Historical examples are given starting with the «Cyprian plague» of the second half of the 3rd century ad, the cholera epidemic in Moscow in the 19th century and the spread of coronavirus in 2020, and the General features and characteristics of extreme situations are revealed in the light of the topic under consideration. Special attention is paid to the role of the Church hierarchy in emergency situations. The thesis is put forward that the main problem in the conditions of epidemics is the question of the value of human life. The author suggests considering this problem in the context of Orthodox axiology in the context of human dignity and purpose. The need for a theological understanding of emergencies from the point of view of soteriology and ecclesiology is emphasized. The topic of so-called «covid theology» is touched upon. The author also considers the implementation of constitutional freedoms in emergency situations.

Key words: axiology, malware, Cyprian's plague, «covid theology», emergency situation, COVID-19 virus, cholera epidemic in Moscow, freedom of religion, Holy Martyr Cyprian of Carthage, Saint Dionysius the Great, Saint Philaret (Drozdov), Patriarch Kirill.

История человеческой цивилизации знает много печальных и трагических событий, которые со временем или забывались или же само человечество старалось их забыть. Со времен библейского потопа различные бедствия сотрясают привычный ход времени. Почему же человечество старается забыть эти экстремальные события, которые в настоящее время принято называть чрезвычайными ситуациями. Не потому ли, что они вновь ставят перед нами вопрос о ценности человеческой жизни, о его достоинстве и предназначении, показывают, насколько хрупок тот комфорт, к которому мы так быстро привыкаем, превращая его в идола. Все эти эпидемии, стихийные бедствия обнажают все острые проблемы общества, показывают в какой системе нравственных координат выстраивается жизнь каждого человека, какие ценности он исповедует и какой он представляет себе конечную цель своего существования. Поскольку Церковь является частью гражданского общества, возникает необходимость вновь проанализировать принципы взаимодействия Церкви, общества и государства, в том смысле, что насколько государство соблюдает гарантированные конституционные свободы в области свободы вероисповедания и свободы совести и насколько Церковь руково-

дствуется Преданием и насколько значимым социальным институтом она является для общества в условиях чрезвычайных ситуаций, где та грань между послушанием Богу и послушанием кесарю. Эпидемии болезней подобно египетским казням внезапно появляются, оставляя после себя свежие могилы, и так же внезапно исчезают. Необходимо богословское осмысление всех этих чрезвычайных ситуаций, найти их смысл в свете Божественного Промысла и ответить на вопрос - чем является для общества данная экстремальная ситуация: бич Божий или же Божие посещение, школа любви или школа выживания.

Особую актуальность выбранной нами теме придает и распространившееся в наши дни смертоносное поветрие вируса COVID-19, которое вновь заставило нас задуматься о ценности каждой человеческой жизни, не говоря уже о том, что объявление пандемии вызвало напряжение эсхатологических ожиданий, напомнили евангельские слова: «и будут глады, моры и землетрясения по местом; все же это – начало болезней» [4, с. 90]. Надо сказать, что подобные эпидемии не раз случались в истории, но 2020 год стал особенным, эпидемия приобрела всемирный характер, мы смело можем судить о том, что мир уже не будет прежним. Современную историю уже можно назвать «постковидной», как новая нормальность появился термин «ковидное богословие». Стоит серьезно задуматься над этим новым пока еще понятием, подобно тому как в наследии святителя Филарета (Дроздова) мы находим богословское осмысления смысла и значения Отечественной войны 1812 года на основе концепции «Войны Господней», так и мы должны дать богословское осмысление не только бывших эпидемий, но и продолжающейся коронавирусной инфекции. Человечество в целом впервые после потопа столкнулось с таким бедствием планетарного масштаба, пожалуй, не осталось ни одного места куда бы не пришли смертоносный вирус, массовая смертность, разрушение социальных институтов, всепоглощающий страх, разъедающий сознание, исковерканные человеческие судьбы.

Конечно, еще рано делать глубокие выводы по текущей ситуации, нам еще предстоит ее пережить, поэтому мы обратимся к историческому опыту и рассмотрим, как Церковь выстраивала в этих ситуациях отношения с обществом и государством и к чему призывала своих верных чад. Поскольку одним из вопросов, обозначенных как объект нашего исследования, является ценность человеческой

жизни вообще, в том числе и в условиях чрезвычайных ситуаций, обратимся богословскому пониманию ценности человеческой жизни в традиции Православной Церкви. Так же попытаемся найти ответ на вопрос, какая концепция может стать основой т.н. «ковидного богословия», отметим роль священноначалия в условиях чрезвычайных ситуаций.

С точки зрения православной аксиологии ценность человека заключается в его богоподобном достоинстве и предназначении быть сопричастным к вечной Божественной жизни во всей ее совершенной полноте.

Достоинство человека выражается в том, что он является высшим творением Божиим в видимом мире и проявляется в следующих аспектах.

- Господь творит человека Сам, а не повелевает земле или воде произвести его, как это было со всеми другими живыми существами;

- только человек создан в видимом мире по образу Божию и только он призван достигнуть божественного подобия;

- созданию человека предшествует Божественный совет, после чего следует Божественный акт творения и тем самым подчеркивается исключительность человека в ряду всех иных творений;

- при сотворении Господь Сам вдыхает в человека дыхание вечной жизни. Среди всех творений только человек приобщен благодати в самом акте творения непосредственно Богом и единство с Ним становится неотъемлемым условием человеческой жизни;

- человек стал последним, завершающим творением Божиим, и в этом также есть указание на его достоинство;

- сотворенный человек получил силу и власть над видимым миром [3].

По мысли блаж. Августина, предназначение человека заключается в следующих, обращенных к Богу словах: «Ты сотворил нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в тебе» [3, с. 28]. Эти слова звучат неким рефреном евангельских слов: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» [4, с. 47]. В святоотеческой традиции стремление личности к достижению полноты богоуподобления и ее приобщения к вечной Божественной жизни в ее совершенной полноте, неисчерпаемости и славе объявляются основным предназначением человека и в основе его исполнения лежит глубокий и таинственный процесс раскрытия

им своей духовной и нравственной одаренности. Восхождение человека на новые ступени бытия не есть эволюция, не прогресс, а есть «метаморфозис», преображение и в конечном итоге обожение и Богосыновство [1]. Как пишет архимандрит Платон (Игумнов), – «христианское предназначение человека, по мысли святых отцов, есть уподобление его Божественному Первообразу, и если человек желает быть образом Бога невидимого, он должен сообразовать стиль своей внутренней жизни со Христом, Сыном Божиим, Которому обязан своим бытием, достоинством и величием. В следовании евангельской заповеди: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48) – заключается высшее предназначение человека» [1, с. 172].

В данном контексте предназначение человека можно назвать «школой любви», поскольку Бог, создавая первую человеческую чету, определяет для них и их потомков жизнь в единстве и любви. При этом их любовь и единство должны были стать земным образом Божественного бытия Пресвятой Троицы. Богообразное человечество, имея единую природу, посредством взаимной любви должно было преобразовать эту великую тайну [3]. Данное утверждение находит свое основание в Священном Писании: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге» [4, с. 549].

Взаимоотношения между людьми кроме любви, как образа Божьего бытия, должны быть еще и честными, то есть построенными на той подлинной и единственно приемлемой основе, на которой они только должны существовать, чтобы соответствовать богообразному статусу [1].

Итак, подводя итог вышесказанному, мы делаем следующие выводы: с точки зрения православной аксиологии ценность человека заключается в его богоподобном достоинстве и предназначении быть сопричастным к вечной Божественной жизни во всей ее совершенной полноте. Христианское предназначение человека, по мысли святых отцов, есть уподобление его Божественному Первообразу, и, если человек желает быть образом Бога невидимого, он должен сообразовать стиль своей внутренней жизни со Христом, Сыном Божиим, Которому обязан своим бытием, достоинством и величием. В следовании евангельской заповеди: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48) – заключается высшее предназначение человека, предназначение человека можно назвать «школой любви», поскольку Бог, создавая первую человеческую чету,

определяет для них и их потомков жизнь в единстве и любви. Данное утверждение находит свое основание в Священном Писании: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге» (1 Иоанн, 5.16). Таково понимание ценности человеческой жизни в традиции Православной Церкви. Мы понимаем, что в современных реалиях государство и общество придерживаются несколько иных представлений. Государству человек ценен скорее всего как налогоплательщик или, как выразился глава Сбербанка России Г. Греф, как «грамотный потребитель», равно как и общество, становящееся все более секулярным, к вопросу о ценности человеческой жизни относится с гедонических и утилитаристских позиций. Биографическая жизнь не рассматривается большинством как подготовка к вечности, нравственные императивы, проповедуемые религией, воспринимаются как препятствия, мешающие сполна радоваться жизни и унижающие человеческое достоинство.

Выше мы уже говорили о том, что различные бедствия являлись постоянными спутниками человеческой истории, но для нашего исследования представляют особый интерес два эпизода, это так называемая «киприанова чума» середины III века и московская холера XIX века, ведь именно в этих ситуациях Церковь обрела необходимый опыт и богословский язык для их осмысления. Нам крайне важно обращение к этому опыту Церкви в условиях продолжающейся эпидемии чтобы одержать духовную победу над смертоносным поветрием, сохранив единство духа.

Болезнь, получившая название «киприановой чумы» по имени священномученика Киприана Карфагенского, бывшего свидетелем этой страшной эпидемии, появилась впервые в Эфиопии на Пасху 250 года и через несколько лет поразила большинство провинций Римской империи, где несла смерть в течение 15 лет. Масштабы эпидемии были ужасающими, в столице империи смертность составляла до 5.000 человек в день. Наиболее пострадали города Северной Африки. Другой свидетель этой страшной чумы, святитель Дионисий Великий, архиепископ Александрийский, с грустью замечает, что в Александрии за время чумы не осталось никого старше 40 лет. Болезнь по своим симптомам была необычной, ее нельзя назвать классической чумой, она скорее напоминала геморрагическую лихорадку или даже лихорадку Эбола. Святитель писал в своих посланиях: «...эта болезнь – для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писа-

тель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать ... как написано было о первенцах египтян, так и теперь: “и поднялся вопль великий, ибо нет дома, где не было бы мертвеца” – хорошо, если не больше одного» [9].

Страшнее самой болезни была всеобщая деморализация и апатия языческого общества. Ситуацию можно обрисовать словами древнегреческого историка Фукидида, описавшего эпидемию чумы в Афинах в 430 году до Рождества Христова: «недуг поражал всех, как сильных, так и слабых, без различия в образе жизни. Однако самым страшным во всем этом бедствии был упадок духа: как только кто-нибудь чувствовал недомогание, то большей частью впадал в полное уныние и, уже более не сопротивляясь, становился жертвой болезни; поэтому люди умирали, как овцы, заражаясь друг от друга» [9].

Для христиан это время оказалось еще сложнее. Помимо поражавшей всех без исключения болезни, они столкнулись с ненавистью общества, которое их винило во всех несчастьях, оно было уверено, что именно христиане вызвали «гнев богов», пославших эту страшную болезнь. Тот же александрийский святитель пишет: «...пришли война и голод; мы переносили их вместе с язычниками, но еще и терпели их издевательства и не оставались безучастны к их поведению друг с другом и к их страданиям; мы радовались миру Христову, который Он дал нам одним» [9]. Удивительным является то обстоятельство, что незадолго до эпидемии прошла волна очередных гонений на христиан со стороны римской власти и многие христиане украсились мученическими венцами, а оставшиеся в живых желали приобщиться к их нетленной славе и подвигу. Ни угроза смерти от язычников, ни самая смерть не озлобили христиан, в отличие от язычников, они не видели в страшной эпидемии карающую за поругание христиан десницу Божию, наоборот они, в отличие от самих язычников, которые «... заболевших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения – боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было нелегко», нашли в себе силы остаться людьми и продолжили нести жертвенное служение не только членам христианской общины, но и всем вокруг, в том числе и тем, которые еще вчера самих христиан по гнев толпы волокли на смерть.

Святитель Дионисий пишет: «весьма многие из наших братьев по избытку милосердия и по братолюбью, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно

служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. Народная поговорка, бывшая, казалось, только выражением благожелательности, осуществлена ими на деле: они были действительно людьми, уходившими из жизни, будто они сор перед другими... Они принимали тела святых на расprostертые руки и прижимали их к груди, отерев глаза и закрыв рот, несли на своих плечах и не могли от них оторваться, обнимая; омыв, заворачивали в красивые покровы, а вскоре им уделяли те же заботы: оставшиеся в живых всегда следовали за теми, кто скончался до них» [9]. Те, кто скончался во время эпидемии, сохранив свое христианское достоинство, послужив ближним и дальним, показав языческому миру силу христианского духа, почитались наравне с мучениками как об этом свидетельствует тот же святитель: «так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству. Каждый христианин, ободряемый своим архипастырем, стремился самой своей жизнью показать верность евангельскому слову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [4, с. 366].

Эту любовь христиане простирали, возможно даже в большей степени, и на язычников. Почему же христиане с радостью принимали смерть, когда как язычники были скованы разъедающим сознанием страхом, не потому ли, они находили утешение и укрепление в апостольских словах: «ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» [4, с. 662]. Святитель Киприан обращается к тем, кого смущало как и в наши дни, что и члены Церкви уязвимы для болезни как и язычники: «правда, некоторых смущает то, что нынешняя болезненная язва поражает наших наравне с язычниками, как будто христианин для того только и уверовал, чтобы бедствия не касались к нему и он, при наслаждении мирским временным счастьем, свободный от всяких зол, сохранен был для будущей радости ... пока Христос не приведет нас к Богу Отцу, до тех пор все немощи плоти будут для нас общи со всем родом человеческим» [9].

Особенностью 262 года явилось то, что Пасха пришлась на самый пик эпидемии. По этому поводу святитель Дионисий напут-

ствовал паству александрийскую следующими словами: «другим людям нынешнее время не покажется подходящим для праздника, и не будет оно подходить ни для этого нашего праздника, ни для какого другого – и не только для людей в печали, но и для тех, кто, казалось бы, преисполнен ликования. Сейчас всюду похоронный плач, все горюют; город оглашают вопли по умершим и каждодневно умирающим ... мы, одинокие, всеми преследуемые, всегда под угрозой смерти, и тогда справляли этот праздник. Место, где кто-то пострадал: деревня, пустыня, корабль, гостиница, тюрьма, – становилось для нас обителью праздника; самым сияющим был он для скончавшихся мучеников, участников пира небесного».

В середине III века Церковь мучеников и исповедников одержала духовную и моральную победу не только над эпидемией, но и над современным ей языческим миром. До торжества христианства оставалось более полувека, но образ жизни и образ смерти христиан во время эпидемии, благотворительность и социальное служение не только по отношению к членам общины, но и самым широким слоям общества, несомненно, изменили отношение многих язычников к христианской общине, пройдет несколько десятилетий и римская власть в лице кесаря Констанция Хлора назовет христиан самыми достойными гражданами и подданными империи.

Время эпидемии явилось для христиан настоящей школой любви и милосердия, школой мучениколюбия, оно стало временем жажды христианского подвига, преданности Христу и единства духа. И что поразительно, бедствие стало школой любви и для самих язычников, когда во время гонений при императоре Деции святитель Дионисий был приговорен к смертной казни за мужественное исповедание Христа через усечение мечом и уже горел желанием принять мученичество, произошло неожиданное: его, влекомого на казнь, из рук воинов вырвали и освободили сами язычники, настолько был велик его авторитет как христов пастыря и настолько была велика к нему любовь даже со стороны язычников.

Характерной особенностью этой чрезвычайной ситуации явилось то, что за те 15 лет пока бушевала чума, в Александрии не осталось никого старше 40 лет, смерть от заразы вмениялось в мученичество, поскольку незадолго до нее прошла очередная волна гонений со стороны римской власти и многие христиане, коих минул смертный час, в жертвенном служении болящим и погребении умерших видели возможность «бескровного мученичества» и таким образом

присоединиться к сонму даже до смерти за Христа пострадавших братьев и сестер.

Перед тем, как перейти к следующей части нашего исследования, нам бы хотелось снова привести слова очевидца этой страшной эпидемии, священномученика Киприана: «какая высота – стоять прямо среди развалин рода человеческого и не преклоняться долу вместе с теми, кои не имеют никакой надежды на Бога! Почему надлежит радоваться и дорого ценить дар настоящего времени, в которое мы можем выказать крепость нашей веры, перенесши тяготу его, прийти ко Христу тесным путем Христовым и затем на суде Его получить награду жизни и веры» [9].

В XIX веке в Москве четыре раза свирепствовала эпидемия холеры, каждый раз наводя на всех ужас и унося немало жизней. В частности, в 1830 году, когда холера впервые появилась в столице, ежедневно заражались по 100 человек, когда все население столицы составляло 300.000 жителей. Лечить от холеры тогда практически не умели и не удивительно, что в обиходе она получила название «собачьей болезни». Горожан волновала проблема: кто еще из знакомых заболел и кто умер, во всех домах это была главной темой для разговоров. В городе был введен жесткий карантин, столицу оцепили войска, а по тем, кто пытался прорваться через кордон, было велено стрелять. Паника и страх водворились в сердцах людей, закрылись все учреждения, учебные заведения, люди заперлись по домам.

В эти непростые дни горожане смогли не только побороть страх, но и стать добровольцами и оказывать помощь заболевшим, во многом благодаря стойкости и мужеству московского митрополита Филарета, ведь все четыре эпидемии пришлось на то время, когда он занимал московскую кафедру. Каждый раз, когда начиналась эпидемия, святитель совершал молебное пение об избавлении от болезни в Успенском соборе и с крестным обходил вокруг Кремля. И что примечательно, во время эпидемий храмы оставались открытыми. Святитель писал в одном из писем: «напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что, где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась» [10].

В своих проповедях святитель призывал москвичей не паниковать, а исследовать духовные причины происходящего и прибегнуть к Богу: «не смотрите большими глазами страха, которые обык-

новенно видят то, чего нет, и не видят того, что есть ... исторгнем из сердец наших корень зол, сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желанием, требующим ненужного. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся, если не “во вретнице”, то в простоту... Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра. Умножим моления, тайные на всяком месте и во всякое время, общественные, по руководству Святыя Церкви. Употребим внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецелбное врачество, мирную, бескровную жертву, приобщением Пресвятого Тела и Крови Христовы» [10].

На фоне эпидемии расширялась социальная деятельность церкви, святитель Филарет призывал москвичей восполнить покаяние добрыми делами — в частности, оказывать помощь заболевшим и нуждающимся: «как много в сии дни Лазарей! Одни больны; другие бедны; некоторые и то и другое... Разделим, по возможности, каждый с которым-нибудь, а все со всяким злостраждущим Лазарем, благая наша, восприемлемая в животе нашем временном» [10]. Следуя своему призыву, святитель учредил Московский архиерейский временный комитет помощи нуждающимся, который собирал пожертвования для помощи больным, их семьям, семьям умерших. В числе жертвователей этого комитета был в том числе государь Николай I, не испугавшийся лично посетить Москву в самый разгар эпидемии и руководивший здесь устройством больниц (в городе были открыты Ордынская и Басманная временные холерные больницы, а также несколько частных), работами по снабжению города всем необходимым, созданием приютов для детей [10].

Священникам было поручено обходить дома своих прихожан, чтобы исповедывать и причащать желающих. Надо сказать, что была составлена подробная инструкция для священнослужителей с учетом эпидемиологической ситуации. Для нас представляет большой интерес то, как святитель призывает священников совершать в эти дни свое служение: «голос чувства самосохранения должен смолкнуть перед требованиями долга и пред возбуждениями любви христианской, какою должен быть одушевлен пастырь Церкви в своей деятельности по отношению к пасомым. Конечно, не следует пренебрегать опасностью и, так сказать, напрашиваться на нее; при посещении заразных больных можно и нужно принимать в руководство врачебные советы и пользоваться всеми средствами, какие

предписывает благоразумие, чтобы по возможности предохранить себя от заразы ... должна ободрять и подкреплять его в подобных случаях надежда на Бога и Его всемогущую помощь, охраняющую нас на всех путях наших. Ему более, чем кому-либо, должно быть известно, что Господь хранит верных своих служителей Своих, в тяжелые времена самоотверженно исполняющих долг любви христианской. А если угодно будет Его благодати допустить доброго пастыря до восприятия заразы на службе болеющей братии, с покорностью нужно принимать Божие испытание ... здесь, когда пастыря смущает помысл, и робость овладевает его душою, пусть для ободрения своего духа он вспомнит, что в лице каждого больного ждет к Себе Своего служителя Сам Господь, как сказал он в Евангелии (Мф. 25.36). Одно это воспоминание, полагаем, способно придать много спокойствия и решительности пастырю, колеблющемуся сомнениями и страхом, в виду зова его в такой дом, где гнездится зараза [2, с. 1142 – 1143].

В слове, сказанном при возвращении холеры осенью 1847 года, святитель Филарет призывает не отказываться и от обычных житейских мер безопасности: «не леностны будем и в употреблении естественных средств и предосторожностей к сохранению здравия, и к недопущению вредоносных влияний. Как можем требовать, чтобы хранил нас Бог, если мы сами не бережем себя и предаем действию разрушительных сил малодушием и недостатком надежды на Бога, неумеренностью и невоздержанием и другими небрежностями? Внимательно храни себя малым возможным для тебя хранением: и Бог будет хранить тебя великим, всеблагим и всемогущим хранением» [10].

В своих проповедях святитель не только призывает соблюдать меры предосторожности, но постоянно обращается к библейским примерам. В частности, во время эпидемии 1830 года, он вспоминал губительную язву, постигшую Израиль во дни царя Давида, когда тот «впал во искушение тщеславия». Напоминая пастве об этом случае, святитель говорит о том, что война, голод и мор и подобные бедствия не являются чем-то случайным, они суть орудие правосудия Божия, призывает народ Божий явить покаяние подобно Давиду, который личным раскаянием спас израильский народ от трехдневной эпидемии, возвещенной пророком. «Примечайте спасительное действие покаяния, - говорит святитель, - примечайте необходи-

мость молитвы во время общественных бедствий, и в особенности пользу молитвы, приносимой торжественно пред алтарем» [10].

Все проповеди московского митрополита дышат любовью к своей пастве, в этом он подобен вселенскому учителю, святителю Иоанну Златоустому, во времена которого также случались болезни. Его слова, обращенные к пастве в далеком четвертом столетии, можно применить и к нашему времени, когда стала нормой самоизоляция: «для любящих, когда им нельзя быть вместе с теми, кого любят, нет никакой пользы от близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничем не лучше странников, так как не могли в минувшее время беседовать с вами ... для меня и тогда, когда я был болен, тягостнее самой болезни было то, что не мог я участвовать в этом любезном собрании, и теперь, когда оправился от болезни, возжеленнее самого здоровья то, что имею возможность спокойно насладиться вашей любовью. Не так горячка жжет тела, одержимая ею, как наши души – разлука с любимыми, и как те ищут чаш и стаканов с холодной водой, так эти – любимых лиц» [5, с. 2].

Описывая ситуацию в Москве во время эпидемий холеры, мы видим схожие черты в жизни Церкви с киприановой чумой третьего столетия. Оба бедствия явились для христиан, в особенности для пастырей, школой любви к ближнему. Это было время всецелой преданности Слову Божию, христианскому долгу. Несмотря на всю тяжесть ситуации, социальное служение Церкви получало небывалый размах, становясь уделом всех без исключения: от императора до простого дворника. Мужество и стойкость архипастырей ободряло пасомых, изгоняло страх из их сердец. Время эпидемий стало и своеобразной школой покаяния. Все члены Церкви проявляли в эти времена удивительное единодушие, совершали с любовью служение ближним и дальним, а средоточием их жизни становились усиленная молитва и частое участие в совершаемых в храмах святых таинствах, благо их двери ни разу не закрывались, а сами пастыри показывали готовность «положить жизнь свою за овец» [4, с. 345]. Мы видим в обращениях архипастырей призыв не проявлять против болезни ни излишней храбрости, ни слабого малодушия, не пренебрегать ни житейскими ни медицинскими мерами предосторожности и благовременно и благонадежно прибегать к всецелобному врачеству – к приобщению Пресвятого Тела и Крови Христовы.

В целом, в XIX веке во время четырех волн эпидемии холеры христиане продемонстрировали свои лучшие черты, явили достой-

ный пример евангельской любви и милосердия к ближним и дальним, каждый старался по апостольскому слову язвы ближнего носить как свои собственные и в конечном итоге победили смертоносную болезнь. В свете рассматриваемой темы исследования время эпидемий действительно явились школой любви и милосердия для общества.

Размышляя о причинах посетившего нас бедствия, которое приобрело поистине всемирный характер, следует, как подчеркивается в Послании Священного Синода РПЦ, сохранять христианское трезвомыслие, осторожность и рассудительность. Да, скорби, посещающие отдельных людей и целые народы, подчас бывают следствием отказа человеческих сообществ от спасительного Божия покровительства, судьбы Божии нередко бывают до времени сокрыты от нас. В это сложное время нам необходимо воздержаться от скоропалительных и незрелых суждений, которые почти всегда приводят к горделивому обвинению одних людей другими [8]. Мы должны вновь обратиться к историческому опыту Церкви, ведь подобные бедствия не раз посещали целые народы, ставя под угрозу само их существование.

В текущей ситуации появился любопытный термин «ковидное богословие». Понятие, бесспорно весьма противоречивое, но в то же время требующее серьезного осмысления. Основой такого феномена можно считать проповедь патриарха Кирилла в храме Христа Спасителя в 4-ю неделю Великого Поста. Обращаясь к пастве, святейший патриарх призвал паству следовать примеру преподобной Марии Египетской, который «свидетельствует о том, что и без посещения храма можно спастись. Не случайно, - далее продолжает он, - память Марии Египетской совпала со введением карантина, связанного с распространением коронавируса. Ничего у Бога не бывает случайным. Все произошло именно в эти дни – для того, чтобы мы, взирая на подвиг Марии Египетской, научились тому, как можно спастись вне церкви, в полном одиночестве» [7].

В этой проповеди говорится о карантине, хотя на самом деле был введен режим т.н. «самоизоляции». Некое богословское обоснование этого странного термина мы видим в обращении одного из иерархов к своей пастве, где он в призыве святейшего патриарха спастись в полном одиночестве вне и без Церкви, видит буквальное исполнение слов Христа Спасителя: «ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему» [4,

с. 19]. Тот же иерарх вменяет в святое послушание Церкви неукоснительное соблюдение санитарных правил, предписываемых эпидемиологической службой.

В своем Послании Священный синод подчеркивает незыблемость предусмотренной законодательством свободы совести и свободы вероисповедания и право верующих участвовать в богослужениях даже в исключительных случаях. В данном случае речь идет о статье 28 Конституции РФ, где говорится о том, что свобода совести и свобода вероисповедания относятся к числу конституционных прав и свобод, «не подлежащих ограничению в условиях чрезвычайного положения, которое может быть введено согласно статье 56 Конституции» [6, с. 193]. Более чем странным на этом фоне звучат слова патриарха, который пастырей, призывающих не оставлять Дом Божий во время напасти, называет «неразумными» и угрожает прощениями за непослушание Церкви. Во времена святителя Филарета так же применялись меры церковного воздействия, но они касались тех священнослужителей, по малодушию которых заболевшие христиане лишались церковного напутствия. В системе церковно-государственных отношений, государство, на наш взгляд, не руководствуется пониманием сакрального статуса Церкви, а рассматривает ее как некий социальный институт, которому оно делегирует часть своих полномочий в качестве социально ориентированной некоммерческой организации. Пасха 2020 года для многих христиан омрачилась невозможностью посещения храма и участия в торжестве веры в ночь Пасхи. Многие храмы надолго были закрыты. При этом они оказались закрытыми не в силу канонических установлений Церкви, поскольку их нет, а по рекомендации и даже требованию Роспотребнадзора. В этой ситуации послушание кесарю оказалось важнее, чем послушание Богу.

Священный Синод особое внимание уделил в своем Послании тому, что особым испытанием для православных христиан стало ограничение доступа мирян к участию в общественном богослужении и даже невозможность посещения храмов. Личное присутствие апостолов в горнице Тайной Вечери – вот неотменяемая евангельская норма воспоминания о животворящей смерти Христовой и исповедания Его Воскресения в таинстве Его Тела и Крови. Эта норма никогда, ни при каких условиях не может быть забыта нами [8].

Подвиг домашней молитвы, к которому призвал святейший патриарх, благословляя воздержаться от посещения храмов, мотиви-

руя заботой о жизни и здоровье бесчисленного множества людей, оказался для многих весьма непростым делом, многие были вынуждены были «участвовать» в богослужениях через интернет. Мы впервые в истории Церкви стали свидетелями онлайн-Пасхи. На наш взгляд, появилась некая виртуальная интернет-церковь, где нет необходимости в личном участии в литургии, а пастырей заменили так называемые «коучи», мы наблюдаем довольно любопытный феномен – «коуч христианство».

В соцсетях появились свои проповедники, некоторые из них запрещены в священнослужении, а некоторые публично и добровольно отказались от священного сана. Миллионы подписчиков заменили им паству Христову, а предстояние перед Престолом Божиим заменили беседы за чашкой чая в уютном кафе в Интернет-форумах. Нет нужды говорить о необходимости использования Интернет-пространства для церковной проповеди, но в современных условиях, оно часто является подменой настоящей духовной жизни под сводами храма. Вызывает особую озабоченность то, как в соцсетях приветствуется каждый случай публичного отречения от священного сана как акт мужества, как пример честности, достойный подражания. Да и сама христианская жизнь не без помощи тех же коучей приобретает характер восточных медитативных практик, «проповедников» заботит не бессмертная богоподобная душа человека и его вечное предназначение, а количество лайков.

Для александрийских христиан в 262 годы пик чумы пришелся на время праздника Пасхи, для них любое место, где только была пролита кровь мучеников, становилось храмом и где совершалась святая Евхаристия. Примечательно, на время эпидемии полностью прекратилось языческое служение, их храмы были закрыты из соображений общественной безопасности.

Во время московских бедствий XIX века усиливалась общественная молитва, храмы стояли открытыми, христиане прибегали к таинству Святого Причастия как целебному лекарству, не пренебрегая медицинскими мерами предосторожности, и по мере усиления молитвы отступала, а то и вовсе исчезала болезнь. Пастыри показывали пример готовности положить душу свою за други своя. Вся жизнь христиан превращалась в школу любви и милосердия и именно в этом ключе рассматривалась ценность человеческой жизни. 2020 год войдет в историю как время самоизоляции и призыва спастись вне церкви без личного участия в церковных таинствах.

Мы вынуждены констатировать тот факт, что для части общества Церковь перестала быть священным институтом, сколько было гневных требований в соцсетях закрыть храмы в преддверии праздника Пасхи. В глазах многих храмы казались местом массового распространения инфекции, когда как метро и супермаркеты представлялись безопасными. Ситуация в какой-то степени напоминала III столетие, когда разгневанные язычники причину чумы видели в христианах, вызвавших «гнев богов». Недовольство введенными ограничениями выливалось на христиан, которые после пасхальной ночи могли широко распространить инфекцию. Поскольку такие прогнозы не оправдались, сошли на нет и гневные требования. Вызывает сожаление тот факт, что закрытие храмов оправданной мерой считали и Интернет-коучи из числа священнослужителей, так и не познавших радость предстояния перед Престолом Божиим и не стяжавших дерзновенного ходатайства о словесных овцах.

Пришедшее бедствие показало отсутствие единства духа среди чад Русской Православной Церкви, не стало школой любви и покаяния и потому в Послании Священного Синода подчеркивается, что никакая многоголосица мнений, новостей и слухов, а также неизбежные в современном мире разномыслия не должны раздирать хитон Христов – Его Церковь. Размышления о причинах тех или иных событий в мире, радостных или скорбных, дискуссии между христианами предполагают не обмен претензиями, не противопоставление одних другим и тем более не сеяние вражды и раскола, а взаимную помощь, совместное отыскание образа действия Церкви и ее чад в складывающихся обстоятельствах, готовность слышать и понимать друг друга, а наипаче – внимать соборному голосу Церкви.

Отрадно видеть, что в условиях эпидемии, говорится в Послании, большинство чад нашей Церкви явили себя достойными звания учеников Господа Иисуса, в великодушном терпении сохраняя верность евангельской правде, заботясь о ближних и дальних, как подобает носить тяготы друг друга исполнителям закона Христова (Гал. 6:2). Пастыри и чада нашей Церкви понимали: беспечное отношение к своему здоровью, которое может казаться исключительно личным делом каждого, в эти дни могло обернуться страданиями и смертью других людей. Безрассудству и самонадеянности многие православные христиане предпочли ответственность за жизнь и здоровье ближних. Они безбоязненно исполняли свой долг, пренебрегая собственными желаниями и привычным укладом жизни и понимая, что

предпринимаемые при совершении богослужений меры предосторожности несколько не умаляют нашу веру в действенность Промысла Божия и святость таинств Церкви и важнейшего из них – Таинства Тела и Крови Христовых [8].

Нам еще предстоит пережить эти непростые времена и найти богословское осмысление всех событий, свидетелями и очевидцами которых мы стали.

Источники и литература

1. Архимандрит Платон (Игумнов) Православное нравственное богословие. – Свято - Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.

2. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. – М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1993. – 1772 с.

3. *Вадим Леонов*, протоиерей. Основы православной антропологии: учебник. 2-е изд. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. – 456 с.

4. Новый Завет. – М.: Терирем, 2012. – 896 с.

5. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. – Т 3. – М.: Изд-во «Златоуст», 1994. – 402 с.

6. *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 3-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.

7. Патриаршая проповедь в Неделю 4-ю Великого поста после литургии в Храме Христа Спасителя <http://www.patriarchia.ru/db/text/5613859.html>. (Дата обращения 01.09.2020).

8. Послание Священного Синода Русской Православной Церкви епископату, клиру, монашествующим и мирянам в связи с нашедшим в этом году вредоносным поветрием. <http://www.patriarchia.ru/db/print/5682118.html>. (Дата обращения 01.09.2020).

9. Церковь мучеников перед вызовом эпидемии <https://pravoslavie.ru/131546/html>. (Дата обращения 01.09.2020).

10. Эпидемии холеры в Москве: как боролись и что делала Церковь? <https://foma.ru/jepidemii-holery-v-moskve-kak-borolis-i-chto-delala-cerkov.html>. (Дата обращения 01.09.2020).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Миссионерская деятельность является неотъемлемой частью жизни религиозных организаций. Возможность свободно заниматься миссионерской деятельностью это одна из основных ценностей религиозной организации. Юридически зарегистрированные религиозные организации, находясь в едином правовом поле в своей деятельности, должны руководствоваться действующим законодательством государства, на территории которого они ведут свою деятельность. В данной статье автором предпринята попытка проанализировать законодательство Республики Беларусь, а также международные стандарты в сфере религиозных свобод, чтобы выявить правовые основы миссионерской деятельности религиозных организаций в целом, и Белорусской Православной Церкви, в частности.

Ключевые слова: свобода совести, миссионерская деятельность, миссия, религиозная деятельность, Республика Беларусь, Белорусская Православная Церковь, религиозные организации.

LEGAL BASICS OF MISSIONARY ACTIVITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS ON THE EXAMPLE OF THE BELARUS ORTHODOX CHURCH

Annotation. Missionary activity is an integral part of the life of religious organizations. The ability to freely engage in missionary activity is one of the core values of a religious organization. Being in a single legal field in their activities, legally registered religious organizations should be guided by the current legislation of the state, in whose territory they conduct their activities. In this article, the author attempts to analyze

---

*Устимчук Дмитрий Александрович, магистр богословия, Минская духовная академия, г. Минск, Белоруссия.

Ustimchuk Dmitriy Aleksandrovich, master of theology, Minsk theological academy, Minsk, Republic of Belarus.

the legislation of the Republic of Belarus, as well as international standards in the field of religious freedoms, in order to reveal the legal basis of the missionary activity of religious organizations in general and the Belarusian Orthodox Church in particular.

Key words: freedom of conscience, missionary activity, mission, religious activity, Republic of Belarus, Belarusian Orthodox Church, religious organizations.

Проблематика данной статьи посвящена одному из основных прав, которым обладают религиозные организации – праву заниматься миссионерской деятельностью. Миссия является главным направлением работы многих религиозных организаций. Ценность миссионерства для Православной Церкви выражает фрагмент из Евангелия: «и сказал он им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). Апостол Павел в послании к Коринфянам закрепляет эту важную ценность фразой: «горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9:16).

Особенно актуальным является вопрос правового регулирования миссионерской деятельности религиозных организаций в целом, и в частности Белорусской Православной Церкви (далее – БПЦ) на территории РБ, так как миссионерскую деятельность можно считать частным случаем религиозной деятельности. Законодательство страны, в которой религиозная организация осуществляет свою деятельность, является одним из ключевых факторов, существенно влияющих на деятельность. Сегодня в большинстве стран общепризнанной нормой является обеспечение права каждого человека на свободу совести и вероисповедания, на социальную справедливость, равенство, защиту прав и интересов независимо от отношения к религии и от религиозной принадлежности, право на свободу объединения в религиозные организации.

В Республике Беларусь деятельность религиозных организаций регламентируется законом «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» (принят 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ) [4] (далее закон о свободе совести), который каждому гражданину гарантирует социальные условия и средства для реализации свободы совести как неотъемлемого права человека. Закон перечисляет права религиозных организаций: проведение богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний (ст. 25); производство, приобретение и распространение религиозной литературы и других предметов ре-

лигиозного назначения (ст. 26); осуществление благотворительной деятельности (ст. 27); создание духовных учебных заведений (ст. 28); осуществление международных связей и контактов (ст. 29); обладание правом собственности (ст. 30); осуществление предпринимательской деятельности (ст. 32) [4].

Закон о свободе совести обязывает религиозные организации «в своей деятельности [...] руководствоваться своими уставами и [...] соблюдать требования Конституции Республики Беларусь, настоящего Закона и иных актов законодательства Республики Беларусь» [4]. В свою очередь, законодательство РБ о свободе совести основывается на Конституции, которая указывает на равенство религии и вероисповедания перед законом (ст. 16) [6], а также на право каждого гражданина «самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» (ст. 31) [6].

В свою очередь устав Русской Православной Церкви отмечает, что она осуществляет свою деятельность на основании соблюдения действующего законодательства страны, а также на основе Священного Писания; канонического права Церкви; постановлений соборных соборов, указов Патриарха и Священного Синода; Устава Русской Православной Церкви [14].

Закон о свободе совести РБ конкретизирует конституционную норму об учете культурно-исторической роли конкретных конфессий в Беларуси. В преамбуле признается «определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных, государственных традиций белорусского народа; духовная и историческая роль Католической церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама...» [4]. Это определение выделяет Белорусскую Православную Церковь среди других религиозных организаций страны. Между Белорусской Православной Церковью и различными ведомствами страны заключен ряд договоров и соглашений о сотрудничестве. Такие документы открывают для Церкви большее количество возможностей для миссионерской деятельности.

Религиозная деятельность определяется законом о свободе совести Республики Беларусь как «деятельность, направленная на удовлетворение религиозных потребностей верующих, распространение религий, религиозное воспитание, проведение богослужений, молитвенных собраний, чтение проповедей, обучение священнослужителей, а также иная деятельность, направленная на организационное и материальное обеспечение культовой практики религиозной организации (издание и распространение религиозной литературы, изготовление и распространение предметов культа, производство облачений для священнослужителей и другая деятельность)» (ст. 3) [4].

Распространение религии является частным случаем реализации права действовать в соответствии со своими убеждениями, а христианская догматика содержит положения о необходимости миссионерствования. Религиозное воспитание, чтение проповедей, издание и распространение религиозной литературы могут являться элементами миссионерской деятельности религиозных организаций.

Право осуществлять миссионерскую деятельность является важнейшим правомочием для религиозных организаций, однако законодательством Республики Беларусь не закреплено конкретно данное право в Законе о свободе совести, в отличие от законодательства других стран, например, ст. 24.1 Федерального закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» [11], или ст. 8 закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [10]. Так, закон о свободе совести Российской Федерации определяет миссионерскую деятельность как «деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами» [11].

Закон Республики Казахстан определяет миссионерскую деятельность как «деятельность граждан Республики Казахстан, иностранцев, лиц без гражданства, направленная на распространение

вероучения на территории Республики Казахстан с целью обращения в религию» [10].

Одним из существенных прав для деятельности религиозных организаций (и для миссионерской деятельности соответственно) в Республике Беларусь согласно закону о свободе совести является право «участвовать в общественной жизни, а также использовать государственные средства массовой информации» (ст. 3) [4], создавать средства массовой информации (ст. 27) [4], поскольку они дают большие возможности для присутствия Церкви в публичном пространстве, выход на многомиллионную аудиторию.

С миссионерской деятельностью нередко связано приглашение граждан другой страны для проповеди, или участия в культурных мероприятиях, что оговаривается законодательством РБ. Согласно ч. 1 ст. 29 Закона о свободе совести РБ, только религиозные объединения могут приглашать в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства с целью паломничества, для участия в собраниях и других мероприятиях, а также получения религиозного образования [4]. Порядок приглашения таких лиц в страну религиозными объединениями определен Положением о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью [13] (утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2008 г. № 123; ред. от 12.07.2018 г.). Согласно п. 2 Положения религиозные объединения имеют право приглашать в Республику Беларусь иностранцев в целях занятия религиозной деятельностью по согласованию с Уполномоченным по делам религий и национальностей.

Обязательный для Белорусского Экзархата как части Русской Православной Церкви документ – «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [7] (принята Священным Синодом РПЦ 27 марта 2007 г., журнал № 12) выделяет пять основных направлений миссионерской деятельности:

1. Воспитательная миссия – работа с людьми, готовящимися к Таинству Крещения.

2. Апологетическая миссия – деятельность, направленная на свидетельство о православии в сравнении с иными учениями, на противостояние миссионерской деятельности не православных объединений.

3. Информационная миссия – свидетельство через все многообразие средств массовой информации, организация приходских библиотек и издание миссионерской литературы.

4. Внешняя миссия заключается в свидетельстве о православии народам, не имеющим христианских основ в своей культуре; мигрантам.

5. Миссия примирения. Направленна на примирение между людьми различных национальностей, возрастов и социальных групп [7].

Отдельные направления миссионерской деятельности Белорусской Православной Церкви могут дополнительно регламентироваться определенными законами страны. Поскольку основным полем, в котором осуществляется информационная и апологетическая миссия, являются средства массовой информации, такая деятельность будет регламентироваться законом «О средствах массовой информации» [12] от 17 июля 2008 г. (№ 427-3). Миссионерская деятельность в информационном пространстве может коснуться использования различных инструментов рекламы, применение которых регулируется специальным законом о рекламе [9] от 10 мая 2007 г. (№ 225-3).

Издание религиозной литературы регламентируется законом о свободе совести, где отмечается, что религиозные организации имеют право производить, приобретать, вывозить из Республики Беларусь, ввозить в Республику Беларусь и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы, а также иные предметы религиозного назначения в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Отмечается, что ввозимая продукция религиозного содержания и назначения должна пройти государственную религиоведческую экспертизу (ст. 26), которая назначается органом государственного управления по делам религий при создании и осуществлении деятельности религиозных организаций (ст. 22) и проводится экспертным советом при Уполномоченном по делам религий и национальностей [4].

Закон определяет, что издание и распространение религиозной литературы, аудио-, видео- и других материалов религиозного содержания могут осуществляться религиозными организациями только в принадлежащих им на правах собственности или иных основаниях помещениях, а также местах, специально выделенных для этих целей местными исполнительными и распорядительными органами

[4]. Речь идет не только о торговле литературой религиозного содержания, но и о распространении разного рода печатных материалов (например, листовок). Такая деятельность может осуществляться только на территории прихода, но не на улице среди прохожих. Кроме того, при осуществлении своей деятельности религиозные организации обязаны указывать свое полное наименование и конфессиональную принадлежность, а выпускаемые религиозной организацией литература, иные печатные, аудио- и видеоматериалы должны иметь маркировку с указанием полного наименования религиозных организаций и их конфессиональной принадлежности [4].

В сфере религиозной свободы существуют международные стандарты, действие которых распространяется и на Республику Беларусь. Всеобщая декларация прав человека [2] (принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г.) в статье 18 провозглашает право каждого человека на свободу совести, мысли, и религии [2]. В ней перечисляются основные аспекты свободы совести: права иметь религиозные убеждения, образовывать религиозные объединения для исповедования их, частным образом, или коллективно, действовать в соответствии со своими религиозными взглядами, реализовывать свои убеждения в различных формах социальной активности.

Например, в форме миссионерства, благотворительности и др. Международный пакт о гражданских и политических правах [8] в статье 18 созвучен содержанию статьи 18 Всеобщей декларации прав человека, которая посвящена свободе совести.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений [3] (провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г.) в первой статье еще раз подтверждает право каждого человека на свободу мысли, совести и религии [3].

В статье 6 содержится перечень конкретных свобод, составляющих в совокупности свободу совести:

- «отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями, создавать и содержать места для этих целей;
- производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями, или убеждениями;
- писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях;

- вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели» [3].

Таким образом, данная декларация конкретизирует, какие возможности, с позиции международного права, должны быть предоставлены верующим и их объединениям. Указание о возможности действовать в соответствии со своими убеждениями дополняется перечислением конкретных форм социальной активности [3, с. 134-135].

Статья 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [5] (далее – ЕКПЧ) практически тождественна статье 18 Всеобщей декларации прав человека. 10 статья ЕКПЧ посвящена свободе выражения мнения, в которой говорится о праве каждого человека на свободу выражения своего мнения без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ [5]. Свобода распространения мнений и идей подразумевает право беспрепятственно распространять религиозные убеждений, другими словами, это можно назвать миссионерской деятельностью [3, с. 137].

Кроме того, в международном праве действуют и региональные документы, признанные государствами-участниками какого-либо соглашения и содружества. Для Республики Беларусь актуальными являются акты, которые действуют в Европе в рамках Содружества Независимых Государств: Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод (принята 24 сентября 1993 г.) и Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (подписана 26 мая 1995 г.).

Действующим законом РБ «О свободе совести» предусмотрена норма: «если международным договором, заключенным Республикой Беларусь, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора» (ст. 40) [4].

Таким образом, действующее законодательство Республики Беларусь создает правовое поле, в котором гражданам гарантируются их конституционные права на свободу совести и вероисповедания, а религиозным организациям предоставляются широкие возможности для полноценной деятельности. В стране созданы равные правовые условия для деятельности всех религиозных организаций

независимо от их конфессиональной принадлежности и организационного уровня.

Всякая деятельность религиозных организаций на территории Республики Беларусь, регламентируется в обязательном порядке требованиями Конституции, другими внутренними законодательными актами и документами (Закон о свободе совести, Положение о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью), а также международными актами и договорами. Кроме того, в своей деятельности зарегистрированные религиозные организации руководствуются собственными уставами.

Миссионерская деятельность, как одно из основополагающих направлений деятельности религиозных организаций и Белорусской Православной Церкви, регламентируется всеми вышеупомянутыми документами. Распространение религии, или миссионерство, является частным случаем реализации права действовать в соответствии со своими убеждениями, а большинство религиозных учений содержат положения о необходимости миссионерствования.

Несмотря на важность осуществления миссионерской деятельности, как важнейшего правомочия для религиозных организаций, в законодательстве Республики Беларусь о свободе совести не закреплено данное право, в отличие от законодательства, например, Российской Федерации и Республики Казахстан.

Некоторые направления миссионерской деятельности, изложенные в «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» – информационная и апологетическая миссия – дополнительно регламентируются республиканскими законами «О СМИ» и «О рекламе».

Источники и литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2000. – 1337 с.
2. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – В 4 т. – Т.1 / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009.
3. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – В 4 т. – Т.2 / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009.

4. Закон о свободе совести и религиозных организациях // ЭТАЛОН-ONLINE. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь //URL: http://etalonline.by/document/?regnum=v19202054&q_id=836447 (дата обращения: 10.05.2019).

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – В 4 т. – Т.1 / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь //URL: http://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=836259 (дата обращения: 10.05.2019).

7. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2. Ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014.

8. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – В 4 т. – Т.1 / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009.

9. О рекламе // ЭТАЛОН-ONLINE. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь //URL: http://etalonline.by/document/?regnum=h10700225&q_id=836242 (дата обращения: 10.05.2019).

10. О религиозной деятельности и религиозных объединениях (Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV ЗРК) // База данных «Законодательство стран СНГ» //URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=47363 (дата обращения: 20.05.2019).

11. О свободе совести и о религиозных объединениях (Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ) // База данных «Законодательство стран СНГ» //URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1455. (дата обращения: 20.05.2019).

12. О средствах массовой информации // ЭТАЛОН-ONLINE. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь //URL:

http://etalonline.by/document/?regnum=h10800427&q_id=836472. (дата обращения: 10.05.2019).

13. Положение о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью // ЭТАЛОН-ONLINE. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь //URL: http://etalonline.by/document/?regnum=c20800123&q_id=837194. (дата обращения: 10.05.2019).

14. Устав Русской Православной Церкви // Собрание документов Русской Православной Церкви. Нормативные документы. Т. 1. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.

15. *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 3-е изд. – М.: Изд-во Средненского монастыря, 2019. – 880 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Я.П. Александрович^{*} DOI: 10.47905/MATGIP.2021.27.32.021
Е.И. Бакуленко^{**}

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ: УСЛОВИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Усыновление признается приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и предполагает создание связей, подобных имеющимся между кровными родителями и детьми. Российское законодательство признает возможность усыновления российских детей иностранными гражданами и лицами без гражданства. Но участвовавшие случаи ненадлежащего исполнения иностранными усыновителями своих родительских обязанностей, привели к принятию ряда запретов, ограничивающих возможности международного усыновления российских детей. Помимо этого, существует ряд проблем в области международного усыновления. Этим вопросам посвящена данная статья.

Ключевые слова: усыновление, иностранные граждане, лица без гражданства, Закон Димы Яковлева, однополые браки, адаптация ребенка, контроль, отмена усыновления.

---

^{*} **Александрович Яна Павловна**, студентка 3 курса юридического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Alexandrovich Yana Pavlovna, 3rd year student of the faculty of law Zabaikalskiy state university, Chita, Russia.

^{**} **Бакуленко Елизавета Игоревна**, студентка 3 курса юридического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия. Научный руководитель: **Мерзлякова Ирина Станиславовна**, кандидат культурологии, доцент Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Bakulenko Elizaveta Igorevna, 3rd year student of the faculty of law of Zabaikalskiy state university, Chita, Russia. Scientific curator: **Merzlyakova Irina Stanislavovna**, PhD in Culturology, associate professor of Zabaikalskiy state university, Chita, Russia.

INTERNATIONAL ADOPTION: CONDITIONS, PROBLEMS, TRENDS

Annotation. Adoption is recognized as a priority form of placing children without parental care, and involves the creation of ties similar to those existing between blood parents and children. Russian legislation recognizes the possibility of adoption of Russian children by foreign citizens and stateless persons. But the increasing cases of improper performance by foreign adoptive parents of their parental duties led to the adoption of a number of prohibitions limiting the possibilities of international adoption of Russian children. In addition, there are a number of problems in the field of international adoption. This article is devoted to these questions.

Key words: adoption, foreign citizens, stateless persons, Dima Yakovlev's Law, same-sex marriage, child adaptation, control, cancellation of adoption.

В соответствии с правовыми нормами международного и российского права, обеспечение интересов детей является основополагающей задачей. Дети наделяются естественными правами с момента рождения. Одно из самых ценных прав ребенка, в первую очередь, является право жить и воспитываться в семье, быть под опекой, иметь попечителей или приемную семью. В случае отсутствия у ребенка семьи, государство обязано обеспечивать защиту его прав.

Семейное законодательство Российской Федерации устанавливает несколько форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, но в качестве приоритетной формы устройства выступает усыновление (удочерение), согласно п. 1 ст. 124 Семейного кодекса РФ. Данная форма предполагает принятие в семью ребенка на правах родного.

Явным преимуществом усыновления (удочерения) является его постоянная форма, предполагающая установление между усыновителями и ребенком родственных и сближающих связей, подобных имеющимся между кровными родителями и детьми. Именно в процессе усыновления (удочерения) ребенок приобретает новый социальный статус, который выражается в принадлежности к конкретной семье, при этом его права и интересы в полной мере соблюдаются. Ребенок может приобрести родственные связи, которые будут длиться на протяжении всей его жизни, а не только до наступления

совершеннолетия (как, например, в приемной семье).

Каждое государство рассматривает усыновление как способ защиты прав несовершеннолетних, так как каждый ребенок имеет право на проживание и воспитание в семье.

В июне 1990 г. Союз Советских Социалистических Республик ратифицировал Конвенцию о правах ребенка, в соответствии с которой международное усыновление может применяться, «если ребенок не может быть передан на воспитание или помещен в семью, которая могла бы обеспечить его воспитание или усыновление, и, если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным» [2].

Международное усыновление регулируется нормами международного права, устанавливающего взаимосвязь усыновления как юридического факта с нормами права зарубежных стран и внутренним законодательством страны. Условия, при которых допускается усыновление иностранными гражданами и лицами без гражданства российских детей, прописаны в п. 4 ст. 124 Семейного кодекса РФ:

- если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников;

- если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей [15].

Можно выделить несколько проблем, связанных с этим институтом международного усыновления.

Первой проблемой является несовершеннолетний государственный контроль за соблюдением прав и законных интересов детей, которые усыновлены иностранными гражданами [4, с. 574]. По приказу Министерства образования и науки РФ от 17 февраля 2015 года № 101 «Об утверждении Порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» усыновитель (удочеритель) предоставляет пусть и регулярный, но письменный отчет об условиях жизни ребенка в семье. Такой письменный отчет может исказить информацию о настоящем положении усыновленного (удочеренной) и содержать недостоверную информацию.

Другая проблема – проблема культурной толерантности. Незнание культуры, языка, религии, традиций приводит к недопониманию между ребенком и приемными родителями. Процесс адаптации, как правило, длительный. Ребенок попадает в иную культурную среду: он испытывает дискомфорт от незнания языка, обычаев, правил поведения, к тому же могут отличаться ценности, принципы, убеждения. Для ее решения необходимо предварительно знакомить ребенка с культурной средой, в которой ему предстоит жить, а также необходимо обязывать будущих родителей проходить специальные программы по истории и культуре России. Это дает возможность расширить знания и улучшить понимание менталитета ребенка, что в итоге способствует взаимопониманию между усыновителями и ребенком.

Третья проблема – посредничество. Статья 126.1 Семейного кодекса РФ гласит, что посредническая деятельность по усыновлению детей, то есть любая деятельность других лиц в целях подбора и передачи детей на усыновление от имени и в интересах лиц, желающих усыновить детей, не допускается. Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» запрещена передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей. Одной из причин принятия данного закона было ненадлежащее исполнение иностранными усыновителями своих родительских обязанностей, проявление жестокости, физического и сексуального насилия в отношении усыновленных ими детей.

По результатам обобщения Верховным судом Российской Федерации судебной практики по делам о международном усыновлении выявляется тенденция к снижению случаев усыновления российских детей иностранными гражданами. Так, в 2011 г. было удовлетворено 3069 дел об усыновлении, 2012 г. – 2410 дел, 2013 – 1232 дела [7], 2014 г. – 938 [8], 2015 г. – 663 [9], 2016 г. – 430 [10], 2017 г. – 334 [11], 2018 г. – 251 [12], 2019 г. – 202 дела об усыновлении [13].

Таким образом, общее число усыновленных российских детей иностранными гражданами за последние пять лет почти в 1,5 раза меньше, чем число усыновленных детей в 2011 году.

Исследователи И. И. Кубарь и М. Г. Мусаев приводят статистические данные, в которых США входили «в тройку иностранных государств, граждане которых ежегодно усыновляли наибольшее число российских детей» [3, с. 144], до принятия так называемого «Закона Димы Яковлева», запрещающего передавать детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданами Соединенных Штатов Америки [6].

Кроме того, в июле 2013 г. Федеральным законом № 167-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» и, тем самым, был введен запрет на усыновление российских детей лицами, состоящими в однополном браке, а также одинокими гражданами государств, в которых разрешены такие союзы [5].

Примечательно, что статистические данные стали стремительно снижаться как раз-таки в последующие годы, после установления таких запретов, однако нельзя назвать причиной снижения случаев международного усыновления принятие названных норм. Если обратиться к данным Росстат, представленным на период 02 июля 2018 г. [14], то можно увидеть увеличение доли детей, усыновленных российскими гражданами в период снижения количества удовлетворительных решений по международному усыновлению. Верховный суд, обобщая судебную практику об усыновлении, также отмечает увеличение случаев усыновления российских детей гражданами Российской Федерации в период принятия указанных ограничений и запретов: дел в 2014 году, рассмотренных с вынесением решения, составило 14 720 (с удовлетворением заявления – 14 587 дел), что на 1,2% больше, чем в 2013 году, когда было рассмотрено 14 544 дела (с удовлетворением заявления – 14 419 дел), и на 2,4% больше, чем в 2012 году (с вынесением решения рассмотрено 14 380 дел, из них с удовлетворением заявления – 14 258 дел) [8].

Таким образом, следует согласиться со словами П. А. Астахова, занимавшего должность Уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации с 2009 г. по 2016 г., тенденция сокращения международного усыновления связана не с ограни-

чениями, а с естественным процессом: ростом численности российских граждан, желающих взять ребенка [1].

Международное усыновление – тема, достаточно дискуссионная. Таковой ее делает наличие значительного количества пробелов в вопросах правового сопровождения процесса усыновления российских детей иностранными гражданами и лицами без гражданства, сложность контроля за жизнью ребенка на территории другого государства, практическая невозможность отмены усыновления только по инициативе органов опеки и попечительства российской стороны в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей усыновителями (при отсутствии инициативы усыновителей отменить усыновление), недостаточная осведомленность Министерства юстиции Российской Федерации о законодательстве иностранных государств, в соответствии с которым производится усыновление российских детей, сложность реализации достойной и качественной психолого-педагогической и культурно-просветительской подготовки кандидатов – усыновителей и т.д.

Источники и литература

1. Астахов: тенденция сокращения иностранного усыновления в России сохранится // ТАСС: информационное агентство. 2013. 24 декабря // URL: <https://tass.ru/obschestvo/854797> (дата обращения: 01.10.2020).

2. Конвенция о правах ребенка [электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 01.10.2020).

3. *Кубарь И. И., Мусаев М. Г.* «Закон Димы Яковлева»: социальные и правовые последствия принятия // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 143–150.

4. *Курбанова Е. Ю.* Проблемы международного усыновления российских детей // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: электронный сборник статей по материалам X студенческой Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 1 декабря 2016 г.). – Новосибирск: АНС «СибАК», 2016. – № 7 (10). – С. 573–577.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ: принят ГД ФС РФ 21 июня 2013 г.: одобрен СФ ФС РФ 26 июня 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 27. – Ст. 3459.

6. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ: принят ГД ФС РФ 21 декабря 2012 г.: одобрен СФ ФС РФ 26 декабря 2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7597.

7. Обзор практики рассмотрения в 2013 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами РФ, постоянно проживающими за пределами территории РФ [электронный ресурс]: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 2 июля 2014 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70586574/> (дата обращения: 01.10.2020).

8. Обзор практики рассмотрения в 2014 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2015 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71024336/>

9. Обзор практики рассмотрения в 2015 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2016 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71287074/> (дата обращения: 01.10.2020).

10. Обзор практики рассмотрения в 2016 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2017 г. //URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71588412/> (дата обращения: 01.10.2020).

11. Обзор практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30 мая 2018 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71858888/> (дата обращения: 01.10.2020).

12. Обзор практики рассмотрения в 2018 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2019 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72158722/> (дата обращения: 01.10.2020).

13. Обзор практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 г. //URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74250118/> (дата обращения: 01.10.2020).

14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики //URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807?print=1> (дата обращения: 01.10.2020).

15. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КНР

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные методы борьбы с коррупцией в истории Китая и на современном этапе. Также берется во внимание правовое регулирование и контроль коррупции. Приводится вывод, сделанный на основе результатов исследовательской работы, о том, что антикоррупционная политика КНР имеет определенные успехи и дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика КНР, антикоррупционный контроль, Центральная комиссия по проверке дисциплины, Уголовный кодекс КНР.

LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE PRC

Annotation. This article discusses various methods of combating corruption in the history of China and at the present stage. Legal regulation and corruption control are also taken into account. The conclusion made on the basis of the results of the research is that the anti-corruption policy of the PRC has its successes and develops further.

Key words: corruption, anti-corruption policies of the PRC, corruption control, Central Commission for Discipline Inspection, Criminal Code of the PRC.

Коррупция относится к числу важных проблем любого государства. Китай в этом отношении также не остался в стороне. Особенно актуальным это стало на нынешнем этапе развития страны, когда изменились ценностные ориентации современного китайского

***Бакшеев Глеб Николаевич**, студент 3 курса факультета иностранных языков Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Фальковская Татьяна Юрьевна**, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Baksheev Gleb Nikolaevich, 3rd year student of the faculty of foreign languages of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Falkovskaya Tatiana Yurievna**, PhD in Philosophy, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

общества [3, с. 121], особенно с приходом в 2012 году к власти Си Цзиньпина, который объявил настоящую войну коррупционерам от низших слоев чиновничества до верхних эшелонов правительства. Актуальность борьбы с коррупцией возрастает и вследствие роста медиаграмотности жителей КНР, что расширяет возможности публичного обсуждения актуальных социальных проблем [5, с. 296-303].

Если углубляться в историю Китая, можно найти различные примеры борьбы с этим недугом государственного аппарата. Основолагающие методы были основаны на различных учениях.

Так, приверженцы легизма ставили во главу верховенство права. По этому учению в III в до н.э. была учреждена первая система административного надзора, которую составляли чиновники-инспекторы, подчиненные напрямую только самому императору.

Вторым таким течением стало конфуцианство, постулатами которого были гуманизм, разум, доверие и прочие добродетели [4, с. 11].

С возникновением Коммунистической партии Китая и ее приходом к власти в середине XX в были разработаны и проведены серьезные меры по борьбе с коррупцией. Появлялись новые структуры в системе государственного управления, в частности суды, призванные беспощадно наказывать любого, кто провинился и был замешан в хищениях.

Возвращаясь к современному этапу, можно лишь подчеркнуть эффективность тех мер, которые инициировал настоящий глава КНР Си Цзиньпин. Темпы антикоррупционной политики колоссальны. Деятельность контролирующих и надзорных органов соответствуют общему курсу развития государства. Более полутора миллионов чиновников были наказаны за нарушение партийной дисциплины и коррупцию. Только за первое полугодие 2019 года 254 тысячи чиновников были привлечены к ответственности, 20 из них занимали высокие посты в партии. За 2018 год наказания за коррупционные преступления получили 620 тысяч человек, в том числе 51 чиновник министерского уровня и уровня руководства провинций [2].

Если же проследить динамику, то по Индексу восприятия коррупции, ежегодно составляемому Transparency International, КНР в 2017 году набрала 41 балл и заняла 77 место из 180 стран. По сравнению с 2012 годом КНР поднялась на три позиции.

Отдельно стоит упомянуть об органе, который занимает особое место в государственном управлении КНР в вопросах, связанных с антикоррупционной политикой. Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая имеет определенные полномочия и порядок их применения. Также ее деятельность тесно сопряжена с таким государственным ведомством как Антикоррупционное бюро Народной прокуратуры КНР.

Для регуляции данной отрасли права в Китае выделена 8 глава Уголовного кодекса КНР «Коррупция и взяточничество». В ней содержатся статьи, предусматривающие ответственность за то или иное правонарушение в сфере хищений из государственного бюджета. На протяжении нескольких десятилетий законодательство ужесточалось, вводились новые статьи, сужавшие рамки и позволявшие более детально классифицировать преступления.

Так, в 1997 году в главу 8 УК КНР вошли 15 статей (с 382 по 396). В ст. 382 дается определение коррупции: «Присвоение, кража, получение обманным путем или незаконное овладение другими методами общественными ценностями государственными работниками с использованием служебного положения». Следующим шагом стали поправки к УК КНР, принятые 28 февраля 2009 года. Поводом послужило выявление грубых нарушений в строительстве школ, а именно несоблюдение требований сейсмобезопасности. В результате этого после землетрясения в провинции Сычуань по официальным данным погибли 5335 детей [1, с. 210].

Рассмотрев историческую составляющую данной проблемы, а также приняв во внимание антикоррупционную политику нынешнего пятого поколения китайских лидеров, можно с уверенностью заявить, что эта проблема не игнорируется. На основе предыдущего опыта добавляются новые статьи в УК КНР, создаются соответствующие органы государственного контроля. Все эти меры имеют реальные плоды, которые можно наблюдать уже сегодня. Преждевременно говорить о полном искоренении коррупции как таковой в ближайшее время, однако наблюдая за настоящими результатами, можно сделать вывод, что Китай движется в направлении максимального сдерживания этой социальной проблемы, поскольку это является одним из существенных факторов развития государства в целом.

Источники и литература

1. *Адамс О. Ю.* Анतिकоррупционное законодательство КНР В 1995–2015 гг. // Россия и современный мир [электронный ресурс], 2018 год // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-zakonoda-telstvo-knr-v-1995-2015-gg>
2. *Андреева А.* В Китае с начала года более 250 тысяч чиновников наказали за коррупцию // Интернет-портал Инфопол [электронный ресурс], 2019 год // URL: <https://www.infpol.ru/202825-v-kitae-s-nachala-goda-bolee-250-tysyach-chinovnikov-nakazali-za-korruptsiyu/>
3. *Кремнев Е. В.* Китай в контексте социокультурных проблем. – Чита: ЧитГУ, 2005. – 121 с.
4. *Терехова Н. В.* Понятия конфуцианской традиции в бостонской школе современного неоконфуцианства // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2011. – № 4.
5. *Хлызова Н. Ю., Кузнецова О. В.* Процесс становления медиаобразования в Китайской Народной Республике // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: материалы Международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета (Иркутск, 18 - 21 сентября 2018 г.). – Иркутск: ЛИГУ, 2018. – С. 296–303.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМНОЙ РЕЦЕПЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимной рецепции законодательства иностранных государств и Российской империи в области судоустройства и судопроизводства. Оспаривается тезис об одностороннем заимствовании права со стороны отечественного законодателя. Доказывается положение о том, что при проведении судебной реформы 1864 г. российский законодатель использовал зарубежные концепции с учетом существовавших в стране особенностей, сохраняя самобытность российской правовой мысли.

Ключевые слова: наследие судебной реформы 1864 г., Александр II, судебная система, правосознание, правовые идеи, рецепция права.

***Верескун Дмитрий Евгеньевич**, студент 1 курса юридического факультета Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

****Казакова Алина Алексеевна**, студентка 2 курса юридического факультета Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Деревскова Валентина Михайловна**, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Vereskun Dmitriy Evgenievich, 1st year student of the faculty of law Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Kazakova Alina Alekseevna, 2nd year student of the faculty of law Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Derevskova Valentina Mikhailovna**, candidate of legal sciences, head of the department of theory and history of state and law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

JUDICIAL REFORM OF 1864: ON THE ISSUE OF MUTUAL RECEPTION OF LEGISLATION

Annotation. The issues of mutual reception of the legislation of foreign states and the Russian Empire in the field of judicial system and legal proceedings are considered. The thesis of the unilateral borrowing of law by the domestic legislator is disputed. The article proves the position that during the Judicial Reform of 1864 the Russian legislator was able to shift the concepts of Western countries into a domestic way, while preserving the originality of Russian legal thought.

Key words: legacy of the Judicial reform of 1864, Alexander II, judicial system, sense of justice, legal ideas, reception of law.

«Въ судахъ была Россія черна неправдой черной». Эти слова русского поэта А. С. Хомякова (1804-1860 гг.) приходят на ум, когда говорят о так называемом «старом суде» – судебных порядках Российской империи до Великих реформ Александра II. Справедливой опорой слов известного поэта может выступать Свод законов Российской империи, особенно по отношению к уголовному процессу, представляющий собой собрание разрозненных, разновременных и противоречащих друг другу положений множества нормативно-правовых актов. Если говорить о состоянии судебной системы, то оно отличалось чрезвычайной сложностью и запутанностью. Современники характеризовали судоустройство как систему «одинадцати мытарств» [2]. Целая масса населения была неподсудна общему для всех разбирательству – претензии его подлежали рассмотрению сословными и ведомственными судами с неясными границами подсудности. Кроме того, суды находились в сильной зависимости от администрации. Поэтому Великие реформы Александра II не могли не коснуться этого печального памятника бесправия – дореформенного суда.

Уставы, принятые 20 ноября 1864 г., по словам А. Ф. Кони, были «плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их пред Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении». В результате судебной реформы был ликвидирован феодальный суд и на смену громоздкой судебной системе с многочисленными инстанциями пришли две системы независимых судов, в которых заседали профессионально

подготовленные судьи. С этого времени Россия стала обладать судебной системой, сравнимой с судом развитых европейских стран.

В связи с огромным значением и удачливостью Судебной реформы представляется возможным выдвинуть предположение о том, ее отголоски встречаются в законодательстве о судебной системе в других государствах, т.е. приходится говорить о правовом наследии Судебной реформы [5]. Конечно, нельзя отрицать и тот факт, что некоторые принципы организации судопроизводства российским законодателем были взяты из зарубежного опыта, в частности Франции, Англии и Италии, однако преувеличивать объем этой рецепции и подвергать под сомнение общую самобытность и самостоятельность Судебной реформы нельзя. Наоборот, наша задача защитить важнейшее преобразование Александра II от подобных посягательств на уникальность, показать успешность Судебной реформы, что можно осуществить путем сравнительно-правового анализа основных идей реформы и законодательства стран бывшей Российской империи. На рассмотрение выносится тезис о том, что Судебная Реформа 1864 г. восприняла отдельные положения западного правотворчества, но вместе с тем сама собой являлась источником для рецепции права.

Как уже отмечалось, российский законодатель опирался на зарубежный опыт. В целом, это отмечали многие зарубежные историки: Д. Уоллес, А. Леруа-Болье, К. Кардонн и другие. Например, К. Кардонн в конце XIX в. выпустил во Франции книгу, посвященную реформам Александра II, в том числе судебной. Признавая влияние западной традиции на Судебные уставы, он не считал это подобострастным подражанием западным образцам. Английский публицист Дональд Маккензи Уоллес в своей двухтомной работе «Россия» отмечал необычную простоту и гармонию созданного Уставами 1864 г. судебного строя и, указывая на некоторые заимствования из Франции и Англии в частности, подчеркивал несомненную оригинальность целого. Особняком стояла книга «Новая эра в России» американского историка Чарльза Арно. Автор полагал, что реформы Александра II не соответствовали русскому национальному характеру и фактически провалились, указывал на благородную роль Александра III как спасителя России от «тевтонских и латинских образцов» [4, с. 118].

Общий настрой по этому вопросу позволяет уловить анонимная брошюра, вышедшая в Париже в январе 1864 г. и посвященная

обзору предстоящей судебной реформы и влиянию на нее французского правового опыта. Составитель этой брошюры подчеркивал, что сочетание различных элементов, заимствованных в основном из Англии и Франции, не было рабским копированием, что Россия сумела подняться до тех абстрактных понятий, на которые опирались западные модели. Более того, он предлагал «просить наших новых друзей (Россию) об уроке политической мудрости и скромности».

Разработчики исходили из тезиса, сформулированного одним из главных деятелей реформы С. И. Зарудным: «...не допускать в одном государстве доказанных в другом общих начал усовершенствования только потому, что они иностранные, а не национальные, значило бы почти то же, что не допускать введения железных дорог или телеграфов в государствах, жители которых не имели случая дойти до подобного общенародного изобретения». Однако, как отметил по этому поводу профессор Гарвардского университета Г. Берман, «Россия в действительности никогда не хотела принимать западную правовую систему».

Так, в этом ключе многие исследователи сравнивают Кодекс Наполеона и последовавшего за ним гражданско-процессуального кодекса Франции (1806 г.) с Уставом гражданского судопроизводства (далее – УГС) 1864 г. Проводя сравнительно-правовой анализ можно найти определенные сходства, так, в французском законодательстве были закреплены следующие положения: ограничение количества инстанций – самое большое две, публичное судебное разбирательство, разделение искового и особого производства, внесудебные предписания в отношении лиц, осуществляющих определенные публичные функции, институт судебных исполнителей, которые также наделены полномочиями должностного лица. В свою очередь, статья 11 УГС гласит следующее: «гражданские дела подлежат разрешению по существу в двух только судебных инстанциях». Гласное разбирательство закреплено статьей 13 УГС. Статьей 29 закрепляется особый порядок, отличный от искового, рассмотрения гражданских споров: «...мировой суд может принять к своему рассмотрению всякий спор и иск гражданский, если обе тяжущиеся стороны будут просить о решении их дела по совести. Состоявшиеся, вследствие таких просьб, решения мировых судей окончательны и апелляции не подлежат».

Влияние французского опыта строительства судебной системы видится и в том, что общие российские суды подразделялись на

суды, функционирующие без участия присяжных заседателей, и суды, рассматривающие уголовные дела с участием присяжных заседателей (подобно ассизным судам во Франции) [3]. Однако такая аналогия не была полной. В отличие от Франции, в России уголовные дела без участия присяжных заседателей и с участием таковых рассматривались не в разных судах, а в одних и тех же – окружных судах в зависимости от характеристики преступления.

С принятием Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) прокуратура из органа надзорного типа была преобразована в орган уголовного преследования. При этом прокурор получал право отказаться от обвинения, если убеждался в невинности подсудимого (статьи 739-740 УУС). Это было прогрессивное нововведение по сравнению с зарубежными прокуратурами, в частности французской.

При решении вопроса о рецепции английского законодательства, в частности нормативного регулирования деятельности мировых судов, можно утверждать, что образцом для них действительно послужил мировой суд Англии. Но отличие российской модели мировой юстиции от английской заключалось в том, что в России мировые судьи не назначались правительством, а избирались, в чем и состоял высокий демократизм института мировых судов образца 1864 г. Основное назначение российского мирового суда состояло в примирении сторон, в то время как в Англии задача мирового судьи заключалась в поддержании порядка и обеспечении спокойствия, то есть судья выполнял не только судебные, но судебно-административные функции.

В основу УГС были положены многие принципы буржуазного судопроизводства, провозглашенные в период буржуазных революций XVII – XVIII вв. Так, статьи 8, 9-11, 13, 14 УУС провозглашают гарантии личной свободы и неприкосновенности человека, содержат способы защиты от неправомерного задержания. Многие либеральные деятели видели в этих статьях положения, аналогичные Habeas corpus act. Однако этими гарантиями авторы не ограничились, поскольку УУС предоставил обвиняемому защиту самим уставом (ст. 14), а также помощь профессионального защитника – присяжного поверенного (ст. 630).

Влияние Италии на Судебную реформу можно усмотреть в наличии презумпции невинности в Уставе уголовного судопроизводства. Статья 1 гласит: «Никто не может быть наказан за преступ-

ления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв присужден к наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу». Данная формулировка является переложением презумпции невинности, которую выразил итальянский ученый Чезаре Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.). Автор писал: «человек не может быть назван преступником до судебного приговора, а общество не имеет права лишить его своего покровительства, пока не решено, что он нарушил условия, ввиду соблюдения коих оно ему даровано...» [1]. Так, Ч. Беккариа сформулировал принцип презумпции невиновности, что стало несомненным достижением правовой мысли. Однако, если говорить о заимствовании российскими законодателями данного принципа, то, по нашему мнению, это не умаляет оригинальность правовой системы России, не свидетельствует о наибольшей доле рецепции в ее законодательстве в сравнении с другими странами. Так как принцип презумпции невиновности был впервые сформирован именно в Италии, то все страны в равной степени заимствовали данное нововведение и адаптировали под свои особенности национального права.

Тем не менее, заимствование российского законодательства в части судебной организации до 60-х гг. XIX в. было фактически невозможным ввиду нецелесообразности, так как многие институты, принципы права Россия открыла для себя гораздо позднее своих европейских соседей. Например, до реформы 1864 г. отсутствовали принципы отделения судебной власти от исполнительной, независимости судей, равноправия сторон, в то время как Королевство Польское (далее – КП) уже со времен Графства Варшавского основывало на них свою судебную систему. Потому только лишь в 1876 г. КП начало реформирование судебного устройства уже с учетом опыта российского закона. Кроме того, факт рецепции польскими законодателями французского права в начале века и последующее смещение выбора при дальнейших реформах в пользу заимствования российской системы права представляется достаточно интересным.

Так, можно сделать вывод о том, что Польша, все же оценила преимущества российских нововведений перед Францией ввиду объективной оценки особенностей устройства правосудия России, хотя отчасти и основанного на французском правотворческом опыте, после чего сделало выбор в пользу Российской империи. Итогом такого решения стала, например, новая структура судов КП, разделившихся на общие и мировые. Также стоит отметить, что в настоя-

щее время польский министр юстиции одновременно является и генеральным прокурором, как было введено Александром II реформой 1864 г, когда Польша входила в состав Российской Империи. Таким образом, несмотря на наличие в Польше законопроектов, направленных на отказ российского правового наследия, польскими законодателями все же используется правовой опыт Российской империи [6, с. 46-47].

Также примером рецепции права Российской империи является Первая Республика Армении (далее – РА), где в 1918 г. Армянским национальным советом было принято решение реорганизовать государственную власть, в том числе путем пересмотра судебной системы по образцу реформы Александра II 1864 г. С точки зрения судопроизводства Армения до 1918 г. подчинялась Тифлису. Был всего лишь один районный суд и несколько мировых судов. Кассационный суд не существовал. После получения независимости из российской модели правосудия был полностью перенят процессуальный аспект системы, но структура судов РА все же имела свою специфику. Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры были установлены также в соответствии с российскими судебными уставами. Например, прокуратура РА была организована не по административно-территориальному, а по судебнотерриториальному принципу, то есть при общих судах, область прокурорского надзора устанавливалась строго судебной, а генерал-прокурором, как и в России являлся министр юстиции.

Важно отметить, что правовые идеи никогда не заимствуются исключительно механически. Напротив, процесс заимствования носит выборочный характер. Так, законодательство Украины составляли не только российские нормативные акты, но и Литовском Статуте, Хелмском праве, Саксонском зеркале.

Во время проведения судебных реформ 1860-х г. Российская империя являлась одним из самых больших государств мира по территории. В ее состав входили части территорий Украины, Польши и некоторых других современных государств, в судебной системе которых, наличие основ российского законодательства в то время являются вполне прогнозируемыми. Однако, даже спустя столетия некоторые из них все еще основываются на нормах и принципах, созданных в XIX в. Российской империи.

Данное высказывание вступает в противоречие с наиболее распространенным мнением, что российский законодатель всегда

лишь только реципировал иностранное право, а не создавал новое и не являлся источником новшеств, которые могли бы послужить образцом другим государствам. Также в качестве еще одного опровержения можно назвать реформу в Польше, когда несмотря на долгое использование французского опыта в правовой сфере, все же было принято решение взять за основу будущих преобразований российскую модель права. Особо стоит отметить, что первоосновы судебной реформы в России тоже берут свои корни во Франции, но значительная доля изменений в законодательной базе является новаторством. Таким образом, российское право – это не просто звено в цепочке рецепции европейского правового опыта, а весомая часть в механизме совершенствования мирового законодательства, вносящая свои коррективы в последующее развитие и заимствование права.

Источники и литература

1. *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях. – М.: Юриздат, 1939. – 243 с.
2. *Гайдеров А.* Русская традиция права и современность // *Право и жизнь.* – 2002. – № 47. – С. 21–24.
3. *Иванов В.* Наша мировая юстиция // *Отечественные записки.* – 1878. – № 6. – С. 25–29.
4. *Панов В. П.* Международное уголовное право: учебное пособие. – М., 1997. – 320 с.
5. *Попов Д. А.* Деятельность пореформенной судебной системы // *Вестник МГУ.* – Серия 11. – Право. – 1999. – № 5. – С. 35–36.
6. *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. – М.: Зерцало, 2003. – 523 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМИ ЭПИДЕМИЯМИ

Аннотация. В данной научной статье рассматривается проблема международного сотрудничества в борьбе с существующей в настоящее время пандемией COVID-19. Данная проблема достаточно актуальна, поскольку международное сотрудничество является необходимым средством в борьбе с пандемией, ведь успех государственной деятельности внутри страны, в основном, зависит от внешних условий, от экономических, политических и культурных связей с другими государствами.

Ключевые слова: государство, международное сотрудничество, глобальная эпидемия, пандемия COVID-19, глобализация, национальная безопасность, здравоохранение.

INTERNATIONAL COOPERATION AS A BASIC TOOL FOR COMBATING GLOBAL EPIDEMICS

Annotation. This scientific article examines the problem of international cooperation in the fight against the current COVID-19 pandemic. This problem is quite relevant, since international cooperation is a necessary tool in the fight against a pandemic, because the success of state activities within the country mainly depends on external conditions, on economic, political and cultural ties with other states.

***Вершинина Маргарита Константиновна**, студентка 2 курса юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Зарубаева Евгения Юрьевна**, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Vershinina Margarita Konstantinovna, 2nd year student of the faculty of law East Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Zarubaeva Eugenia Yurievna**, candidate of legal sciences, associate professor of East Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

Key words: state, international cooperation, global epidemic, COVID-19 pandemic, globalization, national security, healthcare.

На данный момент весь мир столкнулся с такой глобальной проблемой, как пандемия COVID-19. Все государства начали принимать меры, направленные на защиту здоровья всех граждан даже несмотря на то, что не всегда данные меры благоприятны для экономической и политической ситуациях в странах. Но каждое государство в одиночку с этой проблемой не справится.

Так, сейчас наблюдается процесс глобализации, который опосредует процесс международного общения. В данном процессе в силу ряда причин возникают различные по своей активности контакты. И наиболее тесное международное взаимодействие перерастает в сотрудничество, которое направлено на решение общих задач и достижение общих целей.

Термин «международное сотрудничество» можно рассматривать в двух значениях [3, с. 24]: как принцип международного права и как совместную деятельность заинтересованных субъектов международного права.

Согласно Уставу Организации Объединенных Наций с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует разрешению международных проблем в области экономической, социальной сферах, здравоохранения, а также международному сотрудничеству в области культуры и образования [5, с. 14-47].

Международное сотрудничество имеет важное значение для нашей страны, ведь концепция внешней политики Российской Федерации в качестве одной из задач предусматривает расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России [8].

Рассматривая же международное сотрудничество, как совместную деятельность заинтересованных субъектов международного права, можно сказать, что международное сотрудничество понимается как совместные действия субъектов в какой-либо сфере их взаимных интересов, их взаимосвязанная деятельность по согласова-

нию своих позиций, координацию действий, разрешению общезначимых проблем и принятию взаимоприемлемых решений [3, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод, что международное сотрудничество – это необходимый фактор, способный обеспечить качественное решение глобальных проблем путем объединения сил разных государств. Но данное сотрудничество не может возникнуть просто так. Необходимыми условиями для его возникновения являются наличие общих целей у государств, ожидание ими выгод от ситуации, а также взаимный характер этих выгод.

В настоящее время международное сотрудничество предполагает использование механизмов многосторонней дипломатии, формирование множества союзов, соглашений, которые направлены на обеспечение всеобщей безопасности, урегулирование конфликтов и других вопросов, представляющих общий интерес для всех участвующих сторон.

В современной России в области здравоохранения существует множество государственных, страховых и частных организаций здравоохранения. Система здравоохранения является одной из сфер жизни общества, обеспечивающей возможность осуществления политических, экономических, научно-образовательных, лечебно-профилактических и организационных мероприятий, направленных на реализацию права граждан на сохранение здоровья [2, с. 7]. Также, согласно ст. 25 Всемирной декларации прав человека каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи [6, с. 73-77]. Но стоит заметить, что такие организации полностью не справляются с глобальными эпидемиями.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 помимо того, что затронула состояние здоровья многих людей, она парализовала работу многих компаний не только в Российской Федерации, но и по всему миру. Также, отличительными признаками нынешней глобальной эпидемии являются длительный инкубационный период и наличие бессимптомных пациентов – это те лица, которые, заразившись данной инфекцией, не демонстрируют клинических проявлений, но способны заражать других людей.

Также, кроме всех вышеперечисленных негативных последствий, к которым приводит новая коронавирусная инфекция, ситуация

усложняется еще больше за счет так называемой «второй волны». Под «второй волной» Всемирная организация здравоохранения понимает повторный рост случаев коронавирусной инфекции. Вопрос о «второй волне» достаточно спорный. Многие считают, что повторный рост заболеваемости, который прогнозируется на осень 2020 года будет намного уступать весеннему. С другой же стороны, считается, что "вторая волна" будет наивысшей точкой числа заболеваний COVID-19. И данный рост будет проявляться именно там, где новый вирус не был изначально подавлен в достаточной степени. Но, не смотря на данные противоречия, никто не исключает возможность возникновения повторного роста числа заболеваний, и именно поэтому данное явление становится еще более опасным.

Именно эти признаки и последствия сильно затрудняют борьбу с данной инфекцией, и именно поэтому необходимо международное сотрудничество, для объединения всех сил и направления их на борьбу с глобальной эпидемией.

Для совместной и эффективной борьбы с существующей коронавирусной инфекцией, всем государствам необходимо.

1. Обеспечить высокий уровень готовности органов и учреждений здравоохранения, других министерств и ведомств к быстрому выявлению больных, лабораторной диагностике и лечению.

2. Обеспечить межгосударственное взаимодействие в организации и проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий в чрезвычайных ситуациях биологического характера [4, с. 33-34].

3. Проводить воспитательную работу среди населения, направленную на исполнение предписаний, устанавливающих ограничительные мероприятия в связи с распространением коронавирусной инфекции. Необходимость соблюдения предписаний регламентирована также в статье 33 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [7].

4. Обеспечить всех медицинских работников средствами индивидуальной защиты.

5. Обеспечить своевременную госпитализацию больных в инфекционные стационары специально выделенным медицинским автотранспортом.

6. Преследить за готовностью всех медицинских организаций к эффективному проведению противоэпидемических мероприятий в случае выявления больного с подозрением COVID-19.

7. Незамедлительно представлять информацию о больных и лицах, контактирующих с ними.

В результате, проблема борьбы с наиболее опасными инфекционными заболеваниями приобретает ярко выраженный политический и экономический оттенки. В таких ситуациях, когда существует необходимость огромных финансовых, организационных и интеллектуальных затрат важной становится задача слияния инициатив всех государств, на основе которых строится стратегия борьбы с глобальными эпидемиями. Но выработка и реализация подобных стратегий невозможна без политических решений на самом высоком уровне.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать о том, что на сегодняшний день международное сотрудничество действительно играет важную роль в борьбе с глобальными эпидемиями.

Источники и литература

1. *Басенко А. М., Ишанов И. В.* Стратегия интеграции России в мировое экономическое сообщество // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2016. – № 2 (54). – С. 144-153.

2. *Хабарова И.А., Иванюта С. О., Терехова И. Ю., Сергеев Ю. А.* Роль здравоохранения в экономике страны // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2018. – № 4. – С. 64-69.

3. *Крысанов А. В.* Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 4. – С. 23-28.

4. *Никифоров В. В., Суранова Т. Г., Миронов А. Ю., Забозлаев Ф. Г.* Новая коронавирусная инфекция (COVID-19): этиология, эпидемиология, клиника, диагностика, лечение и профилактика: учебно-методическое пособие. – М., 2020. – 48 с.

5. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956.

6. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное право: сборник документов. – М., ИД РИОР, 2015.

7. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 26.07.2019

г.) / Официальный интернет-портал правовой информации
<http://www.pravo.gov.ru>.

8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6886.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РАМКАХ МЕДИЦИНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Рассматриваются понятия право на охрану здоровья и право на медицинскую помощь, их соотношение. Исследуются проблемы связанные с реализацией права на бесплатную медицинскую помощь. Анализируются принятые правовые акты в период пандемии коронавируса. Выдвинуто обоснованное решение поставленной проблемы с точки зрения правового регулирования.

Ключевые слова: право на бесплатную медицинскую помощь, ограничительные меры, эпидемиологическая обстановка, COVID-19, правовые акты, медицинская деятельность, правовое регулирование.

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREE MEDICAL CARE IN THE FRAMEWORK OF MEDICAL LEGAL RELATIONS

Annotation. The concepts of the right to health care and the right to medical care, their correlation was studied. The problems connected with the realization of the right to free medical care are studied. The adopted legal acts during the Coronavirus Pandemic are analyzed. An informed solution to the problem has been put forward from the point of view of legal regulation.

***Глущенко Ярослав Александрович**, студент 3 курса Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Арзуманов Игорь Ашотович**, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, г. Иркутск, Россия.

Glushchenko Yaroslav Alexandrovich, 3rd year student of the Law Institute of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Arzumanov Igor Ashotovich**, professor at the department of constitutional law and legal theory of the Law Institute Irkutsk state university, doctor of cultural sciences, PhD in Philosophy, associate professor, Irkutsk, Russia.

Key words: right to free medical care, restrictive measures, epidemiological situation, COVID-19, legal acts, medical activity, legal regulation.

Актуальность рассматриваемой нами темы обусловлена двумя взаимосвязанными факторами. Первый – это закрепление в ст. 41 Конституции РФ социально-значимого права – права на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. Применительно к рассматриваемой теме, особое внимание представляет собой право на бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, оказываемую за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Второй – это возникновение и глобальное распространение нового и опасного для жизни и здоровья людей вируса – COVID-19.

Учитывая все в совокупности, представляется необходимым рассмотрение проблем, связанных с реализацией вышеуказанного права в сложившейся обстановке.

Методология, используемая при изучении данной темы, включает в себя следующие приемы и принципы: принцип объективности, принцип всесторонности и классификацию методов, выделяемую Н. А. Пьяновым (общие – метод анализа, синтеза, сравнительный; специальные – статистический; частные – формально-юридический) [9, с. 17]. Особую роль также представляет собой принцип комплексности, так как по словам И. А. Арзуманова: «Историзм и комплексность как принципы научного познания по своей сути являются интегративными, поскольку нацелены на всестороннее объективное рассмотрение социально-правовых явлений и связанных с ними институтов» [7, с. 60]. При толковании права, в первую очередь применяется специально-юридический способ, потому как по справедливому замечанию И. А. Кузьмина: «в нормах права масса специально-юридических понятий, положений, которым юридической наукой и законодательством придается определенное значение» [8, с. 33].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь относится к группе социальных прав. Рассмотрим данные правовые категории отдельно.

В абз. 1 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ закреплена норма-дефиниция применительно к понятию «охрана

здоровья граждан», в соответствии с которой, это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи [2]. Здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма (абз. 1 п. 1 ст.2 ФЗ № 323-ФЗ).

Определение термина «медицинская помощь» установлено в абз. 1 п. 3 ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ, в котором сказано, что медицинская помощь – это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Таким образом, можно заметить, что право на охрану здоровья является комплексной категорией, и включает в себя большой перечень мероприятий, затрагивающих практически все сферы жизнедеятельности людей. Именно поэтому содержание данного права, порядок реализации, условия реализации, юридические гарантии содержатся во многих кодифицированных нормативных правовых актах и не кодифицированных: ТК РФ, СК РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и другие.

Как известно, любому праву корреспондирует обязанность. Поэтому закрепив данное право, государство взяло на себя целый перечень обязанностей, которые прямо отражены в определении понятия «охрана здоровья граждан».

Исходя из анализа основных понятий, содержащихся в ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ становится очевидным, что право граждан хоть и является составной частью права на охрану здоровья, тем не менее, характеризуется специализированной самостоятельностью (обособленностью), затрагивая исключительно медицинскую деятельность.

Реализовать право на бесплатную медицинскую помощь возможно, только в рамках конкретных правоотношений – медицин-

ских. Следовательно, необходимо рассмотреть возникающие правоотношения и их состав.

Медицинские правоотношения – это урегулированные нормы права общественные отношения в сфере медицинской деятельности, субъекты которых являются носителями субъективных прав и обязанностей.

Состав данных правоотношений:

1) субъекты правоотношений или участники (исходя из анализа ФЗ № 323-ФЗ): субъекты, оказывающие медицинскую помощь и субъекты, получающие медицинскую помощь;

2) объект правоотношений – это то, по поводу чего возникают субъективные права и обязанности. Объектом данных правоотношений является жизнь и здоровье человека;

3) права и обязанности – основные права и обязанности закреплены в главах 4 и 9 ФЗ № 323-ФЗ.

Сложившаяся в нашей стране, как и во всех других странах мира эпидемиологическая обстановка, объективно обусловила принятие различных по юридической силе нормативных правовых актов, призванных урегулировать возникшие общественные отношения. Большую часть этих нормативных правовых актов составляют акты Министерства здравоохранения.

Приказом Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» было поручено создание федеральных дистанционных консультативных центров анестезиологии-реаниматологии, которые занимаются вопросами диагностики и лечения новой коронавирусной инфекции и пневмоний [4]. Более того, в данном приказе говорится о создании 4 подобных центров: для взрослых, для детей, для беременных и резервный. Такие нормы имеют огромное значение, а и именно в плане учета специфики организма различных категорий граждан, при разработке и дальнейшего лечения COVID-19. Своего рода, это индивидуальный подход к определенной группе людей, что, безусловно, обеспечивает практическую эффективность.

В соответствии с данным нормативным правовым актом, органам исполнительной власти субъектов РФ также необходимо создать подобные учреждения. Приказ регламентирует порядок организации оказания скорой медицинской помощи, порядок организации

работы медицинских организаций. Особенно законодатель подчеркивает необходимость проведения мониторинга болезни. Уникальность данного правового акта состоит в закреплении в Приложение №5 норм-принципов организации медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, в медицинских организациях и их структурных подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях.

Проанализировав эти принципы, можно сделать вывод, что отчасти все другие нормы прямо происходят из них и не могут им противоречить. Реализация п. 2.15 ч. 2 Приложения № 3 к приказу, в котором говорится об обязанности руководителей медицинских организаций обеспечить возможность дистанционной выписки лекарственных препаратов, доставки их на дом, еще раз подчеркивается в письме Министерства здравоохранения РФ от 15 июня 2020 г. № 25-1/И/2-8384, в соответствии с которым Минздрав России просит взять на личный контроль организацию оказания лекарственной терапии в амбулаторных условиях гражданам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) [6].

Основная проблема реализации права на бесплатную медицинскую помощь связана с необходимостью введения следующих ограничений, в целях охраны жизни и здоровья граждан. Так, например, в соответствии с приказом Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н, руководству медицинских организаций рекомендовано рассмотреть возможность переноса сроков оказания плановой медицинской помощи в стационарных условиях. Относительно этого положения есть Разъяснения Минздрава России. Госпитализация пациентов для оказания специализированной медицинской помощи в плановой форме производится исключительно при наличии направления. На основании этого, Главным врачом ГБУЗ ИОКБ было принято распоряжение «О временном приостановлении плановой госпитализации в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой и в условиях противоэпидемических мероприятий» [5]. Госпитализация была приостановлена с 05.10.2020 г. по 18.10.2020 г. В большинстве регионов также были приняты подобные меры.

На основании п.1 распоряжения Правительства РФ от 21 марта 2020 г. № 710-р, на территории РФ временно было приостановлено проведение всероссийской диспансеризации взрослого населения РФ [3].

Нет сомнений, что все принятые государством ограничительные меры способствуют предотвращению роста заболеваемости новым вирусом. К сожалению, эпидемиологическая ситуация оказалась очень сложной и неоднозначной. Неоднозначность объясняется тем, что утвержденные ограничительные меры в отношении конкретной медицинской помощи и медицинской деятельности, в частности рассмотрим на примере диспансеризации, в дальнейшем могут негативным образом сказаться на здоровье людей.

Основная цель диспансеризации – это выявление болезней и дальнейшее проведение лечебных, а также профилактических мер. Факт того, что многие болезни протекают бессимптомно, еще раз подчеркивает роль диспансеризации. Одной из болезней, выявляемых посредством диспансеризации является ишемическая болезнь сердца. Статистические материалы, подготовленные Министерством здравоохранения РФ, определяют количество зарегистрированных больных (взрослых) с таким диагнозом, установленным впервые в жизни. За 2017 год – 421.484 тыс. человек [10].

В газете «Вечерняя Москва» были представлены итоги диспансеризации граждан за 2018 год, озвученные Министерством здравоохранения РФ [11]. Согласно этим данным, у половины россиян (54%) были выявлены заболевания, требующие дальнейшего лечения. 30% граждан признаны здоровыми. В целом, в 2018 году диспансеризацию прошли 21,9 млн. человек.

Отсюда следует, что проблема реализации права на бесплатную медицинскую помощь связана с принятием вынужденных ограничительных мер, которые были перечислены ранее. По нашему мнению, основываясь на приведенной статистике и объективной значимости общественных отношений по охране жизни и здоровья граждан, необходимо обеспечить полноценное действие медицинской деятельности даже в подобном состоянии, без каких-либо приостановлений и переносов оказания медицинской помощи. Помимо, особого решения требует вопрос, связанный с невозможностью проведения плановых операций в связи с приостановкой авиасообщения.

Для того, чтобы решить проблему, связанную с реализацией права в условиях коронавируса, также нужно преобразовать правовое регулирование.

В своем большинстве, все изданные правовые акты в период распространения вируса, очень сильно отличаются друг от друга по

содержанию и по юридической силе, хоть и призваны урегулировать однородную область. Одни, устанавливают санитарно-эпидемиологические правила, другие регламентируют порядок оказания конкретных видов медицинской помощи и так далее. Помимо этого, принимаются и ненормативные правовые акты, такие как письма, разъяснения, рекомендации.

Возникшие общественные отношения должны быть урегулированы в первую очередь федеральным законом. Поскольку именно закон содержит первичные нормы и регулирует наиболее важные отношения. Мы считаем, что присутствует явная необходимость в принятии такого федерального закона. Данный закон, должен подробно урегулировать возникшие общественные отношения, закрепив как общие положения, так и специальные.

Помимо этого, необходимо предусмотреть правовые гарантии реализации данного права, утвердить заранее перечень крупных и специализированных учреждений, в отношении которых возможно перепрофилирование, чтобы обеспечить быстрое и эффективное исполнение. В свою очередь все последующие подзаконные акты должны конкретизировать положения данного федерального закона, с целью правильного и объективного правоприменения. Данный закон также способствует исключению противоречий, среди большого числа принятых актов.

Подводя итог к вышесказанному, стоит отметить, что фактически, возникла своего рода новая сфера общественных отношений, подлежащая урегулированию законом. Наблюдается практическая потребность решения данной проблемы. В свою очередь, главной и неотъемлемой частью реализации всех предписаний правовых норм является обеспечение экономических, политических и идеологических гарантий, позволяющих воплотить все права и обязанности в жизнь.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, 1993, 25 декабря; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

3. Распоряжение Правительства РФ от 21 марта 2020 г. № 710-р «О временном приостановлении проведения Всероссийской диспансеризации взрослого населения РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 13. – Ст. 1986.

4. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» // СПС «Гарант» [электронный ресурс].

5. Распоряжение Главного врача ГБУЗ ИОКБ от 5 окт. 2020 г. «О временном приостановлении плановой госпитализации в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой и в условиях противоэпидемических мероприятий» // URL: <http://www.iokb.ru/ru/home> (дата обращения: 15.11.2020).

6. Письмо Минздрава России от 15 июня 2020 г. № 25-1/И/2-8384 «Об организации оказания лекарственной терапии в амбулаторных условиях гражданам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) и с подозрением на указанную инфекцию» // СПС «Гарант» [электронный ресурс].

7. *Арзуманов И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.

8. *Кузьмин И. А.* Правоприменение и толкование права: учеб. пособие в 2 ч. – Часть 2. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 103 с.

9. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие в 2 ч. – Часть 1. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 283 с.

10. Статистический сборник 2017 год // URL: https://static-3.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/038/872/original/01_3_аболеваемость_всего_населения_России_в_2017_году.doc?1530792120 (дата обращения: 15.11.2020).

11. Вечерняя Москва // URL: <https://vm.ru/news/366420-minzdrav-predstavil-itogi-dispanserizacii-2018-goda> (дата обращения: 15.11.2020).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: АНА- ЛИЗ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются нормативно-правовые акты государственной молодежной политики (ГМП) в РФ. Рассмотрено формирование нормативно-правовой базы ГМП, ее становление и развитие по состоянию на 2020 г. Особое внимание уделено рассмотрению законопроекта «О молодежной политике в Российской Федерации». Представлен перечень документов, регулирующих в настоящее время сферу молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, нормативно-правовое регулирование ГМП, законы о молодежи, законодательное регулирование.

LEGAL REGULATION OF STATE YOUTH POLICY: ANALYSIS OF RECENT CHANGES

Annotation. The article analyzes the normative legal acts of the state youth policy (SYP) in the Russian Federation. The stage of formation of the SYP regulatory framework, its formation and development as of 2020 is considered. Special attention is paid to the draft law «On youth policy in the Russian Federation». The list of documents regulating the sphere of youth policy today is presented.

Key words: youth, state youth policy, regulatory and legal regulation of SYP, laws on youth, legislative regulation.

Одним из приоритетных стратегических направлений социальной политики в области развития социально-экономической, по-

---

*Григорьева Ирина Алексеевна, магистрант 1 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Зуляр Раксана Юрьевна, кандидат политических наук, доцент Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Grigorieva Irina Alekseevna, 1st year master's student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Zulyar Raksana Yuriyevna**, candidate of political sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

литической и культурной сферы современных государств, являются инвестиции в человека, и в молодежь в первую очередь [2, с. 89; 9, с. 101-107].

За последние 25 лет сфера государственной молодежной политики (далее – ГМП) реформировалась неоднократно, изменениям подвергалась нормативно-правовая база всех уровней (от федерального значения до местного). Внимание к этой сфере растёт с каждым годом, но мы не можем говорить о том, что молодежная политика может претендовать на роль «всеобъемлющего закона о молодежи». Государственная молодежная политика выступает своего рода одним из средств социального становления и развития молодежи [2, с. 108].

Целью статьи является анализ нормативно-правового регулирования государственной молодежной политики РФ с учетом последних изменений.

Нормативно-правовое обеспечение ГМП имеет ключевую значимость в проведении работ с молодежью и создании условий для реализации прав молодого поколения и возможностей для ее развития [6, с. 5].

Свое начало ГМП берет в 1991 г. после принятия Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» от 16.04.1991 г. № 2114-1. В нем говорилось, что молодежная политика является одним из важных направлений, которое осуществляется с целью создания социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления, и развития молодежи и наиболее ее полной самореализации в интересах общества [4].

В тот же период были изданы нормативно-правовые акты, которые напрямую повлияли на становление институционально-правовой основы молодежной политики:

– указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (1992 г.);

– постановление Верховного Совета «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 г.);

– указ Президента РФ «О федеральной целевой программе (ФЦП) «Молодежь России» (1994 г.);

– Федеральный закон «О государственной поддержке детских и молодежных объединений в Российской Федерации» (1995 г.).

Период после 1995 г. можно назвать следующим этапом формирования НПА сферы молодежной политики. На данном этапе инициатива принадлежала регионам, принятие нормативно-правовой базы на региональном уровне постепенно увеличивалось. На федеральном же уровне процесс замедлился, это обусловлено началом экономического кризиса, с которым российская система была не в силах справиться, продолжением затяжной военной кампании в Чечне, а также слабым руководством президента Б. Н. Ельцина.

С 2000 г. начинается следующий этап развития нормативно-правовой базы ГМП в РФ, продолжающийся по сегодняшний день. В данный период деятельность по реализации молодежной политики принадлежит федеральным органам. Одним из таких органов выступает Федеральное агентство по делам молодежи (ФАДМ), которое начало работу после утверждения Постановления Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» и занимающийся координацией всех государственных и неправительственных организаций в решении молодежных вопросов [3].

Документами, представляющими огромное значение в процессе развития государственной молодежной политики в начале данного этапа, выступают:

- постановление Правительства РФ о Федеральной целевой программе «Молодежь России на 2001–2005 гг.» (2000 г.);
- Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации (2001 г.);
- Стратегия государственной молодежной политики РФ (2006 г.).

Немаловажным аспектом на данном этапе является принятие Основ ГМП РФ на период до 2025 г. от 29.11.2014 г. № 2403-р. Документ определяет систему принципов, приоритетных задач и механизмов, обеспечивающих молодежную политику в нашей стране, а также основные принципы реализации молодежной политики [5]. Основы ГМП не являются законом о молодежи, поэтому в обществе возникает проблема разработки федерального закона, который бы закрепил права и обязанности молодого поколения России.

С середины 2020 г. ведутся дискуссии о принятии нового законопроекта «О молодежной политике в Российской Федерации», основной целью которого является выстраивание единого понятий-

ного аппарата и правового поля в молодежной сфере на всех уровнях власти. Предлагается определить такие понятия, как: «молодежь», «молодая семья», «молодежная политика», «молодежные общественные объединения» и другие, тем самым, закрепив статус граждан, относящихся к «молодежи».

Предложено сформировать единый подход к определению возрастной группы, которая относится к категории «молодежь» – это лица в возрасте от 14 до 35 лет. Благодаря определению предельного возраста молодежи в 35 лет, ее численность в РФ увеличится на 12,7 млн человек и достигнет 41 млн, что позволит большему числу граждан воспользоваться «молодежными» мерами поддержки [7].

Проектом ФЗ прописываются субъекты, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики, цели, принципы, основные направления молодежной политики. Благодаря закону, молодежь обретет фундамент для регулирования правоотношений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с активным привлечением молодежи к решению значимых для нее вопросов.

12 ноября 2020 г. на пленарном заседании Государственной Думы РФ в первом чтении был принят законопроект «О молодежной политике в Российской Федерации». В нем отражены основные направления ГМП – формирование равных условий, поддержка молодежи, молодых семей, социально значимых инициатив, содействие общественной деятельности и другие. А самое главное, сформирован единый подход к определению возраста молодых людей: 14 – 35 лет [8].

Таким образом, проблема закрепления официального статуса «молодежи» и единых возрастных границ в РФ была решена, государственная молодежная политика расширила свое влияние. Также она выступает как сфера сотрудничества, активного взаимодействия и ответственности государства, институтов гражданского общества, непосредственно самих молодых граждан.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование ГМП основывается на правовых актах, к которым относятся: Конституция РФ, Законы, указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ; Законодательные акты министерств, Региональное законодательство.

На сегодняшний день перечень документов в сфере молодежной политики в Российской Федерации представлен следующим образом:

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»;

2. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 03.06.1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»;

3. Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских объединений»;

4. Федеральный закон Российской Федерации от 15.08.1996 г. №115-ФЗ «О бюджетной классификации Российской Федерации: подраздел 0707 «Молодежная политика и оздоровление детей»;

5. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ст. 16), в соответствии с которой к полномочиям Правительства РФ относятся меры по реализации молодежной политики;

6. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», статья 17 которого определяет компетенцию органов по делам молодежи и сферу деятельности учреждений при этих органах в вопросах профилактической работы;

7. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (пункт 58 ч. 2 ст. 26.3).

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительством Российской Федерации от 17.12.2008 г. № 1662-р, четко сформулирована цель государственной молодежной политики.

На общегосударственном уровне уже давно известна уникальная роль молодежи как главного ресурса, с помощью которого государство получает свое развитие, поэтому ГМП должна быть эффективной, что, в итоге должно привести к положительному, ожидаемому и динамичному развитию сфер жизни внутри всего государства [1, с. 51] и уменьшению деструктивных форм проявления молодежного поведения.

Таким образом, на сегодняшний день нормативно-правовое регулирование государственной молодежной политики находится на

этапе доработок и закрепления одной из значимых отраслей в обществе. Принятие федерального закона «О молодежной политике в РФ» ГМП позволит молодежи России расширить свои границы для активной деятельности.

Источники и литература

1. *Варакин С. В.* Необходимость проведения активной государственной молодежной политики // Известия Волгоградского государственного технического университета. – Том 24. – 2015. – № 10. – С. 51–54.

2. *Гуляев И. И.* Гражданская и правовая культура российской культуры: учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – 124 с. // URL: <https://clck.ru/MFcZP> (дата обращения: 09.01.2020).

3. О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 № 409 // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/193353/paragraph/3:0> (дата обращения: 09.11.2020).

4. Об общих началах государственной молодежной политики: Закон СССР от 16.04.1991 № 2114-1// URL: <https://base.garant.ru/6335136/> (дата обращения: 08.11.2020).

5. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. // URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 10.11.2020).

6. *Попова Н. В.* Нормативное правовое обеспечение государственной молодежной политики в Российской Федерации: учебное пособие / под общ. ред. А. В. Пономорева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. – 140 с. //URL: <https://clck.ru/RxQLC> (дата обращения: 14.11.2020).

7. Проект Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» // Молодежное отделение РОП – МолРОП [социальная сеть ВКонтакте] //URL: https://vk.com/wall-74577938_1548 (дата обращения: 13.11.2020).

8. Проект Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 14.11.2020).

9. *Дроздова А.М., Комаров С.А.* Повышение доверия и эффективности избирательной активности молодежи в процессе формирования органов публичной власти: статья // В сб.: Обучение

организаторов выборов и повышение правовой культуры избирателей в условиях современных глобальных вызовов: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2021. – 264 с.

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы действия уголовных законов Российской империи в начале XX в. Анализируются нормативные правовые акты того времени в уголовно-правовой сфере, устанавливается перечень актов, введших в действие отдельные положения нового Уголовного уложения, формулируются причины поэтапного введения Уложения 1903 г. и а также анализируются проблемы, существовавшие при одновременном действии и применении трех уголовных законов.

Ключевые слова: Уголовное уложение, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, действие закона.

OPERATION OF CRIMINAL LAWS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

Annotation. The article examines the issues of the operation of the criminal laws of the Russian Empire at the beginning of the XX century. The article analyzes the normative legal acts of that time in the criminal law sphere, establishes a list of acts that put into effect certain provisions of the new Criminal Code, formulates the reasons for the phased introduction of the Code of 1903, and also analyzes the problems that existed with the simultaneous operation and application of three criminal laws.

***Гурко Алексей Константинович**, студент 2 курса юридического факультета Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Деревскова Валентина Михайловна**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск, Россия.

Gurko Alexey Konstantinovich, 2nd year student of the faculty of law of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Derevskova Valentina Mikhailovna**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Key words: Criminal Code, Code on penal and correctional punishments, the operation of the law.

Уголовное уложение было опубликовано 22 марта 1903 года в совокупности с именным указом, данным Сенату, утвердившим его текст, и мнением Государственного совета. Однако публикация полного текста не означала, что Уголовное уложение начинает действовать в полной мере. Наравне с ним продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г.

С 22 марта 1903 г. начинает действие Уголовное уложение, но далеко не полностью. С этого момента уголовно-правовые нормы содержатся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и Новом уголовном уложении, отдельные части которого вводятся в действие постепенно. Кроме того, уголовное право регулировалось специальными актами: Военский устав о наказаниях и Военно-морской устав о наказаниях.

Многие юристы того времени задавались вопросом введения в действие Уголовного уложения. П. А. Ифлянд говорил, о существенных преимуществах нового уложения по сравнению с громоздким и казуистичным Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. [3, с. 1], даже несмотря на то, что Уложение 1885 г. было значительно сокращено по сравнению с его прошлыми редакциями, однако сокращение произошло лишь в следствие судебной реформы 1864 г., а именно введением Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Наряду с этим, П. А. Ифлянд предполагал скорейшее введение в действие нового уголовного закона.

Одним из тех, кто попытался отразить нормы Уголовного уложения, которые были введены в действие в Российской империи, был Г. В. Фецыч, однако в своей работе он оговорил не все введенные положения [17, с. 47].

Каковы причины постепенного и при том неоконченного введения в действие отдельных норм Уголовного уложения? С одной стороны, это обширные недостатки Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; с другой стороны – события Первой русской революции 1905–1907 гг., которые требовали изменения законодательства и в это время были введены главы, содержащие Общую часть, от кото-

рой зависела Особенная часть, содержащей в том числе и преступления против веры и государственные преступления – так как важно было с точки зрения законодателя эффективно защитить в первую очередь веру и государство от возможных посягательств в условиях революционных событий.

Однако возникает вопрос – почему после 1907 г. возникла необходимость последующего введения в действия отдельных норм Уголовного уложения? В первую очередь, с окончанием революции социально-политические противоречия никуда не исчезли – в некоторой степени только усилились: к примеру, появление Государственной думы, следовательно, и входящих в нее представителей от различных партий, еще больше усиливали противоречия. Кроме того, определенное количество норм, касалось военной сферы. Причинами этому были, во-первых, участие военных частей в обеспечении общественного порядка, вызванных событиями 1905–1907 гг., во-вторых, политика совершенствования военной дисциплины посредством определенных изменений в уголовном законе – одним из условий которой, вероятнее всего, послужила Русско-японская война, в-третьих, опосредованно можно говорить, что одной из причин послужило определенное прогнозирование скорого начала Первой мировой войны.

Еще один вопрос заключается в следующем – почему Уголовное уложение не было введено полностью и сразу? Почему возникла необходимость, которая была новшеством в законодательной практике, постепенного введения Уголовного уложения в действие?

Кроме того, специфичен подход законодателя – при введении в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, давалось определенное время, как правило, именно судам на ознакомление с текстом данных законов, а затем они полностью вводились в действие. В случае Уголовного уложения все не так. В то время многие считали, что все пройдет по опыту Уложения 1885 г. или Устава о наказаниях, то есть ознакомление, затем полное введение, которого не произошло. Истинные причины именно постепенного, а не поэтапного, который предполагает определенный план у законодателя, введения в действие, по сути, не являются известными – о них можно только предполагать, исходя из социально-политической обстановки, развития общественных отношений в Российской империи.

Если говорить о постепенном введении Нового уголовного уложения в действие, то сначала нужно сказать о двух актах, посредством которых был утвержден и опубликован текст. Можно указать этапы введения Уложения:

Именным указом, данным Сенату «Об утверждении Уголовного Уложения» от 22 марта 1903 г. [7, с. 175] и Высочайше утвержденным Уголовным Уложением от 22 марта 1903 г. [7, с. 175-274], частью которого было Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. Именно с мнения Государственного совета можно говорить о начала постепенного введения положений Уголовного уложения. Согласно ему, с публикацией текста уложения в действие вводятся «меры, указанные в отделах I и II настоящего узаконения», а именно это были меры, служившие дополнением Устава уголовного судопроизводства, дополняющие Уголовное уложение, а также вводящие в действие ст. 18, 20, 23, 25-27, 31, 35.

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения» от 7 июня 1904 г. [8, с. 658 – 665] вводились статьи 1-72 (глава I), 99-119 (главы III и IV), 121, 123, 126-132, 134, 138, 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 253, 254, 256, 257, 355, 356, 368, 437, 449, 620-624, 626, 627, 644 (ч. 4), 645 (ч. 4), 652 (ч. 3), 653 (ч. 2-3), 687.

Высочайше утвержденным положением Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [9, с. 258-262] перед Государственным советом устанавливалась задача рассмотрения возможности введения в действие главы II Уголовного уложения, однако само решение Государственного совета по данному вопросу последует лишь 14 марта 1906 г., то есть примерно через год.

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «О некоторых изменениях и дополнениях закона 7 июня 1904 года о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» от 16 июня 1905 г. [9, с. 539] была введена в действие ст. 125.

Именным Высочайшим указом, данным Сенату, «Об изменении участи лиц, осужденных за религиозные преступления» от 25 июня 1905 г. [9, с. 559-561] введены в действие статьи 29, 176, 177, 178, 181, 183 (ч. 1), 184 (ч. 2), 186, 187 (ч. 2), 196 (ч. 2), 210, 211.

Именным Высочайшим указом, данным Сенату, «Об облегчении участи лиц, ввавших до воследования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года в преступные деяния государственные» от 21 октября 1905 г. [9, с. 766-767] подтверждалось введение в действие статей 104, 106, 107, 121, 123, 125, 126 (ч. 1), 127-132, 134 (ч. 1, п. 3), 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 173 (ч. 4 в отношении преступного деяния, учиненного без насилия).

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «Об установлении уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц» от 13 февраля 1906 г. [10, с. 121-122] вводилась статья 129, которая также была дополнена п. 6.

Именным Высочайшим указом, данным Сенату, «О временных правилах об Обществах и Союзах» от 4 марта 1906 г. [10, с. 201-207] была изменена и введена ст. 124.

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного Уложения» от 14 марта 1906 г. [10, с. 261-266] введена в действие Глава II «О нарушении ограждающих веру постановлений». Кроме того, были изменены введены статьи 33 (п. 4), 73, 74, 78–80, 82–90, 93–98, 309, 380, 381, 413 (ч. 1), 425, 426, 455 (п. 2), 471 (п. 2), 510 (п. 2), 532 (п. 2). Были отменены статьи 91, 92, 301.

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «О мерах к сокращению времени производства наиболее важных уголовных дел» от 18 марта 1906 г. [10, с. 283-284] подтверждено введение статей 99–102, 103 (ч. 1-2), 104, 105, 106 (ч. 1-2), 107 (ч. 1), 108-113, 116-119, 121, 128.

Высочайшим утвержденным мнением Государственного совета «По проекту правил о наказаниях и взысканиях за контрабанду и о порядке производства дел о контрабанде» от 27 марта 1906 г. [10, с. 311-325] введена в действие Глава I «О преступных деяниях и наказаниях вообще», а также статьи 279 (п. 5), 450 – 452.

Высочайшим повелением, объявленным Военным министром, «Об усилении уголовной ответственности военнослужащих за государственные преступления» от 11 июня 1906 г. [10, с. 632-634] подтверждено введение в действие статей 100-104, 107, 111, 121, 125,

126, 127, 129 (пп. 1, 2, ч. 2), 130 (пп. 1, 2, ч. 2), 131, 132, 134, 250 (ч. 2), 653, 654. Введены в действие статьи 248, 318, 321, 323 (ч. 2).

Высочайшим повелением, объявленным Военным министром, «Об изменении статей 514, 736, 738, 1181¹ и 1202² Военно-Судебного Устава» от 23 декабря 1907 г. [11, с. 724-725] было подтверждено введение в действие статей 114, 115, 123, 125 – 127, 129 – 132, 134, 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 437, 449, 643 (ч. 2, 3), 644 (ч. 4), 645 (ч. 4), 652 (ч. 3).

Высочайшим утвержденным одобренным Государственным советом и Государственной думою законом «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата» от 25 декабря 1909 г. [12, с. 991-993] были введены в действие статьи 500 (п. 2, ч. 1), 524, 526, 527, 529.

Высочайшим утвержденным одобренным Государственным советом и Государственной думою закон «Об авторском праве» от 20 марта 1911 г. [14, с. 194-202] изменялись и вводились в действие ст. 620 и 622, касающиеся авторского права, а кроме того, ст. 525.

Высочайшим утвержденным одобренным Государственным советом и Государственной думою закон «О принудительном отчуждении привилегий на изобретения и усовершенствования» от 28 июня 1912 г. [15, с. 991-995] Уголовное уложение дополнялось ст. 111¹.

Высочайшим утвержденным одобренным Государственным советом и Государственной думою закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» от 5 июля 1912 г. [15, с. 1100-1103] изменялись ст. 111, 112, 118, 119, кроме того глава IV дополнялась новыми статьями 111¹, 111², 111³, 112¹, 113¹, 118¹, 118².

Высочайшим утвержденным одобренным Государственным советом и Государственной думою закон «Об изменении статьи 139¹ Уложения о наказаниях и статьи 31 Уголовного Уложения и о порядке рассмотрения дел по восстановлению в правах» от 26 июня 1913 г. ст. 31 Уголовного уложения была изменена и в новой форме введена в действие.

Однако при рассмотрении дел военнслужащих судьи могли руководствоваться не только специальными актами (Военный и Военно-морской устав о наказаниях), но и отдельными нормами Уголовного уложения. Но и эта ситуация постепенно менялась.

Высочайшим повелением, объявленным Военным Министром, «Об изменении статьи 125¹ Воинского Устава о наказаниях, карающей за упорный отказ от несения обязанностей военной службы, об исключении из Воинского Устава о наказаниях статей 7¹, 27¹, 53¹ и о соответствующем этому изменении других статей того же Устава и о замене воинскими наказаниями кратковременного ареста, определяемого по Уголовному Уложению, Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 7 апреля 1911 г. [14, с. 252-254] и Высочайшим повелением, объявленным Морским Министром, «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Военно-морского Устава о наказаниях» от 7 апреля 1911 г. [14, с. 254-256] определялась замена ареста, определяемого по Уголовному уложению, иными наказаниями в зависимости от чина.

Высочайшим повелением, объявленным Военным министром, «О согласовании Воинского Устава о наказаниях с Уголовным Уложением, издания 1903 года» от 15 января 1910 г. [13, с. 38-39] подтверждалось введение в действие глав I и II, с которыми был согласован, дабы не возникало противоречий, Воинский устав.

Однако Высочайшим повелением, объявленное Морским министром, «Об изменении действующих постановлений Военно-Морского Устава о наказаниях» от 19 декабря 1911 г. [14, с. 1302-1303] уже не предполагало замены наказания Уголовного уложения за военные преступления, а лишь изменяло сроки отбывания наказания в тюрьме и крепости для военнослужащих.

Имели место и случаи, когда Уголовное уложение распространяло свое действие на военнослужащих. Высочайшим утвержденным положением Совета министров «Об усилении уголовной ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям» от 18 августа 1906 г. [10, с. 810-811] подтверждено введение в действие статей 129-131 и распространялось на военнослужащих. Высочайшим повелением, объявленным Военным министром, «О порядке замены для военнослужащих заключения в тюрьме, назначаемых за преступления по новому Уголовному Уложению, наказаниями воинскими» от 18 августа 1906 г. [10, с. 811-812] и «О порядке замены для военнослужащих заключения в крепости и заключения в тюрьме, назначаемых за преступления по новому Уголовному Уложению,

наказаниями воинскими» от 18 августа 1906 г. [10, с. 812-813] вводилось в действие замена преступлений, совершенных военнослужащими, заключением в крепости или заключением в тюрьму.

Проанализировав указанные нормативные правовые акты, посредством которых вводились в действие отдельные нормы Уголовного уложения можно прийти к следующему выводу: действующими положениями Нового Уголовного Уложения 1903 г. были глава I «О преступных деяниях и наказаниях вообще» (ст. 1-72), глава II «О нарушении ограждающих веру постановлений» (ст. 73 – 98), глава III «О бунте против верховной Власти и о преступных явлениях против Священной Веры Императора и Членов Императорского Дома» (ст. 99-107), глава IV «О государственной измене» (ст. 108-119), глава V «О смуте» (ст. 121, 123, 125-132, 134), глава VI «О неповинности власти» (ст. 138), глава VII «О противодействии правосудию» (ст. 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 176, 177, 178), глава VIII «О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях» (ст. 181, 183 (ч. 1), 184 (ч. 2), 186, 187 (ч. 2)), глава IX «О нарушении постановлений, ограждавших народное здравие» (ст. 196 (ч. 2), 210, 211), глава XI «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние» (ст. 248, 250 (ч. 2), 253, 254, 256, 257), глава XV «О нарушении постановлений о надзоре за печатью» (ст. 309), глава XVI «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею» (ст. 318, 321, 323 (ч. 2), 355, 356), глава XVII «О нарушении постановлений о личном найме» (ст. 368), глава XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ...» (ст. 380, 381), глава XIX «О преступных деяниях против прав семейственных» (ст. 413 (ч. 1), 425, 426), глава XXI «О подлоге» (ст. 437, 449), глава XXII «О лишении жизни» (ст. 450–452, 455 (п. 2)), глава XXIII «О телесном повреждении и насилии над личностью» (ст. 471 (п. 2)), глава XXVI «О преступных деяниях против личной свободы» (ст. 500 (п. 2, ч. 1), 510 (п. 2)), глава XXVII «О непотребстве» (ст. 524–529), глава XXVIII «Об оскорблении» (ст. 532 (п. 2)), глава XXXV «О преступных деяниях против прав авторских...» (ст. 620–622), глава XXXVI «О самовольном пользовании чужим имуществом» (ст. 620, 622, 623, 624, 626, 627), глава XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной или общественной» (ст. 644 (ч. 4), 645 (ч. 4), 652 (ч. 3), 653 (ч. 2–3), 687).

Продолжение действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. можно подтвердить внесением изменений в данный документ даже после 22 марта 1903 г. [8, с. 457].

В итоге, полностью были введены в действие главы I–IV; частично главы V–IX, XI, XV, XVI–XIX, XXI–XXIII, XXVI–XXVIII, XXXV–XXXVII; главы, которые не были введены в действие, X, XII–XIV, XX, XXIV, XXV, XXIX–XXXIV.

Очертив конкретную область норм Уголовного уложения, что были введены в действие, необходимо рассмотреть вопросы взаимодействия Уложения о наказаниях, Устава о наказаниях и Уголовного уложения, потому что с действием трех актов, регулирующих большинство уголовно-правовых отношений, при том, что два из которых имели значительный объем, непременно должны были возникнуть вопросы применения актов или их противоречий (коллизий). В первую очередь активно взаимодействовать будут общие части трех уголовных актов, и, следовательно, такое взаимодействие берет свое начало не от 22 марта 1903 г., а от 7 июня 1904 г., когда в действие была введена глава I Уголовного уложения.

В. Б. Станкевич, говоря о взаимодействии трех уголовных актов, выделяет три таких группы: 1) нормы, действие которых ограничивается исключительно применением введенных в силу статей Уголовного уложения; 2) нормы, заполняющие пробелы Уложения о наказаниях и Устава о наказаниях либо влияющие на применение норм этих актов; 3) нормы, которые вытесняют собой соответствующие постановления Уложения о наказаниях и Устава о наказаниях по принципу *lex posterior derogate legi priori* (позднейшим законом вытесняется более ранний) [16, с. 144].

К первой группе, по его мнению, относится лестница наказаний Уголовного уложения, аргументируя тем, что «не может быть речи о перенесении подобных правил из одного кодекса в другой» [16, с.145]. Однако это весьма спорно, потому что при наличии нескольких актов, регулирующих уголовно-правовые отношения, один может дополнять другой и далеко не всегда лестница наказаний не может быть дополняема. Второй ошибкой его аргументации будет отнесение Уложения о наказаниях к кодификации. Это является в корне неверным. Сами создатели Уложения о наказаниях говорили, что данный акт очень сложно назвать уложением (т.е. кодексом). Они понимали его как «собрание очищенных, приведенных в порядок и ясность, дополненных и во многом исправленных, но однако ж

в общем составе и существе своем прежних Уголовных наших Законов» [1, с. 64 – 65], и речь шла о консолидации с элементами инкорпорации, что наблюдается и в Своде законов Российской империи. О том, что это не предполагалось создавать как кодекс указывал Г. Е. Колоколов [4, с. 3]. Таким образом, Уложение о наказаниях является всего лишь сводом потому, что оно только берет старые нормы уголовно-правового характера, ссылаясь на них, и компилирует это в один акт.

Ко второй группе он относит, например, ст. 54 Уголовного уложения, которая «оказывала нормативное влияние на применение ст. 153 и 154 Уложения о наказаниях, позволявшей суду, в случае продолжительного содержания осужденного в предварительном заключении, ходатайствовать о смягчении наказания в порядке Высочайшего помилования» [16, с. 149].

Если обратиться к тексту статей, то в ст. 153 говорится о дополнительных основаниях смягчения наказаний, одним из которых является то, что виновный долго находится под стражей. В ст. 54 говорится, что «предварительное заключение может быть засчитано в наказание вполне или частью, судом, постановляющим по делу приговор, если виновный приговаривается к заключению в исправительном доме, крепости, тюрьме или к аресту» [5, с. 27]. Вряд ли в данном случае можно говорить о «заполнении» Уголовным уложением пробелов Уложения о наказаниях. Конечно, В. Б. Станкевич прав, что судье придется руководствоваться ст. 54, но она вовсе не является восполнением пробела, а лишь регламентирует предварительное заключение. Однако норма, восполняющая пробел, должна регулировать именно то отношение, которое является неполным, в нашем случае – обстоятельство, смягчающее наказание – продолжительное пребывание под стражей, или предварительное заключение. Однако ст. 54 хоть и регулирует предварительное заключение, но далеко не как смягчающее обстоятельство.

В третью группу В. Б. Станкевич относит ст. 46 Уголовного уложения и ст. 100 Уложения о наказаниях. Ему представляются они достаточно загадочными, так как являются противоречащими друг другу, исходя из чего судьям затрудняется практика их применения. Однако если рассмотреть эти статьи внимательно, то можно говорить, что ст. 46 Уголовного уложения лишь увеличивает число случаев необходимой обороны, то есть дополняет ст. 100 Уложения о наказаниях. По мнению Н. С. Тимашева, «судья, которому придется

последовательно применить сначала ст. 46 Уголовного уложения, а потом ст. 100 Уложения о наказаниях, несомненно почувствует внутреннее противоречие между своими приговорами; но если он не захочет выйти из своей одновременно скромной и почетной роли применителя закона, то он, проверив себя, и не подумает исправить подмеченную им несогласованность, так как найдет, что она соответствует воле законодателя» [17, с. 122].

Однако некоторые противоречия данных документов, бесспорно, имели место быть. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, имеют сравнительно разный подход к рецидиву [2, с. 101]. Но данное противоречие было разрешено Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «Об изменении правил о наказаниях при совокупности и повторении преступных деяний» от 3 февраля 1892 г. [6, с. 76 – 81].

Таким образом, действие трех уголовных законов в Российской империи в начале XX в. порождали проблемы у правоприменителя, что не придавало стабильности правовой системе, последнее было важно в условиях все большего нарастания социально-политических противоречий. Это является примером того, что законодатель должен осознавать необходимость решения указанных вопросов и решать их в кратчайшие сроки. Сложность и рассогласованность законодательства становится еще более опасна в кризисных ситуациях. Однако проведенный анализ показывает, что противоречия существовали, но далеко не в таких масштабах, в каких указывали юристы того времени, в частности В. Б. Станкевич.

Источники и литература

1. *Блудов Д. Н.* Общая объяснительная записка к проекту Нового уложения о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1884. – 138 с.
2. *Возжанникова И. Г.* Рецидив преступлений в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 238 с.
3. *Ифлянд П. А.* Мысли судьи об Уголовном уложении и институт условного осуждения // Журнал министерства юстиции. – 1904. – № 10. – С. 1–18.
4. *Колоколов Г. Е.* Новое уголовное уложение: толкование и критический обзор. – М.: Типо-литография Ю. Вернера, преемника О. Фалька, 1904. – 44 с.

5. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Изд-ние Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. – 249 с.

6. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XII // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1606 (дата обращения: 22.10.2020).

7. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXIII // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1790 (дата обращения: 22.10.2020).

8. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXIV // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1813 (дата обращения: 22.10.2020).

9. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXV // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1829 (дата обращения: 22.10.2020).

10. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXVI // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1848/

11. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXVII // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1866/

12. Полное собрание законов Российской империи (1881 – 1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXIX // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1903/

13. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXX // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1920/

14. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXXI // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1937/

15. Полное собрание законов Российской империи (1881-1913 гг.) // Национальная электронная библиотека. Т. XXXII // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1954/

16. Станкевич В. Б. О пределах действия постановлений общей части Уголовного уложения // Журнал уголовного права и процесса. – 1912. – № 1. – С. 142–162.

17. Тимашев Н. С. К вопросу о пределах действия Общей части Уголовного уложения // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 2. – С. 115–127.

18. Фецыч Г. В. К вопросу подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г. // Проблемы правоведения. – 1980. – № 41. – С. 38–48.

ПРАВОВЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты правового регулирования суррогатного материнства на примере законодательства Республики Беларусь. Выявляются особенности данной процедуры, которые вступают в противоречие с религиозными канонами. Рассматривается отношение различных религий к данной процедуре. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства с целью нахождения баланса интересов между религией, правом и моралью.

Ключевые слова: суррогатное материнство, искусственное оплодотворение, вспомогательные репродуктивные технологии, религия, право, мораль.

LEGAL AND RELIGIOUS ASPECTS OF SURROGACY

Annotation. The article examines aspects of the legal regulation of surrogacy on the example of the legislation of the Republic of Belarus. The features of this procedure which conflict with religious canons are revealed. The attitude of various religions to this procedure is considered. The conclusion about the need for further improvement of legislation in order to find a balance of interests between religion, law and morality is made.

Key words: surrogacy, artificial insemination, assisted reproductive technologies, religion, law, morality.

Вторая половина XX века ознаменована стремительным развитием генной инженерии. Суррогатное материнство, будучи одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий, предоставляет возможность лицам, не способным к естественному рождению детей, стать генетическими родителями [1, с. 1].

---

*Денисенко Надежда Вячеславовна, магистрант 1 курса специальности «Юриспруденция», Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, г. Гомель, Белоруссия.

Denisenko Nadezhda Vyacheslavovna, 1st year “Jurisprudence” masters’ student of Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus.

Сама идея суррогатного (замещающего) материнства известна с библейских времен. В качестве примера можно привести сюжет из Ветхого Завета, повествующий о том, что когда достигшая преклонного возраста Сара так и не смогла родить своему мужу Аврааму ребенка, то воспользовалась она бытующим в то время обычаем, который заключался в том, что если у жены по какой-либо причине, по болезни или старости, не было детей, то она могла привести мужу любую другую женщину, чтобы та зачала от него, выносила ребенка, родила его в положенный срок, но матерью будет считаться не родившая, а та, что привела ее к своему мужу [10, с. 155].

«И сказала Сара Аврааму: «Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее». Авраам послушался слов Сары. И взяла Сара, жена Авраамова, служанку свою, Египтянку Агарь, ... и дала ее Аврааму, мужу своему, в жену. Он вошел к Агари, и она зачала» (Быт. 16: 2, 3, 4).

Таким образом, мы видим, что суррогатное материнство (хоть и не совсем в таком значении, как есть на сегодняшний день) берет свое начало с ветхозаветных времен.

Приведенный пример основан на природном зачатии. Первое оплодотворение вне организма, приведшее к рождению ребенка, было произведено около тридцати лет назад в Великобритании. Патрик Стептоу и Роберт Эдвардс провели эксперимент с суррогатной матерью. Эмбрионы генетических родителей были перенесены сестре бесплодной женщины, и в 1989 году эксперимент дал первый результат – родился ребенок [2, с. 23]. Зарубежные источники указывают, что первой суррогатной матерью в Великобритании стала Ким Хлопок (1985 г.). В Советском Союзе первый ребенок от суррогатной матери появился в 1991 году в Харькове.

С юридической точки зрения суррогатное материнство является позитивным репродуктивным правом, обеспечивающим реализацию человеком своей репродуктивной функции и дающим возможность стать родителем.

В Республике Беларусь правовой основой осуществления процедуры суррогатного материнства выступает Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон). Согласно статье 1 Закона суррогатное материнство – это вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйце-

клетки, изъятый из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка. При этом при проведении процедуры суррогатного материнства допускается использование донорских яйцеклеток и донорских сперматозоидов [6]. Согласно части третьей и четвертой статьи 20 Закона для оплодотворения яйцеклетки генетической матери могут быть использованы сперматозоиды ее супруга либо донорские сперматозоиды (в отношении пациентки, не состоящей в браке, – только сперматозоиды анонимного донора). Для оплодотворения донорской яйцеклетки могут быть использованы только сперматозоиды супруга женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой [6].

Важно отметить тот факт, что согласно статье 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Суррогатная мать, женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, а также их супруги, давшие в установленном порядке согласие на заключение договора суррогатного материнства, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, рожденного суррогатной матерью, за исключением случая, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий [3].

Договор суррогатного материнства может заключаться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой [6].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно выделить три особенности договора суррогатного материнства, которые вступают в противоречие с религиозными канонами:

1) вынашивание ребенка одной женщиной (суррогатной матерью) с передачей его после рождения другой женщине (генетической матери);

2) возможность использования донорских яйцеклеток и донорских сперматозоидов, что создает ситуацию, при которой ребенок не является генетически родным для одного из супругов (так называемое вмешательство третьего лица);

3) в основном коммерческий характер суррогатного материнства, что, по мнению представителей церкви, создает ситуацию «продажи» ребенка (хотя с юридической точки зрения договор суррогатного материнства – это отнюдь не договор купли-продажи, а, по мнению большинства ученых, договор оказания услуг).

Рассмотрим отношение различных религий к суррогатному материнству.

Православная церковь негативно относится к суррогатному материнству, поскольку «Церковь призывает думать о том, какие последствия это будет иметь для ребенка и суррогатной матери. Природой заложено возникновение материнских чувств у женщины, которая вынашивает ребенка. В данном случае они попираются. Кроме того – и сам ребенок впоследствии может испытывать кризис самосознания» [11]. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится: «Эта методика предполагает разрушение глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности» [17].

Отвечая на вопрос об отношении православной церкви к суррогатному материнству, руководитель информационного отдела Казахстанского Митрополичьего округа Евгений Иванов отметил: «В процессе вынашивания, мать и ребенок находятся в состоянии непрестанного взаимодействия. Между ними возникает глубокая психосоматическая связь, разрыв которой, обусловленный контрактными обязательствами, может привести к тяжелым душевным недугам. Суррогатное материнство игнорирует ценность беременности как неотъемлемой части материнства, отдавая ее в сферу оплачиваемых услуг. Общество потребления не задумывается о чувствах суррогатной матери, о том, что заставило ее пойти на такой поступок. Надо отметить, что ребенок от суррогатной матери, конечно же, обладает равным достоинством с обычными детьми и сможет получить таинство Крещения, по своему выбору в сознательном возрасте или по»

сле раскаяния родителей в младенчестве» [8]. Это высказывание еще раз подчеркивает негативную позицию православной церкви в отношении суррогатного материнства.

Вопрос крещения детей, родившихся с помощью экстракорпорального оплодотворения и вынашивания суррогатной матерью, был главной повесткой заседания Священного Синода Русской Православной Церкви в 2013 году. Однако там были высказаны и общие суждения касательно данной репродуктивной технологии. В целом, мнение духовников сошлось с позицией католической церкви, которая не единожды осуждала разделение понятий супружества и родительства из-за вмешательства в таинство рождения третьего человека (имеются в виду доноры спермы, яйцеклеток и суррогатные матери) [9].

Такие методы трактуются католицизмом как глубоко бесчестные. Забор биологического материала от донора нарушает право ребенка появиться на свет от родителей, связанных священными узами брака. Кроме того, церковь видит в репродуктивных методах нарушение права людей стать матерью и отцом друг через друга. Таким образом, можно утверждать, что суррогатное материнство и католицизм являются плоскостями глубоко несовместимыми и даже противоборствующими [9].

Православная церковь провозгласила несколько догм, во многом повторяющих позицию католиков. Основные тезисы, высказанные на упомянутом выше заседании:

- родители ребенка, который появляется после вынашивания оплодотворенной яйцеклетки другой женщиной, рассматриваются как «заказчики»;

- суррогатное материнство – противоестественное и аморальное, даже если женщина не получает материального вознаграждения после рождения ребенка;

- данная репродуктивная технология рассматривается как унижение достоинства женщины, ведь ее тело используется как своеобразный инкубатор;

- суррогатное материнство в философии православия противоречит возможности формирования полноценной связи между матерью и детьми, что впоследствии приводит к сложным последствиям для каждой из вовлеченных сторон;

- сведения о суррогатной матери обязательно указываются в документе о крещении младенца [9].

Таким образом, две главных ветви христианства (православие и католицизм) имеют практически идентичные взгляды на данный вопрос. Так как церковь относится к суррогатному материнству с большим осуждением, немногие верующие решаются прибегнуть к помощи врачей-репродуктологов. Однако следует заметить, что вышеприведенные догматы рассматривались представителями Русской Православной Церкви не в разрезе биоэтики, а непосредственно относились к таинству крещения. Если вчитываться в документ, составленный в ходе заседания Священного Синода, становится ясно, что церковь не отказывается от политики открытости для каждого человека, который стремится к спасению души [9].

Единственным отличием от позиции католической церкви может считаться заявление Русской Православной Церкви о допустимости использования метода ЭКО, если:

- используется генетический материал супругов;
- оплодотворенную яйцеклетку вынашивает сама жена;
- не нарушается целостность брачного союза, а медицинские технологии просто помогают преодолеть трудности, мешающие естественному оплодотворению;

- готовые оплодотворенные яйцеклетки не уничтожаются [9].

Католики являются более принципиальными в данном вопросе. Так же, как и суррогатное материнство, искусственное оплодотворение «внутри супружеской пары» остается для католицизма неприемлемым с моральной точки зрения (хотя и менее предосудительным), ведь идет разделение полового и воспроизводящего акта. Муж и жена должны не просто дарить себя друг другу, но и прославлять торжество жизни, создавая индивидуальность зародыша с самых первых этапов его существования. Если же в репродуктивный акт вмешивается медицина и врачи, происходит превосходство техники над природой и предназначением человека, что ведет за собой разрушение божественного замысла [9].

Если говорить о суррогатном материнстве с точки зрения иудаизма, то от иудеев вряд ли можно услышать, что суррогатное материнство – это плохо, ведь их религиозные каноны полностью поддерживают желание любой женщины стать матерью. Конечно же, существуют некоторые нюансы в зависимости от конкретной концессии. Например, реформистский иудаизм разделяет детей по происхождению и воспитанию. Ортодоксальные евреи убеждены, что ребенок причисляется только к той религии, что и родившая

его женщина. То есть выбор суррогатной матери может осуществляться только среди евреек. Такого же взгляда придерживается и консервативное течение иудаизма, ведь по убеждению его сторонников зарождение души происходит именно в материнском чреве [9].

Что же касается отношения к суррогатному материнству в исламе, то мусульманские духовники делают акцент на том, что при использовании данной репродуктивной методики материнские функции оказываются разделенными между двумя женщинами: той, что предоставила биологический материал, и той, которая вынашивала плод, особенно если последняя после рождения кормит ребенка своим грудным молоком. Таким образом, отношение к суррогатному материнству неоднозначно, ведь оно порождает проблему идентификации настоящей матери, а также ряд этических, правовых и духовно-религиозных вопросов.

В частности, факихи выступают против широкого распространения данного метода. По их мнению, медицинское вмешательство может иметь негативные последствия, ведь обеспеченным семьям просто не придется переживать обо всех нюансах, возникающих во время беременности и после родов. Женщины смогут иметь до 12 детей в год от разных суррогатных матерей (в здоровом организме каждый месяц вырабатывается яйцеклетка, готовая к зачатию). Однако суррогатная мать в исламе не считается грешницей, как и биологические родители, особенно если это их единственная возможность продолжить род и ощутить радость родительства [9].

Единственное, следует соблюсти ряд требований и условий:

- суррогатная мать должна состоять в браке;
- обязательно наличие разрешения от мужа женщины, которая соглашается выносить ребенка другой пары;
- перед вживлением эмбриона женщина не должна иметь сексуальных отношений с супругом на протяжении трех менструальных циклов (примерно 3 месяца) для исключения вероятности внутрисеменной беременности;
- материальные расходы полностью ложатся на отца вынашиваемого ребенка (на протяжении всей беременности и в течение примерно 40 дней после родов);
- появившийся на свет ребенок и суррогатная мать подпадают под ту же категорию канонических запретов, что и в случае естест-

венного зачатия и рождения (запрет на половые отношения, родственные браки и пр.);

– суррогатная мать имеет право настаивать на грудном вскармливании, дабы не подвергать себя физическим страданиям и обеспечить младенца оптимальным набором полезных веществ, которых нет в искусственном молоке [9].

В других вероисповеданиях также существуют неоднозначные мнения о суррогатном материнстве. Искусственное оплодотворение разрешено у мусульман-суннитов, если для этого имеются медицинские показания. Мусульмане-шииты негативно настроены против современных репродуктивных технологий, считая, что подобные вмешательства лишают новорожденного права как на духовное, так и на материальное наследство.

В буддизме искусственные методики нежелательны, однако духовниками никогда не налагались однозначные запреты на их использование.

Проблема бесплодия очень актуальна среди женщин индуистского вероисповедания. Данная религия категорически выступает против мужского донорства. Обязательно нужно использовать биологический материал супруга. Многие индуисты до сих пор придерживаются традиционных взглядов на семью, считая, что появление сына в доме гарантирует поддержку, а рождение дочери может принести только огорчение и обузу. Поэтому большинство пар целенаправленно решается на искусственное оплодотворение, чтобы в семье рождались только сыновья [9].

Проанализировав вышеуказанные точки зрения, можно сделать вывод о том, что, действительно, возникновение возможной духовной связи между ребенком и суррогатной матерью нельзя отрицать. Это подчеркивает необходимость детального правового регулирования суррогатного материнства с целью недопущения возможных проблем при его реализации. Чтобы найти баланс интересов между правом, религией и моралью, нужно предусматривать в законодательстве такие условия осуществления суррогатного материнства, чтобы минимизировать духовный и душевный вред, который может причинить указанная процедура как суррогатной матери, так и ребенку.

Такие условия создаются уже сейчас. Так, в соответствии со статьей 22 Закона суррогатной матерью может быть женщина, имеющая ребенка [6]. Включение условия о наличии хотя бы одного

ребенка соответствует международной практике. Это необходимо для того, чтобы женщине было на кого перенести материнские чувства после расставания с новорожденным, несколько сгладив душевные переживания [4, с. 49].

С целью исключения случая рождения ребенка, генетически связанного с суррогатной матерью, С. Н. Кунишникова рекомендует указать в договоре срок, в течение которого суррогатная мать обязуется не производить действий, связанных с зачатием ребенка естественным путем [5] (подобное положение содержится в вышеуказанных требованиях ислама при осуществлении суррогатного материнства, это же положение видится более правильным с точки зрения морали).

Таким образом, несмотря на негативное отношение представителей православного и католического вероисповедания к процедуре суррогатного материнства, нельзя отрицать и пользу, которая приносит данная процедура. Она дает шанс людям, которые по медицинским показаниям не могут иметь детей, стать родителями ребенка, который является для них генетически родным. Тем не менее, в законодательство должны вноситься изменения, которые будут содержать компромиссный вариант решения этических и правовых проблем, связанных с процедурой суррогатного материнства.

Источники и литература

1. *Байбороша Н. С.* Суррогатное материнство в международном частном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2011. – 23 с.

2. *Исакова Э. В., Корсак В. С., Громыко Ю. А.* Опыт реализации программы «Суррогатное материнство» // Проблемы репродукции. – 2001. – № 3. – С. 23–28.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 24 июня 1999 г. № 278-З [электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by> (дата доступа: 23.10.2020).

4. *Козырева Е.* Суррогатное материнство: некоторые вопросы регулирования // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 8. – С. 48–49.

5. *Кунишникова С. Н.* Договор суррогатного материнства [электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 341-З [электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by>. Дата доступа: 23.10.2020.

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xii/>. Дата доступа: 23.10.2020.

8. По законам Бога: как религии относятся к суррогатному материнству [электронный ресурс] // STEPPE. Режим доступа: <https://the-steppe.com/lyudi/po-zakonom-boga-kak-religii-otnosyatsya-k-surrogatnomu-materinstvu>. Дата доступа: 23.10.2020.

9. Суррогатное материнство и церковь [электронный ресурс] // Мама-поиск – сайт о суррогатном материнстве. Режим доступа: <https://mama-poisk.ru/news/surrogatnoe-materinstvo-i-czerkov.html>. Дата доступа: 23.10.2020.

10. Хурцилава Л. А. К вопросу о договоре суррогатного материнства // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 155–161.

11. Что церковь говорит о суррогатном материнстве, ЭКО и контрацептивах? [электронный ресурс] // Журнал Фома. Режим доступа: <https://foma.ru/chto-tserkov-govorit-o-planirovanii-semi.html>.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. Данная статья рассказывает о вопросах обеспечения реализации решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации. Благодаря рассмотрению нормативных правовых актов и научных работ ученых-юристов, можно выделить основные проблемы сотрудничества и содействия Европейского суда по правам человека и судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, суды общей юрисдикции, взаимодействие, проблемы.

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
AND COURTS OF GENERAL JURISDICTION
IN THE MECHANISM OF ENSURING CIVIL RIGHTS:
A CURRENT STATE AND PROBLEMS**

Annotation. This article talks about the issues of ensuring the implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the Russian Federation. Due to the consideration of regulatory legal acts and scientific works of legal scholars, it is possible to highlight the main problems of cooperation and assistance of the European Court of Human Rights and courts of general jurisdiction.

Key words: European Court of Human Rights, courts of general jurisdiction, interaction, problems.

***Дядькина Полина Константиновна**, студентка 3 курса юридического факультета, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Стерхов Петр Анатольевич**, кандидат юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Dyadkina Polina Konstantinovna, 3rd year student of the faculty of law All-Russian state university of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Sterkhov Petr Anatolievich**, candidate of legal sciences, associate professor All-Russian state university of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia), Irkutsk, Russia.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) возник в связи с принятием в 1953 году Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая установила неотъемлемые права и свободы и обязала государства-участники гарантировать их каждому человеку, находящему под их ведением. ЕСПЧ был создан как гарант обеспечения обещанных конвенцией положений в 1959 году, но в России он начал действовать лишь в 1998 г., так как она вступила в Совет Европы лишь в 1996г., а Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) была ратифицирована нашим государством к 1998 году.

Тем не менее, несмотря на столь позднее, по сравнению с другими европейскими странами, вступление в силу, ЕСПЧ несомненно оказал сильное влияние на российскую систему права, в том числе даже на конституционное законодательство. Например, для Конституционного Суда РФ стало обычной практикой привлечение в качестве доводов в обоснование своих правовых позиций положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека.

Всем решениям ЕСПЧ принято следовать обязательно и беспрекословно, так как само лишь участие в Совете Европы и ЕКПЧ обязывает к этому. Фактически, все страны-участницы, в том числе и Россия, подчиняются им, напрямую не заявляя об отказе следовать вердикту. Открытый протест заключениям ЕСПЧ был выражен лишь однажды, в деле «Херст против Великобритании», когда правительство Британии, несмотря на угрозы и принуждения со стороны суда, решения не исполнило. В остальном же, государства предпочитают лишь игнорировать, прямо или косвенно затягивая процесс ввиду отсутствия строгих временных рамок исполнения.

Здесь хотелось бы подробнее рассказать о взаимодействии ЕСПЧ и судов общей юрисдикции РФ. Гражданский процессуальный кодекс РФ хоть и не дает прямого указания следовать предписаниям ЕСПЧ, но содержит в себе ряд статей, например, ст. 11 ГПК РФ, косвенно заявляющих об этом, и суды общей юрисдикции должны, несомненно, при осуществлении правосудия опираться на положения ЕКПЧ [3]. Помимо ГПК, обязательность ЕСПЧ гарантируют Постановления Пленума Верховного Суда РФ [8].

Рассматривая сотрудничество ЕСПЧ и судов общей юрисдикции, необходимо затронуть все ступени судебной системы, начиная с Верховного Суда РФ и заканчивая подчиненными судами.

Верховный Суд РФ, по мнению А. Л. Буркова в Конвенции о защите прав человека в судах России, не часто использует положения ЕСПЧ, хотя, как он утверждает далее, Верховный суд обязан тщательнее изучать постановления ЕСПЧ, чтоб в дальнейшем грамотнее применять Конвенцию и правильнее аргументировать акты правоприменения. Но, тем не менее, Верховному Суду РФ приходится работать с ЕСПЧ и ЕКПЧ [1, с. 292].

Одним из примеров кооперации является то, что Пленум Верховного Суда может выступать в качестве законодательного органа, если ЕСПЧ находит недостатки или пробелы в Российском законодательстве и указывает на них. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 N 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» было принято после законодательной инициативы Верховного Суда РФ. Предпосылкой к этому было то, что ЕСПЧ неоднократно указывал на потребность присоединения к законодательству РФ позиций, отвечающих за вероятность пересмотра постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Так же, возможно применение положений и практики ЕКПЧ и ЕСПЧ при создании обзоров и постановлений судебной практики. Так, опираясь на решение Европейского Суда по делу «Рябых против Российской Федерации», Верховный Суд РФ постановил, что другая оценка содержащихся в деле доказательств сама по себе не может являться опорой для отмены в порядке надзора решения суда, вступившего в законную силу.

В 2018 году Верховный Суд РФ обязал российские суды учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека. Он обобщил практику международных органов по защите прав человека и основных свобод, включив в документ в основном позиции ЕСПЧ и Комитета ООН по правам человека.

Что же до нижестоящих судов, таких как общие суды среднего или основного суда, то они иной раз ссылаются на практику ЕСПЧ, к примеру, в делах, которые относятся к разгону митингов и аресту их

участников. Тем не менее, подобное использование зачастую носит довольно специфический характер. Судья, ссылаясь на то или иное постановление ЕСПЧ, даже не пытается провести анализ самой сути этого решения и дать разъяснения, почему же оно играет решающую роль в принимаемом приговоре. Так или иначе, такая возможность приводит к самостоятельности судебной ветви права, позволяя в случаях несовершенства, пробельности, несоответствия российского законодательства международному использовать положения Европейского суда напрямую при разрешении конкретных дел.

Практика показывает, что национальные суды свободны в своих действиях, так как если постановления ЕСПЧ не удовлетворяют суд, или же он в корне не согласен с высказанной Европейским судом позицией, то он может последовать «старой схеме», таким образом игнорируя решение ЕС.

Но, к сожалению, практика применения решений ЕСПЧ все же является проблемной для России. И. В. Рехтина говорит о следующих проблемах нашего сотрудничества с ЕСПЧ.

1. Отсутствуют официальные переводы постановлений ЕСПЧ на русский язык.

2. Отсутствует адекватная процедура влечения актов Европейского суда в правовое поле РФ для их исполнения или же пересмотра старых постановлений, нарушающих нормы Конвенции.

3. Отсутствие унификации, так как она предполагает приведение национального законодательства в соответствии с нормами Конвенции.

Говоря о проблемах, нельзя не упомянуть о правотворческих ошибках нашего законодателя в тексте нормативных правовых актов, которые мешают и вводят в заблуждение состав ЕСПЧ. Ярким примером этому служит дело «Баранкевича против РФ», когда российские власти возражая против решения ЕСПЧ, ввели в действие новый закон о митингах, собраниях, шествиях и пикетах, где требование о разрешении было заменено простым уведомлением. И, хотя действительно Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает, что «публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций», но ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» содержит указание, что «проведение религиозных обрядов и церемоний регули-

руется Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях». Следовательно, ситуация, ставшая причиной обращения в Европейский суд, так и не получила должного решения в рамках российского законодательства.

Помимо вышеуказанного, существенной проблемой является «нежелание» России следовать указаниям ЕСПЧ. Так, 9 декабря 2013 г. Конституционный суд РФ вынес постановление «По делу о проверке конституционности положений ст. 11 и п. 3 и 4 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда». В соответствии позиции КС РФ, постановление Европейского суда по правам человека является базой для пересмотра гражданского дела в новом состоянии, новых условиях, и при этом в процессе производства по такому делу суд может прийти к заключению о невозможности выполнения постановления ЕСПЧ в рамках действующего российского права. Поскольку Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод признает те же принципы, что и Конституции РФ, такой вывод приводит к потребности контроля конституционности нормы, рассмотренной ЕСПЧ. Подобный вопрос может быть разрешен исключительно Конституционным судом РФ.

Отечественные юристы, в связи с таким количеством проблем взаимодействия, предлагают немалое количество выходов из затруднительных ситуаций [2; 4; 9; 10; 11. 12]. Та же Рехтина видит решение в создании центра, который занимается переводом и размещение решений ЕСПЧ на соответствующем сайте. Воронцова И.В. считает нужным принять соответствующий федеральный закон, регулирующий порядок исполнения решений ЕСПЧ в РФ. Тем не менее, несмотря на количество проблем и количество теоретических решений этих проблем, никто так всерьез и не занялся этим направлением.

Современное положение дел достаточно неоднозначно. Летом 2015 года Конституционный Суд РФ по запросу части депутатов Государственной Думы принял постановление от 14.07.2015 № 21-П, согласно которому решения ЕСПЧ должны были исполняться с учетом верховенства Конституции РФ. Это постановление вызвало огромные вопросы и обсуждения со стороны ученых-юристов, но президент РФ В. В. Путин полностью одобрил решение КС, подписал и обнародовал поправки в ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Он же подписал 15.12.2015

г. федеральный закон, согласно которому КС может игнорировать решения ЕСПЧ, если они противоречат внутреннему законодательству страны. Теперь он сам оценивает соответствие решений ЕСПЧ Конституции РФ. Эти решения, по сути, были вызваны усложнением международной ситуации в связи с событиями на Украине и приостановкой членства РФ в ПАСЕ, которая выбирает судей ЕСПЧ.

В соответствии с постановлением КС РФ, описанные правовые конструкции могут существовать и взаимодействовать комфортно друг для друга, только если ЕСПЧ и КС РФ, рассматривая конкретные судебные дела, действуют вместе, следуют согласно одинаковым, общим принципам, правам и свободам. Но если же Европейский Суд и Суд РФ расходятся в своих решениях и объективных оценках определенной проблемы, то возникшую коллизионную ситуацию разрешить будет крайне сложно. Технически, возможны 2 случая: 1) когда постановление Европейского Суда противоречит привычной практике судебных разбирательств Суда РФ; 2) когда КС РФ в корне не согласен с точкой зрения ЕСПЧ.

Наглядным примером первой ситуации служит решение Европейского суда по делу «Анчугов и Гладков против России», которое прямо противоречило Конституции РФ, а именно статье 32 пункту 3, где указывается, что лица, содержащиеся в местах лишения свободы, не имеют право избирать или же быть избранными. Естественно, Суд РФ воспользовался своим правом, данным ФКЗ, и решение ЕСПЧ не выполнил.

Для обрисовки второго случая прекрасно подходит дело «Штукатуров против РФ». П. В. Штукатуров первоначально обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека, и в своем решении от 27 марта 2008 года, суд признал нарушение прав и свобод со стороны Российской Федерации. Позже заявитель обратился в Конституционный суд России с заявлением о несоответствии Конституции Российской Федерации отдельных позиций Российского законодательства, по которым Страсбургский суд, ранее, признал Штукатурова жертвой. В этой ситуации Конституционный суд России, принял обращение к рассмотрению и постановлением № 4-П от 27 февраля 2009 года, удовлетворил. Но, гипотетически, решение КС РФ могло быть и иным.

Такая ситуация сложилась в Российской Федерации до одобрения поправок в Конституция в июле 2020 года. Тогда в основной документ страны была внесена ст. 79, в которой говорится о том, что

РФ может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации [6]. Как изменение Конституции повлияет на исполнение решений ЕСПЧ?

По этому поводу высказались многие политические деятели и специалисты в юриспруденции.

М. С. Григорьев, член Общественной палаты РФ и руководитель Фонда исследования проблем демократии, выразил свою позицию в еженедельнике «Аргументы и факты». По его мнению, Россия всегда методично исполняла и будет исполнять свои международные договоренности, так как является надежным участником интернационального сообщества. Таким образом, считает В.В. Юрьев, ничто не повлияет на право гражданина РФ направлять обращения в международный суд в случае необходимости [10]. Но, в соответствии с поправками, вносимыми в ст. 79, толкование международных договоров, которое может противоречить Конституции, не будет подлежать исполнению в Российской Федерации [6].

Сопредседатель рабочей группы по внесению изменений в Конституцию П. В. Крашенинников также опроверг подозрения о том, что с поправками будет утрачена возможность подачи жалобы в ЕСПЧ. «Есть история, которая называется трактовка, - поясняет П.В.Крашенинников. Например, мы ратифицируем устав какой-то организации, куда мы вошли. Все вроде хорошо, но возникают ситуации, когда различными инстанциями трактуются нормы этого устава. И по поводу этих трактовок возникает спор. Спор, который влияет на права граждан, юридических лиц и т.д. Мы должны иметь инструментарий, который бы этот спор разрешил. В поправках к Конституции такой инструментарий есть. Там говорится, что если возникает дискуссия, такой спор по поводу соотношения норм того или иного международного договора и нашей Конституции, то спор разрешает Конституционный Суд, который должен вынести решение: что здесь так, что здесь не так» [7].

Венецианская комиссия, которая входит в Совет Европы, после изучения текста поправки в ст. 79, мнения властей России, заключения Конституционного суда России и других нормативно-правовых актов, не одобрила данную поправку и рекомендовала изменить, либо полностью отклонить предложенные изменения в статью 79. Члены Венецианской комиссии отметили, что Российская Федерация входит в Совет Европы и является участником ЕКПЧ, что предусматривает исполнение ею решений ЕСПЧ. По их мнению, принятие такой поправки противоречит полному исполнению обязательств России, как одной из участниц данной конвенции. Комиссия выражает явное беспокойство решением принять поправку к статье 79, так как ее формулировка развяжет руки российским судам и позволит игнорировать решения ЕСПЧ [5].

Можно ли сказать, что теперь Россия может игнорировать решения ЕСПЧ, даже несмотря на свое участие в Совете Европы? На самом деле такая позиция скорее будет ошибочной. Российская Федерация до сих пор обязана исполнять постановления ЕСПЧ, но теперь суды РФ имеют право не исполнять в полной и должной мере решения Европейского Суда, если они противоречат статьям и принципам Конституции РФ. Нельзя забывать о таких прецедентных ситуациях, как дело «Анчугов и Гладков против России», но все другие решения ЕСПЧ были выполнены. Хорош ли такой подход? Однозначно, к сожалению, ответить невозможно. Многие специалисты находят такое положение противоречивым и подчас даже опасным. Тем не менее, последствия такого решения мы увидим лишь через несколько лет.

Источники и литература

1. *Бурков А. Л.* Конвенция о защите прав человека в судах России. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 448 с.
2. *Гашин А. А.* Современное состояние механизма реализации решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации и перспективы его совершенствования // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2-1 (12). – С. 72-79.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // [www/pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

4. *Джисоева Л. Г.* Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на процессуальное законодательство Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1 (27). – С. 333-335.

5. *Исмагилова Г. И.* Венецианская комиссия просит не менять Конституцию // Под критику попала поправка о возможности не исполнять решения международных органов [электрон. ресурс] // Закон. Судебная практика. Конституционный суд РФ: Электрон. науч. //URL:

https://zakon.ru/discussion/2020/6/19/venecianskaya_komissiya_prosit_ne_menyat_konstituciyu_pod_kritiku_popala_popravka_o_vozmozhnosti_ne (дата обращения 17.10.2020).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

7. *Куликов В. С.* Крашенинников: поправки в Конституцию не лишат права жаловаться в ЕСПЧ //URL: <https://rg.ru/2020/06/21/krashe-ninnikov-popravki-v-konstituciiu-ne-lishat-prava-zhalovatsia-v-espch.html> (дата обращения 17.10.2020).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [офиц. сайт] //URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/

9. *Чайкина А. В.* Применение судами постановлений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека по одному делу // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3 (100). – С. 125-133.

10. *Юрьев В. В.* Будет ли теперь Россия выполнять решения ЕСПЧ? [электрон. ресурс] // Аргументы и факты //URL: https://aif.ru/politics/russia/budet_li_teper_rossiya_vypolnyat_resheniya_espch (Дата обращения 18.10.2020).

11. *Комаров С.А., Лантева И.В., Титенков Д.И.* Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.

12. *Комаров С.А., Царев П.А.* Правовая инфильтрация норм Европейской конвенции, актов ЕСПЧ и суверенитет национального государства: статья // В сб.: Право и политика: теоретические и практические проблемы сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. С. 50-63.

13. *Комаров С.А.* Суверенитет государства и имплементация Европейской конвенции и решений ЕСПЧ: статья // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Pages/Conference2015.asp>

НЕКОТОРЫЕ НОВЕЛЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ УГ- РОЗЫ 2020 ГОДА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с распространением коронавирусной инфекции и вызванных ею последствий, которые установили перед законодателем проблему наиболее оптимального согласования различных интересов сторон трудовых отношений и интересов государства. Анализируется нормативно-правовая база Российской Федерации, регулирующая данный вопрос в период пандемии. Анализ производится с помощью системного и функционального методов исследования. Стоит отметить еще и то, что государство оказалось не готово к таким резким изменениям в социальной сфере жизни.

Ключевые слова: трудовое право, законодательство, работник, работодатель, дистанционный формат работы, информационные технологии, условия угрозы пандемии, специфика трудового законодательства.

SOME NOVELTIES OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF LABOR RELATIONS DURING THE EPIDEMIOLOGICAL THREAT OF 2020

Annotation. This article is devoted to the analysis of the problems associated with the spread of coronavirus infection and the consequences caused by it, which sets the legislator the task of the most optimal coordination of the various interests of the parties to labor relations and the in-

---

*Зябкина Анастасия Андреевна, студентка 2 курса Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Арзуманов Игорь Ашотович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Zyabkina Anastasia Andreevna, 2nd year student of Law Institute Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: Arzumanov Igor Ashotovich, doctor of cultural studies, PhD, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

terests of society. state. The article analyzes the regulatory framework of the Russian Federation that regulates this issue during a pandemic. The analysis is carried out using systemic and functional research methods. It is also worth noting that the state was not ready for such drastic changes in the social sphere of life.

Key words: labor law, legislation, employee, employer, format of remote work, information technology, conditions of a pandemic threat, specificity of labor legislation.

Современный мир не постоянный, в относительно недавнее время мы в этом убедились. Буквально за один месяц практически во всех сферах общественной жизни стали происходить различные изменения, связанные с периодом самоизоляции, эти изменения затронули и сферу трудового законодательства. Стоит отметить, что данная проблема еще не получила широкого распространения, так как появилась относительно недавно. Для данной работы рассматривались общие положения и труды авторов, которые писали о проблемах трудового законодательства. К числу таких авторов относятся Н. Л. Лютов, И. Я. Киселев [12], С. Ю. Головина, Ю.А. Кучина, [11], А. М. Лушников, М.В. Лушникова [15] и другие [10; 14;]. Для разработки статьи использовались такие методы, как функциональный, формационный, диалектический, системный и статистический[6; 13, с. 32-37].

С началом распространения инфекции Covid-19 многие организации и предприятия перешли на дистанционную работу, для того чтобы не распространять инфекцию, в связи с этим законодателю нужно было как-то регулировать трудовые отношения, поэтому он стал вносить новые нормы в уже действующее трудовое законодательство. Следует еще сказать, о том, что изменения в окружающем мире дали толчок к информатизации общества [8]. Эти преобразования вызвали различные противоречия, как со стороны работника, так и со стороны работодателя.

Разберемся в том, какие именно противоречия вызвали такие изменения.

Начнем с того, что удаленная работа начала оформляться в более устойчивый тренд в России около четырех лет назад, но на сегодняшний день бизнес к такому переходу на дистанционный формат еще был не готов. В начале 2020 года на российском рынке было редкостью встретить компанию, в которой сотрудники работа-

ли удаленно, их доля в общей массе была ничтожна, а сейчас, можно увидеть, как ограничительные меры, вызванные угрозой пандемии Covid-19, послужили катализатором глобальной смены рабочего формата в масштабе всей страны. Есть и те сферы, которые оказались наиболее подготовленными к удаленной работе - это компании креативной сферы и ИТ-организации, которые имеют развитые системы коммуникаций, электронной постановки задач и отслеживания их выполнения.

Многие компании и организации вынуждены были проходить эту трансформацию в быстром и стрессовом режиме, что существенно отразилось на финансовой нагрузке бизнеса. Ведь даже самые минимальные заминки в бизнес-процессе могут стать причинами просрочек и расторжения договоров, что в итоге может драматически отразиться на судьбе предприятия.

Более крупным компаниям труднее всего переходить на удаленную работу, потому что они имеют многоуровневую организационную структуру, но при желании и точном подходе к процессу перехода такая проблема, как разветвленность региональной сети не будет являться затруднением. К примеру, страховая компания «СО-ГЛАСИЕ» перевела на домашнюю работу около 2700 сотрудников по всей стране, этот перевод произошел в достаточно короткие сроки: понадобилось всего несколько дней после принятия решения о работе из дома.

Проблемой стало и то, что нагрузка на информационную сеть увеличилась в разы, это связано с большим количеством посещений интернет-магазинов и онлайн заказов, ведь самый безопасный и оптимальный вариант - это онлайн заказы. Предприниматели, которые занимаются онлайн бизнесом испытали колоссальную нагрузку на работу интернет-сайтов, потому что такой быстрый переход на электронный формат работы более миллиона сотрудников без должной подготовки является причиной гигантских рисков, связанных с осуществлением информационной безопасности. Корпоративные VPN практически не рассчитаны на такую большую нагрузку, а также большая часть сотрудников не всегда умеет правильно применять криптографические инструменты, посредством которых они осуществляют свою деятельность через слабые бытовые маршрутизаторы из незащищенной домашней сети. В связи с отходом от привычных процедур безопасности, возникают новые возможности для деятельности хакеров, поскольку работники входят в рабочую систему или

программу из домашней сети и им приходится объединять свои личные инструменты с профессиональными «в беспрецедентных масштабах».

Что касается тех сфер, где осуществляется пассажирская перевозка, то здесь ситуация обстоит хуже, потому что такой формат работы нельзя перевести на дистанционный. Из-за этого, в последнее время все чаще встречаются случаи, когда работодатели понуждают работников подписывать заявления о предоставлении отпусков без сохранения заработной платы, и, поскольку работник выступает зависимой стороной, то такие заявления подписываются. Стоит отметить, и то, что работникам не следует переходить на дистанционную работу по договоренности с работодателем без официального оформления такого перехода, поскольку со стороны недобросовестных работодателей это может стать способом избавления от неудобных работников, на практике уже есть случаи, когда после нескольких дней дистанционной работы работодатель увольняет работника за прогулы. Также работникам нужно проследить, чтобы в дополнительном соглашении был указан срок о переводе на дистанционную работу - в противном же случае, если по окончании этого срока прежняя работа работнику не будет предоставлена, а он не будет требовать ее предоставления и продолжит работать из дома, то условие соглашения о временном характере перевода утратит силу и перевод будет считаться постоянным [18].

Еще проблемой является и то, что люди, не имеющие опыта удаленной работы, могут воспринимать дистанционную работу как каникулы. А работодатель должен будет платить за такой «отдых». Но самой главной проблемой, на мой взгляд, является отсутствие коммуникации. Аристотель говорил, что «человек по природе своей есть животное общественное, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне общества, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек... Тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодостаточным, не чувствует потребности в нем, уже не составляет элемента общества, становясь либо зверем, либо божеством» [7]. Из этого следует вывод о том, что человеку нужно общение, нужно постоянное взаимодействие с другими людьми, только так люди могут быть полноценными личностями.

Для того, чтобы хоть как-то контролировать эпидемиологическую ситуацию в стране, законодательные органы издадут и редакци-

руют правовые нормы, подстраивая их под период самоизоляции, а также вводят различные ограничительные меры по противодействию распространения коронавирусной инфекции, а также меры, направленные на поддержку граждан, оказавшихся временно безработными.

Принятые меры изменили привычный ход жизни, в том числе в сфере предпринимательства. Власти ввели режим повышенной готовности, режим самоизоляции, запрет на свободное передвижение транспортных средств, также ограничили передвижение граждан, приостановили деятельности многих организаций и т.п. В результате введенных мер многие организации и предприниматели не могут в полном объеме исполнять свои договорные обязательства (из-за сбоя поставок, ограничения деятельности, падения покупательского спроса). Кроме того, граждан и ИП начали активно привлекать к ответственности за неисполнение требований и правил санитарно-эпидемиологического характера, на этом фоне возникло множество вопросов и споров.

Для того, чтобы хоть как-то урегулировать сложившуюся ситуацию, Верховный Суд выпустил обзор судебной практики с разъяснением о применении антикоронавирусного законодательства. Рассмотрим наиболее интересные выводы, которые сделали суды:

Указами Президента РФ от 25.03.2020 № 206 и от 02.04.2020 № 239 период с 30 марта по 30 апреля был объявлен нерабочим в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, но режим нерабочих дней не распространяется на некоторые организации [1; 4]. Если организация не входит в эти исключения, она должна соблюдать режим нерабочих дней. По мнению Минтруда России, работодателя можно привлечь к ответственности за нарушение режима нерабочих дней так, за работу в указанные дни может последовать штраф, поэтому если сотрудники откажутся от работы, к ним нельзя применять дисциплинарное взыскание, в том числе увольнение за неисполнение должностных обязанностей или за прогул.

Многие интересовались оплатой в данный период, на что Минтруд России 26 марта 2020 года представил Рекомендации работникам и работодателям, в том числе по оплате работы в период с 30 марта по 3 апреля, он указал, что нерабочий день не относится к выходным или нерабочим праздничным дням, поэтому оплата производится в обычном, а не повышенном размере [16].

Так же согласно Федеральному закону от 01.04.2020 № 104-ФЗ пособия по временной нетрудоспособности, выплачиваемые застрахованным лицам за периоды нетрудоспособности, приходящиеся на период с 1 апреля по 31 декабря 2020 года, исчисляются с некоторыми особенностями [2].

Этими нормами государство старается оказать поддержку гражданам, для того чтобы люди чувствовали себя более уверенно и верили в свое государство, которое в такой трудный период сможет оказать им должную поддержку. А также государство рассчитывает на то, что люди будут более менее спокойно относиться к сложному периоду и в стране будет соблюдаться порядок.

Еще работников, находящимся на удаленной работе из-за угрозы распространения эпидемии коронавируса, интересовал вопрос об установлении неполного рабочего времени с оплатой за фактически отработанное время.

Верховный Суд дал комментарий и по этому вопросу. По соглашению между работодателем и работником, работнику может быть установлен неполный рабочий день (смена) или неполная рабочая неделя по ст. 93 ТК РФ. Неполное рабочее время может быть установлено как при заключении трудового договора, так и впоследствии. После заключения трудового договора ввести неполное рабочее время можно только по заявлению самого сотрудника, причем сделать это можно и дистанционно. Затем сам работодатель должен издать приказ об установлении работнику (работникам) режима неполного рабочего времени. В исключительных случаях режим неполного рабочего времени может вводиться по инициативе самого работодателя в пределах всей организации (к примеру, в случае изменения организационных или технологических условий труда, что может повлечь массовые увольнения) [9; 17].

К таким изменениям, можно отнести приостановление деятельности организации при угрозе эпидемии коронавируса. Для этого работодатель должен выполнить определенные действия, в том числе сообщить об этом в органы службы занятости по п. 2 ст. 25 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 [3], а так же уведомить всех работников о введении режима неполного рабочего времени не позднее чем за два месяца до предстоящих изменений (ч. 2 ст. 74 ТК РФ).

Если сотрудник не согласен с работой на условиях неполного рабочего времени, его можно уволить на основании п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ - сокращение численности или штата (ч. 6 ст. 74 ТК РФ) [5].

Когда сотрудник согласен продолжать работу, то с ним следует заключить дополнительное соглашение к трудовому договору.

Еще в 2020 году в Трудовом кодексе появляется новая статья 66.1 «Сведения о трудовой деятельности работника», которая предусматривает постепенный переход с бумажных трудовых книжек на электронные, т.е. происходит постепенная информатизация документов, созданная прежде всего для удобства использования. Исходя из содержания этой статьи, можно сделать вывод о том, что эта норма не является обязательной, работник сам будет решать какой формат трудовой книжки ему удобнее использовать. Эта статья наиболее актуальна в дистанционном формате работе [5].

Подводя итоги, можно сказать о том, что государство и граждане оказались неготовыми к резкому изменению привычного образа жизни. У законодателя появилось множество проблем, которые нужно решать в ближайшее время. Государство пытается как можно лучше адаптировать людей к новому образу жизни, для это принимает меры стимулирования (различные выплаты, пособия по временной нетрудоспособности), а также принимает меры наказания и принуждения (штрафы, за несоблюдение режима самоизоляции, обязательное ношение средств индивидуальной защиты) именно с помощью таких мер можно сохранить здоровье и безопасность общества.

Я считаю, что государство должно как можно лучше защищать свое население от различных конфузов, связанных с потерей работы. Государство должно направлять большинство своих сил именно на решение внутригосударственных проблем для того, чтобы население чувствовало поддержку государства, только так люди начнут более ответственно и понимающе относиться к этой ситуации. Жизнь меняется постоянно, главное уметь под нее подстраиваться.

Источники и литература

1. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 13. – Ст. 1898.

2. Об особенностях исчисления пособий по временной нетрудоспособности и осуществления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 104-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14. – Ст. 2034.

3. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 18. – Ст. 566.

4. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2082.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

6. *Арзуманов И. А.* Методологические подходы и принципы познания при исследовании государственно-правового регулирования этноконфессиональных отношений (часть первая) // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 3–8.

7. Аристотель. Политика // https://studme.org/172809247187/sotsiologiya/lichnost_obschestvo_chelovek_sotsiume_sotsialnoe_cheloveke

8. Архив номеров журнала «Трудовое право» // URL: <http://www.top-personal.ru/workinglaws.html>

9. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» // URL: <http://www.sudrf.ru>

10. *Гейхман В. Л., Дмитриева И. К.* Трудовое право: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016. – 548 с.

11. *Головина С. Ю., Кучина Ю. А.* Трудовое право: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2016. – 398 с.

12. *Киселев И. Я.* Трудовое право России: историко-правовое исследование. Учеб. пособие для вузов. – М.: Норма, 2001. – 371 с.

13. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

14. *Лебедев В. М., Мельникова В. Г., Назметдинов Р. Р.* Трудовое право: опыт сравнительно-правового исследования. – М.: Норма, 2018. – 480 с.

15. *Лушников М. В., Лушников А. М.* Курс трудового права в 2 т. – 2-е изд. – М.: Статут, 2009. – Т. 1. – 878 с.

16. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации // URL: <http://www.rosmintrud.ru>

17. Официальный Интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

18. Юридическая Россия: федеральный правовой портал. Центр трудового права // URL: <http://law.edu.ru/centers/labourlaw/>

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ КИОТСКОГО ПРОТОКОЛА)

Аннотация. В статье рассматривается влияние международных договоров на развитие экономической политики государств. Для рассмотрения этого воздействия, был рассмотрен опыт нескольких стран на примере Киотского протокола. Так, например, США отказались ратифицировать протокол из-за больших экономических убытков. Россия же, наоборот, преследовала именно экономические цели. Отмечается, что после 2012 года действие Киотского протокола было приостановлено, однако в 2015 году было принято новое соглашение, которое может стать переломным моментом в истории человечества.

Ключевые слова: парниковые газы, единицы сокращения выбросов, Парижское соглашение, загрязнение атмосферы, снижение выбросов.

***Кадушкина Надежда Андреевна**, студентка 3 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Колосов Александр Викторович**, кандидат юридических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

****Обрядина Полина Павловна**, студентка 3 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Колосов Александр Викторович**, кандидат юридических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Kadushkina Nadezhda Andreyevna, 3rd year students of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kolosov Alexander Viktorovich**, candidate of legal sciences, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Obryadina Polina Pavlovna, 3rd year students of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kolosov Alexander Viktorovich**, candidate of legal sciences, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

IMPACT OF INTERNATIONAL TREATIES FOR ECONOMIC DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE KYOTO PROTOCOL

Annotation. The article examines the impact of international agreements on the development of economic policy of Countries. To address this impact, the experience of several countries with the example of the Kyoto Protocol was reviewed. For example, the United States refused to ratify the Protocol due to large economic losses. Russia, on the contrary, pursued economic goals. It is noted that after 2012, the Kyoto Protocol was suspended, but in 2015 a new agreement was adopted, which may become a turning point in the history of mankind.

Key words: greenhouse gases, emission reduction units, The Paris Agreement, atmosphere pollution, emission reduction.

Международный договор – это соглашение двух или более субъектов международного права, которое, прежде всего, ориентировано на достижение политических интересов участников договора. Подобные соглашения, в том числе их заключение, действие и прекращение регулируются нормами международного права [2].

Значение и влияние международного договора зависит не только от его положений, большое влияние на международные соглашения и организации оказывают субъекты, участвующие в них. К примеру, в 1974 году Генеральный секретарь ООН отметил в своем докладе, что благодаря расширению состава участников ООН значение организации существенно изменились [2].

Важной особенностью влияния международных договоров является принцип, благодаря которому договор не может возлагать обязательств на тех субъектов, которые его не подписывали, но те стороны, которым явно полагается то или иное преимущество, исходя из положений договора, могут требовать выполнения этого соглашения, даже если не являются его участником [2].

Все государства заключают огромное количество двухсторонних и многосторонних международных договоров по одним и тем же вопросам, зачастую положения этих документов могут противоречить друг другу, что делает политику государства достаточно противоречивой в глазах мирового сообщества [7]. Но любой договор, противоречащий императивным нормам международного права, должен быть признан недействительным, к примеру, на сегодняш-

ний день договоры о работорговле не имеют права и возможностей существовать, что значительно отличается от ситуации, которая была несколько веков назад [6].

Влияние международных договоров прежде всего направлено на изменение внутреннего законодательства государства, в том числе его модернизацию. Это связано с тем, что государство, вступая в то или иное соглашение, зачастую вынуждено корректировать внутригосударственное право. Международные договоры чаще всего затрагивают вопросы прав и свобод человека, а также экономическую деятельность государства, включая различные аспекты: от производства продукции до ее экспорта [1].

С появлением ООН многие страны стали делать акцент не только на внутреннее благоустройство, но и на преобразование мира в целом. Ярким примером сотрудничества по глобальным вопросам является Киотский протокол, принятый в 1997 год. Главной целью соглашения являлось уменьшение выброса парниковых газов в атмосферу, которые пагубно влияют на климатическую и экологическую ситуацию всей планеты в целом. Согласно протоколу, страны должны были уменьшить выброс парниковых газов в среднем на 5% по сравнению с 1990 годом за первый период Киотского соглашения (2008-2012 годы). В течение второго периода (2012-2020 годы) страны-участницы должны были снизить выброс вредных газов в атмосферу уже на 18% по сравнению 1990 годом [10].

Стоит отметить, что это соглашение – первое соглашение об охране окружающей среды подобного рода в мировой истории. Его отличительной чертой является наличие механизмов рыночного воздействия на экологические проблемы.

Основные обязательства возлагались на развитые страны, такие как США и европейские государства. Это аргументировано тем, что главной целью протокола является снижение выбросов в атмосферу в принципе, независимо от того в какой части земного шара оно будет осуществляться. Потому как развитые страны имеют значительно больше возможностей для проведения политики снижения уровня загрязнений, чем развивающиеся страны, благодаря своему техническому развитию [9].

Киотский протокол предполагает наличие систем экономического регулирования, отличительной особенностью является торговля квотами на выбросы, ее суть заключается в том, что субъекты, чьи выбросы превышают допустимую норму, имеют право покупки

квот на превышение выбросов в атмосферу у тех субъектов, выбросы которых не доходят до значения допустимой нормы [8]. Во время первого периода Киотского соглашения японцы активнее всех скупали такие квоты, по итогу они приобрели около 200 миллионов единиц сокращения выбросов. Благодаря этому механизму слаборазвитые государства, отдающие свои квоты могут развивать экологически чистые производства, а страны с крупными индустриальными оборотами могут значительно сохранить объемы производства и удержать экономику на плаву [8].

Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата состоит из 28 статей, в которых подробно описаны меры, которые должны предпринять страны, подписавшие его. Кроме того, данное соглашение призывает государства активно сотрудничать по вопросам сокращения выбросов в атмосферу.

Так же, по договору, каждая сторона должна основать национальную систему для оценки антропогенных выбросов из источников, основные принципы методологии которых изложены в самом соглашении.

Стоит отметить, что большинство положений протокола касаются исключительно развитых стран, включенных в приложение номер один, в то время как развивающиеся страны ни к чему не обязываются. Ниже приводятся самые важные и основополагающие положения данного протокола.

Так, во второй статье предусмотрены обязательные меры, необходимые для снижения выбросов, среди которых проведение исследовательских работ, повышение эффективности использования энергетических ресурсов и другие.

В третьей статье обозначены вышеупомянутая периодизация, направленная на контроль снижения выбросов в атмосферу, а также установлены квоты для каждой страны. Четвертая статья позволяет сторонам перераспределять между собой обязательства по выбросам, чтобы в итоге сумма оставалась неизменной.

Согласно десятой статье данного протокола, стороны обязаны формировать различные программы по снижению выбросов и улучшения последствий изменения климата, а также сотрудничать с целью разработки новых технологий.

Последующие статьи Киотского протокола посвящены его организационной структуре, заключительным положениям и приложениям.

Немаловажным является то, что анализируемое соглашение имеет большое влияние на экономические процессы стран, вступивших в него. Можно привести пример США, которые так и не ратифицировали этот документ, оценив те экономические убытки по Киотскому соглашению, которые могли понести. Безусловно, Америка и Китай являются самыми крупными источниками загрязнения атмосферы во всем мире, и в то же время оба этих государства отказываются от участия в протоколе, направленном на регулировку глобальной климатической проблемы по причине экономической невыгодности.

Как уже описывалось ранее, механизм Киотского протокола во многом должен был опираться на торговлю квотами. Но рынок квот, можно сказать, был обречен на провал, потому как самые крупные загрязнители не вошли в соглашение. По оценке экспертов, перед вступлением в первую фазу соглашения, из-за того, что Америка не нуждалась в покупке квот ежегодные доходы от торговли России ЕСВ снизились с 4 млрд долл. до 160 млн долл. [3]. Хотя изначально Российская Федерация делала ставки на торговлю квотами, потому как в 1990е годы производство в связи с ситуацией в стране резко снизилось, как и количество выделяемых выбросов в атмосферу [3].

Подобная ситуация свела на нет принцип взаимовыгодного участия стран в Киотском протоколе. Потому что такие страны как РФ потеряли возможность получить необходимые средства на реализацию «зеленых проектов».

В Киотском соглашении РФ преследовала прежде всего экономическую выгоду, к примеру во многом благодаря участию в соглашении Россия вступила в ВТО, что означало значительный толчок для развития нашей национальной экономики, но после санкций 2014 года эффект начал спадать [3].

Стоит отметить, что несмотря на то, что РФ внесла немалый вклад в реализацию Киотского протокола и достигла значительных успехов в экономической и экологической сферах, среди которых сокращение выбросов на 49% с учетом поглощений и на 32% без учета по сравнению с показателями 1990 года, она признала неэффективным продление данного экологического проекта во второй фазе. Это было связано с тем, что во время 8-го Совещания Сторон Киотского протокола в Дохе в 2012 году проходили многосторонние

дискуссии по вопросам и, к сожалению, мнения сторон во многом расходились.

Так, на рассмотрение была выдвинута Дохинская поправка, предполагающая полный перенос на второй период квот на выбросы CO², что значительно устраивало стран, обладающих этими квотами, и противоречило интересам развивающихся стран. Вторая поправка, идущая вразрез интересам сторон, ограничивала операции, связанные с торговлей единицами сокращения выбросов на 2%, более того некоторые страны просто отказались от покупки квот.

Стоит отметить, что Россия, Белоруссия и Украина яростно выступали против некоторых положений данной поправки и даже вносили свои предложения, ожидая дискуссии. Стороны утверждали, что с конца 90-х миропорядок значительно изменился, ВВП большого количества развивающихся стран значительно превысил ВВП стран, входящих в первое приложение Киотского соглашения, что означает необходимость пересмотра стран, обязанных снижать выбросы.

Однако данные идеи были проигнорированы и более того, пакет документов был утвержден консенсусом, несмотря на несогласие нескольких сторон. Все это было грубым пренебрежением правилам процедуры, которое сильно расходилось со всей системой ООН [4].

Таким образом, несмотря на то, что Киотский протокол сыграл большую роль в вопросе межгосударственного сотрудничества в сфере экологии, обновленное соглашение не получило поддержки нескольких крупных членов, среди которых Япония, Новая Зеландия, Россия, что значительно снижало его эффективность и делало невозможным приостановление глобального потепления [4].

Киотский протокол раскрыл большой пласт проблем, которые возникли при рыночном воздействии на экологические проблемы планеты. Уже в 2015 году в Париже было озвучено и принято новое Парижское соглашение, методы влияния которого эксперты оценивают, как более эффективные по многим причинам. Первая из них - вовлеченность в соглашение большего количества стран чем в Киотский протокол и равномерное распределение обязанностей между всеми участниками, новый формат не предполагает возложения ответственности только на развитые страны, как это было в Киотском протоколе.

Согласно Парижскому соглашению, каждая страна сможет самостоятельно определять проценты и темпы снижения выбросов

CO² в атмосферу. Подобная политика делает новое положение более лояльным, именно поэтому страны, не вошедшие в первое глобальное соглашение по климату, такие как США и КНР согласились ратифицировать его. Но спустя год президент Соединенных Штатов Америки отказался от участия в сотрудничестве по этому вопросу [5].

По опыту прошлых лет можно с уверенностью говорить о том, что США являются одной из ключевых составляющих успешного экономическо-экологического сотрудничества. Потому как эта страна обладает не только огромными ресурсами, но и колоссальными объемами производства веществ, загрязняющих атмосферу, и от их участия в Парижском соглашении во многом зависят результаты, к которым оно сможет привести.

Так же стоит отметить, что роль Российской Федерации в этом сотрудничестве может оказаться одной из решающих, потому что за время действия Киотского протокола России удалось добиться значительных результатов по снижению CO² и, кроме того, наши леса являются одним из крупнейших «фильтров», непрерывно очищающих атмосферу планеты.

Как было отмечено Р. С.-Х. Эдельгериевым, вопросы климата и экологии – не место для политического или экономического соперничества. Настоящее время – это именно тот момент в мировой истории, который может стать переломным и от мировых лидеров зависит в какую сторону будет направлен вектор развития событий.

Источники и литература

1. Лукашук И. И. Международное право. 3-е изд. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с. // URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur198.htm> (дата обращения: 29.10.2020).

2. Лукашук И. И. Современное право международных договоров в 2 т. Текст: электронный. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 658 с. // URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=_PTf6htsFGEC&oi=fnd&pg=PA1&dq=международный+договор&ots=KYxbQ20ci-&sig=YPBI_7EmG_GbdVsetXSvTJJ15es&redir_esc=y#v=onepage&q=международный%20договор&f=false (дата обращения: 29.10.2020).

3. *Грабба М., Карас Ж., Коронно А.* Киотский протокол: проблемы возможности. Текст: электронный. – М., 2006. – 177 с. // URL:<https://wwf.ru/upload/iblock/366/mgrabb.pdf>

4. МИД РФ, Редакция журнала «Международная жизнь» [электронный ресурс] // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/833>

5. Парижское соглашение. Итоговой документ 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 22 апреля 2015 г. //URL: https://unfccc.int/files/meetings/parisnov2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf

6. *Туунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Влияние норм международного права на развитие национального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 6 (162) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-norm-mezhdunarodnogo-prava-na-razvitie-natsionalnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 15.11.2020).

7. *Туунов О. И.* Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. – Серия «Экономика. Управление. Право». – 2009. – № 11 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhdunarodnyh-dogovorov-i-mezhdunarodno-pravovyh-obychaev-na-natsionalnoe-zakonodatelstvo-1>

8. *Тулохов А. К., Пунцукова С. Д., Зомонова Э. М.* Киотский протокол: проблемы и решения// Экология. Серия Аналитических обзоров мировой литературы. 2006. № 82 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9306214> (дата обращения: 10.11.2020).

9. DW [электронный ресурс] // URL: <https://www.dw.com/ru/упущенные-миллиарды-как-россия-не-заработала-на-парниковом-газе/a-51478284> (дата обращения: 10.11.2020).

10. UNFCCC [электронный ресурс] URL: https://unfccc.int/ru/kyoto_protocol (дата обращения: 10.11.2020).

ДИНАМИКА ФОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Рассматривается вопрос о соотношении форм юридической ответственности физических лиц в условиях угрозы пандемии COVID-19. Исследуются теоретические аспекты юридической ответственности и ее форм. Анализируется практика нормативного закрепления и реализации юридической ответственности физических лиц в аспекте борьбы с распространением COVID-19. Автор приходит к выводу о зависимости соотношения форм юридической ответственности от объективных условий существования конкретного общества.

Ключевые слова: юридическая ответственность, формы юридической ответственности, обязанность, COVID-19, эпидемия, регулирование, нарушение, санитарные правила, наказание, штраф.

DYNAMICS OF FORMS OF LEGAL LIABILITY OF INDIVIDUALS IN CONDITIONS OF COVID-19 THREAT

Annotation. Consideration of the issue of the ratio of forms of legal liability of individuals in the context of the COVID-19 pandemic. Investigation of the theoretical aspects of legal responsibility and its forms. The practice of normative consolidation and implementation of the legal responsibility of individuals in the aspect of opposition to the spread of COVID-19 is analyzed. The author came to the conclusion about the

---

*Калинин Валерий Алексеевич, студент 2 курса (уровень бакалавриата) Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Арзуманов Игорь Ашотович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Kalinin Valeriy Alexeyevich, 2nd year student of Law Institute of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Arzumanov Igor Ashotovich**, doctor of cultural studies, PhD, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

dependence of the ratio of forms of legal responsibility on the objective conditions of the existence of a particular society.

Key words: legal liability, forms of legal liability, duty, COVID-19, epidemic, regulation, violation, sanitary rules, punishment, fine.

Эпидемия COVID-19 – серьезный вызов всему человечеству. Государства по всему миру вынуждены принимать меры противодействия, затрагивающие все сферы жизни общества. Конечно, последние события не могли не оказать большого влияния на правовое регулирование общественных отношений во всем мире, в том числе и в Российской Федерации. На данный момент можно видеть, как в российской правовой системе формируется комплекс норм, направленных на предотвращение распространения нового типа коронавирусной инфекции и охрану здоровья граждан. Значительная часть таких норм – нормы, регулирующие поведение физических лиц в условиях масштабной пандемической угрозы.

В таких экстраординарных условиях государство устанавливает правовую ответственность граждан за действия, способные повлиять на течение эпидемии. Учитывая очевидную зависимость борьбы с заболеванием от действий каждого конкретного гражданина, это направление государственного регулирования в «коронавирусную» эпоху представляется чрезвычайно важным. Соответственно, особую важность имеет и вопрос об эффективности, обоснованности, безопасности тех или иных форм правовой ответственности физических лиц, устанавливаемой в рамках борьбы с распространением инфекции.

Общетеоретическая проблема форм юридической ответственности не раз поднималась отечественными правоведами. Среди исследователей иркутской правовой школы этот вопрос подробно рассматривает И. А. Кузьмин [6], уделяя внимание пониманию и соотношению позитивной и негативной (ретроспективной) юридической ответственности, а также различиям доктринальных подходов к сущности и формам юридической ответственности. Проблема юридической ответственности физических лиц в условиях пандемической угрозы и карантинных мер все чаще поднимается в течение последних месяцев в связи с распространением COVID-19.

Так, например, С. И. Конев [4] рассматривает базовый вопрос о сущности административных ограничительных режимов, связанных с санитарно-эпидемическим благополучием граждан. Подроб-

ный анализ негативной юридической ответственности, возникшей в российском законодательстве в связи с распространением коронавирусной инфекции, проводит Ю. С. Сеницына [14]. Вопрос о пределах ограничения прав и свобод граждан нормами, предусматривающими ответственность за нарушение санитарных режимов, рассматривает С. М. Габиева [3]. В свою очередь С. А. Воронцов [2] в своей работе затрагивает вопрос применения позитивной юридической ответственности в условиях пандемической угрозы. Впрочем, тема юридической ответственности в условиях массового распространения инфекционных заболеваний регулярно затрагивалась и до возникновения угрозы COVID-19, так А. Е. Юрицин и Т. В. Голованова [19] в своем исследовании 2019 года раскрывают специфику юридической ответственности за нарушение карантинных ограничений в условиях эпизоотии.

В данном исследовании предполагается использование метафизического и диалектического подходов, поскольку рассматриваемая проблема касается как непреложных ценностей человека и общества, так и динамично меняющихся объективных условий жизни общества. Используются дедуктивный и индуктивный подходы [1, с. 166-189], а также такие общенаучные методы, как анализ и синтез, частнонаучные методы, как формально-юридический метод и метод сравнительно-правового анализа.

Для того, чтобы рассмотреть вопрос о соотношении различных форм юридической ответственности, необходимо, в первую очередь, уделить внимание вопросу о понятии и сущности юридической ответственности как таковой, а также вопросу о понятии и сущности форм юридической ответственности. Несмотря на большое количество тематических работ и высокую степень изученности, вопрос о понятии и сущности юридической ответственности до сих пор остается дискуссионным в правовой доктрине.

На данный момент существует множество различных подходов к определению понятия и сущности юридической ответственности, но все они различаются преимущественно по двум основным признакам: отношение автора (признание или непризнание) к позитивной форме юридической ответственности и выделяемый автором родовой признак негативной юридической ответственности. Например, Р. Л. Хачатуров связывает юридическую ответственность непосредственно с социальной и предлагает следующее определение: «юридическая ответственность – обязанность всех граждан, должно-

стных лиц и организаций соблюдать предписания правовых норм» [5, с. 6], тем самым включая позитивную юридическую ответственность в состав юридической ответственности.

В то же время, А. П. Венгеров [5, с. 7] считает нацеленность на прошлое деяние основным признаком юридической ответственности и, следовательно, ее содержание представленным исключительно негативной (ретроспективной) юридической ответственностью. Многие авторы, оценивая негативную юридическую ответственность, увязывают ее с правонарушением, а иногда даже и со злоупотреблением правом [20].

Тем не менее, для целей настоящего исследования автор обращается к определению юридической ответственности, сформулированному Д. А. Липинским: «юридическая ответственность – юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера и их реализация» [5, с. 10]. Приведенное Д.А. Липинским определение раскрывает сущность юридической ответственности как совокупности двух ее основных форм – позитивной и негативной юридической ответственности.

В дальнейшем необходимо прояснить вопрос о понятии и соотношении представленных форм юридической ответственности. Сама идея выделения в структуре юридической ответственности таких форм, как позитивная и негативная юридическая ответственность, происходит из общей теории социальной ответственности, имеющей две стороны: позитивную (перспективную) – ответственность за будущее поведение субъекта и негативную (ретроспективную) – ответственность за уже совершенные действия.

Признание позитивной юридической ответственности характерно для «двухаспектного подхода» к пониманию юридической ответственности как таковой. Сторонники такого подхода определяют позитивную юридическую ответственность как «осознание долга, обязанность совершать действия, соответствующие природе общественного строя» [6, с. 10; 23] Эту концепцию развивает В. Н. Кудрявцев, предлагая рассматривать позитивную юридическую ответственность как добровольную форму реализации юридической ответственности, а негативную юридическую ответственность – как

принудительную [24]. Несмотря на отсутствие в юридической доктрине единого мнения по поводу сущности позитивной юридической ответственности, большинство теоретиков выделяют следующие ключевые признаки этого явления [6, с. 11].

- Позитивная юридическая ответственность имеет отношение лишь к будущему поведению субъектов права.

- Целью позитивной юридической ответственности является склонить субъектов права к будущему правомерному поведению.

- Позитивная юридическая ответственность обеспечена сознательным отношением субъектов к праву и закону, своеобразном внутреннем императиве.

- Позитивная юридическая ответственность проявляется в конкретных правоотношениях только при условии правомерного поведения субъектов.

- Одним из возможных путей реализации позитивной юридической ответственности являются позитивные санкции государства.

В свою очередь, негативная юридическая ответственность является наиболее понятной формой юридической ответственности как для специалистов, так и для простых обывателей, чаще всего она определяется в правовых нормах охранительного характера, которыми изобилует любая система права. Вопрос о сущности ретроспективной юридической ответственности в современной юридической доктрине также остается дискуссионным, однако, большинство исследователей сходятся во мнении относительно ключевого признака негативной юридической ответственности: негативная юридическая ответственность субъекта общественных отношений наступает как последствие совершенных им противоправных деяний, отчего и происходит ее второе название – ретроспективная юридическая ответственность. Такая ответственность не может реализовываться, воплощаться в конкретные общественные отношения без совершения субъектом противоправного деяния в виде правонарушения [22, с. 441].

Несмотря на некоторую определенность, вопрос родового признака негативной юридической ответственности все еще вызывает ряд противоречий в юридической доктрине, так, на основании различных способов ответить на этот вопрос позиции современных теоретиков права можно разделить на четыре группы [6, с. 16].

- Юридическая ответственность есть разновидность мер публичного принуждения.

- Юридическая ответственность есть сам процесс реализации мер государственного принуждения.

- Юридическая ответственность – особое (охранительное) правоотношение между органом публичной власти и лицом, нарушившим правовые нормы.

- Юридическая ответственность – особая правовая обязанность лица претерпеть меры государственного принуждения как следствие отказа субъекта от добровольного соблюдения правовых предписаний.

Именно подход, раскрывающий негативную юридическую ответственность как особую правовую обязанность наилучшим образом подходит для рассмотрения соотношения форм юридической ответственности, так как в этом случае, негативная юридическая ответственность может быть рассмотрена в связи с позитивной, как две составные части единой системы. Большинство сторонников негативной юридической ответственности в качестве субъективной юридической обязанности ее субъекта рассматривают обязанность претерпеть меры государственного принуждения, возникающую в рамках ретроспективной ответственности – как следствие отказа субъекта добровольно следовать установленным правовым нормам. Таким образом, можно сделать вывод, что, если позитивная юридическая ответственность устанавливает для субъектов общественных отношений первичную обязанность следовать указаниям норм права, то негативная юридическая ответственность, фактически, образуется как следствие не наступления позитивной юридической ответственности. Обязанность претерпеть меры государственного принуждения вторична по отношению к обязанности соблюдать правовые нормы, за нарушение которых и наступает ретроспективная ответственность.

В результате, негативная юридическая ответственность выступает в качестве своеобразного государственно-властного инструмента обеспечения реализации позитивной ответственности граждан, который необходимо использовать только в тех случаях, когда добровольное исполнение субъектами общественных отношений правовых предписаний (позитивная юридическая ответственность) не представляется возможным. В связи с насущной угрозой COVID-19 правительственные структуры всех стран мира вынуждены активно вмешиваться в жизнь общества дабы сдержать распространение вируса и минимизировать наносимый им вред, с этой целью ус-

танавливаются определенные меры административной ответственности, регулирующие поведение физических лиц. Мировая практика установления и реализации юридической ответственности позволяет лучше понять соотношение ее форм.

Для целей анализа динамики соотношения форм юридической ответственности, разумно привести ряд примеров норм юридической ответственности, возникших в мировой практике с начала распространения заболевания. На основании подобных примеров можно выделить корреляцию предпочтительных для конкретных государств форм юридической ответственности с различными факторами.

Для начала имеет смысл рассмотреть пример страны, противопоставившей свою эпидемическую политику всему остальному миру – Швеции. Большая часть ограничительных мер в этой стране строится на основании рекомендательных норм и уверенности правительства в добросовестном соблюдении этих норм гражданами [15, с. 46]. Большая часть подобных рекомендаций направлена на соблюдение инфицированными гражданами режима самоизоляции и защиту от заражения уязвимых групп населения.

Расчет шведского правительства на добровольное соблюдение рекомендательных норм выглядит вполне обоснованным, учитывая результаты недавних социологических исследований [13], демонстрирующих, что 74% респондентов в Швеции доверяют рекомендациям медицинских ведомств страны. Прямые запреты в связи с пандемической угрозой все-таки вводились, так, например, 31 марта 2020 года, после резкого роста числа заболевших, распоряжением премьер-министра Швеции были закрыты для посещения дома престарелых, а в последствии также был введен запрет для физических лиц на собрания больше 50 человек [15, с. 47].

Тем не менее, ни один из этих запретов так и не был обеспечен введением негативной ответственности за его несоблюдение. Какие-либо проявления негативной формы юридической ответственности в шведской модели борьбы с пандемией можно обнаружить только в регулировании работы организаций общественного питания, для их работы был установлен ряд правил, за нарушение коих предусматривалась ретроспективная ответственность в виде штрафов и принудительного закрытия заведения [15, с. 45].

Несмотря на то, что анализ Шведской политики борьбы с распространением COVID-19 четко указывает на значительное домини-

рование позитивной формы юридической ответственности в нормах, принятых правительством по этому вопросу, на конец октября 2020-го года существует информация о намерении шведского правительства ужесточить юридические ограничения в связи с неослабевающей пандемической угрозой [12].

Яркой противоположностью шведской «политике позитивной ответственности», является общемировая практика правовых мер реагирования на угрозу пандемии COVID-19 [21], большинство государств мира с этой целью активно прибегают к использованию негативной административной и уголовной ответственности. Вероятно, самые суровые меры в области негативной ответственности за нарушение санитарных норм были введены в КНР, они включают тюремный срок вплоть до 10 лет лишения свободы и даже смертную казнь в случаях осознанного отказа зараженного от лечения и изоляции, приведшего к заражению окружающих [20, с. 144].

В большинстве стран мира меры ретроспективной ответственности в связи с пандемической угрозой были значительно менее суровыми, чем в КНР.

Так, например, в Турции и Латвии в период первой волны распространения коронавируса меры негативной юридической ответственности за нарушение карантинных норм ограничивались административными штрафами, до 1500 евро в Латвии. Однако, уже в сентябре 2020-го года, сразу после значительного всплеска заболеваемости, правительство Турции публично заявило о намерении ввести уголовную ответственность за нарушение карантинных мер, наказание может достигать одного года лишения свободы [7].

В то же время, в большинстве стран мира изначально предусматривалась более серьезная ответственность за нарушения такого рода. Например, в таких странах как: Германия, Израиль, ОАЭ, Катар, Аргентина, Италия, Индия с начала периода пандемической угрозы, активно реализовывалась уголовная ответственность граждан за нарушение карантинных и санитарных норм [21, с. 145].

Отдельного внимания заслуживает опыт Италии, в этом государстве меры негативной юридической ответственности за нарушение санитарных норм в начале пандемии ограничивались преимущественно умеренными штрафами [21, с. 144]. Однако, одновременно со взрывным ростом заболеваемости и смертности в начале весны 2020-го, резко ужесточилась и юридическая ответственность, уже к 1 апреля 2020 санитарные нарушения могли наказываться штрафом

в размере до 4000 евро и лишением свободы от одного года до пяти лет [20, с. 145].

Ярким маркером ужесточения санитарного режима также послужил почти запрет на нахождение граждан на улицах и в иных общественных пространствах, за подобные нарушения также устанавливались значительные уголовные наказания, включавшие домашний арест до 30 суток и конфискацию транспортных средств [21, с. 145].

Также стоит заметить, что ужесточение мер юридической ответственности за нарушение ограничительного режима в Италии сопровождалось материальным обоснованием этой ответственности – государство предоставило участникам общественных отношений материальные средства для исполнения введенных обязательств. В рамках такой поддержки Итальянское правительство приостановило выплату налогов и иных взносов, а также взыскание предыдущих задолженностей для малого и среднего бизнеса. Кроме того, были установлены прямые выплаты и льготы при оплате труда для некоторых категорий населения [18, с. 86].

В современных условиях большой интерес для изучения представляет отечественная практика реализации юридической ответственности в целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Российский «правовой ответ» на угрозу распространения коронавируса включает в себя меры как позитивной, так и негативной юридической ответственности, пускай и при значительном преобладании последних.

На примере РФ можно отчетливо видеть динамику перехода форм юридической ответственности, так, нормы, предусматривающие позитивную ответственность физических лиц, появились в самом начале периода распространения коронавирусной инфекции в РФ. Первый правовой акт, устанавливающий рекомендательные нормы, направленные на предотвращение распространения инфекции был издан в марте 2020 года, когда в Российской Федерации было всего тридцать четыре официально зарегистрированных случая коронавирусной инфекции [8]. Таким актом можно считать письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека № 02/4162-2020-27 «О дополнительных мерах по организации СКК и медицинского наблюдения» от 15 марта 2020 г. [9].

В данном документе даются ключевые рекомендации по противодействию распространению коронавируса в РФ, направленные на различные субъекты правоотношений, в том числе и на граждан. В приложении к письму устанавливается обязанность граждан, прибывающих на территорию РФ из неблагополучных по COVID-19 стран, соблюдать 14-дневный «режим самоизоляции».

Согласно упомянутому документу «самоизоляция – изоляция лиц, пребывающих из неблагополучных по COVID-19 стран, в изолированной квартире с исключением контакта с членами своей семьи и другими лицами». Характер позитивной юридической ответственности этого административного режима проявляется в самостоятельности принимаемых действий. Ведомство полагается на сознательность граждан в том, чтобы сообщить органам власти о принадлежности к изолируемой группе и соблюсти самоизоляцию.

Определенные меры административного принуждения, такие как контроль со стороны участковых инспекторов или принудительная изоляция в случае нарушения режима также предусматриваются данным документом, однако, возможность их применения на практике не была достаточно обоснована, так как не были предприняты действия для выявления лиц, подлежащих применению режима самоизоляции и, следовательно, принудительной изоляции в при его нарушении. В таких условиях режим самоизоляции может рассматриваться как совокупность «норм-самообязательств», то есть норм, характеризующихся добровольностью и самостоятельностью их исполнения [4, с. 230].

Другим важным актом, устанавливающим в том числе и позитивную юридическую ответственность юридических лиц, является постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID - 2019» [10], данный акт в свою очередь устанавливал процедуру сдачи обязательных ПЦР тестов на COVID-19 лицами, пребывающими на территорию РФ из иностранных государств. Тем не менее, этот акт также изначально не был обеспечен какой-либо ретроспективной юридической ответственностью, его исполнение также должно было обеспечиваться, преимущественно, правосознанием граждан.

В целом, в Российской Федерации было принято достаточно немного мер позитивной юридической ответственности, направленной на предотвращение распространения COVID-19 и об их эффек-

тивности можно судить хотя бы по тому, что уже к концу марта 2020 года количество подтвержденных случаев заражения коронавирусной инфекцией РФ превысило 2000 [8]. Можно сказать, что в марте 2020 были сформированы основные рекомендации, соблюдение которых необходимо для сдерживания распространения коронавирусной инфекции, но какое-либо обеспечение их мерами негативной юридической ответственности отсутствовало.

Масштабное введение мер негативной юридической ответственности для физических лиц за действия, связанные с нарушением установленных санитарно-эпидемических правил, началось с апреля 2020 года. Основу этой новой системы негативной юридической ответственности заложил Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и ст.ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» [16] и Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [17]. К моменту принятия названных федеральных законов количество заболевших COVID-19 в РФ превышало 2.800 человек [8].

Значение ФЗ № 99-ФЗ можно охарактеризовать вполне однозначно, данный законодательный акт устанавливает негативную юридическую ответственность уголовно-правового характера для защиты наиболее важных общественных отношений, ущерб которым может быть нанесен в следствии нарушения санитарно-эпидемических правил.

Так, в структуру УК РФ вводятся статьи 207.1 и 207.2, предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, мера ответственности за подобные действия, в зависимости от наступивших общественно опасных последствий может быть достаточно серьезной, вплоть до лишения свободы на срок до пяти лет. Подобные нормы стали своевременной реакцией государства на массовое распространение опасной дезинформации о природе и методах лечения COVID-19, в том числе конспирологических теорий и прямых призывов прибегать к опасным для жизни и здоровья методам лечения.

Кроме того, статья 236 УК РФ, изначально устанавливавшая ответственность за нарушение санитарно-эпидемических правил, дополняется частями 2 и 3, устанавливающими более тяжелую юридическую ответственность за нарушение установленных санитарно-

эпидемических правил в зависимости от общественно опасных последствий.

Так, за нарушение санитарно-эпидемических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, устанавливается уголовная ответственность вплоть до пяти лет лишения свободы. В случае, если подобное нарушение повлекло смерть двух или более лиц, максимальный размер наказания достигает уже семи лет лишения свободы. Поддерживаемые этими уголовно-правовыми нормами «Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации», были установлены постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 [11].

В свою очередь, ФЗ № 100-ФЗ вводит широкий спектр норм, устанавливающих ретроспективную административную ответственность за нарушение общественных отношений в сфере борьбы с COVID-19. Так, статья 6.3 КоАП была дополнена частью 2, устанавливающей большую, в сравнении с частью 1, административную ответственность за нарушение санитарных предписаний именно в условиях угрозы распространения общественно-опасного заболевания. Наказание для граждан за подобные нарушения составляет штраф в размере до 15.000 рублей по общему правилу и до 300 000 рублей в случае, если указанные нарушения повлекли причинение вреда здоровью и жизни граждан.

Кроме того, данным ФЗ в структуру КоАП РФ вводится статья 20.6.1, устанавливающая административно-правовую ответственность за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации и, что важно, угрозе ее возникновения. В зависимости от общественно-опасных последствий, за подобные нарушения гражданин может быть оштрафован на сумму до 50 000 рублей. Об эффективности практической реализации мер негативной ответственности, установленных в рамках борьбы с угрозой пандемии COVID-19, можно судить исходя из активности органов власти в правоприменении норм КоАП РФ, устанавливающих негативную ответственность за нарушение санитарных предписаний.

Так, по информации сайта МВД РФ уже в начале апреля сотрудниками МВД было составлено 1.250 протоколов о соответствующих административных правонарушениях [14, с. 193]. Описанная система юридической ответственности, пускай и создавалась в скором порядке на раннем этапе пандемии, вполне эффективно при-

меняется в течении всего периода борьбы российского государства с угрозой COVID-19.

В заключение, разобрав теоретические вопросы сущности и соотношения форм юридической ответственности, проанализировав мировую и отечественную практику перехода форм юридической ответственности в условиях инфекционной угрозы, необходимо сделать следующие выводы.

Несмотря на определенный плюрализм в подходах к пониманию юридической ответственности и ее форм, позитивную и негативную формы юридической ответственности имеет смысл рассматривать как два различных пути регуляторного воздействия государства на поведение субъектов правоотношений. Применение той или иной формы или их определенного соотношения в конкретной ситуации зависит от характеристик общественной действительности.

В свою очередь, опыт пандемии COVID-19 и «правовой борьбы» с ней демонстрирует, что соотношение форм юридической ответственности, устанавливаемой конкретным государством в кризисной ситуации, зависит от трех ключевых параметров.

- Правосознания и уровня гражданской культуры граждан – их способности исполнять властные распоряжения исходя из собственного осознания необходимости такого поведения.
- Степени существующей угрозы безопасности общества и государства, а следовательно, и этической оправданности жестких ограничений и наказаний, вводимых для борьбы с ней.
- Способности государственного силового аппарата эффективно реализовать меры властного принуждения и негативной юридической ответственности, в случае ее применения.

В рамках анализа российского опыта применения различных форм юридической ответственности для борьбы с угрозой COVID-19 можно прийти к выводу, что в традиционных для России условиях крайне низкой правовой культуры, в деле борьбы с угрозой общественной безопасности российское государство традиционно в значительно большей степени полагается на меры негативной юридической ответственности и свой развитый силовой аппарат, способный эти меры реализовать.

Источники и литература

1. *Арзуманов И. А.* Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 235 с.
2. *Воронцов С. А.* О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства, в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – №. 5. – С. 50–53.
3. *Габиева С. М.* Пределы ограничения прав и свобод в Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – №. 8. – С. 27–29.
4. *Конев С. И.* Санитарно-эпидемиологическое благополучие граждан и ограничительные режимы в административном праве // Вестник экономической безопасности. – 2020– №. 3. – С. 225–231.
5. *Кузьмин И. А.* Проблемы реализации юридической ответственности. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 167 с.
6. *Кузьмин И. А.* Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.
7. Нарушителям карантина в Турции может грозить тюремный срок [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/09/24/narushiteliam-karantina-v-turcii-mozhet-grozit-tiuremnyj-srok.html> (дата обращения: 10.11.2020).
8. Официальный ресурс ВОЗ: ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ [электронный ресурс] // URL: <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d> (дата обращения: 07.11.2020).
9. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 15.03.2020 г. № 02/4162-2020-27 «О дополнительных мерах по организации СКК и медицинского наблюдения». [электронный ресурс] // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/73864788/> (дата обращения: 08.11.2020).
10. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID - 2019» [электронный ресурс] // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/73764449/> (дата обращения: 08.11.2020).
11. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повы-

шенной готовности или чрезвычайной ситуации» [электронный ресурс] // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73741778/> (дата обращения: 08.11.2020).

12. Похоже на изоляцию: Швеция меняет стратегию по COVID-19 [электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/19/13324639.shtml> (дата обращения: 9.11.2020).

13. Рекомендации вместо запретов. Как Швеция справляется с эпидемией коронавируса - и справляется ли? // URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/20/rekomendatsii-vmesto-zapretov-kak-shvetsiya-spravlyaetsya-s-epidemiyei-koronavirusa-i-spravlyaetsya-li>

14. *Синицына Ю. С.* К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за нарушение карантина // Роль и значение науки в обществе и ее влияние на инновационное развитие. – 2020. – С. 191–197.

15. *Сорокина Е. А.* Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3.

16. Федеральный Закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и ст.ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // URL: <http://base.garant.ru/73828146/>

17. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <http://base.garant.ru/73828142/>

18. *Штырняева Е. А.* К вопросу о правовых мерах, направленных на борьбу с пандемией (на примере России, Италии и США) // Лучшая научная статья. – 2020. – С. 84–88.

19. *Юрицин А. Е., Голованова Т. В.* Административная ответственность за нарушения карантинных ограничений // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – №. 4. – С. 568–573.

20. Revnov B., Komarov S. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. – Pages 1188-1197.

21. Starodubov S., Vladyshevska V., Pyzhova M. Liability for Violation of Quarantine: Novelty of Administrative and Criminal Legislation // Ius Humani. Law Journal. 2020. Vol. 9. №. 2. – P. 137–158.

22. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

23. *Комаров С.А., Чепус А.В.* Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации: статья // Юридическая мысль. – 2015. – № 5. – С. 35-42.

24. *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986. – 448 с.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос влияния цифровых технологий на процесс правотворчества. Затрагиваются различные аспекты влияния цифровизации на такие процессы, как вовлечение населения в правотворческую деятельность, на систематизацию правотворческого процесса, уровень юридической техники и качество принимаемых законопроектов, а также приводятся возможные варианты разрешения проблем по ряду вопросов.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, правотворчество, правотворческая деятельность государства, юридическая техника, технологический прогресс, законопроект.

INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON LAW-MAKING ACTIVITIES OF THE STATE

Annotation. This article examines the impact of digital technologies on the lawmaking process. Various aspects of the impact of digitalization on such processes as the involvement of the population in lawmaking, on the systematization of the lawmaking process, the level of legal technique and the quality of the adopted draft laws are touched upon, as well as possible options for resolving problems on a number of issues.

Key words: digital technologies, digitalization, lawmaking, state lawmaking, legal technique, technological progress, draft law.

Цифровые технологии все больше проникают в нашу жизнь,

---

*Карпец Дмитрий Владимирович, студент 3 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Джура Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Karpets Dmitry Vladimirovith, 3rd year student of East Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Dzhura Victoria Vladimirovna**, candidate of legal sciences, associate professor, East Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

во все сферы общественной жизни, что приводит к необходимости обеспечить соответствующую правовую базу, позволяющую регулировать новые общественные отношения. Цифровизация позволяет существенно расширить возможности государства в сфере государственного управления, правотворческой деятельности, экономической сфере. Все эти процессы являются объективными, поскольку связаны с технологическим прогрессом, неизбежным развитием новых технологий, в том числе и цифровых.

В сфере правотворческой деятельности процессы цифровизации позволяют более эффективно поддерживать обратную связь между обществом и государством, путем мониторинга общественного мнения, непосредственного контакта с социальными группами, чьи интересы затрагиваются в процессе правотворчества. Также цифровые технологии позволяют обеспечить большую прозрачность, поскольку позволяют опубликовать проекты новых нормативно-правовых актов для широкого круга граждан, что позволяет им лучше понять процесс правотворчества. При создании законопроектов в будущем возможно будет использовать специализированные программы для учета общественного мнения и внедрения наиболее популярных и(или) юридически корректных инициатив в разрабатываемые законопроекты, что позволяет учесть интересы широкого круга граждан.

Однако у этого процесса есть и обратная сторона. Как отмечено в докладе Всемирного банка «Государственное управление и закон», внедрение информационно-коммуникационных технологий способно усиливать социальное неравенство в вопросах вовлеченности граждан в государственное управление, что позволяет поставить вопрос о так называемом цифровом разрыве [1, с. 25]. Цифровые технологии переносят сам процесс обсуждения и даже принятия законов, а также их публикации в виртуальную среду. В итоге граждане, не владеющие данными технологиями или не имеющие доступа к интернету, фактически теряют возможность участвовать в обсуждении законопроектов. Такая ситуация ведет к ущемлению их прав и законных интересов, влечет за собой снижение уровня демократичности правотворческого процесса. Для того, чтобы этого избежать, необходимо расширить программы обучения пользования цифровым технологиям, особенно это касается людей пожилого возраста, за которыми традиционно сохраняется лидерство в плане электоральной и политической активности. Данная мера позволит интегрировать их в современные процессы и избежать игнорирования их инте-

ресов при принятии важных решений.

Цифровые технологии при их внедрении в правотворческую деятельность могут также способствовать ее качественному упорядочению. Как отметил в выступлении на Петербургском юридическом форуме В. Д. Зорькин, цифровизация позволит «упаковать» нормативные акты в программный код с целью обеспечения стройности их системы, определенности и однозначности их содержания» [3]. Это представляется особенно важным в свете тех новых процессов, которые происходят в праве сегодня.

Как констатируют исследователи, в современных условиях отмечается появление особых «циклических правовых массивов», которые пронизывают всю систему права или значительную часть ее элементов, не обособляясь при этом в качестве отраслей или институтов права [7, с. 90]. Вследствие этого систематизация правовых норм при помощи цифровых технологий, их структурирование является особенно важным. Однако, как было сказано выше, цифровые технологии существенно меняют все сферы общественной жизни и это требует соответствующего правового регулирования, о чем уже указывалось в юридической литературе последние годы [2].

В целях совершенствования процесса правотворчества государством создаются различные информационные системы, в основе которых лежат цифровые технологии. Это государственная автоматизированная система «Правосудие», Федеральная государственная информационная система территориального планирования, Федеральная государственная информационная система ценообразования в строительстве, Единая государственная информационная система социального обеспечения, Государственная информационная система миграционного учета, Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней, Государственная информационная система промышленности.

Принимаются программы внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления. Например, Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. утвержден Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа направлена на усиленное финансирование развития цифровой экономики; совершенствование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных и

обеспечение доступа к ней; обеспечение использования органами и организациями отечественного программного обеспечения [4].

Однако, несмотря на активную работу государства, можно наблюдать определенные проблемы в данной сфере. Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе многократно ускоряются. Появляются все новые и новые группы отношений, в том числе складывающихся в виртуальном пространстве, которые не урегулированы правом. В итоге правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся.

В этих условиях процессы цифровизации приводят к тому, что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер. Многие принимаемые нормативные акты устаревают уже в тот момент, когда они вступают в силу. Результатом отставания процесса правотворчества является низкое качество законопроектов, которые вследствие несвоевременной реакции на объективные процессы развития цифровых технологий неспособны корректно регулировать изменяющиеся общественные отношения. В этих условиях возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности [6, с. 8].

Решение проблемы отстающего правотворчества видится в числе прочего в более широком внедрении в практику юридического прогнозирования.

Юридическое прогнозирование представляет собой научное предвидение процессов и явлений в правовой сфере. Оно отличается вариативностью и анализом возможных рисков. Влияние цифровых технологий на юридическое прогнозирование заключаются в том, технологии позволяют проводить прогнозирование при помощи специальных компьютерных программ, использовать моделирование, привлекать для составления прогнозов гораздо больший, чем прежде, и даже практически неограниченный объем данных. Все это по-

вышает точность прогнозирования и возможность его использования для развития правотворческой деятельности [5, с. 55].

Также процессы цифровизации оказывают влияние на уровень юридической техники. Текущий уровень развития цифровых технологий позволяет создавать специализированные программы, способные проводить экспертизу уже принятых нормативных правовых актов и законопроектов на соответствие конституции и другим федеральным законам, что позволяет избежать ошибок в процессе правотворчества и снизить влияние уровня компетенции субъекта правотворчества на результат правотворческой деятельности.

Подводя итоги, можно сказать о том, что влияние цифровых технологий на правотворческую деятельность государства сложно недооценить. Процесс цифровизации существенно ускоряет все процессы развития общественных отношений, что приводит к существенному повышению активности государства в процессе правотворчества и выдвигает соответствующие требования к его качеству, уровню юридической техники. На последнее развитие цифровых технологий также оказывает прямое влияние. Процесс цифровизации позволяют систематизировать и структурировать процесс правотворчества на невиданном ранее уровне для его соответствия требованиям времени.

Помимо всего вышеперечисленного, цифровизация позволяет вовлечь в правотворческую деятельность все большее количество граждан, представляющих различные социальные группы. Но для качественного продвижения на этом пути необходимо устранить препятствие в виде низкого уровня вовлеченности в современные процессы отдельных социальных групп.

Источники и литература

1. Всемирный банк. 2017 год. Доклад о мировом развитии 2017 «Государственное управление и закон». Обзор. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. DOI:10.1596/978-1-4648-0950-7. – 42 с.

2. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9-26; *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-

правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20-36; *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25-37; *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17-27.

3. *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета, 2018. Столичный выпуск. № 7578 (115).С. 1–4.

4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 24 декабря 2018 г. // <http://government.ru/news/35168/>

5. *Тихомиров Ю. А.* Право: прогнозы и риски. – М., 2015. – 240 с.

6. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. С. 5–16.

7. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. –С. 84–102.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ XXI ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса цифровизации, происходящего на современном этапе развития общества и государства. Установлено, что многие сферы, среди которых образование, медицина, сельское хозяйство, государственные услуги и др., уже используют цифровые технологии. Процессы цифровизации несут в себе большое количество положительных стороны, однако, есть и негативные – дублирование электронных услуг бумажными носителями. В этой связи особое внимание стоит уделить четкой государственной политике в этой сфере и минимизации отрицательных качеств рассматриваемого явления.

Ключевые слова: общество, государство, государственные услуги, цифровизация, электронная форма.

DIGITALIZATION OF THE XXI CENTURY: OPPORTUNITIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article is devoted to the study of the digitalization process taking place at the present stage of development of society and the state. It has been established that many areas, including education, medicine, agriculture, government services, etc., are already using digital technologies. Digitalization processes carry a large number of positive aspects, however, there are also negative aspects - duplication of electronic services with paper ones. In this regard, special attention should be paid to a clear state policy in this area and to minimize the negative qualities of the phenomenon under consideration.

***Кирычкова Елизавета Дмитриевна**, студентка 1 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия. Научный руководитель: **Анисимова Алина Сергеевна**, кандидат юридических наук, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия.

Kiryachkova Elizaveta Dmitrievna, 1st year student of Saratov state law academy, Saratov, Russia. Scientific curator: **Anisimova Alina Sergeevna**, candidate of legal sciences, Saratov state law academy, Saratov, Russia.

Key words: society, state, public services, digitalization, electronic form.

Цифровые технологии – это новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества в целом. Их внедрение в различные сферы жизни способствует повышению качества жизни и развитию экономики. На сегодняшний день, этот процесс принято называть цифровизацией, который заключается в переносе информации в более доступную среду – электронную, где ее гораздо проще получать, исследовать, оперативно решать с ее помощью различные вопросы.

Аудиторско-консалтинговой компанией EY в октябре 2017 года был проведен анализ общего уровня цифровизации, по которому Россию признали одним из трех городов мира, население которых больше других довольно уровнем развития цифровых технологий. В тройку лидеров также входит Лондон и Нью-Дели [1].

В нашей стране активно развивается официальный портал государственных услуг Российской Федерации «ГосУслуги». С начала работы этого сайта, правительством осуществляется обширная работа по продвижению его работы: все больше услуг предоставляется в электронном виде (услуга по выбору избирательного участка на выборах Президента РФ, возможен вызов врача на дом, получение услуг возможно вне зависимости от местонахождения, оплата штрафов, коммунальных услуг и иных госпошлин, подача заявлений на регистрацию автотранспорта, подача заявления на оформление и выдачу загранпаспорта, заявление на регистрацию брака и др.); все оформленные документы в электронном виде являются официальными и имеют юридическую силу также как и в обычном виде. Более того, законодатель отслеживает текущую ситуацию с Интернетом, его возможности, внося изменения как в саму систему электронного правительства, так и непосредственно в правовые акты [2].

Стоит сказать о том, что в условиях мировой пандемии Covid – 19 спрос на подобные сайты все больше увеличивается.

Активно применяются цифровые технологии в образовании и работе – переход на удаленную работу, дистанционное обучение; в сельском хозяйстве и агропромышленном производстве [3]; в медицине [4]; при доказывании преступлений [5]; в процессе защиты и обработки информации [6] и многих других.

Одним из проявлений цифровизации выступает использование роботизированных технологий. Например, при звонках в банки/операторам мобильной связи отвечает виртуальный помощник, который распознает голос человека, анализирует заданный им вопрос, дает на него ответ или соединяет с оператором [7].

Процесс цифровизации невозможен без ее поддержки со стороны государства. Так, работа сайта госуслуги обеспечивается рядом документов: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; требования к Единому portalу государственных услуг (ЕПГУ или Госуслуги) перечислены в постановлении Правительства РФ от 24.10.2011 г. № 861 (ред. от 18.11.2019 г.) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Правилами ведения федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», «Требованиями к региональным portalам государственных и муниципальных услуг (функций)») [2].

Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (ред. от 19.10.2020 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» была принята программа, целью которой выступает повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий [8].

Кроме того, планируется обеспечение качественными и доступными услугами связи и доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в том числе универсальными услугами связи; развитие информационной среды и обеспечение равного доступа граждан к медиасреде; предупреждение угроз в информационном обществе, обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке

и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства; обеспечение за счет использования информационно-телекоммуникационных технологий реализации в электронной форме полномочий государственных (муниципальных) органов власти, в том числе полномочий по предоставлению гражданам и организациям государственных (муниципальных) и иных социально значимых услуг (исполнению функций), а также повышение качества государственного управления и оперативности взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и организаций.

Таким образом, государством осуществляется политика по применению и поддержке развития цифровых технологий, а также их внедрения для повсеместного использования.

Стоит отметить, что процессы цифровизации несут в себе большое количество положительных сторон, среди них:

- расширение спектра возможностей во всех сферах жизни общества;

- вклад в экономическую и социальную стабильность государства. Экономическая стабильность заключается в постоянном и последовательном возобновлении производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг; социальная стабильность подразумевает под собой отлаженный процесс и механизм социальных изменений, сохраняющих стабильности и исключаящий политическую борьбу;

- появление новых кадров, высококвалифицированных специалистов в области использования таких технологий. Примером таких профессий являются: digital – маркетологи, юристы – консультанты по работе в Сети, оператор беспилотников и др.;

- экономия времени для получения необходимой информации (сведения можно получить за доли секунд, в том числе и решить необходимый вопрос);

- увеличение производительности. К примеру, автоматизированный ответ при звонке в банк, мобильную службу способствует освобождению от ряда вопросов работников.

Вместе с тем, использование цифровых технологий несет в себе и ряд негативных моментов:

- возможность наступления цифрового хаоса, т.е. беспорядка;

– проблем обеспечения безопасности граждан в электронной среде (приведи кол-во правонарушений в электронной сфере со ссылкой);

– увеличение цифрового неравенства. Цифровое неравенство порой называют цифровым барьером, ограничивающим возможности социальной группы по причине отсутствия у нее доступа к современным средствам коммуникации.

Кроме того, несмотря на перевод большинства услуг в электронный вид, пока отмечается тенденция дублирования электронных и бумажных документов. По мнению, отдельных ученых важно адаптировать государственную систему к современным технологиям, убрать дублирование электронной и бумажной документации, т.к. эти процессы приводят к транзакционным издержкам для государства и бизнеса [9]. Противоположным примером может послужить портал «Мой Арбитр», где можно подать документы через портал и они подписываются усиленной квалифицированной подписью.

Из вышесказанного следует, что развитие цифровых технологий в современном государстве – тот процесс, который уже запущен в современном мире и требует дальнейшего развития. Электронное государство в силах обеспечить наиболее устойчивое социально – экономическое развитие общества и государства в целом. Но, стоит учитывать все детали и минимизировать отрицательное проявление цифровизации.

Источники и литература

1. *Капранова Л. Д.* Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 58-69.

2. *Анисимова А. С.* Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики. – Саратов, 2019. – 225 с.

3. *Бисалиев А. С.* Проблемы внедрения цифровых технологий в сельском хозяйстве региона // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции.– 2020. – С. 122-124.

4. В России вступает в силу закон о телемедицине // Российская газета, 2018, 1 января; Наш ответ Да Винчи // Российская газета, 2019, 3 марта.

5. *Обидин К. В.* Использование цифровых технологий в доказывании отдельных видов преступлений // В сб.: Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2019. – С. 145-152.

6. *Стельмашонок Е. В., Васильева И. Н.* Цифровые технологии обработки и защиты информации. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – 161 с.

7. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под редакцией А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования, 2019. – 344 с.

8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (ред. от 19.10.2020 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>(дата обращения 30.10.2020).

9. *Кириленко В. П., Фотопулу А.* Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 2. – С. 49-56.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. Предложенная статья рассматривает проблемы становления и развития института ювенальной юстиции в России. Понимание ювенальной юстиции осложнено факторами социального, культурного и религиозного характера, которые рассматриваются в статье как преграда для введения ювенальных технологий на территории России. В статье приведены плюсы и минусы внедрения в правовую систему Российской Федерации ювенальных судов. Проведен анализ целесообразности реформирования правовой системы и предложены пути решения проблемы правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, угрозы ювенальной юстиции, правосудие, защита прав несовершеннолетних, институт семьи, гражданское общество.

JUVENILE JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF FORMATION

Annotation. The article deals with the problems of formation and development of the Institute of juvenile justice in Russia. The understanding of juvenile justice is complicated by social, cultural and religious factors, which are considered in the article as a barrier to the introduction of juvenile technologies in Russia. The article presents the pros and cons of introducing juvenile courts into the legal system of the Russian Federation. The author analyzes the feasibility of reforming the legal system and suggests ways to solve the problem of juvenile delinquency.

---

*Клепцова Лилия Витальевна, студентка 1 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Зарубаева Евгения Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Kleptsova Lilia Vitalievna, 1st year student of East-Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Zarubaeva Yevgeniya Yurievna**, candidate of legal sciences, associate professor, East-Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

Key words: juvenile justice, threats to juvenile justice, justice, protection of minors' rights, the institute of family, civil society.

В настоящее время важнейшим направлением государственной социальной политики в Российской Федерации является соблюдение и защита прав несовершеннолетних. Данный вектор политики Российской Федерации обозначен в Конституции, а именно в статье 67.1: «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [5]. Исходя из этого, следует отметить, что проблема внедрения и совершенствования в России ювенальных технологий отвечает государственным целям, так как защита прав детей является залогом развития здорового общества.

Понимание ювенальной юстиции в России осложнено многими факторами, как религиозного, так и социального характера. В российском обществе нет единства во мнениях по поводу ювенальной юстиции как среди ученого сообщества, так среди граждан и общественных объединений. Но все же, в России превалирует негативное отношение к ювенальной юстиции и это связано прежде всего с нежеланием перенимать «западные» ценности и институты. Люди противятся введению ювенальной юстиции в правовую систему России во многом из-за негативного опыта ее работы в Скандинавских странах, странах Запада и США, где, по мнению ряда лиц, государство нарушает целостность семьи путем изъятия из детей за малейшую провинность родителей.

Касательно определения понятия ювенальной юстиции, современные ученые не могут прийти к единому мнению, поэтому в данном случае существуют разночтения. На наш взгляд, самое полное понятие ювенальной юстиции дал профессор В. Д. Ермаков, который разработал в 1999 г. проект закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции в РФ». В ст. 1 В. Д. Ермаков дает определение понятию ювенальной юстиции: «Ювенальная юстиция – это совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и про-

грамм, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций» [3].

Чтобы наиболее полно осветить тему ювенальной юстиции, необходимо рассмотреть историю возникновения данной судебно-правовой системы в России и в мире.

Понятие ювенальная юстиция первоначально относилось к особым судам для несовершеннолетних, совершивших какие-либо преступления. Первый такой суд был учрежден в 1899 г. в США на основании закона штата Иллинойс «О детях покинутых, беспризорных и преступных и о присмотре за ними». Вследствие введения данного закона в правовой оборот были введены такие понятия как «виновный» и «правонарушитель», заменявшие термин «преступник». Также появился и сам субъект ювенальной юстиции – несовершеннолетний правонарушитель.

Обратимся к истории России. Уже в Российской империи существовали нормативно-правовые акты, выделяющие несовершеннолетних в отдельную группу. Примером может служить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., по которому уголовная ответственность была ограничена возрастом семи лет.

В советский период истории несовершеннолетних также выделяли в отдельную группу правонарушителей. Так, существовали различные административные комиссии для несовершеннолетних, разбиравшие дела, касающиеся именно этой возрастной группы.

В постсоветский период был принят ряд нормативно-правовых актов, заложивших основу ювенальной юстиции в современной России. Среди них можно выделить федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Первые принципы ювенальной юстиции в России были закреплены указом Президента РФ № 942 от 14 сентября 1995 г., утвердившим «Национальный план действий в интересах детей». Согласно данному плану в число мер по укреплению правовой системы защиты детей было предусмотрено создание системы ювенальной юстиции.

Важнейшим моментом в формировании системы ювенального правосудия в России стали постановление Пленума Верховного суда

РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» и распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р «Национальная стратегия действий в отношении детей». Приведенная стратегия содержит фундаментальное положение, по которому предусматривается «внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств» [7]. Данное положение является доказательством того, что в России активно внедряются ювенальные концепции.

В этот же период на парламентских слушаниях в Государственной думе активно обсуждались проекты Основ законодательства «О ювенальной юстиции в Российской Федерации», Федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе в Российской Федерации"».

Но такие решительные действия не нашли поддержки в российском обществе. Так, 22 сентября 2012 г. В Москве прошел митинг против закона о ювенальной юстиции, в котором участвовало более двух тысяч человек. Следует отметить, что активную роль в организации и проведении данного митинга сыграла церковь.

Но все же, несмотря на негативную реакцию гражданского общества, в РФ есть определенный опыт осуществления ювенальных технологий на практике. Так, в 2000-2010 гг. были проведены правовые эксперименты с созданием пятнадцати ювенальных судов в г. Таганроге, Шахты, Ростове, Санкт-Петербурге, Перми и других городах России.

В 2001 году в Ростовской области был запущен проект «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних, направленный на создание ювенальных судов в РФ. А уже в 2003 году в Ростовском областном суде был образован специальный судебный состав по делам несовершеннолетних в судебной коллегии по уголовным делам, рассматривающий дела несовершеннолетних в кассационном порядке.

В марте 2004 года в Таганроге был открыт первый ювенальный суд в РФ. Но его полномочия ограничились выделением специ-

альных судей для несовершеннолетних, а для заседаний с участием несовершеннолетних было выделено отдельное здание.

По сообщениям Общественной палаты РФ, в ходе проведения правового эксперимента, в 2010 году в России функционировало 10 специализированных судебных составов судов общей юрисдикции, рассматривающих дела с участием несовершеннолетних:

1. Ростовская область: Таганрогский городской суд (2004 г.), Шахтинский городской суд (2005 г.), Егорлыкский районный суд (2006 г.), Азовский городской суд (2010 год).

2. Иркутская область: Ангарский городской суд (2006 год).

3. Республика Хакасия: Абаканский городской суд (2006 год).

4. Камчатский край: Петропавловск-Камчатский городской суд.

5. Липецкая область: Елецкий районный суд (2008 г.).

6. Брянская область: Володарский и Бежицкий районные суды города Брянска, Дубровский районный суд.

Также стоит отметить, что в настоящее время в российской системе права отсутствует понятие ювенальная юстиция как таковое. Но при этом ювенальные технологии фактически используются уже довольно продолжительное время.

В федеральных документах для этого вместо «ювенальной юстиции» и «ювенальных технологий» используются другие термины: «дружественное к ребенку правосудие» (национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы (утв. указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) и «восстановительное правосудие» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 года №1430-р «О Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации»).

В 2009 году общественный центр «Судебно-правовая реформа» создал Всероссийскую ассоциацию восстановительной медиации, которая включает около 30 регионов. По данным мониторинга центра, в 2018 году семь регионов России применяли программы восстановительного правосудия в делах по уголовным преступлениям несовершеннолетних: Пермский край, Архангельская область, Алтайский край, Кемеровская область, Томская область, Чувашская Республика и Республика Татарстан [4].

Но наибольшее распространение получила практика применения таких программ в делах по общественно-опасным деяниям детей, не достигшим возраста уголовной ответственности, и административным делам. Суды, не входящие в приведенный мониторинг, также работают в данном направлении, о чем свидетельствует практика судов Липецкой и Свердловской областей.

Для эффективного рассмотрения дел в рамках «восстановительного правосудия» в отношении несовершеннолетних, судьи сотрудничают с государственными и негосударственными органами. Среди них можно выделить комиссии по делам несовершеннолетних, службы примирения и медиаторские центры, социальные службы, подразделения по делам несовершеннолетних МВД, органы опеки.

Заявку на восстановительную программу оставляют суды или комиссии по делам несовершеннолетних на стадии предварительного следствия. Работа восстановительной программы производится в нескольких направлениях: во-первых, программа направлена на примирение правонарушителей и пострадавших; во-вторых, данную программу должна пройти также и семья несовершеннолетнего правонарушителя – работа не только с ребенком, но и с его окружением обеспечивает эффективность дальнейшей реабилитации правонарушителя и снижает риск рецидивов. По результатам прохождения ребенком восстановительной программы суд и принимает дальнейшее решение.

Ярким примером работы восстановительных программ, может служить «Программа семейных конференций и советов», разработанная общественным центром «Судебно-правовая реформа». Работа данной программы направлена на профилактику и снижение социального сиротства среди детей.

Таким образом, внедрение элементов ювенальной юстиции, по мнению ряда специалистов, дало положительные результаты. Работа в этом направлении позволила: оптимизировать меры профилактики правонарушений среди несовершеннолетних; обеспечить адресность и справедливость правовых решений, принятых в отношении несовершеннолетних; привести к сокращению правонарушений несовершеннолетних и сокращению числа осужденных несовершеннолетних, направляемых в места лишения свободы; обеспечить реальность защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Однако данные положительные тенденции внедрения ювенальной юстиции не получили дальнейшего развития и более того – встретили сопротивление со стороны гражданского общества. В чем же кроются причины такого неприятия?

В основном противники введения ювенальной юстиции указывают следующие ее негативные стороны: недостаточный уровень ответственности работников ювенальных служб; развешенные полномочия ювенальных служб; проявление презумпции виновности родителей; неопределенность терминов в ювенальной законодательстве; признание неблагополучными семей с тяжелым материальным положением; извлечение детей из семей по широким и неопределенным критериям; отрицательный опыт ювенальной юстиции в зарубежных странах.

Даже среди представителей власти нет единого мнения об образовании ювенальных судов на государственном уровне. Так, в 2012 году в беседе с журналистами Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко высказалась против создания в России ювенальных судов, заявив следующее: «Я категорически против введения в России ювенальной юстиции, исходя из традиций нашей страны... юстиция, конечно, должна быть благожелательной к детям. Это не означает, что нужно создать ювенальные суды. Я противница принятия такого решения» [6].

На позиции отрицания ювенальной юстиции стоял также и бывший уполномоченный по правам ребенка в России Павел Астахов, который отмечал в интервью: «Следует отказаться от внедрения ювенальной юстиции, поскольку она является избыточной системой мер. Органы опеки, суды и другие структуры, действующие на территории России со времен СССР, вполне эффективны для разрешения конфликтов с участием несовершеннолетних и без системы ювенальной юстиции. Необходимо приложить усилия для совершенствования существующей системы детских исправительных учреждений или создать совершенно другую систему» [1].

Важнейшую роль в формировании общественного мнения о ювенальной юстиции играет церковь, которая выступает категорически против вмешательства государства в семью. Так, в одном из своих выступлений, епископ Павло-Посадский Кирилл отметил следующее: «выявлять нарушение прав ребенка в семье необходимо на ранней стадии. Однако следует, прежде всего, учитывать особенности российского общества при решении данной проблемы и пом-

нить, что и на федеральном, и на региональном уровнях создан институт уполномоченного по правам ребенка, задачей которого является в том числе и рассматривать обращения и жалобы детей. Встречаясь с представителями сторон и выступая в роли профессионального посредника, уполномоченный по правам ребенка сможет разрешать такого рода споры без всякого суда.

Также необходимо напомнить, что существует Уголовно-процессуальный кодекс, который дает большой инструментарий административных и уголовных мер наказания. Все вышеперечисленное дает возможность для решения социальных проблем и обозначает границу, за нарушением которой последует немедленное наказание. Система ювенальной юстиции в ее современной сущности (подлинной, а не декларативной) представляет собой сильнейший удар по отношениям детей и родителей и всему социальному укладу. Этот процесс имеет несколько направлений, и все они невероятно деструктивны, потому что беспощадно уничтожают традиционную для нашего государства семью, разрушают авторитет родителей, который и так часто попираем. Чиновники ювенальной юстиции смогут манипулировать сознанием молодого поколения. Посредством этого института детьми смогут “играть” родители, которые разводятся. Как можно предоставлять ребенку свободу выбора, когда до этого он все время советовался с родителями перед принятием любого решения» [2].

Мнение церкви по вопросу ювенальной юстиции в целом негативное, объясняется это тем, что система ювенальной юстиции основана на совершенном приоритете прав ребенка по отношению к правам родителя. Такой дисбаланс приводит не только к ущемлению прав родителей, но и к принижению института семьи в целом.

Перспектива введения и развития механизмов ювенальной юстиции в Российской Федерации, по мнению Русской Православной Церкви, должна оцениваться в первую очередь с точки зрения христианской морали. Законодательное закрепление преимущественного права родителей на воспитание детей – основа развития здорового общества. А ущемление данного права родителей в пользу государства закономерно вызывает исключительно негативную реакцию общества, которую и поддерживает церковь.

Вмешательство чиновников в семью уже сейчас негативно сказывается на отношении общества к ювенальной юстиции. Из-за некомпетентности некоторых работников органов опеки случаются

трагические ошибки, жертвами которых становятся в первую очередь дети. Следовательно, чтобы эффективно вводить ювенальные механизмы на практике, необходимо учитывать саму организацию семейной жизни, для которой характерна взаимосвязь бытовых, культурных, социально-психологических и финансовых факторов.

Создание ювенальных судов и инфраструктуры детского судопроизводства может привести к неоправданному вмешательству государства во внутренние дела семьи и в любые семейные конфликты, затрагивающие (даже косвенно) интересы детей. Известны факты изъятия детей из семей государственными органами на основании таких расплывчатых или необъективных критериев, как «недостаточный уровень материального благосостояния», «низкое развитие ребенка», «ненадлежащее воспитание» или «психологическое насилие». Ввиду того, что терминология ювенальной юстиции достаточно расплывчата, религиозные семьи могут быть определены органами ювенальной юстиции как «неблагополучные» (например, во время Великого поста по мнению таких органов несовершеннолетние будут получать недостаточное количество питания), а такая характеристика может служить серьезным основанием для изъятия детей из семьи.

Следует отметить возможность возникновения системы доносительства. Дети зачастую не понимают всей серьезности ситуации и могут случайным образом спровоцировать вмешательство ювенальных органов в семью. Такое вмешательство в своем крайнем проявлении также может грозить изъятием ребенка из семьи, что влечет за собой множество негативных последствий как для детей, так и для их родителей.

Таким образом, Русская Православная Церковь придерживается мнения о том, что ювенальная юстиция ведет к разрушению традиционных семей, увеличению социального сиротства, провоцирует коррупцию и детско-подростковую преступность, отрицательно воспринимается общественным большинством, противоречит духовно-нравственным установкам религиозных конфессий России.

Гражданское общество сопротивляется введению ювенальной юстиции на территории Российской Федерации, поэтому есть смысл либо прислушаться к его мнению и отказаться от ювенальной юстиции в пользу развития и совершенствования уже имеющихся практик по работе с несовершеннолетними, либо же видоизменить юве-

нальные технологии таким образом, чтобы они соответствовали запросу российского общества.

Также есть смысл отметить то, что в российской правовой системе уже имеются эффективные механизмы работы с детьми, и введение ювенальных судов только увеличит бюджетные затраты на их содержание. Судебные дела с участием несовершеннолетних в Российской Федерации рассматриваются в особом порядке, о чем свидетельствует Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Зачастую судьи снисходительно относятся к несовершеннолетним правонарушителям и назначают небольшие сроки. Статистика говорит нам о том, что к несовершеннолетним применяется в 70-80% случаев условное осуждение. Но данные послабления несовершеннолетним не всегда идут на пользу, правосудие перестает нести карательную функцию, что провоцирует рецидивы в среде подростковой преступности.

Мы можем отметить либеральность отечественной системы правосудия в отношении несовершеннолетних в статье 90 Уголовного кодекса РФ. Так, часть 1 данной статьи предусматривает возможность несовершеннолетнего избежать уголовной ответственности, если будет признано, что исправление может быть достигнуто путем применения мер воспитательного воздействия.

Согласно ч. 4 ст. 91 Уголовного кодекса РФ предусматриваются относительно мягкие меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей: запрет посещения определенных мест, запрет на использование определенных форм досуга, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток и др.

Таким образом, мы можем отметить, что в Российской Федерации действительно действует особый порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Государство защищает детей посредством других многочисленных органов, которые за много лет деятельности доказали эффективность своей работы. Следовательно, внедрение ювенальных судов в современную судебную систему России не будет иметь смысла.

Рассматривая вариант, при котором все же допускается введение ювенальных судов в судебную систему России, возникает уже вопрос о правовой основе их деятельности. Правовая база работы ювенальных судов - ювенальное право, являющееся частью ювенальной юстиции. Некоторые ученые-правоведы понимают под ювенальным правом совокупность специализированных норм, субъ-

ектом и объектом которых является несовершеннолетний. Нормы ювенального права содержатся в таких отраслях российского права как семейное, гражданское, трудовое, административное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное.

При введении ювенального суда в судебную систему РФ закономерно возникнет вопрос о вынесении норм, касающихся несовершеннолетних в отдельные ювенальные кодексы, что приведет к дроблению сложившихся отраслей права и к изменению участников правоотношений всех отраслей права в России. Такая масштабная правовая реформа потребует неоправданное количество затрат, поэтому возникает вопрос: есть ли смысл ее проведения, если существующие суды в должной мере справляются с задачей защиты несовершеннолетних?

На наш взгляд развитие ювенальной системы в РФ грозит обесцениванием института семьи. Противопоставление интересов детей интересам семьи, законодательный контроль за семьей со стороны государства будут негативно влиять на общество, в котором и так сформировалось достаточно противоречивое отношение к ювенальной юстиции.

Решение проблемы правонарушений несовершеннолетних видится нам в адресной поддержке семей. Государство может назначить трансферты малоимущим и многодетным семьям, помогать молодым родителям, развивать программу материнского капитала. Если же затрагивать в данном контексте проблему насилия в семье, то тут стоит воспользоваться помощью общественных организаций и медиаторских центров, оказывающих психологическую поддержку как детям, так и родителям. Изъятие ребенка из семьи – крайний шаг, которого нельзя допускать при наличии противоречивых показаний и неточных данных о «благополучии» семьи несовершеннолетнего.

Будущее ювенальной юстиции в России все еще остается неопределенным. Говоря о возможности введения ювенальной юстиции на территории Российской Федерации, государству следует учесть мнение именно гражданского общества, которое в настоящий момент выступает против ювенальной системы.

Источники и литература

1. *Астахов П. А.* Западные технологии ювенальной юстиции для РФ не подходят // URL: <https://ria.ru/society/20110420/366651372.html>

2. *Добринский О. А.* Ювенальная юстиция: необходимость или самоуничтожение? // Философия права. 2010. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnaya-yustitsiya-neobhodimost-ili-samounichtozhenie/viewer> (дата обращения: 02.11.2020).

3. *Ермаков В. Д.* Проект закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции» // Презентация авторского проекта Федерального закона «Основы законодательства ювенальной юстиции Российской Федерации», Проблемы правосудия в отношении несовершеннолетних в России и международный опыт создания ювенальной юстиции: материалы междунар. конф. – СПб., 2000. – 90 с.

4. *Карнозова Л. М.* Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2018 год, проведенный в рамках всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. – 2019. – № 16. – С. 93-94.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 333 с.

6. *Матвиенко В. И.* Я категорически против введения в России ювенальной юстиции // Координационный Совет при Президенте РФ. 2012, 26 сентября // URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/15235/

7. «Национальная стратегия действий в отношении детей»: распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. №1916-р // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/>

ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИННОГО РЕЖИМА (COVID-19)

Аннотация. Рассматриваются некоторые правовые аспекты сущности оказания медицинской помощи в условиях реализации ограничительных мер (карантина). Проводится анализ юридической ответственности за нарушение данного права. Дается оценка детальности ее нормативного закрепления.

Ключевые слова: COVID-19, медицинская помощь, юридическая ответственность, ограничительные меры (карантин), компетенция.

LEGAL ASPECT OF RENDERING MEDICAL CARE UNDER QUARANTINE REGIME (COVID-19)

Annotation. Some legal aspects of the essence of medical care in quarantine are considered. Legal liability for violation of the right to medical care is analyzed.

Key words: COVID-19, medical care, legal liability, restrictive measures (quarantine), competence.

Карантин Федеральным законом от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» определяется как ограничительные мероприятия, а именно, согласно статье 1 как: административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных

---

* Козлова Анастасия Алексеевна, студентка 3 курса Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Арзуманов Игорь Ашотович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Kozlova Anastasia Alekseevna, 3rd year student of the Law Institute of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Arzumanov Igor Ashotovich**, doctor of culturology, PhD in Philosophy, associate professor of Irkutsk state university. Irkutsk, Russia.

заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных [10].

Затрагивая разработанность методологии в области изучения оказания медицинской помощи в условиях карантинного режима, можно сказать о том, что их подробная характеристика в научных работах не дается в силу специфики темы. Думается, следует исходить из методов, установленных работами общеметодологического направления [3, с. 3], например, таких как Н. А. Пьянов [14, с. 13], А. В. Юрковский [18, с. 16] и др. Кроме того необходимо опираться именно на те методы, которые использует отрасль конституционного [2, с. 152] и основывающиеся на ней отрасли медицинского права [1, с. 28], права социального обеспечения [5, с. 38].

Особенность реализации режима карантина в сфере медицинской деятельности заключается в обострении взаимодействия этических, правовых, социальных и технических аспектов оказания медицинской помощи. Показательным в этом плане может являться карантинный режим 2020 года, обусловленный вспышкой вируса COVID-19 по всему миру. Данный период наиболее объективно отображает состояние системы здравоохранения как в Российской Федерации, так и во всем мире, оцениваемый в способности поддержания ее нормального функционирования и возможности наиболее эффективного предотвращения распространения инфекционного заболевания.

Отсюда вытекает вопрос установления виновности и привлечения к ответственности в случае неспособности системы здравоохранения соответствовать установленным нормативно-правовыми актами требованиям.

Данную проблему в первую очередь целесообразно изучать с позиции не оказания медицинской помощи, а также ее некачественного оказания, который, в условиях введенного карантина, будет выражаться, в частности, в несоблюдении установленных санитарно-эпидемиологических правил.

Так, неоказание помощи больному, согласно действующему законодательству, входит в объективную сторону преступления, установленного статьей 124 Уголовного кодекса РФ, и выражается в бездействии. Причем ответственность по данному составу наступает в случае причинения по неосторожности среднего и тяжкого вреда здоровью. Причинение смерти по неосторожности вследствие не-

надлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей медицинским работником квалифицируется по части 2 статьи 109 Уголовного кодекса РФ [17]. Неоказание помощи больному, как преступление, наиболее точно отражается в виде отказа от оказания медицинской помощи лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом. Потерпевшим в таком случае может быть как лицо, только обратившееся за помощью, так и лицо, уже наблюдаемое у конкретного медицинского работника. В период же пандемии таким потерпевшим может быть также как больной COVID-19, так и другое лицо, обратившееся за помощью. Однако следует иметь в виду, что у лечащего врача как возможного субъекта данного состава, согласно ст. 70 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» есть право отказаться от наблюдения и лечения пациента при соблюдении двух условий: если соблюден порядок такого отказа (ст. 70) и не нарушается принцип недопустимости отказа в оказании медицинской помощи (статья 11) [8]. Следовательно, ответственность по статье 124 Уголовного кодекса РФ наступает в случае нарушения этих положений.

Тем не менее, как пишет В. П. Новоселов, вид неоказания медицинской помощи в качестве отказа ее предоставления на практике встречается редко. Чаще встречается ее виды неполного оказания: несвоевременная и неправильная медицинская помощь (некачественная), которая нередко квалифицируются по данной статье [6, с. 105].

Однако в судебной практике некачественное оказание медицинской помощи квалифицируется по статье 293 УК РФ как халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к обязанностям по должности [16].

Кроме того на практике по данной статье, по совокупности со статьей 237 УК РФ («Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей») также привлекают медицинских работников, которые являются больными COVID-19 и при это предварительно не соблюдают период принудительной изоляции, установленный Постановлением Главного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 года № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-

2019», а также продолжают осуществлять свою профессиональную деятельность [7].

Ответственность по оказанию помощи при нарушении санитарно-эпидемиологических мер, может также наступать по статьям 236 (нарушение санитарно-эпидемиологических правил) и 238 (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Уголовного кодекса РФ. Последнее положение основывается на гражданском законодательстве, которое в рамках добровольного медицинского страхования и платных медицинских услуг относит оказание медицинской помощи к договорам возмездного оказания услуг [4].

Помимо уголовной ответственности, применяемой по отношению к медицинским работникам в период карантинного режима, часто встречается также административная, а именно правонарушения по ч.ч. 2 и 3 ст. 6.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ как нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период осуществления ограничительных мероприятий (карантина). Применение части 2 данной статьи не зависит от наступления негативных последствий. Данные последствия в виде причинения вреда здоровью человека, либо его смерти охватывается частью 3 в том случае, если действие (бездействие) не содержит уголовно-наказуемого деяния.

Согласно статистике, приведенной Генеральной прокуратурой, за период карантина в марте 2020 года вырос по сравнению с 2019 годом процент совершения таких редких неимущественных преступлений, как халатность и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Субъектами именно этих преступлений в соответствии с законом могут быть медицинские работники [15].

В связи с ростом статистики данных преступлений среди медицинских работников Национальная ассоциация заслуженных врачей 26 мая 2020 года направило Президенту РФ Открытое письмо с просьбой о правовой поддержки и введении моратория на уголовное преследования врачей по таким составам, как: причинение смерти по неосторожности (ст. 109); причинение тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118); неоказание помощи больному (ст. 124); нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236); производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238); халатность (ст. 293). Мораторий предлагается ввести на пре-

ступления, совершенные с 21 января 2020 года до окончания пандемии [13].

Стоит заметить, что, например, разглашение врачебной тайны в настоящее время, как установил Конституционный суд РФ в своем определении от 26 марта 2020 г. № 540-О, не является основанием для привлечения к ответственности медицинских работников в том случае, если информация передается государственным органам, так как подобное деяние не будет считаться существенным. Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан» установлен состав врачебной тайны: факт обращения гражданина за медицинской помощью; состояние его здоровья; установленный диагноз; иные сведения, полученные в процессе медицинского обследования и лечения.

Как пояснил Конституционный суд РФ существенным разглашение такой информации не будет являться по причине того, что обращение в государственный орган не может рассматриваться в качестве распространения информации, а также потому, что такой орган может использовать и разглашать полученные им сведения лишь для проверки изложенных в обращении сведений [9]. Таким образом, некоторые основания для исключения состава правонарушения, совершенными медицинскими работниками, установлены федеральными актами.

При изучении приведенной Генеральной прокуратурой РФ статистики, закономерно возникает вопрос о причинах резкого роста данных преступлений. Ведь само увеличение совершения подобных правонарушений, нехватка средств индивидуальной защиты у медицинских работников, ограниченность трудовых ресурсов говорит о неспособности системы здравоохранения к нормальному функционированию в период карантинного режима. Возникает необходимость установления виновных лиц в данной ситуации.

Этот вопрос неоспоримо нуждается в разрешении, так как в силу специфики оказания медицинской помощи в период COVID-19 в приоритет ставится общественная безопасность, жизни совокупности людей, в особенности находящихся в группе риска. Проблема касается не только людей, больных COVID-19, но и тех, кто обратился за помощью по другим причинам.

Так, в соответствии с указом Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в

связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» обязанность по разработке и реализации комплекса ограничительных и иных мероприятий, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции, лежит на высших должностных лицах субъекта Российской Федерации [10].

Соответствующие акты высших должностных субъектов РФ по реализации ограничительных мер в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» должны основываться на предложениях и предписаниях главных государственных санитарных врачей как Российской Федерации, так и субъектов.

Главный государственный санитарный врач Российской Федерации является руководителем федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор. Именно данное должностное лицо наделено полномочиями по принятию постановлений, изданию распоряжений и указаний, а также утверждению других документов по вопросам санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Кроме того, Главный государственный санитарный врач РФ может вносить предложения о введении ограничительных мер (карантина) на территории Российской Федерации. Полномочия об окончательном утверждении таких актов и предложений закреплено за Правительством Российской Федерации.

Такой подход законодателя обусловлен тем, что Правительство РФ обладает широкими полномочиями во многих важных сферах. Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 17 декабря № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительство РФ обладает полномочиями в таких сферах, касающихся карантинного режима: финансовая, бюджетная, трудовая сферы и сфера здравоохранения.

Высший федеральный орган исполнительной власти РФ обеспечивает проведение единой политики в указанных областях [12]. В соответствии с указанными положениями и исходя из смысла законодательной конструкции Правительство РФ должно утверждать акты и предложения Главного государственного санитарного врача, исходя из общего состояния в Российской Федерации не только системы здравоохранения, но и основываясь на других факторов (таких, как: выделение финансирования, заготовка средств индивидуальной

защиты, подготовленность и достаточность трудовых ресурсов), которые находятся в его компетенции.

Стоит иметь в виду, что несмотря на то, что полномочия по принятию основных ограничительных мер закреплены за указанными федеральными органами и должностными лицами, закон не предусматривает специальных оснований для привлечения их ответственности в случае неэффективности принятых им решений. Отсутствие ответственности влечет пренебрежение своими полномочиями, что негативно сказывается на способности системы здравоохранения к нормальному функционированию в условиях карантинного режима.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оказание медицинской помощи в условиях реализации ограничительных мер (карантина) является многогранным явлением, затрагивающей безопасность жизни и здоровья как одного человека, так и всего общества. Важность качества оказания такой помощи подтверждается детальностью нормативного закрепления ответственности среди медицинских работников. Тем не менее, на данный момент существует неурегулированность ответственности относительно тех органов и должностных лиц, которые принимают акты об ограничительных мерах, игнорируя иные сферы деятельности государства, что влечет возникновение проблем в их надлежащей реализации.

Источники и литература

1. *Акопов В. И.* Медицинское право: учебник и практикум для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 287 с.
2. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т., Т.1. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
3. *Арзуманов И. А.* Методологические подходы и принципы познания при исследовании государственно-правового регулирования этноконфессиональных отношений (часть первая) // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 3–8.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая: от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // URL: <https://study.garant.ru/#/document/10164072> (дата обращения: 07.10.2020).
5. *Григорьев И. В.* Право социального обеспечения: учебник и практикум. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 428 с.

6. *Мамонтов Д. Ю.* Актуальные вопросы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – № 3. – С. 105–107.

7. Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-19: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 // URL: <http://base.garant.ru/73764449/> (дата обращения: 07.10.2020).

8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федосеевой Риммы Леонидовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного суда от 26.03.2020 г. № 540-О // URL: <http://base.garant.ru/73938193/> (дата обращения: 07.10.2020).

10. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента от 2.04.2020 г. № 239 // URL: <http://base.garant.ru/73835022/>

11. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ // URL: <https://study.garant.ru/#/document/12115118> (дата обращения: 07.10.2020).

12. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ // URL: <http://base.garant.ru/12106440/> (дата обращения: 07.10.2020).

13. Официальный сайт Национальной Ассоциации Заслуженных врачей // URL: <https://zasluzhennye-vrachi.ru/nazvr-obratilas-k-prezidentu-rf-o-vvedenii-moratoriya-na-ugolovnoe-presledovanie-mediczinskih-rabotni-kov> (дата обращения: 07.10.2020).

14. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 283 с.

15. РБК // URL: <https://www.rbc.ru/society/06/05/2020/>

16. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2LViOtD6VEgg> //РБК // URL: <https://www.rbc.ru/society/06/05/2020/5eaaf31d9a7947efff9b4c0f>

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.05.1996 г. № 63-ФЗ // URL: <https://study.garant.ru/#/document/10108000>.

18. *Юрковский А. В.* Теория государства и права: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 620 с.

ДИКТАТУРА: МЕЖДУ МОНАРХИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ**

Аннотация. Предложенная статья занимается исследованием феномена диктатуры как формы правления, располагающейся между республиканской и монархической формой. В статье проведено рассмотрение аспектов политики, права и социологии в диктатурах. Дается авторское определение диктатуры, разбираются ее признаки и важные черты. Рассматриваются конкретные исторические примеры для показательности и *exempli gratia*. Рассмотрению подлежит важный вопрос социальной базы для диктатуры. Так же рассматривается идеология и иные инструменты диктаторских режимов.

Ключевые слова: диктатура, вождь, идеология, форма правления, «массовый человек».

DIKTATORSHIP: BETWEEN MONARCHY AND REPUBLIC

Annotation. The proposed article examines the phenomenon of dictatorship as a form of government located between the republican and monarchical forms. The article deals with aspects of politics, law and sociology in dictatorships. The author's definition of dictatorship is given, its signs and important features are analyzed. Specific historical examples are considered for indicative and *exempli gratia*. The important question of the social basis for the dictatorship is subject to consideration. The ideology and other instruments of dictatorial regimes are also considered.

Key words: Dictatorship, leader, ideology, form of government, «mass people».

---

* Кужлев Кирилл Иванович, студент 2 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: Зарубаева Евгения Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Kuzhlev Kirill Ivanovich, 2nd year student of East-Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia. Science adviser: **Zarubaeva Yevgeniya Yurievna**, candidate of legal sciences, associate professor, East-Siberian branch of the Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

** Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

Интересно положение диктатуры и фигуры диктатора в науке теории государства и права. А именно относительное безразличие, ведь затрагивается она редко, оставаясь в сравнении с монархией или республикой в тени. Наиболее значимо, мы вспоминаем, о диктатуре при установлении политического режима и говорим: «автократические государства зачастую могут существовать в форме диктатуры или монархий». Так же имеет место упоминание о «диктатуре пролетариата», иногда даже без должного объяснения самого понятия.

Данной статьей ставится задача раскрытия вопроса и исследования феномена диктатура. Правильным, на мой взгляд, первым шагом будет попытка установки, непосредственно, темы и значения в дальнейшем используемых терминов. Как было уже сказано, понятие «диктатуры» может быть различным. А потому определим, что диктатура далее будет пониматься в следующем значении: «диктатура - это форма правления, при которой вся полнота власти принадлежит одному лицу или группе, нося не наследственный характер».

Диктатура, есть форма правления, находящаяся между монархией и республикой, эклектично сочетая, в различных пропорциях их признаки. Как и любая форма правления, диктатура наделена рядом характерных, присущих ей черт, по которым можно определить и отличить ее. Интересно наличие не только собственных черт, но и особенностей свойственных и монархии, и республике, с большим или меньшим тяготением к одной из форм правления.

Характерные черты диктатуры: вождизм; ставка на идеологию; наличие репрессивного аппарата; наличие властного суверена, группы таковых; опора на поддержку конкретного социального класса; авторитарный или тоталитарный политический режим.

Из истории мы знаем, что диктаторы, были узаконенной и формальной должностью в Римской Республике. Диктаторы назначались сенатом, сроком до шести месяцев, наделяя их экстраординарными полномочиями в периоды кризисов. Европа и мир, испытавшие влияние римлян, переняли эту традицию, в не формальном варианте, но при этом с общим механизмом. Диктатуры, зачастую возникают в периоды кризисов, с целью выведения страны из этого состояния. Но в отличие от Рима, ограничения срока, фактически

нет или он не так част, обычно диктатуры закрепляются на больший срок чем шесть месяцев.

Что можно сказать о сущности диктатуры? Это есть сочетание, смешение, монархического и республиканского элемента, с целью создания сильной формы правления. С большим или меньшим превалированием одного из элементов. Лучше продемонстрировать это на примере КНДР, в которой в большей мере превалирует монархический элемент, поскольку власть передается по наследству. Но такой критерий как наличие особого титула и регалий и в целом состояние Северной Кореи не дает нам назвать ее полноценно монархическим государством, это диктатура, тяготеющая к монархии. В противовес можно назвать близкую к республике диктатуру Сингапура, в котором, присутствуют все критерии диктатуры, но демократические выборы сохранены, эту страну можно назвать тяготеющей к республике диктатурой.

Как и где возникает диктатура? Причина возникновения диктатуры различны, но условно можно выделить две ключевые работающих в связке причины: нестабильность в государстве и желание населением покоя. Для возникновения диктатуры, требуется крупный социальный выплеск, обычно это революция или переворот. Зачастую используется определенная прослойка недовольных. А в последствие диктатуры будут опираться на тот слой, руками которых смогли прийти к власти.

Диктатура якобинцев во Франции показательный пример. Словием, на которое опирались Якобинцы было крестьянство и городская беднота, так называемое 3-е сословие. Находясь у власти этому правительству удавалось до тех пор, пока не был развернут террор против тех, кто привел Дантона и его сторонников к власти.

Еще одной причиной, падения этой диктатуры оказалось отсутствие стабильности. А это еще одно важное требование. Нестабильность – условие прихода к власти, условие революции. Достижение стабильности, ценной свободы населения – условие сохранения власти. Как указывал философ Н.А. Бердяев, «свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы» [1].

Потому, массовый человек с удовольствием отдаст свою свободу за комфорт и стабильность. Именно массовый человек XX-го и XXI-го века – самый плодороднейший вид почвы для произрастания сорняка диктатуры. Возникает вопрос: кто этот массовый человек? И

почему именно сегодня самое удачное время для диктаторов? Раньше люди были иными? Иной была социальная структура. Та общественная иерархия, существовавшая в традиционных обществах, была объявлена злом и разделение на аристократию и чернь было ликвидировано. Система отжила свое, уступив место новому человеку, тому кто впитал потребности и притязания меньшинства, но сохранив обыденный образ мышления человека массового, такого как все.

«Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами. Масса – невыделенных ничем» [2, с. 6].

Поскольку диктаторы, выведя страну из кризиса, редко оставляют свою должность, для сохранения режима существует ряд приемов. Отъем свобод в пользу стабильности уже был рассмотрен. Еще один – упор на идеологию. Это метод отвлечения, он включает использование средств массовой информации для установления у населения уверенности в правильности действий правительства и ликвидации политической конкуренции, для сохранения стабильности и высокого уровня доверия правительству. Обычно используется прививание конкретный идеологических пассажей в упрощенной форме или использование казуальных лозунгов.

Идеально подходящими для диктатуры являются радикальные идеологии и правого, и левого спектра. Марксизм с ленинской и маоистской спецификой использовался диктаторскими режимами Кубы, Кампучии и Советского Союза. Марксизм подходит для государств, в которых опорой для революционной деятельности являлся класс пролетариев, он обеспечивал эффективную трудовую мобилизацию населения, интеграцию территорий с другими этническими группами и оправдания ведения войны против «буржуазных, капиталистических» государств.

Государства с условно «фашистскими» режимами, обычно опирались на поддержку военных или реакционных групп бывшей аристократии. Таковыми была Испания, Португалия, Чили. Франкисты и *Estado Novo* опирались на поддержку церкви, Испания и Португалия заключили конкордат с Римско-католической церковью, производили диаметрально противоположную марксизму, ставку на нацию. Упор делался на сохранение суверенитета и соответствующим повышенным финансированием армии; на политический нейтралитет, в XX век обычно при этом выбирая НАТО; на имеющейся социальный уклад и классовый солидаризм.

При практическом прививании – идеологии упрощались. И если зачастую носители идеологических пассажей использовали диктатуру для реализации своих замыслов, в конце, закономерно, уже диктатуры использовали ее для своей легитимации, поглощая ее.

Так после совершения Октябрьской революции 1917 года в России, планировалось вводить «диктатуру пролетариата» для реализации марксизма и «пролетарской революции». Но, как известно, наступил период диктатуры партийной номенклатуры и фактические реальные последователи марксизма, подобные Троцкому ликвидировались, с закреплением диктатуры Сталина и постановкой уже марксизма-сталинизма на нужды советского государства.

Похожая ситуация постигла Испанию. Изначальной базой, победившего в гражданской войне 1939 года политического лагеря, был фалангизм, но, пришедший к власти Франсиско Франко упрощает, если не вульгаризирует, данный подвид фашизма, создавая более умеренный вид идеологии – франкизм, закрепившийся до его смерти. Так же, в случае отсутствия института идеологии как таковой, прививались отдельные идеи выгодные правящей элите. Обычно это: патриотизм, экономическая автаркия, национализм, акцентуация на различия или их полное размытие, в зависимости от конкретных целей.

Одним из интересных и особо распространившихся во второй половине XX века методов удержания диктатуры стала маскировка, метод «псевдодемократии». Распространение этого метода в первую очередь стало с общемировым распространением демократических тенденций. Прежде деспотию внутри государства можно было поддерживать, не брезгуя открытой ликвидацией конкурентов и отменой демократических выборов. После возникновения цельного международного сообщества малые диктаторские режимы, были вынужденно скрывать свой фактический статус, прибегая к ряду около и псевдодемократических методов.

Чилийский диктатор Аугусто Пиночет получил свою власть после фактической узурпации власти 11 сентября 1973 года, в результате свержения правительства С. Альенде. Для легитимации в глазах народа и международного сообщества, он проводил демократические выборы вплоть до 1990 года, когда проиграл их, но при этом смог уйти, сохранив свое влияние.

А. Пиночета нельзя назвать сторонником демократии. Террор против коммунистов из бывшей властной партии «Народного единства», знаменитые внесудебные «вертолетные» казни и ставка на поддержку военных были частью его президентства.

Интересна фигура самого диктатора. Так как диктатор и его приближенные становятся главной инстанцией реализации власти в государстве, порой сочетая представительные, законодательные, исполнительные и другие функции и роли. Здесь диктатура может максимально сближаться с абсолютными монархиями.

Тут из монархии заимствуется пафос, зачастую превосходя монархический. Создается разнообразная внешняя форма и наименование должностей, занимаемых диктатором. Это может быть «Lord Protector» (лорд-протектор) – титул Оливера Кромвеля, предводителя противников короля в английской революции, фактически установил свою диктатуру после казни короля и установки режима протектората.

Это может быть сформировавшийся в период объединения Италии титул «Duce» переводящийся как «вождь». Образ вождя, формировавшийся у населения как не осознанно, так и специально, зачастую являлся объединяющим мотивом для всех диктатур. Испанский «Caudillo», Германский «Führer», Румынский «Сăpitanul», Советский неофициальный титул «Вождя народов» – все они пронизаны схожей идеей. Правовое положение диктатора так же сходно с положением монарха. Диктатор не несет уголовной и иной ответственности, по меньшей мере в период выполнения своих полномочий. Он наделен рядом привилегий, например, на использование средств напрямую из бюджета, неформальным правом на иные излишества. Вождь всегда оставался верховным сувереном, в нацистской Германии фюрер защищал право и являлся его источником, воление фюрера – закон, он его главный защитник [3].

Тут проявляется важный аспект – диктатура становится в условиях кризиса и если и имеет задачу – то это его ликвидация. Поэтому глава государства всегда, подобно римским диктаторам, будет наделен экстраординарными полномочиями, пока находится у власти. Его не ограничивает право, так как он подчиняет его себе.

Удерживать власть позволяют подотчетные репрессивные аппараты и «резиновые статьи», не имеющие четкой формулировки для привлечения к ответственности инакомыслящих. Минимально и осуждение со стороны населения, так как используется харизмати-

ческий метод легитимации власти, в противовес демократическому методу республик и традиционному методу монархий.

Учитывая все, что было рассмотрено выше можно сказать о том, что диктатура весьма старая форма правления. От деспотии Сиракуз до псевдодемократий Латинской Америки, диктатура существует на протяжении всей истории человечества. В контексте современной политики диктатуры преимущественно осуждаются, как в глазах обывателя, так и всего международного сообщества. Но, нельзя говорить, о чем бы то ни было строго однозначно.

Диктатура, в определенных периодах истории позволяло спасать государства, выводить их из кризиса, позволять побеждать в войнах. Диктатура всегда позволяет сосредоточить власть, быстро отреагировать, мобилизовать государство, на что порой не способны парламентские демократии.

Не стоит и однозначно показывать в исключительно негативном смысле диктатуру, так как она нарушает «права человека», вопрос в том, что важнее: суверенитет или права человека, сложный и относиться уже к разряду аксиологии.

И вне каких-либо этических установок можно сказать одно: диктатура – лишь еще одна из форм правления, со своими недостатками и преимуществами, которую нужно уметь, как и любой иной политически инструмент, употребить во благо.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание: Избранное. – М., 2006. – 620 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 509 с.
3. Шмитт К. Государство и политическая форма (сборник работ) / пер. с нем. – М.: Издат. дом НИУ – ВШЭ, 2010. – 270 с.

ЦИФРОВОЕ ПРАВО КАК ПЛАТФОРМА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Аннотация. В тезисах рассматривается возможность использования цифрового права в качестве платформы глобальной экосистемы.

Ключевые слова: цифровая трансформация права, цифровое право, цифровая экосистема.

DIGITAL LAW AS A PLATFORM OF THE GLOBAL ECOSYSTEM

Annotation. The thesis considers the possibility of using digital law as a platform of the global ecosystem.

Key words: digital transformation of law, digital law, digital ecosystem.

Цифровая трансформация является одним из основных аспектов, характеризующих современный этап развития общества и общественных отношений. Право, как основной регулятор общественных отношений, также подвергается активному воздействию со стороны цифровых технологий.

Появление т.н. «цифровых» подотраслей в основных отраслях правового регулирования, таких как гражданское право, предпринимательское право, информационное право говорит о широком спектре воздействия цифровой трансформации на общественные отношения. Появления термина «цифровое право» в узком смысле, кото-

---

***Кузнеченков Андрей Анатольевич**, магистрант 2 курса Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева, г. Самара, Россия. Научный руководитель: **Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, г. Самара, Россия.

Kuznechenkov Andrey Anatolievich, 2nd year master's student of Law Institute named after S. P. Korolyov Samara national research university, Samara, Russia. Scientific curator: **Spirin Mikhail Yurievich**, candidate of legal sciences, associate professor, Samara National Research University named after S. P. Korolyov, Samara, Russia.

рое фактически обозначает формирующуюся отрасль современного права, также свидетельствует о значимости цифрового воздействия.

Рассматривая цифровую трансформацию общественных отношений, нельзя не отметить понятие, которое появилось относительно недавно и обладает достаточно серьезным потенциалом для своего развития: «цифровые экосистемы» в широком смысле. Они охватывают существенные сегменты общественных отношений, погруженные в цифровое пространство и реализованные на цифровых платформах.

Примерами таких цифровых экосистем являются: СБЕР – в банковском секторе, АМАЗОН – в секторе торговли, ЯНДЕКС – в информационном секторе. Значимым является тот факт, что цифровые экосистемы взаимодействуют, что обеспечивает их стремительное развитие.

Необходимо отметить достаточно серьезный потенциал понятия «цифровая экосистема» для его развития. Как явление, стремящееся в своем развитии охватить все больше пространства, понятие «цифровая экосистема» из явления, охватывающего отдельные сегменты общества, может трансформироваться в понятие экосистемы отдельных государств или мировую экосистему. В качестве платформы таких экосистем может выступить «цифровое право», т.е. право, «погруженное» в цифровое пространство.

Глобальные объемы и стремительные темпы развития цифровой трансформации общественных отношений объясняются, в первую очередь, потенциалом идей, содержащихся в цифровом пространстве. Цифровое пространство представляет собой не только прикладной, но и мощнейший научный и философский результат. Природа виртуального пространства – формально-логическая и, по своей сути, позитивная. Все то, что понимается под цифровым пространством, реализовано на понятиях бинарной логики: «0» или «1», «истина» или «ложь».

Цифровое пространство как реализация идеи логического позитивизма представляет собой итог многолетних исследований, которые протекали в достаточно широкой области знания – от философских оснований математики до формальных языков программирования и создания вычислительных машин. Фреге и Карнап, Рассел, Гильберт и Гедель, Тарский и Клини – вот далеко не полный список исследователей, благодаря работам которых было реализовано цифровое пространство. Так, с Давидом Гильбертом связан мощ-

нейший прорыв в теории формальных систем в начале XX века, когда были аксиоматизированы геометрия, теория множеств, арифметика. Значение того факта, что математика выводима из логики, сложно переоценить.

Цифровая трансформация права выявила определенные структурные проблемы права. Во-первых, цифровая трансформация права связана с переходом от косвенных методов правового регулирования к прямым, от «правового воспитания» (формирования поведения субъекта) к собственно «правовому регулированию», как наиболее эффективному методу, при котором значение правового воспитания не умаляется [3]. При данном подходе, диспозитивный метод правового регулирования, не является методом регулирования как таковым, а собственно, представляет собой последствия интуитивистского подхода к правовому регулированию, что в свое время оправдывалось отсутствием эффективных средств правового регулирования.

Во-вторых, цифровая трансформация права обостряет кризис интуитивистских понятий в праве (правоотношение и норма права) и требует их позитивного развития. Безусловно, понятие правоотношения как структурообразующее понятие в праве решает поставленную перед ним задачу формирования правового поведения субъекта, однако цифровая трансформация права требует от него позитивных изменений. В качестве развития понятия «правоотношение» рассматривается понятие «правопроект» [5].

В-третьих, развитие в праве понятия «формальный субъект», которое, собственно, отражает суть процесса регулирования общественных отношений и напрямую связано с понятием общества, будет способствовать позитивному развитию права, как и динамическое понятие «правовой статус субъекта».

В-четвертых, необходимо обратить внимание на рекурсивные свойства права, к которым относятся саморегулирование и процесс формирования структуры реализованного права. О необходимости исследования рекурсивных свойств права говорит факт кризиса в основаниях математики, начавшийся в 40-х гг. XX века и длящийся по сей день. Все началось с «широко известной в узких кругах» второй теоремы Геделя о неполноте, датированной 1931 годом [1], из которой следует, что «финитные средства», способные установить непротиворечивость математики, невозможно формализовать даже в рамках очень сильной системы» [2, с. 4]. Эта теорема ознаменовала начало кризиса в основаниях математики, который длится по сей

день. Проблематика в основаниях математики имеет рекурсивную природу логических парадоксов древности. Так, наиболее известным среди них является парадокс лжеца, приписываемый полумифическому древнегреческому философу VII века до н. э. Эпимениду: «все критяне лжецы» (Эпименид был критянином).

Рекурсия понимается как явление, содержащее само себя в качестве элемента собственной структуры. Понятие «рекурсия» тесно связано с категорией «реализация». Категория «реализация» выступает связующим звеном для категорий «форма» и «содержание», объединяя их в рекурсивном процессе: содержание есть реализованная форма, а форма, в свою очередь, есть реализованное содержание.

Рассматривая различные формы реализации права в виде нормативных текстов, обычаев, и, в конечном итоге, в правосознании субъектов, можно сделать предположение о существовании своеобразной «сансары права», в рамках которой процесс правового регулирования представляется как процесс взаимодействия множества реализаций (итераций) права в контексте рекурсивного развития философских категорий «форма» и «содержание».

Таким образом, при внимательном рассмотрении можно заметить, что право имеет рекурсивную структуру. Так, формальные субъекты в праве (государство как глобальный формальный субъект и составляющие его структурно-территориальные субъекты) имеют одинаковую внутреннюю организацию, что говорит о рекурсивном процессе формирования структуры формального субъекта. Одним из основных свойств реализованного права, обеспечивающим его развитие и непротиворечивость норм, является его саморегулируемость (право само себя формирует и регулирует), которая также выступает следствием его рекурсивной природы. Отголоски категории «сансара права» можно обнаружить в знаковых словах Ганса Кельзена: «учение о ступенчатом строении правопорядка (Stufenbau der Rechtsordnung) рассматривает право в движении, в постоянно обновляющемся процессе самосоздания. Это динамическая теория права – в отличие от статической, которая пытается понять право (его действительность, сферу действительности и т.д.) как уже готовый порядок, не принимая во внимание его создание» [4, с. 343].

Исследование рекурсивных свойств права имеет важное значение, поскольку в результате своей цифровой трансформации право, как и математика в начале прошлого века, столкнется с проблемами, имеющими рекурсивную природу.

Преимущества использования цифрового права в качестве платформы глобальных цифровых экосистем очевидны, к таким преимуществам можно отнести:

- 1) прямые методы регулирования;
- 2) цифровое право – динамическое и субъектоориентированное, обладает возможностью обеспечить требуемый объем и точность правового регулирования;
- 3) формально-логическая природа цифрового права выступает гарантией законности применения правовых норм;
- 4) появляется возможность автоматического анализа правовых норм на предмет их непротиворечивости и полноты.

Источники и литература

1. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1931. Band 38. Ausgabe 1. S. 173–198.

2. *Беклемишев Л. Д.* Теоремы Геделя о неполноте и границы их применимости // Успехи математических наук. – 2010. – Т. 65. – Вып. 5 (395).

3. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9-26.

4. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. – СПб.: Издат. дом «Алеф-пресс», 2015. – 542 с.

5. *Спирин М. Ю., Кузнеченков А. А.* Категория «правопроцесс» как развитие понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 7–14.

ПРАВО КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению социального регулирования общественных отношений. Право, в рамках данной работы, представляет собой социальный регулятор, направленный на упорядочение общественных отношений. Большинство авторов к социальным регуляторам относят не только правовые нормы, но также и нормы морали, религии, этики и т.п. Кроме норм, в категорию регуляторов общественных отношений входят деловой обычай, традиции, доктрина и прецедент.

Ключевые слова: социальное регулирование, наука теории государства и права, правовое регулирование, норма права, право.

LAW AS ONE OF THE KINDS SOCIAL REGULATORS OF PUBLIC RELATIONS

Annotation. The article discusses various approaches to the definition of social regulation of social relations. Law, within the framework of this work, is a social regulator aimed at streamlining social relations. Most authors refer to social regulators not only legal norms, but also norms of morality, religion, ethics, etc. In addition to norms, the category of regulators of public relations includes business custom, traditions, doctrine and precedent.

Key words: social regulation, science theory of state and law, legal regulation, rule of law, law.

***Могилева Диана Геннадьевна**, студентка 3 курса Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Арзуманов Игорь Ашотович**, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Mogileva Diana Gennadievna, 3rd year student of Law Institute Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Arzumanov Igor Ashotovich**, doctor of cultural sciences, PhD in Philosophy, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Сегодня под наукой теории государства и права принято понимать систему обобщенных знаний о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства, права и иных государственно-правовых явлений. Именно поэтому, в основе процесса освоения юриспруденции лежит наука теории государства и права. Это также обусловлено одной из отличительных особенностей данной науки. А именно тем, что теория государства и права является политико-юридической наукой, изучающей два взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга явления, представляющих собой государство и право [5, с. 15-16].

Н. А. Пьянов, раскрывая данную черту науки государства и права, говорит о том, что государство является политической организацией, в связи с чем его относят к категории политических явлений, в свою очередь право представляет собой систему норм или правил поведения, которые входят в категорию юридических явлений. Таким образом, право не может существовать без государства, в равной степени, как и государство в полной мере не сможет осуществлять свою власть без права [7].

Право, а в рамках данной научной работы рассматривается позитивное право, определяется как система установленных или санкционированных государством норм, которые обязательны для всех членов общества и действие которых гарантируется государством. При этом следует иметь в виду, что право понимается не только как регулятор общественных отношений, но и как способ определения «границ» свободы деятельности человека в той или иной сфере общественной жизни. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что право является основным регулятором, при помощи которого государство воздействует как на отдельных индивидов и их группы, так и на общество в целом.

В настоящее время существует множество определений социального регулирования. Так, А. Н. Халтурин в своих работах социальным регулированием называет воздействие общества на деятельность отдельных индивидов, направленной на достижение общественного порядка. Данное воздействие на личность общество оказывает через свои общественные институты [10]. В то же время, С. С. Алексеев под социальным регулированием понимает упорядочение поведения отдельных индивидов и их объединений, выражающееся в применении общепризнанных правил поведения, которые направлены на регулирование возникшего общественного отношения и

которые являются обязательными для субъектов данных правоотношений [2]. Существует точка зрения, что социальным регулятором являются общепризнанные обществом нормы, направленные на регулирование общественных отношений.

С.А. Комаров считает, что имеется система нормативного регулирования – это совокупность социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе, отношения их между собой в рамках объединений, коллективов, а также социально-технических норм, регламентирующих их взаимоотношения с природой. Система нормативного регулирования обеспечивает в целом упорядоченность существующих в обществе отношений [5, с. 253].

Некоторые авторы рассматривают не социальные регуляторы, а непосредственно процесс социальной регуляции. Так, в своей концепции А. П. Бандурин дает следующее определение социальной регуляции: «социальная регуляция – система, упорядочивающая процессы воспроизводства и изменения общества на основе социокультурной самоорганизации и не институциональной саморегуляции индивидов, социальных групп и общностей во взаимосвязи с институциональной организацией и внешне-регулятивной деятельностью элиты в отношении масс» [3].

Следует заметить, что под социальными регуляторами понимаются не только правовые нормы. Некоторые исследователи классифицируют социальные регуляторы по нормативному принципу. Например, в своей работе В. Н. Нечипуренко и В. В. Касьянов социальные регуляторы подразделяют на две группы: нормативные и ненормативные. Согласно их теории к первой группе регуляторов относятся правовой, моральный, религиозный, юридико-технический регуляторы, а также в эту группу включают деловой обычай. В то время как, в группу ненормативных регуляторов включают доктрины, прецедент и правовой обычай [4].

Некоторые авторы к социальным регуляторам относят такие нормы, как эстетические, корпоративные, правила этикета, нормы делового обычая, обычаи и ритуалы [5, с. 254-256]. Однако в данной работе мы будем рассматривать нормативные социальные регуляторы, а именно правовое регулирование.

Правовое регулирование социальных процессов общественной жизни является неотъемлемой частью механизма взаимодействия общества и государства. Рассматривая правовое регулирование, как одну из составных частей социального регулирования, также необ-

ходимо обратиться к определению правового регулирования, которое дает Н. А. Пьянов [4], а именно под правовым регулированием понимается, осуществляемое при помощи норм позитивного права и других правовых средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения.

Рассмотрев несколько определений правового и социального регулирования можно сделать вывод о том, что регулятором непосредственно является норма, действие которой направлено на упорядочение общественных отношений в той или иной сфере жизни общества. Следует также отметить, что в действительности отношения, возникающие в обществе, не регулируются только одним определенным регулятором. Имеют место быть случаи, когда в определенной общности (обособленной группе индивидов) нормы права вытесняются семейными или «клановыми» нормами. Не каждый индивид воспринимает правовые нормы как общеобязательные. В этом и заключается одна из проблем регулирования общественных отношений.

Как уже ранее было сказано, социальные и правовые нормы являются регуляторами, действие которых направлено на упорядочение общественных отношений и осуществляемое с целью придания этим отношениям конкретного «пути развития». Многие теоретики, рассматривая вопрос регулирования общественных отношений, уделяют большое внимание сущности социальных норм. Так, Н. И. Матузов считал, что социальные нормы представляют собой объективно необходимые правила взаимодействия людей в объективной реальности, выраженные в форме указателей границ должного и возможного поведения [6].

К социальным нормам Н. И. Матузов относил нормы права, нормы религии, нормы морали, политические нормы, обычаи и традиции. Существует множество взглядов на понятие социальных норм [6]. В свою очередь, Р. А. Ромашов определяет социальные нормы как выработанные обществом правила поведения, которые регулируют поведение индивидов и их групп, закрепляя при этом наиболее распространенные общественные отношения [8]. В. К. Бабаев полагает, что социальная норма представляет собой правило общежития, включающее в себя интересы и потребности людей, и направленно на упорядочивание поведение людей. Однако, несмотря на то, что в доктринальной литературе существует множество различных определений социальных норм, авторы этих определений,

так или иначе, сходятся в одном мнении о том, что к социальным нормам следует отнести: правовые, религиозные, моральные, политические, эстетические нормы, обычаи и традиции [9].

Ключевое значение социальных регуляторов общественных отношений, заключается в том, что они, представляя собой систему социального регулирования, являются неотделимым элементом жизнедеятельности как отдельного индивида, так и общества в целом. Кроме того, данная система норм выступает одним из необходимых условий взаимодействия личности, общества и государства. В остальном ценность тех или иных социальных регуляторов во многом определяется особенностями возникновения, становления и развития соответствующих социальных норм.

Следует отметить, что наиболее эффективное регулирование общественных отношений, как правило, достигается посредством воздействия на поведение индивида как внешних (правовых), так и внутренних (нравственно – этических) механизмов социального регулирования. Это связано с тем, что нормы позитивного права включают в себя не все аспекты общественных отношений. В данном случае регуляторами взаимоотношений будут являться не только правовые, но и нравственно – этические нормы.

Исходя из учения И. Канта, мораль представляет собой систему внутренние убеждения человека, иными словами «моральный закон», тогда как нравственность является практической реализацией данных убеждений, основывающемся на них действия основании в объективной реальности.

Нравственно – этические нормы не только являются дополнительным механизмом регулирования поведения людей, но, в некоторой степени, они восполняют те, аспекты общественных отношений, которые не урегулированы законодательством. В связи с чем, представители правовых школ, в том числе представители иркутской правовой школы, такие как Н. А. Пьянов, И. А. Арзуманов [1, с. 46-51], А. В. Юрковский, И. А. Кузьмин, предлагают изменить существующую структуру понятия государственного регулирования, путем ее расширения.

В большинстве случаев под социально–нравственным регулированием понимается совокупность норм нравственности, которые включают в себе основные требования к моральным качествам человека.

Источники и литература

1. *Арзуманов И. А.* Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в военный период: к вопросу о мобилизационной трансформации правовой культуры // *Война. Народ. Победа* (посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 апреля 2015 г.: в 2 ч. Ч. II / под общ. ред. Н. С. Нижник. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2015. – 224 с. – С. 46–51.
2. *Алексеев С. С.* Теория государства и права. – М., 2005. – 496 с.
3. *Бандурин А. П.* Социальная регуляция: рациональное и иррациональное. – Ростов-на-Дону, 2005. – 51 с.
4. *Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н.* Социология права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 480 с.
5. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
6. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 211 с.
7. *Пьянов Н. А.* Теория государства и права: учеб. пособие. – 2-е изд. – Иркутск: Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.
8. *Ромашов Р. А.* Теория государства и права: учебное пособие. – СПб.: Издат. дом «Сентябрь», 2000. – 315 с.
9. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 578 с.
10. *Халтурин А. Н.* Право как социальный регулятор // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета.* – 2015. – № 5. – С. 76–82.

**ВИНА И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ
В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
И. А. ИЛЬИНА**

Аннотация. Статья посвящена философско-правовой концепции вины И. А. Ильина, который критикует и не принимает сложившееся в практике формальное отношение к виновности и невиновности. Автор статьи анализирует данную концепцию с позиции ее истоков и современного применения. Кроме того, автор предлагает использовать подход И. А. Ильина при рассмотрении отдельных категорий дел.

Ключевые слова: вина, цели, мотивы, справедливость, правосознание, суд присяжных.

**GUILT AND ATTITUDE TO HER
IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONCEPT
OF I. A. ILYIN**

Annotation. The article is devoted to the philosophical and legal concept of guilt by I. A. Ilyin. Ilyin criticizes and does not accept the formal attitude to guilt and innocence that has developed in practice. The author of the article analyzes this concept from the position of its origins and modern application. The author suggests using the approach of I. A. Ilyin when considering certain categories of cases.

Key words: guilt, purpose of crime, motives, sense of justice, legal conscience, jury.

***Муратова Софья Сергеевна**, магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Muratova Sofya Sergeevna, 1st year master's student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kuzmin Igor Alexandrovich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Вина является составной частью мысленной (логической) модели правонарушения [8, с. 78]. Исключения из общего правила прямо оговорены законодателем. Под виной понимается внутреннее отношение лица к содеянному и последствиям содеянного. Выражается вина в умысле и неосторожности (ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [12], ст. 2.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7]). Такое понимание вины законодателем использовалось достаточно давно, и в целом оно является приемлемым. Однако появилась проблема, заключающаяся в том, что наличие вины стали устанавливать формально, определяя лишь причинную связь между деянием и последствиями и отсутствие факта невменяемости. Такое формальное отношение не могло не вызывать вопросов в научной литературе.

И. А. Ильин в своей работе «О сущности правосознания» выразил свое отношение к вине. Актуальность обращения именно к И. А. Ильину обусловлена его индивидуальным и нетрадиционным для теории права подходом к сущности вины. Кроме того, анализ научной литературы и публикаций позволяет прийти к выводу, что исследователями фактически не производилось попыток изучить понятие вины с учетом тех положений, которые изложены в работе данного философа. Суть философско-правовой концепции И. А. Ильина выражается в том, что при установлении вины необходимо учитывать не просто внутреннее отношение лица к содеянному, а цель, мотивы, которыми руководствовался человек в момент совершения деяния. Данные мотивы и цели определяют направленность воли человека, то есть вина имеет место быть только тогда, когда норма положительного права нарушена «по недостаточной воле к цели права и к праву» [6, с. 74].

Как пишет сам автор: «подсудимый виновен в том случае, если он нарушил норму положительного права ради такой своей частной цели, которая несовместима со свободным, справедливым и мирным сожительством людей» [6, с. 78], следовательно, если действие хотя и нарушает правовые нормы, однако совершено для достижения целей права, общечеловеческой справедливости, то и виновности в ее истинном смысле нет. Об идее защиты законодателем и правоприменителем общественных и частных интересов, основанных на человеческой справедливости, в своих работах упоминал и Ч. Беккария [1, с. 225 – 226].

Примером нарушения права, которое не может быть признано виновным, является «противление злу силой». Так, по мнению И. А. Ильина насильник и пресекающий насилие насилием совершают принципиально разные деяния. Автор указывает, что «пресекающий зло, сам зла не совершает, не грех творит, а несет служение» [5]. Философ соглашался, что насильственное пресечение зла есть отступление от совершенства, но там, где праведный исход невозможен, сопротивление злу силой, пресечение зла необходимы, а значит, какими бы не были действия, они направлены к цели права, оправданы и о виновности речи не может быть. Данное рассуждение имеют отклик в современном законодательстве. Так, не является преступлением причинение вреда в состоянии необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), однако в отличие от законодателя И. А. Ильин не говорит о каких-либо пределах.

Вопрос, который возникает в этой связи, где граница целей, противных праву и целей, поддерживаемых им. По мнению И. А. Ильина данная граница незрима, но ее понимание есть у каждого. Ученым данное явление названо «нормальное правосознание». Основой нормального правосознания служит «бессознательная способность человека отличать лучшее от худшего и стремиться к лучшему (духовный инстинкт)» [9, с. 124]. Это особая духовная настроенность в отношении к себе и другим людям, при которой человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других. Следовательно, подлинное правосознание формирует «фундаментальные человеческие качества: чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, взаимное уважение и доверие людей друг другу, духовную самостоятельность, свободолюбие, взаимность, солидарность» [4, с. 177]. «Нормальное правосознание» на наш взгляд выражается в обыденном правосознании. Именно простые люди знают, что «увлекаемые страстями часто попирают цель права, но при этом нередко избегают уголовного правонарушения; что виновных по праву и перед правом гораздо больше, чем подсудимых, и что, с другой стороны, есть немало подсудимых, а может быть, и осужденных, совершивших «невиновное» правонарушение» [6, с. 77]. Данная логика рассуждений приводит к выводу о том, что судом, способным определить истинную вину, является суд присяжных.

Уголовно-процессуальное законодательство современной России содержит возможность рассмотрения дел с участием присяжных

заседателей. Так, в п.п. 2 – 2.1 ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплен состав суда с участием присяжных заседателей, а также перечень дел, которые могут быть рассмотрены в таком порядке [11]. Кроме того, законом в гл. 42 установлен особый порядок производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей.

Вопреки стереотипу о том, что присяжные выносят только оправдательные вердикты, большинство вердиктов являются обвинительными, однако процент оправдательных в десятки раз больше, чем в судах с профессиональными судьями. Так, согласно статистике, в среднем присяжные заседатели оправдывают от 16 до 25% подсудимых [13, с. 5], в свою очередь профессиональными судьями в среднем оправдываются (в том числе прекращаются по реабилитирующим основаниям) за период 2008 – 2019 гг. 1,7% [10]. Представленная статистика может свидетельствовать о том, что при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей большее внимание уделяется, в частности, целям и мотивам, которыми руководствовался подсудимый [12]. Так, например, при рассмотрении дела об убийстве в Ивановской области присяжные утвердительно ответили на вопросы о том, что деяние было совершено и о том, что совершено подсудимой, однако присяжные не усмотрели в действиях подсудимой вины, поскольку убитый вел аморальный образ жизни, злоупотреблял алкоголем и вымогал у нее деньги [2]. Суд первой инстанции, учитывая вердикт присяжных заседателей, вынес оправдательный приговор.

При рассмотрении дела в порядке кассационного производства Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не усмотрела в названном приговоре противоречий и нарушений норм процессуального и материального права. Подобные примеры имеются и в новейшей практике рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. 28 января 2020 года суд присяжных оправдал бывшего директора фабрики «Меньшевик» Илью Аверьянова, обвиняемого в убийстве в связи с осуществлением погибшим служебной деятельности. Предприятие Ильи Аверьянова было на грани банкротства, долги существенно превышали его финансовые активы, одним из крупных кредиторов Аверьянова был Шамсутдин Раджабов. В декабре 2017 года судебные приставы-исполнители, совместно с сотрудниками частного охранного предприятия направились к Аверьянову для взыскания задолженности

перед Шамсутдиновым. Данные действия Аверьянов воспринял как незаконный захват предприятия и открыл огонь из карабина «Сайга» 410-го калибра по приставам и сотрудникам охранного предприятия, одним из выстрелов Аверьяновым был убит сотрудник ЧОПа Алексей Осипов. Факт умышленного причинения смерти присяжными был установлен, однако, на вопрос о виновности Аверьянова половина присяжных заседателей дала отрицательный ответ, что повлекло вынесение оправдательного приговора [3].

Оба рассмотренных выше случая свидетельствуют о том, что концепция вины И. А. Ильина имеет место быть в современной правоприменительной практике рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, поскольку присяжные при определении виновности подсудимого устанавливают побудительные мотивы и цели действий обвиняемых, и в случае признания данных мотивов и целей не противоречащими «нормальному правосознанию», т.е. внутреннему пониманию права с позиций уважения человеческого достоинства, честности и справедливости, присяжные выносят оправдательный вердикт.

Таким образом, философская концепция И. А. Ильина относительно вины заключается в следующем:

1. Вина выражается не только во внутреннем отношении лица к содеянному и последствиям содеянного, но и в мотивах, целях, которые противны праву, преследуют личные интересы.

2. Случаи совершения деяний, хотя и нарушающих формальные запреты, установленные законом, но продиктованных нормальным правосознанием, чувством долга и справедливости, вины не содержат, следовательно, не могут наказываться.

3. Определить виновность или невиновность могут присяжные заседатели, поскольку они рассматривают дело сквозь призму нормального правосознания, а не по формальным юридическим императивам.

В современной России данная концепция понимания вины находит свое отражение в судебной практике с участием присяжных заседателей. Расширение такого рода судебных процессов позволит уйти от формального разбирательства уголовных дел. В контексте всего вышесказанного, представляется необходимым закрепить в законе обязательность рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, если такие дела связаны с обороной или имеет место быть аморальное и противоправное поведение потерпевшего.

Источники и литература

1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / биограф. очерк и перевод. М. М. Исаева. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
2. Вердикт «на всю Ивановскую» – как коллегия присяжных признала убийство, а подсудимую невиновной // URL: <https://pravo.ru/process/view/123310/> (27.09.2020).
3. *Егоров И.* Поверили на слово. Присяжные оправдали бывшего директора фабрики «Меньшевик» // URL: <https://rg.ru/2020/01/29/prisiazhnye-opravdali-byvvshego-direktora-fabriki-menshevik.html>
4. *Иконникова Г.И.* Философия права: учебник. 4-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – 359 с.
5. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. – Берлин, 1925. – 235 с. //URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Plin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu.
6. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. – М.: Парогъ, 1993. – 235 с.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
8. *Кузьмин И. А.* Проблемы реализации юридической ответственности. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 167 с.
9. *Любимов А. П.* Философия права: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2019. – 257 с.
10. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003 – 2007 годы и 2008 – 2019 годы // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (26.09.2020).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 4921.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
13. *Ходжаева Е. А.* Суды присяжных в официальной статистике: аналитический обзор. – СПб.: Институт проблем правоприме-

нения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020. – 20 с.

П.А. Нарышкин * DOI:10.47905/MATGIP.2021.83.57.041

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. МАКИАВЕЛЛИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются философско-правовые идеи Н. Макиавелли о соотношении морали и права. Автором проанализирован вопрос о необходимости взаимосвязи права и морали в процессе правового регулирования. Также в статье рассмотрены взгляды философа Н. Макиавелли о роли и месте морали в системе социального регулирования. Автором проведено сравнительное исследование законодательства России и зарубежных стран на предмет отсылок к нормам морали. Кроме того, автором проанализирован вопрос, касающийся возможности отступления от моральных установок при осуществлении правового регулирования.

Ключевые слова: право, мораль, Н. Макиавелли, правовое регулирование, государство.

THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF MORALITY AND LAW IN THE WORKS OF N. MACHIAVELLI

Annotation. This article discusses the philosophical and legal ideas of N. Machiavelli on the relationship between morality and law. The author analyzes the need for the relationship between law and morality in the process of legal regulation. The article also examines the views of the

---

* **Нарышкин Петр Алексеевич**, магистрант 1-го года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Naryshkin Petr Alekseevich, 1st year master's student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kuzmin Igor Aleksandrovich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

philosopher N. Machiavelli on the role and place of morality in the system of social regulation. The author conducted a comparative study of the legislation of Russia and foreign countries for references to moral norms. In addition, the author analyzes the issue concerning the possibility of deviation from moral attitudes in the implementation of legal regulation.

Key words: law, morality, N. Machiavelli, legal regulation, state.

Никколо Макиавелли исследует государство и право объективно и беспристрастно, т. к. его анализ освобожден от моральных ограничений и оценок и является реалистичным и научным.

В современном понимании мораль – это нравственные нормы поведения, форма общественного сознания, совокупность принципов, правил, которыми люди руководствуются в своем поведении [8, с. 559]. Ведущую особенность морали составляет нравственная оценка поступков и побуждений к ним. А основой такой оценки являются сложившиеся в обществе представления о добре и зле, о долге, справедливости и несправедливости, о чести и бесчестье, в которых находят выражение требования к индивиду со стороны общества, общественные интересы. Однако в отличие от права, принципы и нормы морали не зафиксированы в законодательстве; их выполнение основано не на законе, а на совести и общественном мнении.

В главе XVIII трактата «Государь» Н. Макиавелли пишет следующее: «Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность» [4, с. 91].

Рассуждения Н. Макиавелли о соотношении морали и права вызывают неоднозначные мнения ученых и исследователей его творчества. Проблема морали была традиционно спорным вопросом на протяжении столетий. Столь известные лозунги как «цель оправдывает средства» и «победителей не судят», принадлежащие перу Николо Макиавелли, долгое время не оставляют в покое общественность [11, с. 204].

Согласно воззрениям Н. Макиавелли, для достижения определенных политических целей допустимо пренебрегать нормами морали. Из анализа работ философа следует, в частности, что правовое регулирование необходимо для поддержания стабильности государства, но вовсе не обязательно, чтобы право апеллировало к нравст-

венным и моральным началам. Поэтому можно заключить, что Макиавелли разделял право и мораль, как две плоскости, не лишённые возможности пересечения.

Описывая периоды войн в истории Флоренции, Н. Макиавелли подчеркивает, что «граждане в то время более заботились о спасении отечества, чем своей души» [5, с. 112]. А в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» философ говорит о том, что «когда приходится обсуждать вопрос, от которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед какими соображениями справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает свободу» [6, с. 516].

Таким образом, государство превыше всего, и когда речь идет о спасении родины и ее свободе, считает Макиавелли, нужно отбросить все соображения о справедливости, милосердии.

Подробное исследование творчества Н. Макиавелли позволяет нам прийти к выводу о том, что автор отстаивал поведение, которое мы могли бы считать аморальным только при определенных обстоятельствах, т. е. когда свободе государства угрожали. Так, философ утверждает, что «с врагом можно бороться двумя способами: законами и силой» [4, с. 91]. Далее автор подчеркивает, что первый способ присущ человеку, а второй зверю.

Таким образом, Н. Макиавелли считает, что в случае чрезвычайного и военного положения, когда над государством возникает угроза, то следует использовать все имеющиеся средства, в том числе и право, чтобы предотвратить данную угрозу любой ценой, даже пренебрегая нормами морали. Обоснование лозунга «цель оправдывает средства» заключается в необходимости сохранения государства и поддержания его стабильности, невзирая даже на аморальность средств и путей достижения цели, включая угрозы, подкуп, обман, насилие и пр.

По мнению М. Ремси, «в контексте беззаконности, где не было контроля над властью, где государства для защиты своих интересов должны были полагаться на собственные ресурсы, считалось, что мораль оправданно не принимается во внимание в отношениях между суверенными государствами при защите их национальных и стратегических интересов» [13, с. 157].

В настоящее время для защиты государственных интересов в международно-правовом поле принят ряд конвенций и межгосударственных соглашений, направленный на цивилизованное разрешение противоречий между странами. К примеру, в ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций предусмотрено, что при разрешении межгосударственных противоречий и конфликтов запрещены угроза силой или ее применение, за исключением случаев: индивидуальной или коллективной самообороны; применения ее по решению Совета Безопасности ООН [12].

При всем написанном выше, анализ работ Н. Макиавелли позволяет нам констатировать, что он, наряду с правом, не умаляет роль морали в регулировании общественных отношений в государстве. Так, если государь будет допускать излишне произвола, к примеру, путем издания законов, притесняющих народ и допускающих аморальность поведения в обществе, то есть риск возникновения бунтов и народных восстаний, что может повлечь утрату государем власти.

В современных правовых порядках не допускается пренебрежение моралью в правовом регулировании общественных отношений. Мораль и право – это социальные регуляторы, однако в отличие от права, мораль не обладает признаками общеобязательности и формальной определенности. Но вместе с тем право закрепляет определенные моральные установки, сложившиеся в обществе. По этому поводу Н. Макиавелли считает, что «там, где что-либо совершается хорошо само собой, без закона, в законе нет надобности; но, когда добрый обычай исчезает, закон сразу же делается необходимым» [6, с. 151]. В данном утверждении Н. Макиавелли констатирует связь права и морали. До тех пор, пока неписанные нормы морали соблюдаются, то нет необходимости в их формальном закреплении. Однако, когда нормы морали утрачивают свою силу в обществе, то следует объективная потребность в их правовом оформлении и придании им общеобязательного характера, обеспечиваемого силой государственного принуждения.

По нашему мнению, право и мораль должны быть взаимообусловленным тандемом в правовом регулировании общественных отношений. Считаем, что с позиции естественного права мораль и право представляют собой единый процесс отыскания совместного разумного сосуществования личности с обществом, а также равенства и свободы, имея общую цель (общее благо) при различии средств

(внешнее принуждение – для права, внутреннее самосознание – для морали).

На первый взгляд, право противоположно природе морали, как средство по отношению к своей цели. Однако, рассматривая соотношения права и морали в понятийном и познавательном ряду как культурные ценности, то очевидно, что право является средством реализации моральных ценностей.

Так, в ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации установлено, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [1].

К примеру, в ст. 3 Основного закона Федеративной Республики Германия закреплено, что «никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений. Никому не может быть причинен ущерб вследствие имеющихся у него недостатков»[9].

Статья 17 Конституции Турецкой Республики также гласит, что «каждый имеет право на жизнь и на защиту, а также улучшение своего материального и духовного достояния. Никто не должен быть подвергнут пытке или недостойному обращению; никто не должен быть подвергнут наказанию или обращению, несовместимому с человеческим достоинством» [2].

Конституция Японии аналогичным образом предусматривает в статье 13 положение о том, что «все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью является, поскольку это не нарушает общественного благосостояния, высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел» [3, с. 432].

Современная правоприменительная практика Российской Федерации идет по пути признания моральных установок. В частности, в п. 53 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации» от 24.04.2019 г. № 1 утверждается, что «судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» [7].

При рассмотрении споров суды пытаются разрешать их не только с формальной точки зрения, т. е. соответствия норме закона, но и следуя моральным воззрениям. В качестве подтверждения вышеобозначенного, приведем следующий пример.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал п. 4 ст. 292 ГК РФ в части, определяющей порядок отчуждения жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника жилого помещения, если при этом затрагиваются их права или охраняемые законом интересы, не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащееся в нем регулирование – по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, – не позволяет при разрешении конкретных дел, связанных с отчуждением жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, обеспечивать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту прав тех из них, кто формально не отнесен к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся без родительского попечения, но либо фактически лишен его на момент совершения сделки по отчуждению жилого помещения, либо считается находящимся на попечении родителей, при том, однако, что такая сделка – вопреки установленным законом обязанностям родителей – нарушает права и охраняемые законом интересы несовершеннолетнего [10]. В данном решении прослеживается моральная оценка поведения лиц, участвовавших в гражданском правоотношении. Так, по решению Конституционного Суда, не допустимы сделки, в результате которых ущемляются интересы и права детей.

При всем сказанном, в российской правоприменительной практике наблюдаются признаки внедрения правовых институтов, которые не вполне вписываются в рамки моральных принципов.

В частности, это уголовно-процессуальный институт называемый «досудебное соглашение о сотрудничестве» (в юридической литературе именуется как «сделка с правосудием»). Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Основная цель соглашения – это изобличение и уголовное преследование соучастников преступления. При этом следователь

сам будет определять степень и характер соглашения, т. е. устанавливать количество изобличенных соучастников преступления, характер изобличения, количество эпизодов изобличения и многое другое. Подозреваемый (обвиняемый) в этом случае лишается инициативы. К «сделке с правосудием» правоохранительные органы прибегают в случае недостаточности доказательственной базы по уголовному делу. Кроме того, данный институт сокращает временной ресурс расследования преступлений и в целом облегчает работу правоохранительных структур.

При этом сквозь призму справедливости, на защите которой и стоит УПК РФ, человек, совершивший тяжкое преступление, не должен на усмотрение следователя или прокурора освобождаться от ответственности или претерпевать меры уголовной ответственности в сокращенном объеме даже через такой механизм. Главная проблема применения данного правового института заключается в игнорировании интересов пострадавших от преступления.

Видится, что право должно преследовать не прагматические цели, например, в виде повышения показателей раскрываемости преступлений, а поддерживать баланс интересов. И данный баланс возможен исключительно благодаря взаимодействию права и морали.

Таким образом, анализ проблемы соотношения морали и права в творчестве Н. Макиавелли позволяет нам прийти к следующим выводам:

во-первых, мыслитель разделяет мораль и право как различные реальности, в этом различии заключается определенное понимание морали;

во-вторых, освобождая право от морали, Н. Макиавелли одновременно отделяет мораль от права. Так, в морали он находит абсолютность принципа, отделяющего добро от зла, в силу чего добродетельные и порочные действия добродетельны и порочны сами по себе. Кроме того, в морали он также находит индивидуальную позицию личности, отвечающую за собственную позицию перед самим собой и перед Богом, так как в случае морального аспекта поступков речь идет о том, в какой мере личность готова брать грех на душу и нести ответственность. Именно в таком понимании мораль, согласно Н. Макиавелли, отделена от права;

в-третьих, в случае угрозы государству, правитель обязан любыми, в том числе и правовыми, средствами обеспечить безопас-

ность государства, не взирая при этом на соблюдение норм морали. В то же время Н. Макиавелли не умаляет роль морали в регулировании общественных отношений в государстве.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
2. Конституция Турецкой Республики: принята на всенародном голосовании 7 ноября 1982 г.// URL: <https://legalns.com/download/books/consturkey.pdf>.
3. *Дубровин В. Н.* Конституции зарубежных стран. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 448 с.
4. *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве / пер. с итал. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 416 с.
5. *Макиавелли Н.* История Флоренции. – М.: Наука, 1987. – 448 с.
6. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. с итал. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 576 с.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [электронный ресурс]: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 1 // www.consultant.ru
8. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 2000. – 938 с.
9. Основной закон Федеративной Республики Германия: принята 23 мая 1949 г.// www.consultant.ru
10. По делу о проверке конституционности п. 4 ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой [электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010г. № 13-П // www.consultant.ru
11. *Сафаралиев Э. Р.* Актуальные проблемы творчества Н. Макиавелли // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Ло-

бачевского. – Серия: Социальные науки. – 2007. – № 3 (8). – С.204–209.

12. Устав Организации Объединенных Наций [электронный ресурс]: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // www.consultant.ru

13. Харрис Ф. Макиавелли, маркетинг и менеджмент. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Аннотация. В данной статье автор проводит анализ деятельности государства в сфере борьбы с коронавирусной инфекцией, определяет значение государственной политики для жизни и здоровья населения Российской Федерации. Исследуется повсеместное введение на территории субъектов РФ режима повышенной готовности и комплексное введение ограничительных мероприятий.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, ограничительные меры, режим повышенной готовности, самоизоляция, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, чрезвычайная ситуация, пандемия.

STATE POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING CORONAVIRUS INFECTION

Annotation. In this article the author analyzes the activities of the state in the fight against coronavirus infection, determines the importance of state policy for the life and health of the population of the Russian Federation. The article examines the widespread introduction of a high-alert regime on the territory of the subjects of the Russian Federation and the comprehensive introduction of restrictive measures.

***Негамутзянова Анастасия Сергеевна**, студентка 3 курса юридического факультета Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Самусевич Алексей Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Негамутзянова Anastasia Sergeevna, 3rd year student of the faculty of law of Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian state university of justice, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Samusevich Alexey Gennadevich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian state university of justice, Irkutsk, Russia.

Key words: coronavirus infection, restrictive measures, high-alert mode, self-isolation, unfavorable epidemiological situation, emergency, pandemic.

На сегодняшний день, все мировое сообщество столкнулось с опасностью – пандемией коронавируса, которая разрушает привычный образ жизнедеятельности и угрожает самой человеческой жизни. Под вопросом существования оказалась глобальная экономика, международное сотрудничество, реализация масштабных проектов в разных сферах: экономики, социальной жизни (отдыха, развлечения, здравоохранения, благосостояния), политики, науки, культуры, искусства и прочего, без чего в настоящее время невозможно представить полноценной жизни.

После объявления 11 марта 2020 года Всемирной организацией здравоохранения пандемии коронавируса в Российской Федерации на государственном уровне были приняты меры, направленные на реализацию важнейших задач – сбережение населения, охраны жизни и здоровья людей [1, с. 1-2].

Прежде всего, были приняты меры по ограничению распространения эпидемии. В соответствии с указом Президента РФ № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [2] и изданных в соответствии с этим документом Указами высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в стране был введен режим самоизоляции. Требования самоизоляции вводились в рамках режима повышенной готовности. Также была приостановлена или ограничена деятельность отдельных организаций, за исключением предприятий непрерывного цикла, медицинских и фармацевтических организаций, организаций, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости.

Кроме того, был разработан специальный комплекс ограничительных и иных мероприятий. Предложено высшим должностным лицам субъектов РФ с учетом эпидемиологической обстановки принимать соответствующие меры, в том числе предполагалось ограничение деятельности отдельных организаций и установление особого порядка передвижения. [3, с. 55]. Все решения принимались на основе анализа имеющихся данных в каждом регионе страны индивидуально, по итогам консультаций с членами Правительства, специа-

листами Роспотребнадзора, учеными-вирусологами и инфекционистами, работниками практического здравоохранения, которые находятся на переднем крае борьбы с коронавирусом.

Текущая ситуация в стране была определена как режим повышенной готовности. При этом, в Федеральном законе от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [4] практически ничего не говорится о том, какие могут быть ограничения, вытекающие из режима повышенной готовности.

Режим повышенной готовности закреплен в Законе о ЧС, и его введение предполагает существование угрозы чрезвычайной ситуации на территории, где он вводится, а также необходимость ее предупреждения силами уполномоченных на то органов управления и единой государственной системы. Появились следующие ограничительные меры:

1. Полномочия правительства были расширены: оно может самостоятельно вводить режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации при наличии угроз федерального и межрегионального характера, устанавливать обязательные для граждан правила поведения при введении режима повышенной готовности.

2. Полномочия органов власти субъектов расширились: ныне они вправе устанавливать обязательные для граждан и организаций правила поведения при введении ими режима повышенной готовности или ЧС на региональном уровне и вводить дополнительные обязательные правила поведения субъекта во исполнение тех обязательных правил, которые установлены Правительством.

3. Граждане РФ обязаны выполнять установленные правила поведения.

Изначально в регионах, где был введен режим повышенной готовности, обязательства возлагались только на органы власти, а гражданам лишь рекомендовалось оставаться дома. Далее рекомендация превратилась в обязанность, за невыполнение которой преследовали санкции. При этом обязанность постепенно разрасталась и касалась все большего количества людей. [5, с. 63]. По общему правилу, при всеобщем режиме самоизоляции граждане могут свободно выйти из дома для похода в ближайший магазин или аптеку, для выноса мусора, выгула домашних животных или обращения за медицинской помощью.

Тем не менее, население Российской Федерации пренебрегало законным предписаниям, это обусловлено тем, что имеет место ценностная дезориентация людей, разрыв органического единства между их представлениями о правах человека и его обязанностях. Основная причина в отсутствии четкого понимания взаимоотношений личности и государства, что способствует распространению правового нигилизма, ведущего к уклонению граждан от выполнения установленных ограничений, в частности, к нарушению режима самоизоляции. Считается, что собственное здоровье – личное дело индивида. Но подобным поведением нарушители карантина и самоизоляции создают реальную угрозу для широкого круга лиц, которые соблюдают установленный режим, прежде всего для тех, кто в период пандемии вынужден выполнять свои служебные или трудовые функции [6, с. 53].

Сложившаяся обстановка, по мнению некоторых исследователей, позволяет признать изданные органами государственной власти Российской Федерации запретительные акты в качестве обстоятельства непреодолимой силы. [7, с. 135]. А. В. Габов утверждает, что государство обязано реагировать на чрезвычайные обстоятельства: такая реакция всегда имеет в основе ограничения, государство может и должно использовать их даже тогда, когда это напрямую не предусмотрено законом, но диктуется ситуацией. В ситуации, которая не охватывается законом может быть использована доктрина «крайней необходимости» для ограничения дискреционных полномочий государственной власти в непредвиденных правом случаях [8, с. 170].

Рассмотрим ситуацию в Иркутской области. Ранее был издан указ Губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 года № 59-уг «О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [9]. В соответствии с данным нормативным актом был введен режим функционирования повышенной готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Иркутская область была объявлена как территория, на которой предусматривается комплекс ограничительных и иных мероприятий. Все они были непосредственно направлены на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия людей в соответствии с Указом Президента РФ. То есть, установленные нормативным правовым актом губернатора как руково-

дителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ ограничения являются следствием реализации права на введение режима повышенной готовности, предусмотренного федеральным законодательством [10, с. 243].

На данный момент в Иркутской области действует указ Губернатора Иркутской области от 12 октября 2020 года № 279-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [11]. Сейчас режим самоизоляции действует для граждан 65 лет и старше. Кроме того, продолжает действовать ряд ограничений. В частности, на территории по-прежнему осуществляется масочный режим, продленный на неопределенный срок, до исключения угрозы здоровью и жизни населения. Проводится контроль и проверки за его соблюдением. Существуют также некоторые ограничения в работе организаций и проведении массовых мероприятий. Эти и другие меры призваны остановить или минимизировать распространение коронавирусной инфекции.

При Губернаторе Иркутской области функционирует коллегиальный совещательный и консультативный орган - Оперативный штаб по предотвращению завоза и распространения коронавирусной инфекции Covid-19 на территории Иркутской области. Его основная задача - координация деятельности исполнительных органов государственной власти Иркутской области, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, иных органов государственной власти и организаций, органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области по вопросам профилактики и контроля за распространением коронавирусной инфекции в Иркутской области. На официальном портале Иркутской области отражается Эпидемиологическая обстановка в регионе. Ограничительные меры, с которыми пришлось столкнуться не только Иркутской области, Российской Федерации, но и всему миру в целом, являются вынужденными и временными. Также, отмечу, что все действия государства осуществляются на основе принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов в интересах общественного благополучия.

Таким образом, Российской Федерации и ее субъектам стоит и дальше продолжать координировать свои действия по созданию правового механизма защиты прав граждан в условиях коронави

русной инфекции, в особенности по вопросам охраны здоровья населения. Надлежащее нормативное регулирование способствует реализации прав граждан, а также сохранению здоровья, жизни людей, защиты их благосостояния, что является первостепенно.

Источники и литература:

1. *Мищенко В. И., Гудков А. И., Красильщиков А. В.* О роли государства в преодолении пандемии коронавируса // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 5 (63). – С. 51-54.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/

3. *Пьянкова А. Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. – 2020. – № 5. – С. 53-59.

4. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» //URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/

5. *Агальцова М. В., Иманова Т. В.* Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. – 2020. – № 5. – С. 50-70.

6. *Воронцов С. А.* О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 50-53.

7. *Нажмутдинова П. М., Хайруллина Д. А.* Запретительные акты государства в отношении коронавируса как обстоятельство непреодолимой силы // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 2 (30). – С. 133-137.

8. *Габов А. В.* Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон. – 2020. – № 5. – С. 152-171.

9. Указ Губернатора Иркутской области от 18.03.2020 г. № 59-уг «О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой госу-

дарственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3800202003190001>

10. *Корнилов В. Ю.* Взаимодействие правового государства и гражданского общества (на примере Курской области) в контексте борьбы с пандемией коронавируса // Теория и практика современной юриспруденции. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2020. – 296 с.

11. Указ губернатора Иркутской области от 12.10.2020 г. № 279-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3800202010150004>.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И МИРЕ

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы правового регулирования интернет-отношений. Рассматривается опыт регулирования отношений в сети в разных странах мира. Особое внимание уделяется путям решения существующих проблем. Рассматривается роль государства в Интернет-отношениях.

Ключевые слова: Интернет, право, правовое регулирование, Netiquette, объект правового регулирования.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERNET RELATIONS IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Annotation. The article analyzes the main problems of legal regulation of Internet relations. The article considers the experience of regulating relations in the network in different countries of the world. Special attention is paid to ways to solve existing problems. The role of the state in Internet relations is considered.

Key words: Internet, law, legal regulation, Netiquette, object of legal regulation.

На сегодняшний день трудно представить современный мир без Интернета. Благодаря ему миллионы людей ежедневно обмениваются самой разнообразной информацией. Количество пользователей глобальной сети с каждым годом увеличивается: в 2008 г. их число составляло 1,008 млрд чел., в 2009 г. – 1,4 млрд чел., в 2011 г.

---

* **Нечитайло Дмитрий Вячеславович**, студент 1 курса юридического факультета Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия.

Nechitailo Dmitriy Vyacheslavovich, 1st year student of the faculty of law, Irkutsk law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kuzmin Igor Aleksandrovich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

– 2 млрд чел., в 2012 г. – 2,3 млрд чел. В настоящее время это цифра приблизилась к отметке 4,1 млрд человек, что составляет 53% от населения земного шара [1]. Он облегчает коммуникацию людей, делая мир более открытым. В сети совершаются многомиллионные сделки, значение которых выходит далеко за пределы интернет-пространства. В связи с этим всестороннее изучение данного явления становится все более актуальным. Живя в мире информации, человек начинает использовать открывающиеся возможности. Не всегда эти возможности находятся в рамках закона. Однако регулирование интернет-отношений является настоящей проблемой для государства. Примером может служить процесс по блокировки мессенджера «Telegram» [2]. Несмотря на запрет, мессенджер продолжал развиваться и увеличивать свою аудиторию. Это показывает, что существующие методы правового регулирования не отвечают потребностям общества. Государство должно улучшать механизм правового регулирования сети.

Рассмотрим основные трудности, стоящие перед законодателем в вопросе регулирования Интернета. Проблемой является отсутствие категориального аппарата. Как отмечает А. С. Анисимова, на сегодняшний день в действующем законодательстве не находят своего отражения концептуально важные дефиниции, среди которых первостепенное место занимает категория «Интернет», нет и указания на его социальную и техническую стороны. На практике нормы, связанные с Интернетом, по-разному его употребляют: в одних – просто «Интернет», в других – «сеть Интернет», в третьих – «информационная телекоммуникационная система» и т.д., все это ведет к тому, что законодатель целенаправленно создает терминологическую неточность [3]. Без официальной дефиниции «Интернет» правовое регулирование сети невозможно. Такой точки зрения придерживается А. З. Жуков. Он высказывает мысль, что проблему описания правовой сущности Интернета можно решить только с помощью официальной дефиниции этого явления. Разработка официальной дефиниции данного термина позволит решить и все вытекающие из этого проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет [4]. Прежде, чем осуществлять регулирование отношений в сети стоит определить, что же представляет собой Интернет в правовом плане. Некоторые авторы предлагают считать его субъектом права, юридическим лицом, предметом правового регулирования, особым объектом наподобие космического пространства и т.д.

Ведутся дискуссии о возможности считать Интернет средством массовой информации[5]. Для решения этой задачи стоит отойти от технического определения Интернета и дать этому явлению правильное юридическое толкование. Необходимо осуществлять регулирование отношений между субъектами права, возникающих в Интернете, а не сети в целом. Как справедливо отмечает Л. К. Терещенко: «Интернет – проблема неправовая. По сути, имеет место лишь проблема правового регулирования порядка, условий использования телекоммуникационных сетей и защиты прав и законных интересов различных субъектов при циркулировании информации в глобальных компьютерных сетях» [6]. Необходимо также учитывать накопленный опыт саморегулирования, осуществляемое на основании норм морали, обычаев, этикета, так называемый Netiquette («сетевой» этикет).

В рамках саморегулирования появляется возможность повысить адаптационную эффективность деятельности экономических субъектов за счет того, что участники рынка самостоятельно устанавливают формальные правила, регулирующие данную сферу бизнеса, обладая при этом доступом к локальным информационным ресурсам. Опираясь на это, государство сможет эффективнее охранять права и законные интересы граждан.

Еще одной проблемой интернет-регулирования представляется наднациональный характер сети. Это обусловлено рядом факторов: глобализация рынков, т.е. возникновение универсального спроса на медиа продукты и новые технологии со стороны потребителей различных стран, легкий доступ, иллюзорное общение и др. [11]. Стоит отметить, что каждое государство стремится выработать свою позицию в отношении регулирования Интернета.

Э. В. Талапина считает, что ни в одной стране мира нет всеобъемлющего (кодифицированного) законодательства, посвященного Интернету, а те нормы, которые можно применить к отношениям по поводу Интернета, «разбросаны» по законодательным актам разных отраслей права. Кроме того, имеет место множественность источников правовых норм, содержащихся в международных договорах, национальных законах, актах органов исполнительной власти, судебных решениях. Невозможно ограничиться только национальным законодательством, поскольку сама архитектура сети трансгранична, а большая часть существующего регулирования сосредоточена в международных актах.

Всемирный характер сети Интернет побуждает юристов обращаться к международному праву в поисках способов урегулирования. Международное право выросло из обычаев и взаимных соглашений, а его основным инструментом стало так называемое «мягкое право». Под ним понимают ансамбль инструментов, отвечающих совокупности условий: оно имеет целью модификацию или ориентацию поведения адресатов правил; не создает прав и обязанностей для адресатов; по содержанию и способу выработки представляет уровень формализации и структуризации, характерный для правовых норм [7]. Необходимо учитывать, что участники регулирования Интернета отличаются по многим параметрам, включая международную правоспособность, заинтересованность в конкретных вопросах управления Интернетом и наличие экспертных знаний.

Также стоит учитывать, что участие частных субъектов в регулировании Интернета предопределяет именно наличие норм мягкого права, причем как в международном, так и в национальном праве Интернета, что влияет на классическую иерархию источников права, основанную на общеобязательности нормы и ее «государственном происхождении». И не стоит забывать, что многообразие источников правового регулирования Интернета влечет необходимость развития коллизионного права в этой сфере, способного разрешать противоречия и конкуренцию норм, публично-правовых и частноправовых, а также национальных и международных.

Согласно ст. 49 Декларации принципов Всемирного форума по информационному обществу в управлении использованием Интернета должны участвовать все заинтересованные стороны. В связи с этим признается, что: а) политические полномочия по связанным с Интернетом вопросам государственной политики являются суверенным правом государств. Последние имеют права и обязанности в отношении связанных с Интернетом вопросов государственной политики международного уровня; б) частный сектор играет важную роль в развитии Интернета как в технической, так и в экономической сфере; в) гражданское общество также играет важную роль в отношении к Интернету вопросах, особенно на уровне общин; д) неправительственные организации играют роль, способствующую координации связанных с Интернетом вопросов государственной политики; е) международные организации играют важную роль в разработке относящихся к Интернету технических стандартов и соот-

ветствующей политики. Очевидно, согласовать интересы всех перечисленных сторон — задача непростая.

Каковы перспективы мягкого права в международном регулировании Интернета? С одной стороны, у применения мягкого права при управлении Интернетом достаточно высокие шансы, так как это менее формальный подход, не требующий принятия государствами официальных обязательств. Инструменты мягкого права достаточно гибки, что позволяет приспосабливаться к быстро изменяющейся ситуации в сфере управления Интернетом. Наконец, мягкое право более благоприятно с точки зрения участия всех заинтересованных сторон, чем традиционный международно-правовой подход, допускающий участие только государств и межправительственных организаций [8, с. 89]. Однако главная проблема мягкого права – его необязательность, что позволяет странам его не соблюдать.

Как отмечают А. А. Дрога и М. А. Дрога, решение проблемы может быть достигнуто путем международного взаимодействия, которое должно происходить в форме унификации нормативных правил. Речь идет об интеграции правовых систем для единообразной регламентации Интернета как международной компьютерной сети и установления единого механизма юридической ответственности [9, с. 155].

На основании вышеизложенного, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, Интернет должен рассматриваться в юриспруденции как особый объект наподобие космического пространства. Это связано в первую очередь с самой сущностью Интернета как глобальной сети, не знающей национальных границ. Абсолютно каждый человек должен иметь право пользоваться сетью для реализации своих законных прав и интересов.

Во-вторых, необходимо осуществлять регулирование не самой сети, а тех отношений, которые возникают в ходе пользования Интернетом. Только так можно не допустить чрезмерного усиления государства и предотвратить возможные злоупотребления. Интернет должен оставаться свободной площадкой для обмена информацией. Во многом, вопросы регулирования отношений решаются на основании принятых в сети правил и норм. Государство должно с уважением относиться к сложившимся в Интернете правилам и использовать их при осуществлении правового регулирования.

В-третьих, государство должно обеспечивать безопасность и законность в сети, пресекать любые попытки нарушить права и свободы граждан. При этом оно и само должно эти самые права соблюдать. Это должно осуществляться совместными усилиями всех стран. Таким образом человечество решит так же проблему глобальности Интернета.

В-четвертых, при регулировании Интернет отношений должен быть использован опыт международного сотрудничества. Современное информационное право должно строиться по тем же принципам, что и международное право. Только так можно добиться обеспечения законности и правопорядка в сети.

Однако остается вопрос о возможности такого рода сотрудничества. В свете последних событий даже космос постепенно превращается в арену борьбы разных стран за влияние. Яркое тому доказательство подписание Дональдом Трампом указа в поддержку коммерческого освоения ресурсов на Луне и других небесных телах. Это напрямую противоречит Соглашению о деятельности государств на Луне и других небесных телах, по которому исследование спутника считается достоянием всего человечества[10]. Все это говорит о том, что людям предстоит пройти огромный путь, прежде чем будут решены все глобальные проблемы.

Источники и литература

1. Число пользователей интернета в мире выросло до 4,1 млрд человек. ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/7080150>.
2. Суд постановил заблокировать Telegram. Коммерсантъ //URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3601138> (дата обращения 21.10.2020).
3. *Анисимова А. С.* Правовое регулирование интернета: основные проблемы и направления деятельности государства // Юридический вестник ДГУ. – 2020. – № 1. – С. 149-153.
4. *Жуков А. З.* Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 282-285.
5. *Талатина Э. В.* О возможностях правового регулирования интернета // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 57–75.

6. *Терещенко Л. К.* Правовые проблемы использования Интернет в России // Журнал российского права. – 1999. – № 7-8 (32-33). – С. 32-37.

7. *Ledroit*souple. Etude annuelle 2013 du Conseil d'Etat. P., 2013.

8. *Курбалийя Й.* Управление Интернетом. – М., 2010. – 208 с.

9. *Дрога А. А., Дрога М. А.* Актуальные проблемы правового регулирования Интернет-пространства // Вестник Омского университета. – 2015. – № 3 (44). – С. 153-156.

10. Трамп подписал указ о праве США использовать ресурсы Луны // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2020/5e8bc85a9a79473565bd61a/>

11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22-35; *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17-27.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Существование оппозиции в государстве является необходимым элементом поддержания демократии. В России сложилась ситуация неопределенности конституционно-правового статуса оппозиции. В настоящей статье анализируется данная ситуация; рассмотрены попытки принятия законопроекта, регулирующего деятельность оппозиционных сил, а также внесения изменений в уже существующее законодательство; представлены возможные варианты решения назревшей правовой проблемы.

Ключевые слова: политическая оппозиция, оппозиционная деятельность, конституционно-правовой статус, законопроект, правовые проблемы, власть.

CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF DEFINITION OF POLITICAL OPPOSITION IN THE MODERN RUSSIA

Annotation. The existence of opposition in the state is a necessary element in the maintenance of democracy. In Russia, there is a situation of uncertainty about the constitutional and legal status of the opposition. This article analyzes this problem; Attempts to pass a bill regulating the activities of opposition forces, as well as to amend existing legislation were considered; the possible solutions to the urgent legal problem are presented.

Key words: political opposition, opposition activities, constitutional and legal status, draft law, legal problems, power.

***Нечкина Ангелина Алексеевна**, студентка 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Зуляр Раксана Юрьевна**, кандидат политических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Nechkina Angelina Alekseevna, 4th year student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Zulyar Raksana Yuriyevna**, candidate of political sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Исследования политической оппозиции в настоящий момент можно считать одними из самых перспективных направлений в социогуманитарных науках. Подтверждение этому можно найти в следующих факторах:

1) прослеживается повышение активности деятельности оппозиционных акторов, начиная с 2012 г., достигнув пика в 2017 г. В этот год прошли два крупных всероссийских митинга: «Он вам не Димон», затронувший 82 города и до 92 тыс. участников, а также волна антикоррупционных выступлений в 154 городах, где на улицы вышло до 100 тыс. участников. Особого масштаба достигли митинги, прокатившиеся по стране после принятия законопроекта о повышении пенсионного возраста: согласно исследованиям экспертов ЦЭПР против реформы было проведено более 1.200 протестных акций. Летом 2019 г. прошли три крупных митинга «За допуск на выборы» на проспекте Сахарова (до 22 тыс. участников), «За честные выборы» (до 10 тыс. участников), «Вернем себе право на выборы» (50 тыс. участников).

Особая напряженность сложилась летом 2020 г. в Хабаровске, где в связи с отставкой губернатора С. И. Фургала еженедельно проходили митинги в его поддержку (наиболее масштабный насчитывает до 35 тыс. участников). На момент написания статьи данные оппозиционные выступления продолжаются, но носят характер уже непостоянный;

2) в применении оппозицией новых методов вовлечения граждан в протестные акции (привлечение знаменитостей, поддерживающих протесты; усиление использования Интернет-ресурса для выведения недовольных на улицы; попытки укоренения образа протеста в качестве мейнстримного элемента; проведение кампании по созданию негативного образа правоохранительных служб;

3) в наличии спорных и неоднозначных моментов в теории политической оппозиции, под этим мы понимаем отсутствие единой интерпретации понятий «политическая оппозиция», «оппозиционная деятельность», а также четкого определения субъектов оппозиции;

4) в несовершенстве правового поля, регулирующего данную сферу, что отмечает широкий круг исследователей.

Если обратиться к хронологии событий, то можно сказать, что революционным моментом в развитии политической оппозиции стало учреждение поста Президента СССР и отмена 6 статьи Конституции СССР 14 марта 1990 г. Согласно принятым нововведениям

КПСС больше не являлась монополистом на политической арене. Это способствовало развитию партийной системы и оппозиционных блоков. С момента данного события прошло тридцать лет, но, несмотря на это, все еще есть недоработки в сфере конституционно-правового статуса политической оппозиции.

С начала 2010-х гг. в научном сообществе проснулся интерес к изучению правовых проблем политической оппозиции в России. Одним из важнейших трудов в этой сфере является монография С. В. Васильевой «Конституционно-правовой статус политической оппозиции», в которой автор апеллирует к большому количеству правовых и теоретических источников как отечественного, так и зарубежного происхождения [3]. Помимо С. В. Васильевой исследования данной темы проводят С. А. Авакьян, М. А. Ризькин [1; 9].

Проблемы правового регулирования деятельности оппозиции начинаются с самого определения «политическая оппозиция». Несмотря на то, что феномен оппозиции стал изучаться с XVIII в. (впервые данной темой заинтересовались лорды Генри Болинброкк и Эдмунд Берк), до настоящего времени российскими исследователями не выдвинуто единой интерпретации трактовки данного явления. Во многом трудности осмысления данного явления возникают именно из-за отсутствия закреплённости в нормативно-правовых актах. Понятие оппозиция используется в государственных документах, наделенных юридической силой (например, в постановлениях Конституционного суда), однако в них не дается развернутая трактовка данного понятия [10, с. 108].

Еще одним важным моментом в исследовании оппозиции является вопрос об определении ее субъектов, которые также не закреплёны ни в одном нормативно-правовом акте.

Стоит отметить, что ранее не раз предпринимались попытки разработать и принять закон, касающийся политической оппозиции. Однако, данная деятельность не приводила к принятию федерального закона.

В марте 1996 г. депутат Государственной Думы В. И. Зоркальцев внес на рассмотрение законопроект «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации». В предложенном законопроекте под политической оппозицией понималась деятельность со стороны общественно-политических объединений и частных лиц, направленная против политики главы государства и исполнительных органов, а также их руководителей. В пункте об

обеспечении деятельности оппозиции гарантировалось: право граждан на участие в оппозиционной деятельности, которая признавалась «общественно полезной»; невозможность привлечения оппозиционеров к ответственности в случае, если их деятельность не способствует разжиганию вражды между национальными, религиозными, социальными и расовыми группами; право на подготовку кадров для государственных учреждений; право излагать свои взгляды в СМИ, финансируемых за счет государственного бюджета и т. д. [6]. В мае 2004 г. законопроект был снят с рассмотрения по причине нецелесообразности.

Вторая попытка принять федеральный закон «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации» была предпринята в феврале 2005 г. депутатами Д. О. Рогозиным, А. М. Бабаковым, А. Н. Савельевым и С. Ю. Глазьевым. В отличие от первого законопроекта, данный был более тщательно проработанным и содержал в себе больше информации. В новом законопроекте из определения политической оппозиции исключили понятие частных лиц; внесли пункты об обязанностях оппозиции, принципах ее деятельности, гарантиях при взаимодействии с органами власти, как на федеральном, так и на местной уровне; конкретизировали освещение оппозиционной деятельности в СМИ и т.д. [7]. В марте того же года законопроект сняли с рассмотрения по причине того, что освещение оппозиционной деятельности в СМИ предполагало расходование дополнительных средств из бюджета.

В январе 2007 г. была предпринята третья попытка принять соответствующий федеральный закон. Разработкой законопроекта занялись 42 депутата Государственной Думы. В новом варианте законопроекта под оппозиционной деятельностью понималась деятельность объединившихся граждан с целью распространения взглядов и идей, противопоставляемых позиции официальной власти. В качестве субъектов политической оппозиции выступали граждане, имеющие целью осуществление оппозиционной деятельности. Помимо этого, в законопроект вошли новые статьи, касающиеся организаций, движений, политических партий, парламентской, муниципальной оппозиции, а также надзора и контроля за деятельностью оппозиции [8]. В марте 2007 г. законопроект был отклонен.

Четвертая попытка добиться регулирования конституционно-правового статуса политической оппозиции заключалась во внесении изменений в уже существующее законодательство. В январе

2010 г. депутаты Государственной думы Г. А. Зюганов, О. А. Куликов, И. И. Мельников, С. Н. Решульский и В. Г. Соловьев предложили изменить Федеральный закон «О политических партиях» [5]. Предложения касались внесения дополнительных статей о гарантии прав на оппозиционную деятельность, реализуемую через политические партии. 26 ноября 2010 г. законопроект был отклонен.

Стоит отметить, что все предлагаемые законопроекты, касаются, прежде всего, закрепления правового статуса оппозиционных партий, входящих в парламент. А ведь помимо парламентских оппозиционных сил существуют и непарламентская оппозиция, над правовым регулированием деятельности которой работа, в принципе, не ведется. По мнению А. М. Бабакова, прежде всего, необходимо урегулировать конституционно-правовой статус парламентской оппозиции, после чего приступать к правовым проблемам непарламентских оппозиционных сил. Закрепление правового статуса непарламентской оппозиции также является важной задачей в обозримом будущем [2].

Рассуждая о проблеме конституционно-правового статуса российской оппозиции, стоит отметить, что зарубежные государства имеют аналоги законов о политической оппозиции; например, в англосаксонских государствах исторически сложилась целостная система правовых норм, касающихся оппозиционных сил и их деятельности, прав, обязанностей и т.д. Но если обратиться к российским реалиям и существующему законодательству в сфере политической деятельности, то можно понять, что принятые нормативно-правовые акты не затрагивают вопросов, касающихся политической оппозиции. А попытки внести изменения в закон, с целью регламентации правового статуса оппозиции успехов не приносят. Данная проблема существует еще со времен распада Советского Союза и требует решения. Выходом из сложившейся ситуации могут стать два пути решения проблемы.

1. Разработка и принятие федерального закона, упорядочивающего права и деятельность политической оппозиции.

2. Разработка и внесение изменений в существующие нормативно-правовые акты.

По словам С. А. Авакьяна, правящая власть не желает принимать законы, которые могут быть направлены против нее [1]. Помимо правящих кругов, в научном сообществе также нет единого мнения относительно необходимости принятия закона об оппозиции,

так, например, С. В. Васильева не видит необходимости в принятии соответствующего закона, объясняя это спецификой сложившихся политико-правовых традиций; по ее мнению, регулировать данный вопрос необходимо «местами», с помощью внесения поправок в уже существующие законы. Оппонентами С. В. Васильевой в данном вопросе выступают М. А. Краснов, Г. Н. Митин, А. А. Троицкая, В. В. Смирнов, И. Г. Шаблинский, утверждающие, что отсутствие закрепленного правового статуса оппозиции губительно сказывается, в том числе и на правящем классе, который в условиях отсутствия сильной политической конкуренции начинает «заставаться и разлагаться» [4].

В заключение можно отметить, что незакрепленность конституционно-правового статуса политической оппозиции является весьма острой темой для Российской Федерации. Отсутствие закрепленного понятия «политическая оппозиция», «оппозиционная деятельность», а также прав, возможностей и гарантий оппозиции в нормативно-правовых актах приводит к серьезным проблемам в правовом поле. Попытки принять федеральный закон «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации» и внести изменения в уже существующие нормативно-правовые акты не увенчались успехом. Сейчас же деятельность политической оппозиции осуществляется в рамках различных институтов права: основных политических прав и свобод, выборных процессов, партийного строительства, деятельности законодательных органов власти, деятельности общественных структур и СМИ.

Источники и литература

1. *Авакьян С. А.* Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение [электронный ресурс] // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. – С. 3–17 // URL: <https://center-bereg.ru/11043.html> (дата обращения: 27.09.2020).

2. Буква и дух противоречия. Нужен ли стране закон об оппозиции? // Российская газета, 2007, 21 февраля //URL: <https://rg.ru/2007/02/21/oppozicia.html> (дата обращения: 27.09.2020).

3. *Васильева С. В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции [электронный ресурс]. – М.: Московский институт права и публичной политики, 2010. – 234 с. //URL: <https://www.hse.ru/data/>

2010/05/12/1217381805/Книга%20Оппозиция.doc (дата обращения: 27.09.2020).

4. Какой должна быть оппозиция? [электронный ресурс] // Высшая школа экономики // URL: <https://www.hse.ru/news/science/29259838.html> (дата обращения: 27.09.2020).

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [электронный ресурс]: законопроект от 19 января 2010 г. // Система обеспечения законодательной деятельности //URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315203-5> (дата обращения: 27.09.2020).

6. О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации [электронный ресурс]: проект ФЗ от 18 марта 1996 г. № 96008902-2 //URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ;n=34532#0641144528657922> (дата обращения: 27.09.2020).

7. О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации [электронный ресурс]: проект ФЗ от 22 февраля 2005 г. № 143772-4 // Legislature. URL: <http://legislature.ru/monitor/raznoe/143772-4.html> (дата обращения: 27.09.2020).

8. О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации [электронный ресурс]: проект ФЗ от 29 января 2007 г. № 96008902-2 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=PRJ;n=342#0641144528657922> (дата обращения: 27. 09. 2020).

9. *Ризккинен М. А.* Конституционно-правовые основы конструктивного протеста: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Тюмень, 2017. – 455 с. //URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30448939> (дата обращения: 27.09.2020).

10. *Татаркова Д. Ю.* Оппозиция: суть политического феномена [электронный ресурс] // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 107–116 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-sut-politicheskogo-fenomena> (дата обращения: 27.09.2020).

НЕУПЛАТА АЛИМЕНТОВ КАК НАРУШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА РЕБЕНКА НА ЖИЗНЬ И ДОСТОЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение достойного существования с естественным правом, поэтапное введение в законодательство «права на достойное существование». Достойное существование рассматривается в статье как проявление самого права на жизнь. Прослеживается взаимосвязь права детей на достойное существование с выплатой алиментов. Право детей на достойное существование закреплено, однако его реализация с учетом объективных и субъективных причин не позволяют прийти к единому мнению о достойном и благополучном существовании человека. Освещена судебная практика по неуплате алиментов.

Ключевые слова: неуплата алиментов, дети, достойное существование, философия права, Конституция, родители, естественное право.

NON-PAYMENT OF ALIMONY AS A VIOLATION THE NATURAL LAW OF THE CHILD FOR LIFE AND DECENT CONTENT

Annotation. The article deals with the relationship between dignity and natural law, a phased introduction into the law of «the right to a decent existence». A worthy existence is considered in the article as a manifestation of the right to life itself. The relationship of children's right to a decent existence with the payment of alimony is traced. The right of children to a worthy existence is secured, but its implementation, taking

---

* **Попов Станислав Юрьевич**, магистрант 2-го года обучения юридического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Научный руководитель: **Мерзлякова Ирина Станиславовна**, кандидат культурологии, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Popov Stanislav Yuryevich, 2st year master's student of the faculty of law Zabaikalskiy state university, Chita, Russia.

Scientific curator: **Merzlyakova Irina Stanislavovna**, candidate of culturology, associate professor, Zabaikalskiy state university, Chita, Russia.

into account objective and subjective reasons, does not allow to come to a consensus on a worthy and prosperous human existence. The litigation practice of non-payment of alimony is highlighted.

Key words: non-payment of alimony, children, worthy existence, philosophy of law, Constitution, parents, natural law.

Своей целью считаем раскрыть актуальность обеспечения уплаты алиментов как средство достойного существования несовершеннолетних детей.

Право человека на достойное существование вытекает из двух неотъемлемых, принадлежащих человеку от рождения правовых императивов: права на жизнь и права на достоинство личности, что служит еще одним подтверждением взаимосвязанности и взаимообусловленности всей системы прав человека. Как утверждают авторы словаря «Философия права», «достоинство – этическая и естественно-правовая категория, обозначающая ценность человеческой личности, признаваемую как ею самой, так и ее социальным окружением... Ее классическим выражением стала философско-этическая формула кантовского категорического императива, требующего, чтобы люди всегда относились друг к другу как к самоценностям и никогда как к средствам достижения своих целей. Естественно-правовая философия возводит юридическую формулу человеческого достоинства к универсальным этическим максимам и религиозным абсолютам. Для нее государство и личность, которые в общем социальном смысле соотносятся как целое и часть, выступают как равновеликие ценности, как субъекты, обязанные относиться друг к другу с равным уважением» [5, с. 101].

Человеческое достоинство служит главным мотивом и оправданием существования прав и свобод.

Важное значение для исследования имеет вывод Ю. А. Дмитриева о том, что «достойная жизнь человека способствует формированию в большинстве индивидов конкретного общества чувства собственного достоинства или способствует его сохранению как естественного права человека» [6, с. 55 - 56].

По мнению П. Б. Струве, «задолго до Веймарской конституции, в 1896 г., крупный русский философ, метафизик и публицист В. Соловьев сформулировал «право на достойное человеческое существование» как постулат, который был им впервые выдвинут в статье «Хозяйственный вопрос и

нравственность» (опубл. в Санкт-Петербургском журнале «Вестник Европы», декабрь 1896). Данная статья была включена в качестве главы в основное этическое произведение Соловьева об оправдании и обосновании нравственного добра (первое русск. изд. 1897, нем. пер. под назв. *Rechtfertigung des Guten*, 1916)» [12, с. 419, 423].

В рамках своих воззрений В. Соловьев приходит к теоретическому обоснованию права человека на достойное существование как новому естественно-правовому императиву.

Русский неолиберал, Б. А. Кистяковский утверждал, что в силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование, служащее основанием для целого ряда правовых притязаний личности» [7, Кн. 4 (84), с. 344].

П. И. Новгородцев писал: «когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим следует разуметь не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни... Речь идет в данном случае очевидно о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно. И так как подобная забота относится, прежде всего, к тем, кто не может стать на твердую почву в жизненной борьбе, кто нуждается в помощи и поддержке, то обеспечение права на достойное человеческое существование ближайшим образом имеет в виду лиц, страдающих от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств» [118, с. 4-5].

Необходимость социальной деятельности государств, в том числе по обеспечению права человека на достойное существование, зафиксирована во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая составляет основу международной нормативной базы в области прав человека [10, с. 39-43].

Рассматривая естественное право ребенка на достойное существование и развитие, полагаем, что неуплата алиментов является в определенной степени нарушением указанного права ребенка и посягательством на достойный уровень его жизни.

Переходя к алиментным обязательствам – обязательствам, возникающим на основе императивных норм семейного права, отме-

тим, что они характеризуются сложным субъектным составом и элементом публичности.

Основанием алиментной обязанности родителей по отношению к их несовершеннолетним детям является сам факт рождения ребенка.

В соответствии со ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации алименты выплачиваются ребенку, но поступают в распоряжение родителя, на воспитании у которого он находится, и должны расходоваться на его содержание, воспитание и образование [2].

Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду.

Право детей на особую заботу и помощь со стороны их родителей провозглашено Всеобщей декларацией прав человека, а также Конвенцией о правах ребенка.

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) в числе приоритетных прав детей закрепляет право на особую заботу и помощь [3].

В статье 27 Конвенции о правах ребенка установлено, что государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка. Родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка. Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения восстановления содержания ребенка родителями или другими лицами, несущими финансовую ответственность за ребенка, как внутри государства-участника, так и из-за рубежа.

Статья 7 Конституции Российской Федерации гласит, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1; 8].

И все же Л. С. Магут подчеркнул, «в ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации не показано более или менее конкретно, какое содержание заключают в себе решающие понятия «достойная жизнь», «свободное развитие человека». Между тем полисемантичны они чрезвычайно. Можно, разумеется, сказать, что ч. 2 ст. 7, а

также контекст двух первых глав Конституции РФ отчасти это содержание проявляют, высвечивают. Но только отчасти, в малой степени. Чем расплывчатей, аморфней выражено содержание статьи закона, тем сложнее адекватное (точно воплощающее замысел законодателя) действие настоящей статьи» [9, с. 50].

Статьей 38 Конституции Российской Федерации закреплено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей [1; 8].

Благополучие несовершеннолетних детей напрямую связано с надлежащим исполнением обязанностей родителей по их содержанию.

Вместе с тем, до настоящего времени сохраняется проблема, связанная с выплатой алиментов на несовершеннолетних детей родителем, проживающим отдельно от детей. Такие родители зачастую предоставляют содержание своим детям нерегулярно или не в достаточном размере либо вовсе отказываются от предоставления содержания в добровольном порядке.

Неуплата алиментов непосредственно нарушает основные принципы и элементы, такие как права и интересы ребенка, уважение личности и достоинства ребенка, его частной и семейной жизни, признание ключевой роли семьи для выживания.

Пунктом 2 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что в случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке [2].

Естественное право – это то право, которое является выражением натуральной жизни общества, заданное естественным ходом вещей, а не выдуманное и не изобретенное людьми, а также не зависящее от законодателя.

Естественный закон живой природы инстинктивно обязывает родителей заботиться о своем потомстве, что даже при минимальном усилии со стороны родителей предполагает создание условий для выживания потомства. По мере развития и эволюции человечества данный закон живого мира преломился и закрепился в законодательных нормах, требующих заботы и содержания со стороны родителей по отношению к их детям.

Рассмотрим пример невыполнения родителем своей обязанности.

1 октября 2019 года по делу № 22-2696/2019 было вынесено апелляционное постановление Забайкальского краевого суда по поводу неуплаты алиментов. Так, по результатам рассмотрения данного дела злостному неплательщику алиментов увеличен срок реального лишения свободы, поскольку осужденный имел непогашенные судимости и общая задолженность по алиментам составила более 1 млн. руб. перед двумя малолетними детьми [4].

По данной категории дел – практически отсутствует возможность официально трудоустроиться, однако, когда появляется шанс заработать деньги, люди сами не желают работать. Или же получают зарплату, малую часть отдают на алименты для поддержания жизни детей, а остальное пропивают. Первичная и главная забота обеспечивать себе достойное существование собственными средствами. С детьми даже не общаются. А также у алиментщиков существует реальная возможность встать на учет в Центр занятости населения, однако этого они не делают.

Таким образом, право детей на достойное существование закреплено в законе, однако его реализация не обеспечена на должном уровне. Без этого право некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически.

Полагаем, что естественные права человека увеличиваются (уменьшаются), признаются или не признаются, все это зависит от конкретного этапа развития человечества. Так как Е. Н. Трубецкой, хорошо осознавая значение исторической школы права, заключил: «представление о закономерном развитии права является одним из вековечных завоеваний человеческого разума и должно служить одной из основ всякого учения о праве» [13, с. 79].

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI.

4. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 17.09.2019 г. по делу № 22-2696/2019 //URL:https://oblsudcht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3003526&delo_id=4&new=4&hide_parts=1/

5. *Бачинин В. А., Сальников В. П.* Философия права. Краткий словарь // Отв. ред.: Сандулов Ю.А. – С-Пб.: Лань, 2000. – 400 с.

6. *Дмитриев Ю. А.* Право человека на достойную жизнь как конституционно-правовая категория / Конституционный строй России. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – Вып. 3. – С. 54-62.

7. *Кистяковский Б. А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 141-159.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

9. *Мамут Л. С.* Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. – 2008. – № 4. – С. 46-57.

10. Международные акты о правах человека. Сборник документов / сост. и вступ. ст. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 1998. – 784 с.

11. *Новгородцев П. И., Покровский И. А.* О праве на существование. – М.: Т-во М. О. Вольф, 1911. – 48 с.

12. *Струве П. Б.* Социальный либерализм // Струве П. Б. //Избранные сочинения. – М., 1999. – 470 с.

13. *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1917. – 227 с.

**КРАТКИЙ ОБЗОР НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ
ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КНР
(1988-2005 гг.)**

Аннотация. В статье приведена хронология принятия нормативно-правовых актов в отношении общественных организации и их краткое содержание.

Ключевые слова: Китай, общественные организации, законодательство КНР.

**A BRIEF OVERVIEW OF REGULATORY LEGAL ACTS
OF PUBLIC ORGANIZATIONS ACTIVITIES
IN PRC (1988-2005)**

Annotation. The article presents the chronology of the adoption of normative legal acts in relation to public organizations and their summary.

Key words: China, PRC, public organization, PRC law.

С институциональными изменениями в политической и экономической сферах Китая в конце 1980-х годов развитие общественных организаций потребовало внедрения нормативно-правовых актов для придания их деятельности законного статуса.

Данный этап начался в 1988 году, когда Государственный совет КНР учредил Департамент управления общественными организациями, включив его в состав Министерства гражданской администрации. Данный департамент отвечал за регистрацию и управление общественными организациями. Это означало, что официальные

***Сидоренко Анна Олеговна**, студентка 3 курса факультета иностранных языков Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Кремнев Евгений Владимирович**, кандидат социологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Sidorenko Anna Olegovna, 3rd year student of the faculty of foreign languages of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kremnyov Eugeny Vladimirovich**, candidate in Sociology, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

власти признали НКО. Государство посредством нижеизложенного ряда мер подталкивало общественные организации в получении законного статуса.

Государство выпустило ряд нормативных документов по таким вопросам, как формирование политических партий в общественных организациях, система учета и отчетности некоммерческих организаций, оценка фондов и т. д. Вышеупомянутая политика и законы обеспечивают правовую защиту НКО, определяют их правовой статус и развитие стандартизированного управления общественными организациями, таким образом формируя относительно зрелую институциональную структуру [8].

В 1988 году Государственный совет КНР принял первое административное постановление «Административные меры по управлению фондами», в котором указывалось, что создание фондов сперва рассматривается Народным банком Китая, который затем сообщает решение в Министерство гражданской администрации для регистрации самого фонда; повышена пороговая величина для создания фондов. Посредством этого постановления была установлена процедура централизованной регистрации.

«Административные меры по управлению фондами», принятые 9 сентября 1988 г., установили правила создания фонда и его регистрации, тем самым формируя условия для получения законного статуса.

В 1989 году «Временное положение об администрировании регистрации общественных организаций предусматривало внедрение системы «двойного управления», которая устанавливала контроль за некоммерческими организациями. В дополнение отмечалось, что организации, несовместимые с системой двойного управления, не могли быть зарегистрированы. По сути, данная система вводит ограничение деятельности общественных организаций и их децентрализации, а также направлена на предотвращение возникновения политических рисков посредством таких мер, как система контроля за их регистрацией и деятельностью, ограничивая конкуренцию и формируя принципы системного контроля. Общественные организации с этого момента больше не рассматриваются как социальный инструмент критического осмысления социальных процессов несмотря на то, что критическое мышление становится все более востребованным регулятором общественных отношений [2]. Эта политическая концепция лежит в основе системы «двойного управ-

ления». Такая система исключает из регистрационных записей большое количество НКО.

До 1989 г. ни одно из государственных министерств не занималось регистрацией и регулированием общественных неправительственных организаций. Партийные и государственные органы могли одобрить и взять на себя ответственность лишь по отдельным видам организаций [4].

6 июня 1988 г. было обнародовано «Временное положение по управлению иностранными торговыми палатами» [6], согласно которому некоммерческие организации, созданные иностранными коммерческими предприятиями и являвшиеся в то время одним из основных акторов внедрения инноваций [3], должны подавать заявки через Международную торговую палату, после рассмотрения и утверждения которых, направлять их в Министерство внешнеэкономической торговой деятельности, и пройти унифицированную процедуры регистрации в Министерстве гражданской администрации. Таким образом, Министерство гражданской администрации стало единственным органом регистрации общественных организаций.

На сорок девятом собрании Госсовета 13 октября 1989 г. были приняты «Правила управления и регистрации общественными организациями», предусматривающие совместную ответственность органов управления и хозяйственный ведомств за выдачей регистраций в рамках «двойной системы управления».

В июне 1990 г. Канцелярия Государственного совета выпустила «Положения по упорядочению общественных организаций», в котором устанавливаются детали и, в особенности, подчеркивается, решительное пресечение деятельности общественных организаций, длительно пропагандировавших буржуазную либерализацию, что соответствует общему политическому курсу на КПК на поддержание неконкурентного плюрализма [1].

В апреле 1997 г. опубликованы «Меры по упорядочиванию общественных организаций». Основное внимание уделяется их руководителям, деловой деятельности ассоциаций социальных наук, а также проведению исследований в области социальных наук, их финансированию зарубежными организациями, участием в международных ассоциациях, и назначение иностранцев на посты в ассоциациях.

В 1998 г. обнародовано обновленное «Положение о регистрации общественных организаций и управлении ими», в котором

уточнена концепция общественных организаций и усилены положения по системе «двойного управления».

В этом же году принято «Положение о регистрации частных некоммерческих субъектов и управлении ими». Для частных некоммерческих субъектов также применяется система «двойного управления» в полном соответствии с принципами управления общественными организациями. 1999 год отмечен выпуском следующих нормативно-правовых актов.

1. Поправки к «Положению о регистрации и управлении общественных организаций» в котором были уточнены концепции общественных организаций и система «двойного управления».

2. «Временные правила регистрации и управления частными некоммерческими единицами» предусматривали нахождение частных негосударственных единиц в системе «двойного управления» со ссылкой на стиль управления общественных организаций.

3. «Закон о благотворительных пожертвованиях» был сформулирован в целях поощрения, регулирования и получения пожертвований, защиты законных прав и интересов доноров, дарополучателей и выгодополучателей, а также содействия развитию общественным организациям [5].

4. В «Решении о запрете сектантских организаций, предупреждении сектантской деятельности и наказании за нее» определяется содержание запрета сектантских организаций, действия по предотвращению и наказания за занятие сектантской деятельностью.

5. В документе «Об усилении регулирования деятельности оздоровительного цигун» акцентируется внимание на интенсификации проведения мероприятий оздоровительного цигун.

6. «Решение о запрете религиозного движения Фалунь Дафа». После расследования выяснилось, что «движение Фалунь Дафа не было зарегистрировано в соответствии с законом, занималось незаконной деятельностью, пропагандировало суеверия и ересь, обманывало массы, провоцировало беспорядки и подрывало социальную стабильность. И в соответствии с положениями «О регистрации и управлении общественными организациями», религиозное движение Фалунь Дафа и организация Фалуньгун, которой она управляет, считаются незаконными и запрещенными» [7].

В 2000 г. принимаются «Меры по запрещению незарегистрированных общественных организаций», где определяются незакон-

ные общественные организации и формулируются конкретные меры по их запрету.

В этом же году публикуется документ «Усиление партийного строительства общественных организаций», который подчеркивает важность общественных организаций, укрепляющих партийное строительство.

В 2004 г. Госсовет КНР принял «Положение о фондах», где разъясняются меры по регистрации и управлению фондами, устанавливается деление фондов на две категории: с публичным размещением и с частным размещением.

В «Положении об управлении фондами» (2004 г.) Госсовет КНР предложил усилить надзор за фондами, стандартизировать их организацию и деятельность, в этом документе также рассматривается вопрос передачи имущества благотворительным организациям от физических и юридических лиц.

Период с 1988 по 2005 год был решающим в развитии общественных организаций в Китае. Государственные общественные организации, инициированные «сверху вниз» (т.е. государством), также претерпели некоторые изменения: они сформировали благоприятный механизм мобилизации ресурсов и укрепили общественные силы.

С возрастающим энтузиазмом общественности к участию в развитии социальной сфере появились первые группы народных неправительственных общественных организаций в таких областях, как сокращение нищеты, защита прав и интересов женщин и детей, защита окружающей среды и помощь социально уязвимым группам и т.д., Организации социального обслуживания постепенно развивались и расширялись; большое количество низовых общественных организаций появилось на рынке «снизу вверх». Так, постепенно появились неправительственные и некоммерческие организации.

Таким образом, государство сначала обнародовало ряд нормативно-правовых актов, регулирующих развитие социальных организаций, и создало систему «двойного управления», под совместной ответственностью регистрационного органа и надзорного компетентного органа, а затем добилось единого административного и законодательного управления общественными организациями.

Организации, не поддерживающие основные ценности и национальные цели, в КНР запрещены. В свою очередь, объединения,

отвечающие экономическим и социальным целям, получали возможность развиваться в рамках законов и постановлений.

Источники и литература

1. Баринкова А. В., Кремнев Е. В. Партийная система КНР в типологическом аспекте: однопартийность или неконкурентная многопартийность? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2015. – № 3. – С. 129-142.

2. Кузнецова О. В., Дюндик Ю. Б. Из опыта формирования критического мышления у студентов, обучающихся на профилях, связанных с регионоведческими исследованиями // Педагогический журнал. – 2019– Т. 9. – № 4-1. – С. 430-442.

3. Садовникова О. Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 3 (75). – С. 210-216.

4. Семенов А. А. Особенности законодательства КНР об общественных организациях НПО // Известия Иркутского государственного университета. – Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelstva-knr-obobschestvennyh-organizatsiyahi-npo> (дата обращения: 22.10.2020).

5. 中华人民共和国公益事业捐赠法// 1999 г. //URL: https://baik.ebaidu.com/reference/1280431/fea257Vm_u4v7zXC2jf0oQ5DF9wwgBs_K_0JqQFaf7ylrMCXij5PK3nP2ulbQGr9xOGy5gnutkqCDsVWjwVMviFwFcp88yByJ5zrjYccbcdyEGE5XbKpfm0d81w (дата обращения: 22.10.2020).

6. 中华人民共和国国务院公报// 1988 г. //URL:<http://www.gov.cn/gongbao/huju/1988/gwyb198824.pdf> (дата обращения: 22.10.2020).

7. 中华人民共和国民政部// 1999 г. //URL: <http://www.cctv.com/news/special/zt1/XieJiaoFaLunGong/2442.html> (дата обращения: 22.10.2020).

8. 许云.从“控制”到“培育”:新中国成立以来社会组织发展的历史逻辑. 南京大学. 2017.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГРОЗ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ В КНР

Аннотация. Анализируется проблема терроризма как основного объекта, на которого направлена борьба китайской власти в целях предотвращения угрозы для государственного строя страны, а также в целях нормального функционирования жизнедеятельности людей, обеспечения их безопасности, охраны здоровья и законных интересов. Оценивается обстановка Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и Тибета, в которых происходят самые разрушительные акты. Рассматривается специфика правового регулирования, нормативно-правовая база Китая, позволяющая минимизировать данное явление.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, сепаратизм, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, угроза безопасности, правовое регулирование.

TERRORISM AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION OF THREATS AN EMERGENCY SITUATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Annotation. The problem of terrorism is analyzed as the main object at which the struggle of the Chinese authorities is directed in order to prevent the emergence of a threat to the social and state system of the country, as well as for the normal functioning of people's life, ensuring their safety, protecting the health and interests of citizens. The situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China and Tibet is assessed

---

*Ткаченко Полина Николаевна, студентка 2 курса Юридического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Арзуманов Игорь Ашотович**, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Tkachenko Polina Nikolaevna, 2nd year student of the Institute of Law of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Arzumanov Igor Ashotovich**, doctor of culturology, PhD, professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

as the most famous regions that are sources of terrorism and in which the most destructive and brutal acts take place. The specificity of legal regulation, the regulatory and legal framework of China, which makes it possible to minimize this phenomenon, is considered.

Key words: terrorism, extremism, separatism, Xinjiang Uygur Autonomous Region, Tibet, security threat, legal regulation.

В настоящее время самой важной и злободневной проблемой любого государства считается такое явление как терроризм, который охватывает несоизмеримые масштабы всего мира и интенсивно продолжает развиваться, распространяться, неся за собой крайне неблагоприятные последствия. Любое проявление терроризма во всякой его форме может вызвать массовую гибель людей, разрушение морально-нравственных ценностей, потерю стабильности в государстве, если терроризм носит ярко выраженный политический характер, и многие другие проблемы глобальной значимости. Иными словами, можно говорить о том, что данное явление приводит к чрезвычайной ситуации в любой стране, где оно присутствует. Существуют различные виды проявлений терроризма, но главенствующее положение среди них занимает терроризм религиозный, и его последствия и содержание являются отличными от других видов.

Существует множество точек зрения по поводу понятия и содержания данного явления, его специфики и проявлений, методов борьбы с ним и способов предотвращения. Данный вопрос носит общемировой характер, однако особыми отличительными чертами он обладает именно в Китае. Таким образом, исходя из большой значимости такой проблемы международного уровня, необходимо ответить на вопросы: в чем заключается содержание терроризма, каковы его виды, каким образом создаются условия чрезвычайной ситуации, исходя именно из террористических действий, и самое главное, как органы власти Китая регулируют данное явление, какие правовые или иные методы борьбы они используют.

Достаточно распространенная проблема мирового уровня требует ее изучения, поэтому многие авторы рассматривают это явление по-разному. Л. Е. Васильев проанализировал основные направления борьбы Китая с силами «трех зол», выделил методы борьбы с ними [4].

И. А. Арзуманов рассмотрел и выявил взаимосвязь государственно-правового регулирования этноконфессиональных обществен-

ных отношений с философско-правовым пониманием и нормативным регулированием общественных отношений, которые обусловлены историческими и культурно-религиозными факторами [2].

Г. А. Сизов уделил внимание правовой основе, законодательству Китая, регулирующие вопросы, связанные с терроризмом, изучил эффективность правовых методов борьбы с терроризмом, исследовал статистику террористических явлений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая после издания органами власти соответствующих нормативных правовых актов [9].

И. И. Антонович, О. М. Особенков, Л. Н. Панкова, В. А. Щегорцев написали работу, в которой подробно осветили проблематику терроризма как глобального международного явления и выдвинули ряд предложений, связанных с мерами борьбы, с профилактикой, мероприятиями, которые бы поспособствовали противодействию распространения идеологии терроризма [1].

Б. Е. Младшев, видя исток проблемы в исторических факторах, обратился к недавнему прошлому некоторых государств, в том числе Китая, и нашел в нем первые проявления терроризма [6].

Чжэн Жуньюй посвятил работу данному явлению, опираясь на то, что, дабы избежать страшных последствий, Китаю и России следует объединиться и противостоять злой силе [12].

При исследовании проблемы использовались системный (позволил рассмотреть объект как комплекс взаимосвязанных элементов), геополитический (позволил исследовать механизмы и формы контроля терроризма на территории Китая), структурно-функциональный (позволил изучить строение, функциональные характеристики терроризма), конкретно-исторический (позволил определить трансформацию явления во времени) методы исследования, а также анализ (помог выявить особенности, отдельные свойства исследуемого объекта); индукция (для того, чтобы прийти к итогу, общему выводу).

Прежде, чем перейти к исследованию сущности такого явления, как терроризм, следует дать определение и выделить свойства данного объекта. Многие авторы дают различные характеристики. Например, энциклопедический словарь Вебстера определяет терроризм как систематическое использование террора как средства принуждения [1, с. 6].

И. Р. Михеев посвятил целую работу данному вопросу, в которой указал несколько вариантов трактовки данного понятия: в

русском языке терроризмом называют устрашение, насильственные действия, насилие или угроза действием (насилием); юридическая литература определяет терроризм как использование насилия или угрозы его применения в отношении отдельных лиц, группы лиц или различных объектов с целью достижения политических, экономических, идеологических и иных выгодных террористам результатов; по мнению же самого автора, терроризм – это преступное деяние, которое состоит в применении насилия или в угрозе насилием в отношении отдельных лиц либо группы лиц, сопровождающееся устрашением населения и преднамеренным созданием обстановки страха, подавленности, напряженности с целью оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов и отличающееся повышенной общественной опасностью и публичным характером его совершения [5].

Б. А. Райзберг дает довольно простое, но очень полное и отражающее суть понятие: угроза и осуществление противозаконных насильственных действий, физической расправы по политическим и иным мотивам; акты расправы и убийства политических и общественных деятелей, ни в чем не повинных людей со стороны индивидуальных террористов и террористических групп [7].

Таким образом, исходя из вышеприведенных понятий, можно выделить обязательные свойства терроризма: во-первых, у него всегда есть мотив и цель; во-вторых, действия направлены на причинение вреда здоровью общества; в-третьих, такое явление, конечно же, является преступным, противоправным и общественно опасным.

Что касается самого Китая, для него термин терроризм является новым и пока что не в полной мере изученным. Китайские ученые, международные и национальные органы считают терроризм использованием или угрозой применения насилия для воздействия на идеологические, политические и иные изменения в Китайской Народной Республике. Однако, в настоящее время четкого и полного определения терроризма ни на законодательном уровне Китая, ни на международном уровне не существует.

Китайское информационное агентство «Синьхуа» сообщает, что Всекитайское собрание Народных представителей на данный момент занимается разработкой закона, который позволит полно и емко определить понятие терроризма. Правительство Китая же, в свою очередь, считает терроризм одним из «трех зол». В данную формулировку они включают 3 самых проблемных и волнующих

государство составляющие: терроризм, как самое распространенное явление, сепаратизм и экстремизм [4, с. 92].

Пекин утверждает, что такие взаимосвязанные элементы в совокупности представляют мощную угрозу для социального фундамента и безопасности всего государства. Сила «трех зол» не просто старается достичь дестабилизации государственного строя, она является основанием возникновения чрезвычайной обстановки, последняя имеет такой подвид классификации, как конфликтная чрезвычайная ситуация, которая предполагает военные столкновения, национальные и религиозные конфликты, а самое главное – террористические акты [6].

Исходя из сообщений из средств массовой информации, научных исследований, можно сделать вывод о том, что очагом возгорания террористических актов, как правило, является северо-западная провинция Китая – Синьцзян-Уйгурский автономный район, в котором преобладают члены мусульманской уйгурской этнической группы. Конфликты в СУАРе носят не просто этнический, а экстремистско-религиозный характер, истоки которого следует искать в далеком прошлом местных жителей этого района.

Причиной таких радикальных мер для жителей Синьцзяна послужило то, что они всегда считали себя людьми, близкими по культуре и менталитету, с народом Центральной Азии и категорически противились сближению с народом ханьским. Синьцзян является довольно значимой торгово-коммуникационной точкой, через которую происходят самые важные операции: транспортировка газа и нефти из Каспия в Азиатско-Тихоокеанский регион, транспортировка китайской продукции в Россию и страны Европы. Но самым главным является то, что именно Синьцзян открывает ворота к Индийскому океану. Таким образом, действия, происходящие в Синьцзяне, могут угрожать не только Китаю и данному автономному району, его жителям, в целом государству, но и международным партнерам [6; 9].

Основная сепаратистская организация уйгуров – «Исламская партия Туркестана» или «Исламское движение Восточный Туркестан», которая насчитывает около 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях для исламистов в Афганистане и Пакистане. Целями данной организации являются агитация за создание теократического исламского государства, которое будет подчиняться законам шариата; проникнуть в государственные и силовые структуры, нарушить

их деятельность; ликвидировать противников ислама, а именно государственных служащих и военных [4, с. 97-99].

Сам Китай делит историю террористических актов Синьцзяна на 3 этапа. Первый этап начинается с 90-х годов XX в. Так, 5 апреля 1990 года было совершено нападение в уезде Синьцзян-Уйгурского района под названием Акто в небольшом городке Барине на администрацию. Две сотни боевиков ворвались в здание, захватили порядка 10 человек в заложники, убили шестерых полицейских.

Начало второго этапа китайцы отсчитывают от событий, произошедших 11 сентября 2001 года в США. Для СУАРа данное время выдалось более-менее спокойным, поскольку весь мир был ошеломлен терактом, совершенным членами террористической организации «Аль-Каида», и террористы, и сепаратисты на время прекратили свою жестокую деятельность. Но ненадолго. 5 июля 2009 года был совершен мощный, по сравнению со всеми предыдущими и самый глобальный по своему объему, террористический акт, унесший жизни около двухсот человек. Раненых насчитывалось около двух тысяч, магазины разграблены и уничтожены, около полутора сотен машин сожжены. Именно событие «5 июля» дало Китаю понять, что этот момент является отправной точкой для дальнейшего активного распространения этой злой силы.

Третий этап начинается уже после событий «5-го июля». В 2015 году был выявлен факт осуществления сговора сепаратистов с международными террористическими организациями. Власти СУАРа установили, что уйгуры пересекали границу страны для участия в деятельности экстремистской организации «Исламское государство» [3].

Самые известные теракты произошли в столице Синьцзяна – Урумчи. Так, в апреле 2014 года был проведен террористический акт на рынке на улице Гунъюаньбэй, переполненном людьми, которые толпились около торговых лавок. Два внедорожника без регистрационных номеров въехали в толпу и выбросили взрывные устройства в людей, вследствие чего одна из машин загорелась, начался пожар. Данный теракт унес жизни 39 людей, а 94 были ранены. В конце апреля этого же года на железнодорожной станции в Урумчи был произведен взрыв, в результате которого погибли 3 человека, 79 были ранены. В июле 2009 года в Синьцзяне творились массовые беспорядки: более полутора тысяч человек получили ранения, около двухсот погибли [11].

Говоря о вышеперечисленных примерах, можно сделать вывод, что терроризм Синьцзян-Уйгурского автономного района носит ярко выраженный политический характер. Сам по себе политический терроризм является своеобразным феноменом, который по своей сути представляет некий механизм, инструмент, обуславливающий и вызывающий религиозную и социальную напряженность, неустойчивость и враждебность. Все дело в том, что специальные группировки, структуры международных террористических организаций, устоявшимися характерными чертами которых являются агрессия, ненависть, стремление к убийствам и хаосу, ставят цель – подчинить себе весь мир и стать в его главе.

Политический экстремизм обладает особым признаком – он распространяет свое действие на огромный круг лиц, его значение широко охватывает неопределенное количество людей, наций, социальных общностей. Расширительный характер является не самым обязательным свойством политического экстремизма, самое главное – это то, что он обладает уникальным умением проникать в массы, оказывать воздействие на волю и сознание людей, их мировоззрение, морально-нравственные принципы и идеологические взгляды.

Сам экстремизм предполагает все способы, орудия, методы и средства, с использованием которых можно захватить власть насильственно. Лица, осуществляющие такую деятельность, отрицают любую деятельность местной власти, опровергают ее, считают неграмотной и неверной, распространяя при этом специальные радикальные идеи, предполагающие свержение этой власти, агитируя таким образом людей против нее и нарушая тем самым общественные устои. Для осуществления своих террористических целей они используют самые жестокие и масштабные методы и способы борьбы. Как правило, такие методы требуют немалых финансовых средств, поэтому террористы занимаются наркоторговлей, незаконной торговлей оружия и прочими противоправными действиями, позволяющими им заработать на этом средства, обеспечивающие возможность совершения террористических актов [4, с. 95].

Не только Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая является беспокойным и полным нарушителей правопорядка, но и Тибет распространяет сепаратистские настроения. Корень проблемы так же, как и в предыдущем случае, исходит из глубоких времен и заключается в исторических конфликтах, которые в свое время не были решены. Тибет достаточно долгое время подчинялся своему

вассалу – маньчжурской династии Цин, которая правила Китаем. В 1913 году Тибет все-таки был провозглашен независимым, однако статуса суверенного государства так и не получил, по причине сопротивления центральной власти.

В 1949 году Пекин ввел войска в Тибет, и окончанием данного конфликта считалось подписание соглашения, согласно которому Тибет наделялся правом региональной автономии в составе Китая, но тибетцы все же остались недовольны. В 2008 году произошло восстание, оно пришлось на начало летних Олимпийских игр, сначала все начиналось как обычная демонстрация, люди вышли с плакатами, высказывали свое недовольство по поводу деятельности китайских властей, а далее начались самые разрушительные и целенаправленные беспорядки: этнических китайцев жестоко убивали, грабили и уничтожали их имущество. Погибло около 70 тибетцев, 5 тысяч человек были арестованы [4, с. 100-103].

Си Цзиньпинь в июле 2017 года выступил с заявлением, в котором обратил внимание на то, что «отдельные страны под предлогом борьбы с терроризмом осуществляют, прежде всего, свои собственные интересы, применяют двойные стандарты по вопросам антитеррора». Таким образом, терроризм рассеивается и начинает распространяться с еще большей силой, чем раньше. В своем докладе председатель Китая отметил, что необходимо объединяться странами и вместе противостоять этому разрушительному явлению.

В дополнение к этому, он предложил несколько подходов: во-первых, нужно определить функциональную роль ООН в решении данной проблемы, объединить общие мысли, идеи воедино; во-вторых, нужно, в первую очередь, стабилизировать обстановку там, где больше всего пострадал народ, а именно в Сирии, попытаться урегулировать ситуации в странах Ближнего Востока, выработать единый механизм обращения с терроризмом, с восстановлением последствий, которые он нанес; в-третьих, организационно-правовой механизм урегулирования проблемы терроризма нужно начинать поэтапно, прорабатывая каждую сферу общественной жизни – экономическую, духовную, политическую, - это позволит разработать меры, определить средства и способы борьбы с террором, пускай они будут радикальными, комплексными, но начнут осуществлять воздействие на «злую силу» [10].

В 2015 году был издан Закон о государственной безопасности, согласно которому среди первостепенных задач по обеспечению на-

циональной безопасности стоит борьба с терроризмом. А именно ст. 28 данного Закона определяет, что государство борется с терроризмом и экстремизмом во всех формах, устанавливает возможности предотвращения, минимизации и ликвидации терроризма, осуществляет деятельность по сбору информации о подготавливаемых террористических действиях, проводит проверки, предупреждает, ликвидирует и контролирует движение капитала [4, с. 104; 12].

Самым важным актом, принятым для регулирования проблемы терроризма, является Закон КНР о борьбе с терроризмом 2015 года. Нормативный акт устанавливает основные способы и методы борьбы с терроризмом, принципы и способы получения разведывательной информации, способы поиска и выявления террористических организаций, принципы, условия и порядок рассмотрения дел о террористической деятельности, меры по предотвращению, борьбе и ликвидации терроризма, а самое главное – закладываются принципы международного сотрудничества по борьбе с терроризмом.

Также данный Закон стал основой для создания нового органа в Китае, который бы занимался деятельностью, связанной с предотвращением и выявлением терроризма – Централизованный руководящий орган по антитеррористической деятельности. Функции такого органа осуществляет Контртеррористический комитет Китая. Согласно данному Закону, в целях и интересах обеспечения общественной и государственной безопасности, Китай наделил себя полномочием по преследованию не только на территории своего государства, но и на территориях иностранных государств лиц, причастных либо подозреваемых в осуществлении террористических действий [14].

Самым новым актом, обеспечивающим противодействие экстремизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, на сегодняшний день является Белая книга, которая была опубликована летом 2019 года [8; 15].

С целью обозначения мер по ликвидации социальных и экономических условий, которые являются причинами распространения терроризма, китайские власти создали документ, входящий в Белую книгу, - «Профессиональная и образовательная подготовка в Синьцзяне». Данный нормативный правовой акт отражает собственное особое мнение правительства Китая по отношению к терроризму, уточняется, что регулирование социально-экономических отношений, предлагаемое в этом документе, так или иначе предопределяет

дальнейшую дерадикализацию и минимализацию данного явления, охватывающего и приносящего ущерб всем сферам жизни Китая. В «Белой Книге» прослеживается мнение власти Китая относительно методов, которые используют террористы для осуществления своих целей. Прежде всего, по их мнению, террористы влияют на религиозные чувства людей, их мировоззрение, меняют политические настроения народа. Сама власть боится религиозного экстремизма, который может поспособствовать нарушению политического строя, внутригосударственного уклада и подвергнуть общество неуправляемости [15].

«Профессиональная и образовательная подготовка в Синьцзяне» предполагает создание специальных образовательных и профессиональных центров в Синьцзяне, которые позволят развивать культурные и образовательные аспекты граждан, повышать их профессиональные навыки, способствовать в помощи, касающейся занятости граждан. Помимо данных функций, центры также позволяют изучать родной язык, историю, страноведение, традиции и обычаи Китая, а также юридическую базу государства [15].

Центры созданы не только для обычных мирных граждан, но и для тех, кто непосредственно был связан с террористической деятельностью. Такие люди подразделяются на три категории: первые – лица, которых насильно, принудительно вынуждали, подстрекали участвовать в террористической деятельности, однако сам факт того, что данное лицо не желало участвовать в этом, позволяет считать данное преступление с невысокой степенью общественной опасностью; вторые – лица, которые непосредственно участвовали в террористической акции, но этот вред существенного ущерба не принесли (такие нарушители обязаны раскаяться в содеянном, осознать свою вину и согласиться на реабилитацию в образовательном центре, дабы избежать уголовного наказания); третьи – лицо, которое уже отбыло наказание за данное преступление, однако государство признало его преступником, потенциально опасным, и отправило его на «перевоспитание» в образовательный центр. В соответствии с законодательством такие центры способствуют в трудоустройстве лицам первой и третьей категории, оказывают психологическую поддержку [8].

Само правительство Китая оценивает свою деятельность по борьбе с терроризмом как положительную, и намеревается усиливать темпы, чтобы достигнуть более эффективных результатов. На

данный момент многие учащиеся таких центров нашли работу на предприятиях, в коммерческих фирмах, кто-то открыл свой бизнес, кто-то продолжил обучение в центре в целях отработки и повышения навыков, чтобы в будущем стать конкурентоспособным на рынке труда.

Введение Законом такого способа регулирования данного вопроса вот уже как 3 года позволяет наблюдать стабильную ситуацию в Синьцзяне. Центры позволили не только повысить уровень правосознания граждан, но и избавили людей от террористической идеологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что терроризм как метод политической борьбы является самым жестоким и безжалостным способом демонстрации неподчинения власти и выражения ненависти к ней. Сами террористические действия включают в себя взрывы, убийства, нападения на правоохранительные органы и органы власти, граждан отравляют, поджигают их имущество, создают тайные учебные базы, где они занимаются покупкой и продажей оружия, организуют массовые беспорядки, создают нагнетающую атмосферу своими действиями.

Причина таких жестких действий не одна – это не только противоречия в социальной, экономической, правовой, политической, духовной, религиозной сферах, но и нежелание, негативное отношение к тому, чтобы пользоваться устоявшимся укладом жизни, определенным властями, поэтому в целях получения преимуществ, эти лица используют агрессивные методы борьбы. Правительство Китая категорически относится к приверженцам террористической идеологии. Наличие факта о постоянных, осуществляемых с небольшой периодичностью терактах, заставило власть Китая принять меры, которые позволили бы избавиться от этого явления на территории государства. Власти начали в активном темпе путем нормотворчества заниматься нормализацией обстановки в очагах террористического возгорания. Однако власть уверена, что добиться стабильной обстановки не только в Китае, но и в других государствах, получится, если основополагающим принципом такой работы будет международное сотрудничество. Только сплотившись вместе, осуществляя антитеррористическую деятельность, государствам удастся плодотворно взаимодействовать друг с другом и достичь желаемого результата. Это не только позволит решить самый значимый вопрос современности, но и укрепить связи с другими государствами.

По моему мнению, с учетом всего вышесказанного, терроризм уже является достаточно укоренившимся явлением, которое имеет свои принципы, методы, операции для осуществления своей деятельности. Это можно считать устоявшимся институтом, действующим исключительно в собственных интересах и являющимся противоправным, незаконным и общественно-опасным. Китай еще в начале 2000-х был обеспокоен ситуацией, возникшей на территории своего государства, однако тогда это было чем-то новым, еще не изученным и неопознанным явлением. И только по мере развития, распространения этой проблемы властям удалось разработать механизмы регулирования данного объекта, являющегося причиной возникновения чрезвычайных ситуаций в некоторых регионах страны. Именно чрезвычайная ситуация являлась исходом каждого террористического действия.

Чрезвычайность таких последствий заключается в массовой гибели граждан, в агрессивных нападениях на органы власти, в масштабных уничтожениях имущества людей, их автомобилей, торговых лавок, магазинов путем взрывов, целенаправленных поджогов или просто разбойных действий. Законодательно государство закрепило направления по обеспечению охраны и защиты граждан от терроризма, был создан Контртеррористический комитет Китая, который непосредственно изучал и продолжает изучать и разрабатывать методы борьбы с данным явлением. Центры, созданные для «перевоспитания» и реабилитации террористов или просто для лиц, которые оказались подвержены насильственному участию в террористических действиях, позволяют менять взгляд на жизнь, на свою страну, у людей формируются новые ценности в жизни, их учат тому, что путем насилия и борьбы невозможно добиться компромисса.

Введение данных Центров позволило повысить уровень правосознания граждан и даже поспособствовать повышению трудоспособности бывших террористов. Китай призывает к международному сотрудничеству, утверждая, что только общими силами возможно избавиться от этого явления, поэтому учитывая создание эффективных мер борьбы с терроризмом, изучение способов борьбы самих террористов, их выявление, помощь международных организаций и стран-помощников, т.е. все это в совокупности, по моему мнению, позволяет Китаю избавиться от терроризма на территории своего государства, конечно, не на совсем, но на определенное длительное время точно.

Источники и литература

1. Антонович И. И., Особенков О. М., Панкова Л. Н., Щегорцов В.А. Международный опыт профилактики терроризма. Предложения в сфере международного взаимодействия по противодействию распространения идеологии терроризма. – М., Университетская книга, 2010. – 132 с.

2. Арзуманов И. А. Методологические подходы и принципы познания при исследовании государственно-правового регулирования этноконфессиональных отношений (часть первая) // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 3–8.

3. Борьба с терроризмом в СУАР: стабильность превыше всего // Интернет-портал РИА-новости. 2019 //URL: <https://ria.ru/20191211/1562274755.html>

4. Васильев Л. Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryh-aspektah-borby-kitaya-s-silami-treh-zol>

5. Михеев И. П. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // Владивостокский центр исследований организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ //URL: http://crime.vl.ru/docs/stats/stat_62.htm

6. Младшее Б. Е. Терроризм: понятие, причины и современные тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2016 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-ponyatie-prichiny-i-sovremennye-tendentsii/>

7. Райзберг Б. А. Современный социоэкономический словарь. – М., 2012. – 628 с.

8. Сизов Г. А. Китай рассказал о своем опыте противодействия экстремизму // Информационное агентство РИСИ. 2019 //URL: <https://riss.ru/article/3224/>

9. Сизов Г. А. Эволюция подходов китайского руководства к проблеме противодействия терроризму // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 2. – С. 134–151.

10. Си Цзиньпин: Россия и Китай взаимодействуют в борьбе с терроризмом // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4381938>

11. Терракт в Урумчи // URL: https://ria.ru/Urumqi_terrorist_attack_22052014/

12. Чжэн Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом. – М.: Воробьев А.В., 2008. – 136 с.

13. 中华人民共和国国家安全法 (Закон о государственной безопасности Китая) URL: https://chinalaw.center/china_administrative/china_state_security_law_2015_chinese/

14. 新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障 (Документ «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне»).

15. 新疆的职业技能教育培训工作 (Документ «Профессиональная и образовательная подготовка в Синьцзяне»).

СПЕЦИФИКА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье автором анализируется проблема и специфика сущности публично-правового регулирования, сопоставляются различные подходы к основаниям деления права на частное и публичное, выдвигается собственная позиция по этому вопросу. Исследуются ключевые особенности и признаки публично-правового регулирования, которые подтверждаются примерами из законодательства и судебной практики Конституционного суда, дается собственное определение понятию публично-правового регулирования.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, природа общественных отношений, признаки публично-правового регулирования.

SPECIFICITY OF PUBLIC-LEGAL REGULATION

Annotation. The article analyzes the problem and specificity of public law regulation, compares different approaches to the basis for dividing law into private and public, and puts forward its own position on this issue. The article examines the key features and signs of public law regulation, which are confirmed by examples from the judicial practice of the Constitutional Court, and gives its own definition of the concept of public law regulation.

***Тользак Алексей Евгеньевич**, студент 2 курса юридического факультета Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Tolzak Alexey Evgenievich, 2nd year student of the faculty of law of Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Kuzmin Igor Alexandrovich**, candidate of legal sciences, associate professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Key words: public law regulation, the nature of public relations, signs of public law regulation.

Интенсивность развития общества в последние годы, частое появление новых институтов, особенно в сфере политики, экономики и информационных технологий, рост влияния глобальных корпораций и международного сообщества, обуславливает необходимость постоянного обращения к проблеме правового регулирования и роли государства в данном механизме. Возникает вопрос о том, как правильно применять правовые средства и какие методы использовать, чтобы воздействие права придало возникшим и изменившимся общественным отношениям необходимую форму, которая бы гармонично вписывалась в систему права. Данная проблема требует особого рассмотрения в контексте соотношения частного и публичного правового регулирования. Более подробно в нашем исследовании остановимся на специфике публично-правового регулирования.

В первую очередь, стоит затронуть понятие правового регулирования. Среди ученых встречается множество позиций по данному вопросу. Например, Е. В. Белякович под правовым регулированием понимает «осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения» [1, с. 2]. В свою очередь, В. В. Лазарев данную дефиницию отождествлял с правовым воздействием, что, по нашему мнению, не совсем верно [5, с. 73].

С.А. Комаров под правовым регулированием понимает результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения специальной системы собственно правовых средств (норм права, правоотношений, актов реализации и актов применения права) [15, с. 84]. На наш взгляд, правовое регулирование – это государственное целенаправленное воздействие на общество и общественные отношения с целью создания и поддержания порядка, которое осуществляется с помощью норм позитивного права и других юридических средств.

Деление права на частное и публичное восходит еще ко времени Древнего Рима, где впервые были заложены основы этой системы – *ius publicum* и *ius privatum*. Исходным пунктом считается мнение Ульпиана, который полагал о необходимости разделять интересы на частные и публичные (государственные). Впоследствии данный вопрос стал приобретать более дискуссионный характер,

между учеными возникли споры по поводу того, какой критерий брать за основной в вопросе о дифференциации публичного и частного права.

Сложилось два основных течения. Во-первых, в зависимости от того, что регулирует право (предмет правового регулирования) – материальные теории деления права; во-вторых, в зависимости от того, как, каким образом право регулирует общественные отношения (метод правового регулирования) – формальные теории. К первому направлению относятся следующие критерии: 1) теория интереса, 2) разграничение целей, 3) связь регулируемых отношений с имуществом, 4) способ использования объектов прав, 5) критерий инициативы и т.д. Во втором течении выделяют следующие подходы: 1) теория централизации – децентрализации, 2) субъект правотворчества, 3) способ защиты и иные.

В свое время представители одного из направлений, которые развивают теорию комплексной отрасли права, утверждали, что деление права на частное и публичное устарело и в нем больше нет смысла. В ответ на данное заявление М. И. Брагинский написал работу, в которой отметил, что есть необходимость пересмотра всей российской правовой системы, а деление права по отраслям не нужно, стоит выделять лишь частное и публичное [2]. Дискуссии по поводу данной классификации возобновились, и они необходимы в настоящее время.

Большинство современных ученых, например, Ю. А. Тихомиров и С. С. Алексеев, руководствуются интегративным подходом, поскольку деление права на частное и публичное лишь по одному критерию в полной мере не позволяет разграничить данные категории [7, с. 8]. Интересен подход Е. А. Мамаева, который поддерживает эту позицию, при этом он добавляет, что, «разграничивая публичное и частное право, необходимо учитывать все структурные составляющие общественного отношения» [7, с. 9]. По нашему мнению, материального и формального показателя также недостаточно для деления права на частное и публичное, так как эта классификация будет совпадать с отраслевой, в основе которой лежит отличие отраслей права по предмету и методу правового регулирования, ибо частное и публичное право являются более широкими категориями по отношению к отраслевым. Соглашаясь с позицией Е. А. Мамаева, дополнительный наиболее существенный критерий можно обозна-

чить как сущность, или природа, общественных отношений. Остановимся на данном моменте более подробно.

Представим, что субъекты правоотношений – это некая субстанция, которая может выражать свою волю для вступления в эти отношения, т.е. является носителем потенциальных прав и обязанностей. Государство, в свою очередь – это более крупная и организованная субстанция, которая обладает возможностью создавать и изменять форму правоотношений. Проведем для лучшего понимания аналогию наиболее важных и прочих, менее важных, но также необходимых, общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, с такими жизненными субстанциями, как воздух и вода соответственно.

Сущность публичного правового регулирования заключается в придании строгой формы общественным отношениям, преобразовании их в правоотношения, в которых субъект не может, не нарушая права, определять направление своей воли за пределы установленной государством формы, т.е. он обязан вести себя так, как предписано законом. Сущность частного правового регулирования также заключается в создании строгой оболочки общественных отношений и преобразовании их в правоотношения, поскольку основной целью нормы права является урегулирование данных отношений, однако эта форма имеет множество направленностей, ответвлений, и субъекты правоотношений, выражая свою волю, могут самостоятельно определять данную направленность, т.е. им дозволено выбирать различные типы поведения, предусмотренные нормами права.

Следовательно, государство, которое имеет возможность создавать форму правоотношений, облакает воздух, как наиболее важную природную субстанцию, в строгую форму без выбора субъекта определять направление своей воли, поведения. Вода же, как менее важная, но в то же время необходимая субстанция, облачается государством в форму, в которой субъекты в рамках закона самостоятельно определяют, как им поступить в соответствии со своей волей, мотивами и т.д. В этом, по нашему мнению, заключается сущность, природа общественных отношений.

Стоит также заметить, что преломление и разрушение установленных государством форм наносит различный ущерб общественным отношениям в зависимости от того, какое регулирование имеет место. Поскольку отношения, охраняемые публичным правом, носят более важный характер, то и ущерб от нарушений будет более

весомым, нежели в сфере частного права. Следовательно, государство в этой связи устанавливает особые, более строгие меры реагирования и ответственности. Поэтому вышеизложенное подтверждает нашу позицию, что основным критерием деления права на частное и публичное является сама природа общественных отношений, а предмет и метод правового регулирования – как второстепенные, вытекающие из него.

Далее остановимся на непосредственных, с точки зрения теории права, особенностях публично-правового регулирования и его ключевых отличиях от частного правового.

Во-первых, в науке существует устоявшееся утверждение, что для публично-правового регулирования характерен императивный метод правового регулирования, который не подразумевает предоставления субъектам правоотношений свободы поведения, а только предписывает, как необходимо поступать в различных ситуациях. Для частного правового регулирования присущ диспозитивный (горизонтальный) метод, который прямо противоположен императивному.

Например, большинству норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) присущ императивный характер, однако в некоторых случаях проявляется и диспозитивность. Так, А. В. Сумачев к таковым нормам относит: добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ); нормы 8 главы «Обстоятельства, исключающие преступность деяния»; нормы, которые определяют уголовно-правовые последствия в связи с «постпреступным поведением» лица [13, с. 8]. Правильное соотношение указанных методов необходимо для того, чтобы те приемы и средства, применяемые к урегулированию общественных отношений, не противоречили их сущности, природе. Данный вывод можно сделать также исходя из позиции Конституционного суда РФ, в Постановлении которого прослеживается достижение такой цели, как «обеспечение законодателем разумного баланса диспозитивного и императивного методов правового воздействия» [11].

Во-вторых, отличительной чертой является различный статус субъектов. О. Е. Землянов отмечает, что публичное право связано с «существованием и функционированием публичных субъектов», т.е., с одной стороны, в роли субъекта выступают органы и организации, которые наделены властными полномочиями [3, с. 12]. Следовательно, между субъектами выстраиваются вертикальные отно-

шения, отношения власти и подчинения, или субординации. Для отношений в области частного права характерно равноправие сторон и автономия воли. В противном случае, это может привести к смешению частного и публичного правового регулирования и преобразованию в частно-публичное правовое регулирование, что, в сущности, является недопустимым.

В нашем законодательстве на современном этапе такие проблемы существуют. Например, стоит обратить внимание на Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» [1]. Положения указанного закона устанавливают, что собственники товарных складов обязаны принять на хранение вещи, включенные в государственный материальный резерв. При этом с собственниками товарных складов заключается договор. Однако данное предписание не соответствует сути договорных отношений, которые предполагают юридическое равенство субъектов и автономию воли. Указанные отношения, исходя из их природы и важности, необходимо перевести либо в сферу частного регулирования, либо публичного. Частно-публичное правовое регулирование – парадокс в правовой системе.

В-третьих, публичному правовому регулированию присущи определенные способы правового регулирования: обязывания (активная юридическая обязанность) и запрета (пассивная юридическая обязанность). Для частного правового регулирования, как правило, характерен способ дозволения. Так, большинство норм УК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП) носят запрещающий характер. Причем не обязательно наличие слов «запрещается», «запрещено», чтобы отнести ту или иную норму поведения к таковой. Запрет следует из последующего указания на соответствующую санкцию. Обязывающих норм в УК РФ меньше, нежели запрещающих, причем большее их количество содержится в Особенной части, на что указывает Поройко М. С. в своей работе [9, с. 15]. Примерами обязывающих норм могут послужить части первые ст. 66, 69 и 78 УК РФ. В КоАП также встречаются обязывающие нормы, например, ст. 25.6, 26.4, 26.6 и иные. Ключевым источником императивных способов правового регулирования можно обозначить нормы конституционно-правового регулирования, однако в силу такого характерного признака, как декларативность положений Конституции и иных актов конституционно-права, в большей мере указанные выше способы раскрываются в уголовном и административном праве.

В-четвертых, выделяется такая особенность публично-правового регулирования, как «нацеленность на обеспечение и охрану интересов общества и государства» [6, с. 26]. Выделение данного критерия возможно, однако сторонники формальных теорий его критикуют, обосновывая тем, что в таком случае существует некая размытость между частным и публичным правом, поскольку частные интересы (интересы конкретных физических и юридических лиц) очень тесно пересекаются, а порою и перетекают в публичные (интересы общества и государства). Например, введенные ограничительные меры в государстве в связи с пандемией коронавируса по своей сути носят публичный характер, т.е. они направлены на обеспечение интересов всего общества и государства. Однако, защищая интересы общества в целом, государство пытается сохранить жизнь и здоровье каждого в отдельности (частный интерес). В данном случае можно говорить о взаимодействии частного-правового и публично-правового регулирования. Однако с целью разграничения такой подход с определенной долей условности следует обозначить как первичность интересов, т.е. какой в первую очередь основной интерес обеспечивается и охраняется правом и государством. Так, в своем Постановлении применительно к нормам Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» Конституционный суд разграничивает публичные и частные интересы, определяет, что компенсация должнику «должна быть соразмерной с точки зрения обеспечения справедливого баланса между публичными и частными интересами» [10]. Для большего понимания данной точки зрения можно провести аналогию с основным и дополнительным объектом состава преступления.

В-пятых, для публично-правового регулирования характерно обеспечение защиты соответствующих интересов преимущественно по инициативе государства. В случае частного правового регулирования защита интересов осуществляется по инициативе самих субъектов правоотношений, которые обладают правом обращения в соответствующие органы в случае нарушения их прав. Однако у публично-правового регулирования есть ряд исключений, например, дела частного и частного-публичного обвинения (ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ), в которых защита интересов осуществляется по инициативе потерпевшего или его законного представителя. КоАП по общему правилу прямо предусматривает право обра-

щения лиц, не наделенных властными полномочиями, в уполномоченные органы в случае нарушения их прав.

В-шестых, особенностью правового регулирования является сфера, которая им охватывается. Вопрос соотношения публичного и частного правового регулирования с отраслями права в настоящее время является достаточно дискуссионным. Преобладающей точкой зрения является разграничение указанных категорий, т.к. каждая отрасль права характеризуется наличием особенностей как публичного, так и частного правового регулирования, в частности, их методов. Однако, поскольку Россия в большей мере тяготеет к романо-германской правовой семье, к публичному праву относят административное, уголовное и конституционное право, которое преимущественно обладает всеми признаками публичного правового регулирования. Иные же отрасли права при отнесении их к частному или публичному правовому регулированию вызывают среди ученых ряд споров.

В-седьмых, на основе отличительных признаков публично-правового регулирования выделяют особенности публично-правовой ответственности. Все признаки, присущие публично-правовому регулированию, сохраняются и за данной ответственностью. Поскольку, как выше было отмечено, отношения, регулируемые публичным правом, обладают большей важностью и, как правило, при нарушении наносится значительный ущерб обществу и государству, то они нуждаются в особых мерах реагирования и пресечения. В своем постановлении Конституционный суд РФ определяет, что публично-правовая ответственность – это мера государственного принуждения и к ней относятся уголовно-правовая и административно-правовая ответственности, при этом он отмечает, что также обязательно наличие «вины как необходимого элемента состава правонарушения» [12]. Если проанализировать характер и содержание мер указанных видов ответственности и процедуру их применения, то можно прийти к выводу, что государство более строго и основательно охраняет публичные интересы. Например, только уголовной ответственности за совершение преступления присуще такое наказание, как лишение свободы (ст. 44 УК РФ), и наличие судимости, как особого правового последствия (ст. 86 УК РФ).

Кроме того, в последнее время для публично-правового регулирования в России стало характерным признаком интенсивное развитие института стратегического планирования как средства и спо-

соба публичного правового регулирования. На это указывают в своих работах О. Е. Землянов, Г. М. Лановая и И. Н. Правкина [3, с. 14; 6, с. 28 – 29]. Они полагают, что усложнение общественных отношений обуславливает создание государством определенных стратегий (стратегия гос. развития, стратегия по развитию борьбы с международной преступностью, стратегия гуманизации законодательства и т.д.), концепций и деклараций. Формальное закрепление указанного института отражено в Федеральном законе от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», что ознаменовало новый этап в развитии правового регулирования и появлении указанного направления. Данное средство будет способствовать, во-первых, эффективному прогнозированию будущего развития общества и предупреждению различных правовых коллизий и, тем самым, появлению стадии «предправового регулирования» на уровне с правотворчеством, которое имеет официальное выражение и играет определенную роль в правовом воздействии; во-вторых, расширению сферы публичного правового регулирования, что позволит государству упрочить свои позиции как главного регулятора общественных отношений; в-третьих, в конечном итоге приведет к формированию общественной идеологии на уровне правосознания, в которой уже достаточно продолжительное время нуждается Россия и которая будет выражаться в соответствующих действиях как со стороны государственных органов, так и со стороны населения. Для этого необходимо грамотное правовое воспитание общества, поэтому считаем необходимым пересмотреть ценности, которые оставила нам история СССР, в частности, систему советского образования и планы развития государства, которые служили достижению общей цели, и учесть возможность принятия подобных актов на федеральном уровне.

Таким образом, в ходе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, ключевым отличительным критерием частного и публичного права следует считать природу, или сущность, общественных отношений, а предмет и метод правового регулирования как вытекающие из него. Во-вторых, на основании вышеизложенных признаков и особенностей публично-правового регулирования следует остановиться на определении понятия данной категории. По нашему мнению, под публично-правовым регулированием следует понимать вид правового регулирования, которое по общему правилу устанавливается и реализуется

по инициативе государства, характеризуется различным статусом субъектов (отношения субординации) и преимущественным использованием императивного метода воздействия и соответствующих способов обязывания и запрета на общественные отношения с целью их упорядочения. В-третьих, следует сказать, что активное развитие института стратегического планирования в последнее время положительно сказывается на публично-правовом регулировании.

Источники и литература

1. *Белякович Е. В.* Понятие и пределы правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4. – С. 3–9.

2. *Брагинский М. И.* О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сборник статей. – М., 2000. – С. 46–80.

3. *Землянов О. Е.* Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011. – 30 с.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2020).

5. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве. Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. – 184 с.

6. *Лановая Г. М.* Стратегическое планирование в современном публично-правовом регулировании // Закон и право. – 2019. – № 7. – С. 26–29.

7. *Мамай Е. А.* Соотношение публичного и частного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 44–55.

8. О государственном материальном резерве: Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2020).

9. *Поройко М. С.* Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000. – 20 с.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой компании "Timber Holdings International Limited"» // URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16052000-n/> (дата обращения: 15.10.2020).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В. В. Макеева» // Сайт legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23012007-n/> (дата обращения: 15.10.2020).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Сайт legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23092014-n/> (дата обращения: 15.10.2020).

13. *Сумачев А. В.* О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4 (42). – С. 8–15.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2020).

15. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

16. Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ОСНОВНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РФ

Аннотация. В современном мире вопросам экологии и экологическим угрозам стали уделять особое внимание. Однако российская государственная политика только вступает на путь создания эффективной экологической политики, несмотря на то, что как таковая данная деятельность и нормативно-правовые акты, связанные с ней, существуют уже более двух десятилетий. В данной статье изучаются основные механизмы осуществления государственной экологической политики в России и проблемы, мешающие эффективному развитию этой отрасли.

Ключевые слова: экология, законодательство, государственная политика, местное самоуправления, органы власти.

MAIN NORMATIVE LEGAL ACTS REGULATION OF THE ENVIRONMENTAL SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the modern world ecology and environmental threats have been given special attention. However, Russian state policy is only beginning to create an effective environmental policy, despite the fact that as such, environmental policy and regulations related to it have been in existence for two decades. This article examines the main mechanisms for implementing state environmental policy in Russia and the problems that hinder the effective development of this industry.

Key words: ecology, legislation, state policy, local self-government, authorities.

***Юрьев Константин Павлович**, студент 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Зуляр Раксана Юрьевна**, кандидат политических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Yuriev Konstantin Pavlovitch, 4th year student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Zulyar Raksana Yurievna**, candidate of political sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Современные экологические вызовы и угрозы для России в основном формируются из обострившихся экологических проблем прошлого и настоящего. Главным инструментом в решении этих проблем является экологическое законодательство РФ. Характеризуя данную сферу, можно констатировать, что она состоит из комплекса нормативно-правовых актов, которые регулируют полномочия органов, осуществляют охрану окружающей среды; определяют пределы использования полезных ископаемых и других природных ресурсов, устанавливают требования по защите природы и противодействуют загрязнению окружающей среды; накладывают санкции за нарушение норм, предусмотренных природоохранным законодательством; определяют права собственности и права пользования ресурсами. Природоохранное законодательство играет важную роль в обеспечении безопасности окружающей среды и жизнеспособности государственных органов в сфере экологической безопасности. Сейчас совершенствование нормативно-правовой базы природоохранного законодательства в России является одной из приоритетных задач [11, с. 538].

В настоящее время во всем мире помимо идей устойчивого развития, также существует понятие экологической безопасности. Тенденция к развитию экологической безопасности в Российской Федерации закрепились в 2002 г. в Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5]. Данный нормативно-правовой акт является главным источником экологического права в России. Он определяет основы государственной экологической политики в сфере сохранения биологического разнообразия, природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Согласно закону, экологическая безопасность понимается как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий».

В 2006 г. были приняты Лесной и Водный кодексы, которые разграничили деятельность государственных структур в этих сферах [1; 4]. Также важную роль в развитии и поддержании экологической безопасности играют документы, обозначающие основные принципы и подходы в реализации экологической политики: указ Президента Российской Федерации «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»; федеральная программа

«Экологическая безопасность России»; экологическая доктрина Российской Федерации и многие иные документы [2; 3; 13].

Помимо федеральной власти в экологической политике значимую роль играют субъекты Российской Федерации. Федеральное законодательство с конца 1990-х г. стимулирует развитие регионального законодательства в сфере экологии. Анализ источников показывает, что субъекты активно используют свои правотворческие возможности в экологической сфере. Например, в Иркутской области принят ряд основополагающих документов в сфере экологии региона: Закон Иркутской области «Об отдельных вопросах охраны окружающей среды в Иркутской области»; Закон Иркутской области «Об областной государственной поддержке деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал»; Закон Иркутской области «О регулировании отдельных отношений недропользования в Иркутской области» [6-8]. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и с федеральным законодательством в сфере охраны окружающей среды в этих документах были определены полномочия Иркутской области как субъекта РФ в сфере охраны окружающей среды.

Доля местного самоуправления в экологической политике России в сфере законодательства сейчас крайне мала и не отвечает требованиям крупных муниципальных образований. Хотя в «Законе об окружающей среде» полномочия муниципальных образований четко дифференцируются в зависимости от типа образования на муниципальный район, городское поселение и сельское поселение. В соответствии с федеральным законодательством о местном самоуправлении в каждом муниципальном образовании было принято свое законодательство в сфере экологии. В ведении местных городских и сельских администраций находится сбор и вывоз мусора, а также проведение мероприятий по защите окружающей среды на своей территории. В ведении местных муниципальных администраций: организация мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды; организация утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. Таким образом, все муниципальные образования наделены полномочиями только в сфере организации сбора и вывоза отходов, а также в проведении мероприятий по охране окружающей среды.

Помимо органов общей компетенции в экологической сфере свою деятельность осуществляют специальные государственные

органы. К ним относятся федеральные министерства, федеральные агентства и федеральные службы. Они выполняют различные функции: экологическое нормирование, экспертизы, лицензирование, сертификация, контроль и т.д.

Федеральные органы делятся на три группы по степени участия в экологической политике:

- органы, выполняющие блок общих задач в сфере экологической политики: Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Министерство здравоохранения и социального развития РФ, Федеральная служба России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

- органы, отвечающие за отдельные экологические вопросы: Министерство сельского хозяйства РФ, Федеральное агентство по рыболовству и др.;

- органы, выполняющие одну или несколько задач в сфере экологии: Федеральная служба государственной статистики, Министерство внутренних дел РФ, Министерство юстиции РФ, Федеральная таможенная служба и др. [10].

Исходя из указа Президента РФ от 21 мая 2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» можно выделить основные специальные органы в сфере экологической политики:

- Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральное агентство водных ресурсов, Федеральное агентство лесного хозяйства, Федеральное агентство по недропользованию;

- Министерство сельского хозяйства РФ: Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральное агентство по рыболовству;

- Министерство экономического развития РФ: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом;

- Федеральная служба безопасности Российской Федерации;

- Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору [9; 10].

Таким образом, можно отметить, что главная проблема российского природоохранного законодательства и всей природоохранной системы заключается в отсутствии единого органа управления и единого кодифицированного нормативно-правового источника экологических норм, т. к. сейчас эти нормы разбросаны по различным нормативно-правовым документам.

На основе законодательной деятельности базируется второй основной вид деятельности государственных органов в сфере экологической политики – экологическое налогообложение. Сбор налогов в сфере экологии и природных ресурсов играет две важных роли:

- формирование доходной части налогово-бюджетной системы;

- поддержание экологической безопасности государства.

Второй аспект сейчас становится наиболее актуальным, в связи с ростом использования природных ресурсов на территории РФ. Существует 4 вида экологических налогов: налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, земельный налог, транспортный налог. Также существуют различные экологические сборы и платежи, они представляют собой совокупность разных выплат. К ним относятся: сбор за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами, разовые и регулярные платежи за пользование и сбор за участие в конкурсе (аукционе) на пользование недрами, плата за пользование водным объектом, плата за негативное воздействие на окружающую природную среду, утилизационный экологический сбор, платежи гражданско-правового характера: – арендная плата за пользование лесами; – за пользование земельными участками [12, с. 34].

Изучив систему налогообложения в экологической сфере, можно также выделить ряд проблем. Во-первых, отсутствие единой политики по регулированию платежей. Такое хаотичное расположение всех сборов и платежей нигде законодательно не аргументируется. Во-вторых, отсутствие в законодательстве РФ понятия экологического налога, про этом его часто используют в нормативно-правовых актах без всякого терминологического объяснения.

В целом деятельность государственных структур Российской Федерации по обеспечению экологической безопасности и соблюдению целей устойчивого развития можно расценить как неудовлетворительную. Сейчас государственная экологическая политика России далека от уровня западных коллег и нуждается в доработке.

Источники и литература

1. Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 74–ФЗ: [принят Государственной Думой ФС РФ 12 апреля 2006 г.; одобрен Советом Федерации ФС РФ 26 мая 2006 г.] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/

2. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды»: [принята постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326] // URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm/>

3. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: [утверждена указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102040449/>

4. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 200–ФЗ: [принят Государственной Думой ФС РФ 8 ноября 2006 г.; одобрен Советом Федерации ФС РФ 24 ноября 2006 г.] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/

5. Об охране окружающей среды: Федеральный закон № 7–ФЗ: [принят Государственной Думой ФС РФ 20 декабря 2001 г.; одобрен Советом Федерации ФС РФ 26 декабря 2001 г.] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/

6. Об отдельных вопросах охраны окружающей среды в Иркутской области: закон Иркутской области от 11 июня 2008 г. № 43/12а–ЗС: [принят постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 28 мая 2008 г. № 43/12а–ЗС] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/819055268> (дата обращения: 26.10.2020).

7. О регулировании отдельных отношений недропользования в Иркутской области: закон Иркутской области от 7 октября 2008 г. №75–ОЗ: [принят постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 17 сентября 2008 г. № 45/19–ЗС] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/819055268> (дата обращения: 26.10.2020).

8. Об областной государственной поддержке деятельности, направленной на сохранение и улучшение состояния уникальной экологической системы озера Байкал: закон Иркутской области от 10 ноября 2011 г. №107–ОЗ: [принят постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 19 октября 2011 г. №36/24–ЗС] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/469400837> (дата обращения: 26.10.2020).

9. Структура федеральных органов исполнительной власти: [утверждена указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. №21] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=354408&fld=134&dst=100031,0&rnd=0.394532910710756#011059211908537359> (дата обращения: 26.10.2020).

10. Система органов государственного управления в области природопользования и охраны окружающей среды // Jurkom74: сайт // URL: <https://jurkom74.ru/ucheba/sistema-organov-gosudarstvennogo-upravleniya-v-oblasti-prirodopolzovaniya-i-ochrani-okruzhaiuschey-sredi/>

11. Сайгидаев С. Т. Проблема совершенствования нормативно–правовой базы в области экологического законодательства // Аллея науки.– 2019.– № 11(38). – С. 538–541 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42362042>.

12. Шувалова Е. Б. Эволюция системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации // Статистика и экономика. – 2017. – № 6. – С. 32–38 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32336643/>

13. Экологическая доктрина Российской Федерации: [одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225–р] //URL:

http://www.mnr.gov.ru/docs/ekologicheskaya_doktrina/ekologicheskaya_doktrina_rossiyskoj_federatsii/ (дата обращения: 26.10.2020).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Я.О. Барнышева* DOI: 10.47905/MATGIP.2021.98.87.050

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние современных глобализационных процессов на развитие российского общества. Выделяются основополагающие тенденции развития национальных культур. Освещается роль национально-культурных автономий в вопросе сохранения культурного наследия. Кроме того, обосновывается тезис о том, что глобализация приведет не к исчезновению национальной культуры, а ее переосмыслению в социуме. Анализируется феномен «глокализации» в современном российском обществе.

Ключевые слова: глобализация, национальные культуры, национально-культурные автономии, национальная идентичность, глобализация культуры, глокализация.

DYNAMICS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Annotation. The article examines the impact of modern globalization processes on the development of Russian society. The basic trends in the development of national cultures are highlighted. The article high-

---

***Барнышева Яна Олеговна**, студентка 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Рыбалко Михаил Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Barnysheva Yana Olegovna, 4th year student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Rybalko Mikhail Leonidovich**, candidate of historical sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

lights the role of national cultural autonomies in the preservation of cultural heritage. In addition, the author substantiates the thesis that globalization will not lead to the disappearance of national culture, but its reinterpretation in society. The article analyzes the phenomenon of «glocalization» in modern Russian society.

Key words: globalization, national cultures, national-cultural autonomies, national identity, cultural globalization, glocalization.

С каждым днем Россия все больше и больше втягивается в сложноустроенную международную систему, которая приносит глубокие изменения в развитие стран и народов. В таких условиях можно говорить о уменьшении сферы распространения и влияния национальных культур, но в то же время отмечается повышение национального самосознания.

Из-за глобализационных процессов в мире практически не осталось ни одного государства, где население представляло бы собой одну национальность. Что касается России, то на протяжении многих веков наша страна формировалась как многонациональное государство. На данном этапе развития на территории Российской Федерации проживают сто девяносто три народа, к числу которых относятся не только коренные малые и автохтонные народы страны [1].

Для большего понимания темы нужно рассмотреть статистические данные, касающиеся национального состава Российской Федерации. Ориентироваться следует на данные переписи населения 2002 г. и 2010 г. Согласно статистическим данным 2002 г. численность лиц, не указавших свою национальность, составила 1,5 млн чел. (или 1,0 % от 145,2 млн жителей страны в целом), перепись населения 2010 г. говорит нам о том, что численность лиц, не указавших свою национальность, составила 5,6 млн чел. (или 3,9 % от 142,9 млн жителей страны в целом) [1]. Таким образом, на общем фоне уменьшения численности населения Российской Федерации, с каждым годом увеличивается количество человек, которые не относят себя к определенной национальной общности. Здесь можно проследить влияние глобализационных процессов. В современном мире национальность утрачивает былое значение, нация как территориальная политико-социальная система приходит в упадок. Происходит процесс становления мирового сообщества, которое характеризуется повышением протяженности, скорости и силы воздействия

межчеловеческих коммуникаций, все эти процессы приводят к минимизации этнических различий.

Несмотря на это, следует сказать, что глобализация не приведет к полному исчезновению этничности, а лишь поспособствует ее переосмыслению в социуме. В данном контексте уместно сказать о главной черте, которая присуща современным глобализационным процессам. С течением времени, современная глобализация приобретает принципиально новую характеристику – рефлексивность. Речь идет о так называемом явлении глокализации, согласно которому в современном мире разрушаются границы национального территориального государства, но одновременно происходит рост этнического самосознания.

Примером повышения национального самосознания в наше время могут являться национально-культурные общества, развернувшие свою деятельность по всему миру. В современном российском обществе повышается значимость общественных организаций и объединений, как формы проявления социальной активности населения в гражданском обществе. Очень важную роль в многонациональном государстве, коим является Российская Федерация, играют национально-культурные объединения.

Число национально-культурных организаций или автономий на территории Российской Федерации постоянно растет. К примеру, по статистике за 2015 г. зарегистрированных национально-культурных автономий насчитывалось 1100, на конец 2018 г. число таких объединений составило 1229 [2]. Данная статистика показывает, что число национально-культурных организаций растет с каждым годом.

Если обратиться к датам создания национально-культурных обществ, то можно заметить, что большинство из них были основаны в начале XXI в. К примеру, Федеральная польская национально-культурная автономия «Конгресс поляков в России» была создана в 2003 г.; Общероссийская общественная организация «Союз армян России» (САР) основана в 2000 г.

Таким образом, на основе проанализированных данных можно сделать вывод: несмотря на то, что в современном российском обществе, втягиваемом в общемировые тенденции и подверженном влиянию глобализационных процессов, национальная принадлежность с каждым годом играет все меньшее значение, а статистические данные говорят о том, что число человек, предпочитающих не

указывать свою национальность, неустанно растет, все же, увеличивается количество общественных организаций, объединяющих людей по национальному признаку. Здесь мы четко наблюдаем проявление такого процесса, как «глокализация». С одной стороны происходит стирание национально-культурной идентичности между нациями и народностями, а с другой, все больше возрастает роль ассоциаций, социальных организаций и движений, в том числе политические программы, поддерживающие самобытность тех или иных народностей, защищающие их обычаи, традиции, религии и языки.

Источники и литература

1. Национальный и этнический состав России [электронный ресурс] // Статистика и показатели: региональные и федеральные // URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (дата обращения: 01.10.2020).

2. Число общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций, зарегистрированных в Российской Федерации на 1 января 2015 г. [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики /URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm (дата обращения: 01.10.2020).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ С ГРАЖДАНАМИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматривается коммуникация парламентских партий с жителями Иркутской области в четырех основных социальных сетях. Анализируются основные критерии (количество подписчиков, количество просмотров публикаций, среднее количество лайков, репостов и комментариев) и приводятся рекомендации для региональных отделений партий. Приводится статистика пользования социальными сетями в России с разбивкой по каждой сети. Рассматриваются группы и аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram» и «Facebook».

Ключевые слова: партии, коммуникация, социальные сети, подписчики, контент.

POLITICAL COMMUNICATION OF PARLIAMENTARY PARTIES WITH CITIZENS ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Annotation. The article examines the communication of parliamentary parties with residents of the Irkutsk region in four main social networks. The main criteria (the number of subscribers, the number of views of publications, the average number of likes, reposts and comments) are analyzed and recommendations are given for regional branches of parties. The article provides statistics on the use of social networks in Russia with a breakdown for each network. Groups and accounts in

---

* **Ганжа Никита Сергеевич**, магистрант 1-го года обучения исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Рыбалко Михаил Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Ganzha Nikita Sergeevich, 1st year master's student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Rybalko Mikhail Leonidovich**, candidate of historical sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

social networks «VKontakte», «Odnoklassniki», «Instagram» and «Facebook» are considered.

Key words: parties, communication, social networks, subscribers, content.

На данный момент можно с уверенностью говорить о дополнении (а для некоторых социальных групп и замене) традиционных каналов информирования и коммуникации (газеты, радио, телевидение и т. д.) интернет-ресурсами, прежде всего социальными сетями. По результатам исследования, проведенного ВЦИОМ, 45% россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей каждый день, 62% – не реже раза в неделю [13, с. 27].

Следовательно коммуникация в соцсетях является неотъемлемой частью успешности любой партии, которая выражается в результатах голосования. В следующем году пройдут выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее ГД). Выборы в ГД являются наиболее важными для партий, прежде всего, для партий, представленных в Парламенте, поэтому особый интерес представляет анализ их социальных сетей именно сейчас, когда начинают разворачиваться средства агитации и пропаганды.

Как отмечает в своей статье «Политическая коммуникация партий с гражданами в социальных медиа» Е. В. Савина, в первую очередь предназначение соцсетей – информирование и мобилизация пользователей сети Интернет, преследующее целью объединение в сообщества и группы по социальным интересам. В эти интересы входит и критерий поддержки или недоверия политическим партиям. Основные преимущества политической коммуникации в социальных сетях это, конечно: широта охвата аудитории и скорость распространения контента [13 с. 26-27].

Сравнительная стоимость размещения материалов в традиционных СМИ и в социальных сетях несопоставима, в то время как грамотно оформленные страницы в соцсетях позволяют распространять информацию практически бесплатно. В связи с этим парламентские партии (как федеральные, так и региональные отделения) активно используют социальные сети в политической борьбе. Сравним их деятельность на примере Иркутской области.

В исследовании были использованы данные четырех наиболее популярных социальных сетей, в которых у всех партий есть аккау-

ты и группы. это: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram» и «Facebook». Выбор сделан на основании данных опроса Левада-центра, согласно которым наиболее популярные социальные сети в России это «ВКонтакте» (42%), «Одноклассники» (33 %), «YouTube» (30 %) и «Instagram» (23 %). Социальной сетью «Facebook» пользуются 9% респондентов [13, С. 27]. «YouTube», по моему мнению, скорее видеохостинг, чем социальная сеть, также не у всех региональных отделений есть канал на «YouTube», что затрудняет сравнительный анализ.

Одним из основных преимуществ использования социальных сетей для коммуникации с электоратом, как отмечают многие эксперты, является простота поиска информации и скорость ее распространения. Для того, чтобы партии могли эффективно использовать это преимущество – их аккаунты должно быть легко отыскать.

Первым и основным критерием удобства поиска является представленность групп в социальных сетях на региональных сайтах. И у Единой России (далее ЕР), и у КПрФ, и у ЛДПР, и у Справедливой России (далее СР) ссылки на соцсети на сайтах есть. Однако у КПрФ нет ссылки на инстаграм-аккаунт, его пришлось искать отдельно.

Второй критерий – это длина ссылки. Для удобства поиска ссылка должна быть короткой и желательно связанной с названием партии. У ЕР длинная ссылка, которую не поменяли после создания группы, только в Одноклассниках [2], у КПрФ и ЛДПР подобные ссылки (также по одной) в Инстаграме [9, 11], и у СР сразу две такие ссылки в Фейсбуке и Одноклассниках [14,15].

Следовательно, не все группы парламентских партий в социальных сетях удобны для поиска. У каждого регионального отделения есть точки роста в этом направлении.

Обратимся непосредственно к самим группам и аккаунтам. Основными показателями успешности аккаунта являются: количество подписчиков, среднее количество просмотров (в тех соцсетях, где это возможно отследить), среднее количество т. н. «лайков» и «репостов», наличие или отсутствие комментариев у публикаций, частота обновления контента. Для анализа в каждой социальной сети будет взято 5 последних публикаций на момент написания статьи (19 октября 2020 г.).

Начнем анализ с социальной сети «ВКонтакте». У всех региональных отделений парламентских партий есть группы в этой соцсе-

ти, помимо этого у Единой России есть дополнительно к группе есть аккаунт.

Таблица 1

Основные параметры групп парламентских партий
в социальной сети «ВКонтакте»

Партия	Количество подписчиков	Среднее количество просмотров	Среднее количество лайков	Среднее количество комментариев	Среднее количество репостов
Единая Россия Иркутская область (группа) [5]	2870	9	1	–	–
Единая Россия (аккаунт) [4]	1214 друзей, 815 подписчиков	19	1	–	–
Сторонники КПРФ Иркутской области [18]	8151	113	5	–	1
Справедливая Россия в Иркутской области [18]	26	40	1	–	–
Иркутское региональное отделение ЛДПР [7]	678	48	1	–	1

Как мы можем видеть, количество подписчиков практически не коррелирует с количеством просмотров, лайков, репостов или комментариев. Да, у КПРФ несколько больше просмотров и лайков чем у остальных партий, но если просмотров больше в 2-3 раза, то подписчиков больше в 8-12 раз, так что прямой корреляции не наблюдается.

Также можно отметить, что практически у всех партий (за исключением СР) большинство подписчиков не проявляют в группах никакой активности, т. е. являются т. н. «мертвыми» подписчиками. Перейдем к следующей социальной сети.

Таблица 2

Основные параметры групп парламентских партий
в социальной сети «Instagram»

Партия	Количество подписчиков	Среднее количество лайков	Среднее количество комментариев
Единая Россия Иркутская обл. [1]	808	4	1
КПРФ Иркутск [11]	666	30	1
Справедливая Россия в Ир- кутской облас- ти [17]	201	20	1
ИРО ЛДПР [9]	2430	100	1,5

У КПРФ в Инстаграме присутствует несколько групп «клонов» с похожими названиями и контентом, что затрудняет идентификацию настоящей группы, при условии отсутствия информации на официальном сайте партии. У ЕР также наличествуют «клоны», однако легко можно выявить настоящую группу регионального отделения, просто перейдя по ссылке с сайта.

Мы видим, что в Инстаграме активнее всего работает ЛДПР, у них наибольшее число подписчиков, гораздо больше лайков и комментариев. На втором месте КПРФ, на третьем СР. Единая Россия хоть и имеет множество подписчиков и постоянно обновляющийся

контент, пока не может заинтересовать свой электорат в этой социальной сети.

Таблица 3

Основные параметры групп парламентских партий
в социальной сети «Одноклассники»

Партия	Количество подписчиков	Среднее количество лайков	Среднее количество комментариев	Среднее количество репостов
Единая Россия Иркутская область (группа) [2]	201	–	–	–
Иркутская правда [6]	8550	1	–	–
Справедливая Россия в Иркутской области [15]	1254	1	–	–
ИРО ЛДПР – Курс на губернатора [8]	761	1	–	–

В Одноклассниках все парламентские партии одинаково пассивны. Да, количество подписчиков разнится на порядок, однако практически все эти подписчики «мертвые» и до них не доходит информация региональных отделений. И это несмотря на то, что именно Одноклассниками пользуются люди среднего и старшего возрастов, которые по статистике чаще ходят на выборы. Довольно большой пласт электората оказывается, не затронут.

Таблица 3

Основные параметры групп парламентских партий
в социальной сети «Facebook»

Партия	Количество подписчиков	Среднее количество лайков	Среднее количество комментариев	Среднее количество репостов
Единая Россия Иркутская область (группа) [3]	1602	2	–	–
КПРФ Иркутск [10]	837	–	–	–
Справедливая Россия в Иркутской области [14]	575	3	1	–
ЛДПР Иркутское региональное отделение [13]	1719	12	–	–

В Фейсбуке наибольшую активность, как и в Инстаграме показывает Иркутское региональное отделение ЛДПР, СР и ЕР примерно наравне (учитывая, что аккаунт справедливороссов был создан позже, чем у их коллег). КПРФ Фейсбуком абсолютно не занимается, что и выражается в отсутствии активности на их странице.

Отдельно хотелось бы отметить частоту обновления контента и его разнообразие в зависимости от социальной сети. Наибольшая частота у социальных сетей ЕР (несколько постов в день) контент одинаковый, вне зависимости от социальной сети. У КПРФ частота обновления разнится в социальных сетях (в среднем один пост в день), информационно контент представляет собой репосты с других групп и с собственного сайта. У ЛДПР выходит по одному посту в день, контент аналогичен в разных социальных сетях. У СР частота обновления контента крайне низкая – один пост раз в два дня, во всех соцсетях одинаковый.

Таким образом, мы видим, что парламентские партии в Иркутской области не используют все возможности такого инструмента как социальные сети. Одной из основных проблем является дублирование информационного контента в разных соцсетях. Однако каждая социальная сеть имеет свою специфику, свою целевую аудиторию и свои требования к информации, что уменьшает эффект от их бездумного использования. Также проблемой является большое количество т. н. «мертвых» подписчиков – когда большое количество участников группы не отражается в их реальной активности (просмотры, лайки, комментарии), следовательно коммуникации как таковой нет.

Практические рекомендации: отредактировать ссылки на группы в социальных сетях, нанять профессиональных контент-менеджеров, провести “перезагрузку” социальных сетей. Произвести ребрендинг отдельных аккаунтов (для КПРФ), перевести свою активность из Фейсбука (которым пользуются согласно статистике всего 9% электората) в социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Инстаграм».

Источники и литература

1. Единая Россия Иркутская обл. Текст. Изображение: электронные // Instagram: [социальная сеть] // URL: https://www.instagram.com/er_irkutsk_38/ (дата обращения: 19.10.2020).

2. Единая Россия Иркутская область. Текст. Изображение: электронные // Одноклассники: [социальная сеть] // URL: <https://ok.ru/group/55211466096646> (дата обращения: 19.10.2020).

3. Единая Россия Иркутская область. Текст. Изображение: электронные // Facebook: [социальная сеть] // URL: <https://www.facebook.com/irkutsk.er> (дата обращения: 19.10.2020).

4. Единая Россия. Текст. Изображение: электронные // ВКонтакте: [социальная сеть] // URL: https://vk.com/irkutsk_er/

5. Единая Россия. Иркутская область. Текст. Изображение: электронные // ВКонтакте: [социальная сеть] // URL: https://vk.com/er_irkutsk

6. Иркутская правда. Текст. Изображение: электронные // Одноклассники: [социальная сеть] // URL: <https://ok.ru/kprfirsk/>

7. Иркутское региональное отделение ЛДПР. Текст. Изображение: электронные // ВКонтакте: [социальная сеть] // URL: <https://vk.com/irol DPR> (дата обращения: 19.10.2020).

8. ИРО ЛДПР Курс на губернатора. Текст. Изображение: электронные // Одноклассники: [социальная сеть] // URL: <https://ok.ru/ldpr38>

9. ИРО ЛДПР. Текст. Изображение: электронные // Instagram: [социальная сеть] // URL: <https://www.instagram.com/ldpr.38/?igshid=1e9r601jnl83t/>

10. КПРФ Иркутск. Текст. Изображение: электронные // Facebook: [социальная сеть] // URL: <https://www.facebook.com/groups/265921996907391/>

11. КПРФ Иркутск. Текст. Изображение: электронные // Instagram: [социальная сеть] // URL: https://www.instagram.com/kprf_irk/?igshid=qy4xkbvlax1h/

12. ЛДПР Иркутское региональное отделение. Текст. Изображение: электронные // Facebook: [социальная сеть] // URL: <https://www.facebook.com/ldpr38/> (дата обращения: 19.10.2020).

13. Савина Е. В. Политическая коммуникация партий с гражданами в социальных медиа // Известия Тульского государственного университета. 2020. № 1 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42581702/>

14. Справедливая Россия в Иркутской области. Текст. Изображение: электронные // Facebook: [социальная сеть] // URL: <https://www.facebook.com/groups/2199370410142115/>

15. Справедливая Россия в Иркутской области. Текст. Изображение: электронные // Одноклассники: [социальная сеть] // URL: <https://ok.ru/group/55696907698413> (дата обращения: 19.10.2020).

16. Справедливая Россия в Иркутской области. Текст. Изображение: электронные // ВКонтакте: [социальная сеть] // URL: https://vk.com/spravedlivo_irk (дата обращения: 19.10.2020).

17. Справедливая Россия Иркутск. Текст. Изображение: электронные // Instagram: [социальная сеть] // URL: https://www.instagram.com/spravedlivo_irk/ (дата обращения: 19.10.2020).

18. Странники КПРФ Иркутской области. Текст. Изображение: электронные // ВКонтакте: [социальная сеть] // URL: https://vk.com/kprf_irk (дата обращения: 19.10.2020).

ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ЦЕРКВЕЙ ЛИДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.

Аннотация. Автором статьи рассмотрена проблема эволюции движимого имущества церквей Лидского благочиния в период с конца XVIII века, когда они находились в составе униатской церкви, до середины XIX века, когда после Полоцкого церковного собора 1839 года они вернулись в лоно Православной церкви. Показаны изменения в составе богослужебной утвари, облачений и церковных библиотек.

Ключевые слова: униатская церковь, Русская православная церковь, Лидское благочиние, церковный приход, движимое имущество.

MOBILE PROPERTY OF LIDA DEANERY LATE XVI – MIDDLE XIX CENTURIES

Annotation. The author of the article considers the problem of the evolution of movable property of the churches of the Lida deanery in the period from the end of the XVIII century, when they were part of the Uniate Church, to the middle of the XIX century, when after the Polotsk Church Council of 1839 they returned to the bosom of the Orthodox Church. Changes in the composition of liturgical utensils, vestments, and Church libraries are shown too.

Key words: Uniate Church, Russian Orthodox Church, Lida deanery, Church parish, movable property.

***Городецкий Олег Дмитриевич**, студент 3 курса Института теологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия.

Научный руководитель: **Торканевский Андрей Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия.

Haradetski Oleg Dmitrievitch, 3rd year student of the Institute of theology of Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus.

Scientific curator: **Torkanewsky Andrew Anatolievich**, candidate of historical sciences, associate professor, Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus.

Изучение становления и развития приходской жизни издавна занимало важное место в исторической науке. Несмотря на то, что в научном историческом дискурсе суверенных государств, образовавшихся на пространстве бывшего СССР, после длительного господства марксистско-ленинской идеологии вновь поднимаются проблемы, связанные с изучением различных аспектов жизни православных общин, по-прежнему актуальной остается задача изучения эволюции приходской жизни локальных сообществ.

Тема приходской жизни неисчерпаема по своему содержанию, так как достаточно велико количество приходов различных конфессий, которые существовали и существуют на той или иной территории. Каждый из них довольно редко становился объектом изучения историков. Не зря в «Журнале Московской патриархии» подчеркивалось, что «к числу приоритетных направлений приходской деятельности церковное краеведение сегодня отнести трудно» [1]. Актуальность данного исследования обусловлено также одним из наиболее востребованных в последнее время направлений в исторической науке: локальной истории или истории региона, определенного «места». Сегодня под регионом, «местом» историки все чаще понимают не территорию, а «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность [2], каковую может считаться и церковный приход.

Целью данной статьи является исследование эволюции движимого имущества церковью восточного обряда на территории Лидского благочиния в период с конца XVIII до середины XIX века.

В теме работы под церквями мы подразумевали христианские церкви восточного обряда: в конце XVIII века униатские, а в середине XIX века православные. При этом список рассматриваемых церквей был ограничен перечнем таковых в Лидском благочинии середины XIX века после выделения в Лидскому уезде еще одного благочиния – Щучинского. В начале XVIII века в Лидском повете ВКЛ в унию были переведены две оставшиеся православными церкви – Голдовская и Зблянская. С этого времени все рассмотренные в работе церкви стали униатскими. После Полоцкого церковного собора 1839 года все упомянутые в работе храмы вернулись в лоно Православной церкви.

Проблема истории православного прихода не нова. Интерес к исследованию положения прихода в Русской православной церкви и приходской жизни возник в среде славянофилов в 1850–1860-х го-

дах. Однако сведения по истории приходов Лидского благочиния присутствуют лишь в дореволюционных работах Н. Д. Извекова «Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1899 гг.» [4] и «Статистическом описании православных приходов Литовской епархии» [3]. Униатский приход затрагивается в монографиях современных белорусских историков С. В. Морозовой и Д. В. Лисейчикова [21; 20], а также польского историка М. Радвана [22]. История униатских приходов Лидского деканата представлена в работе местного краеведа Л. Лавреша, имеющий несколько тенденциозный характер, содержащей отдельные искажения содержания исторических документов [6]. В церковной исторической науке интерес к истории приходов в Беларуси проявился, прежде всего, в исследованиях слушателей Минской духовной семинарии, где были защищены дипломные работы по истории храмов и приходов отдельных благочиний Белорусской православной церкви. В частности, В. Завало защитил работу по истории Православия в Лидском уезде в XX веке, где кратко приведены факты по отдельным церквям за более ранний период [3].

Анализ указанных научных работ позволяет сделать вывод, что тема исследования не нашла надлежащего освещения в отечественной и зарубежной историографии.

Материальное обеспечение приходов в наибольшей степени представлено в описях приходских храмов и результатах осмотров церковью епархиальными и викарными архиереями либо их представителями. Для характеристики храмов и приходов Лидского благочиния конца XVIII века нами были использованы материалы визитации церковью Лидского униатского деканата 1784 года [18]. Для исследования материального обеспечения церковью в середине XIX века были использованы главные и дополнительные описи церковью Лидского благочиния, которые составлялись и дополнялись на протяжении 1840–1860-х годов [7–17]. Характеристика хозяйственного комплекса отдельных приходов была заимствована из результатов осмотра церковью Лидского благочиния викарием Литовской епархии епископом Ковенским Филаретом (Мальшевским) в 1853 году [19].

Практическим инструментарием для решения поставленных исследовательских задач явились как общенаучные (анализ и синтез, переход от конкретного к абстрактному и наоборот и т.д.), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-типологический, историко-системный) методы исследования.

Движимое имущество церкви восточного обряда Лидского благочиния в конце XVIII – середине XIX века было представлено в первую очередь богослужебной утварью, облачениями священнослужителей, а также книгами.

Так, в конце XVIII в Лидской церкви имелись оловянный потир весом 1 фунт; серебряный потир с диском весом 1 гривна и 5 лотов; оловянный дискос; бронзовое старое кадило; 4 алтарных колокольчика весом 2 фунта; пара оловянных сосудиков с тройной мирницей весом 1 фунт; 4 неполных комплекта священнических облачений; 2 альбы (подризник); 1 новая комжа (стихарь) с кружевом, а также 1 старая; 3 корпорала (илитон); крест для процессий; 2 хоругви [18, л. 65об].

В середине XIX века отмечалось, что временная Лидская церковь снабжена необходимой утварью: подсвечниками, иконами, паникадилами и прочим. В храме имелось 18 подсвечников разного размера из разного металла; 4 привесных паникадила; медная напестольная дарохранительница; 4 дароносицы; 2 позолоченные серебряные чаши, 2 серебряных дискоса, 1 медный дискос, 2 звезды и лжицы; 4 напестольных креста, из них 2 серебряных и 2 медных; серебряная чаша для водоосвящения и сосуд для освящения хлебов; серебряная чаша для наливания вина на проскомидии; 2 полных и 8 неполных иерейских облачений, годных к употреблению и 2, годных к починке; 4 дьяконских облачения, годных к употреблению [19, л. 19–19об].

В Гончаровской церкви в конце XVIII века находились ломаный потир с диском и лжицей весом 1 фунт и 8 лотов; пушка (дарохранительница) весом 3 гривны; оловянная пушка в 1 фунт; сосудики весом полфунта, мирница весом 1 фунт; 4 различных колокольчика; бронзовое кадило; 5 неполных комплектов священнических облачений; 2 альбы с гумералами и поясами; 4 комжи; бурса (дароносица) для больных из штофа; крест для процессий; 3 хоругви; балдахин клеенчатый [18, л. 90об–91].

В середине XIX века в Гончарах имелись 2 напестольных креста: один из желтой меди, второй оловянный; серебряный внутри вызолоченный потир, вызолоченный дискос из желтой меди, жестяная звезда без изображений, медное вызолоченное блюдо, серебряная лжица без пробы, копие из желтой меди, ковшик из желтой меди; дарохранительница и дароносица из желтой меди; свинцовая мирница; блюдо для освящения хлебов; 2 медных кадила; 4 под-

свечника; парчовый с серебряными разводами воздух и 2 покрывца, парчовый воздух малинового цвета с 2 покрывцами; 4 парчовые и 2 траурные ризы с епитрахиями, поясами и поручами; 4 подризника: 2 атласных и 2 ситцевых [16].

Утварь Мытской церкви в конце XVIII века была представлена следующим образом: монстранция (вид дароносицы для внелицтургического почитания Святых Даров) на пушке весом 3 гривны и 1 лот; серебряный потир весом 12 лотов; серебряные потир и 2 диска с лжицей весом 2 гривны; 2 подсвечника, оловянные крест, сосудики с подносом, мирница и потир весом 6 фунтов; 2 алтарных колокольчика; кадило; 6 неполных комплектов священнических облачений и 2 католических; 3 альбы, 2 гумерала, 2 комжи с кружевами, 3 пояса, 4 корпорала, 6 пурификаторов (плат, которым вытирают потир), крест для процессий, старая хоругвь [18, л. 94].

В середине XIX века в храме в Мыто было 2 напестольных креста с распятием: один свинцовый, второй оловянный; серебряная чаша, посеребренный дискос, серебряная лжица, серебряная звезда, серебряное копие, серебряное блюдо, 2 свинцовых ковшика, серебряный подносик; сосуд для освящения хлебов; 8 подсвечников; 3 ризы: 2 парчовые, 1 полубархатная; 2 подризника [8, л. 16–22; 19].

В Голдово в конце XVIII века имелись в наличии: серебряная пушка с крышкой; вызолоченный внутри потир с дискосом, серебряный с позолоченным дискосом потир, серебряная лжица, оловянная мирница, 2 оловянных сосудика, 5 алтарных колокольчиков и 1 в ризнице; крест для процессий, 3 старых хоругви, железо для оплаток, старое бронзовое кадило, оловянное кропило; 5 неполных комплектов священнических облачений и 1 католический; 3 альбы; старая комжа с кружевом; 2 стулы; 2 отдельных пояса, 4 корпорала, 6 пурификаторов [18, л. 102].

В XIX веке в Голдовской церкви имелись 2 напестольных креста из желтой меди, 1 из мрамора с изображением распятия Господня, 1 свинцовый; 2 потира, 2 диска, 2 звезды, 3 блюдечка, 2 лжицы, 2 копия, 2 ковшика, дарохранильница, мирница, сосуд для благословения хлебов, водосвятная чаша; 3 кадельницы, чайник, кропило, жаровня, 3 лампы; 5 воздухов, 3 пары покрывцов, 7 риз, 3 подризника, 9 епитрахилей, 8 поясов, стихарь, 8 пар поручей, 2 хоругви [19, л. 41об–42].

Церковь в Радивонишках в конце XVIII века имела серебряную вызолоченную внутри пушку весом 1 гривна и 11 лотов; сереб-

ряный внутри и снаружи вызолоченный потир с диском; вызолоченный внутри серебряный с диском, 2 ложки; тройную оловянную мирницу; 2 пары сосудиков; старое бронзовое кадило; 3 алтарных колокольчика; жестяной светильник; крест для процессий с фигурой; 3 хоругви; 7 неполных комплектов священнических облачений и 1 католический, 5 альб с гумералами, 2 пояса, 2 комжи; бурсу для больных; 5 корпоралов, 8 пурификаторов [18 л. 99об].

В середине XIX века в Радивонишках имелись висящая по центру лампада из накладного серебра; 2 подсвечника из желтой меди, 4 напрестольных подсвечника: 2 из желтой меди, 2 из свинца; напрестольный крест с распятием Спасителя на финифти; вызолоченная чаша без пробы и без надписей, серебрянный, сверху вызолоченный дискос с надписью «Се Агнец Божий», без обозначения пробы; свинцовое блюдо весом 1 фунт; медный сосуд для водоосвящения весом 4 фунта; 2 комплекта священнических облачений, 2 комплекта воздухов и покровцов [12, л. 7–19; 15].

В конце XVIII века в Лебедской церкви находились: позолоченный потир с диском; оловянный потир с диском, оловянная поврежденная мирница, 3 оловянных сосудика, бронзовое кадило, 3 колокольчика; новая плащаница; крест для процессий с фигурой; бурса для больных; 6 хоругвей; 5 неполных комплектов священнических облачений и 1 католический; 2 альбы; 4 корпорала, 6 пурификаторов [18, л. 103об–104].

В середине XIX века Лебедский храм имел 2 большие лампы из желтой меди, 3 маленькие лампадки, 2 маленьких жестяных подсвечника, 6 свинцовых подсвечников; 3 напрестольных креста: один жестяной посеребренный; второй – такой же, но меньше; третий – деревянный с Распятием Спасителя из меди; чашу из серебра 12 пробы, дискос из серебра 4 пробы, блюдце из серебра 12 пробы, серебряное блюдце 4 пробы, 2 стальных копия, ковшик из красной меди, ковшик свинцовый, чайник и чашу из красной меди, чашу свинцовую для хранения агнцев, 3 свинцовых подноса, кадьницу из желтой меди, жаровню и железные щипцы; сосуд для освящения хлебов; 6 комплектов священнических облачений; колокол весом 3 пуда с надписью на латинском языке «Gloria in excelsis Deo in feria рах anno 1695» [10, л. 13, 17, 25–45].

В Дикушской церкви в конце XVIII века были 6 колокольчиков; 4 бронзовых подсвечника, 2 оловянных алтарных подсвечника; тройная мирница; 3 распятия с фигурами; серебряная, внутри и

сверху вызолоченная пушка с крышкой; серебряная, вызолоченная в лучах монстранция весом 5 гривен и 4 лота; большой и 2 малых потира с позолоченными дисками и лжицей, оловянный потир с диском весом 1 фунт; серебряное кадило пары весят 23 фунта; поднос с сосудиками 2,5 фунта; одна пара сосудиков весом полфунта и 13 лотов; 5 неполных комплектов священнических облачений и 1 католический; 1 пара старых долматик; балдахин [18, л. 110–111].

В середине XIX века в храме в Дикушках находились: 4 колокола: первый весом 10 пудов, второй – 5 пудов 15 фунтов (пожертвован соборным протоиереем Иосифом Семашко), третий – 90 фунтов, четвертый – 30 фунтов; 4 потира, 2 звезды, 2 диска, 4 блюдечка, 2 лжицы, ковшик, копие, общая чаша; дарохранильница и дароносица, мирница, 2 сосуда для освящения хлебов; серебряная кадильница, 2 бронзовые кадильницы, жестяное паникадило, 11 подсвечников, 3 лампы; 9 риз, 5 подризников, 7 епитрахилей, 5 поясов, 6 пар поручей, 2 набедренника, 6 комплектов воздухов и покровцов [19, л. 59–61].

В Зблянской церкви в конце XVIII века имелись серебряный вызолоченный внутри и снаружи потир с диском; серебряный вызолоченный поврежденный потир с диском; пушка; оловянные потир и диск; тройная мирница; 2 пары оловянных сосудиков; поднос; 12 алтарных колокольчиков; большой колокольчик в ризнице; бурса для больных; крест для процессий; 5 хоругвей; шелковый зонтик; полотняная плащаница; бронзовое кадило; балдахин; 3 полных комплекта священнических облачений, 2 альбы, 3 гумерала, 2 священнических комжи; 4 малых комжи; 6 корпоралов и 6 пурификаторов [18, л. 122об–123].

В середине XIX века церковная утварь в Зблянах была представлена: лампадами из желтой меди, 10 свинцовыми подсвечниками, 2 подсвечниками из желтой меди; серебряным позолоченным потиром без пробы, вызолоченной лжицей 84 пробы; дарохранильницей из желтой меди; кадильницей из желтой меди; сосудом для освящения хлебов из желтой меди; водосвятной чашей из желтой меди; 3 комплектами священнических облачений, воздухов и покровцов [17, л. 9, 10, 13–19].

В Докудовской церкви в середине XIX века имелись медная посеребренная лампада перед образом Александра Невского; 2 оловянных подсвечника, каждый весом по 1 фунту; 2 подсвечника перед местными иконами из меди весом по 5 фунтов; высеребренный на-

престольный медный крест с распятием Господа; серебряная, вызолоченная чаша 12 пробы; медный, вызолоченный дискос с изображением креста и надписью: «Се агнец Божий», медная посеребренная звезда с изображением Бога Отца; серебряная, позолоченная ложка 12 пробы; стальное с медной рукоятью копие; ковшик медный весом 4 лота; сосуд для освящения хлебов из посеребренной меди; 2 медные посеребренные дарохранительницы; 2 медных кадильницы [7, л. 12–17, 25–36].

В середине XIX века в Белицкой церкви находились: 2 больших подсвечника из желтой меди весом по 8 фунтов каждый; 4 свинцовых подсвечника по 10 фунтов каждый; напестольный медный крест с распятием Спасителя; серебряный потир 18 пробы, серебряной дискос такой же пробы, серебряная звезда той же пробы, 2 серебряных блюда той же пробы, серебряная ложка той же пробы, стальное копие с рукоятью из белой кости; дарохранительница из желтой меди с образом воскресшего Спасителя; медное кадило одно; медный сосуд для освящения хлебов; один комплект священнических облачений; воздух и покровцы белой парчи [9, л. 12–14, 3,4,8].

В церкви в Бобрах в середине XIX века было 6 небольших, свинцовых подсвечника; серебряная чаша без обозначения пробы, дискос из желтой меди, звезда из желтой меди, блюдо из желтой меди, серебряный ковшик без обозначения пробы; 2 дарохранительницы из желтой меди с изображениями Распятия Господня; напестольный медный крест на Владимирской ленте с надписью «Не нам, не нам, а Имени Твоему» и «1812 год» на обратной стороне [13, л. 2,3,4,9].

Библиотеки церковью Лидского благочиния как в конце XVIII, так и в середине XIX века состояли из богослужебных книг.

Так, в Лидской Михайловской церкви в конце XVIII века имелись старый служебник в лист Супрасльской печати, небольшое польское Евангелие, малый требник [18, л. 65об]. В середине XIX века в храме было 4 полных Евангелия, следованная псалтирь, праздничная минея, октоих в двух книгах, минея общая, триодь постная, 12 книг минеи месячной, 2 требника, апостол, ирмологий, служебник, устав, правила святых апостолов [19, л. 19об–20].

В библиотеке церкви в Гончарах в XVIII веке находились: служебник в лист Виленской печати, старый маленький служебник, октоих, требующий реставрации, старая псалтирь, требник, старая

триодь постная, небольшое польское евангелие [18, 91]; в середине XIX века – напрестольное Евангелие в восьмую долю листа Московской печати, апостол, следованная псалтирь, минея праздничная, общая минея, октоих в двух книгах, служебник, триодь цветная и постная, 2 катехизиса, «Слова» Евсевия, епископа Ковенского [16, л. 55].

Мытская церковь в конце XVIII века обладала новым служебником в лист Супрасльской печати; старым служебником униатского издания, требующим реставрации, малым старым служебником, новым католическим служебником в лист, хорошим униатским требником, небольшим польским евангелием [10, 94об]; в середине XIX века – 2 Евангелиями в твердой обложке, Библией в восьмую долю листа, книгами «Пять слов преосвященного Евсевия епископа Ковенского», «Семь слов» того же преосвященного без переплета Виленской печати, «Чин как принимать от иудейской веры, или от магометан, или от идолопоклонников», «Чин как принимать в православную веру воспитанных вне православной церкви» [8, л. 19, 35].

В Голдово в конце XVIII века имелось старинное напрестольное печатное Евангелие без оклада, 2 служебника: один хороший, второй Супрасльский печати, поврежденный, требующий реставрации, старый требник, католический служебник, небольшое польское евангелие, триоди постная и цветная, апостол, ирмологий [18, л. 102]; в середине XIX века – 2 Евангелия: одно в четверть листа Московской печати 1838 года, другое в лист, так же Московской печати 1701 года; служебник в четверть листа Московской печати; 2 служебника Киевской печати; молебник Московской печати; требник Московской печати; минеи праздничная и общая; две книги триодей; книга поучений на воскресные и праздничные дни; книга акафистов Киевской печати; Библия Киевской печати [19, л. 42об].

Церковная библиотека в Радивонишках в конце XVIII века имела служебник в лист Виленской печати, новый католический служебник, требник Супрасльской печати, небольшое польское евангелие [10, л. 99об]; в середине XIX века – Евангелие напрестольное, Московской печати 1841 года, Библия в восьмую долю листа Московской печати 1824 года, «Слова» Евсевия, епископа Ковенского, в восьмую долю листа Виленской печати 1850 года [12, л. 14, 23, 24].

В церкви в Лебеде в конце XVIII века находились старый печатный служебник, требующий реставрации; малый рукописный служебник; старый католический служебник; Евангелие с поучениями; малое Евангелие; хороший требник [18, л. 104]; в середине XIX века – Евангелие на престольное московской печати, Библия Ветхого и Нового Завета в восьмую долю листа Петербургской печати 1824 года; книги «Поучения в воскресный и праздничный день» в лист Московской печати 1836 года, «Пять слов преосвященного Евсевия, епископа Ковенского» в восьмую долю листа, «Семь слов» того же преосвященного в восьмую долю листа Виленской печати; «Краткая священная история» Московской печати 1852 года [10, л. 21, 53, 57].

Дикушковская церковь в конце XVIII века имела католический служебник с футлярю, русский служебник, старый октоих, Евангелие в четверть с поучениями, порванное русское Евангелие, требник [18, л. 111]; в середине XIX века – Евангелие в бархатном окладе с серебряной пластинкой сверху, Евангелие в четверть листа Московской печати с бронзовым крестом, апостол, следованную псалтирь, общую миною, триоди постную и цветную Почаевской печати, октоих в двух частях, требник, молебник, Библию, 2 катехизиса, «Слова» преосвященного Евсевия и проскомидную таблицу [19, л. 59, 60об; 18, л. 3об, 15об, 3].

В библиотеке Зблянской церкви в конце XVIII века находились праздничный служебник в лист Супрасльской печати; старый хороший униатский служебник в лист, книга «Праезентис парохии», новый требник, 2 малых польских евангелия [18, л. 123]; в середине XIX века – Евангелие на престольное в лист Московской печати 1842 года; Библия в восьмую долю листа Петербургской печати 1824 года; 2 книги «Слов» преосвященного Евсевия, епископа Ковенского, в восьмую долю листа Виленской печати 1850 года [17, л. 11, 25, 34].

Докудовская церковь в середине XIX века имела Евангелие в четверть листа Московской печати 1838 года, Евангелие в четверть листа Московской печати 1834 года, Библию Ветхого и Нового Завета в восьмую долю листа Петербургской печати 1824 года, книги «Собрание разных поучений на воскресные и праздничные дни» Московской печати 1836 года, «Катехизис Русского Православного исповедания» в четверть листа Петербургской печати 1840 года, «Слова» преосвященного Евсевия, епископа Ковенского, в восьмую

долю листа, «Краткое толкование на литургию» в восьмую долю листа Петербургской печати 1857 года [7, л. 21, 49, 54].

Библиотека новой, переоборудованной из католического костела, церкви в Белице имела Евангелие напрестольное в лист Московской печати 1848 года, Библию в восьмую долю листа Петербургской печати 1824 года, триодь постную Московской печати 1851 года, триодь цветную Московской печати 1827 года, требник Московской печати 1842 года, акафистник с канонами Киевской печати 1847 года, книгу молебных пений Московской печати 1842 года, «Слова» преосвященного Евсевия, епископа Ковенского, Виленской печати 1850 и 1851 годов [9, л. 16, 36, 38, 41].

В Бобровской церкви в середине XIX века находились Евангелие напрестольное Московской печати 1838 года, Библия в восьмую долю листа Петербургской печати 1824 года, «Краткие поучения» в лист Киевской печати 1819 года [13, л. 12, 30, 31об].

Таким образом, можно констатировать, что вопрос материального обеспечения церковью Лидского благочиния в конце XVIII – середине XIX века в историографии не получил должного освещения. Расширить и уточнить пробелы, имеющиеся в историографии исследуемой проблемы, позволяют документальные источники, находящиеся в фондах «Духовная консистория Виленского православного епископства» и «Литовская греко-униатская консистория» Литовского государственного исторического архива.

В ходе исследования было установлено, что в конце XVIII века во всех церквях Лидского благочиния имелись характерные для католического богослужения утварь и облачения: пушки, колокольчики, в некоторых – монстранции, отдельно отмечались собственно католические облачения священнослужителей, как правило, в единственном экземпляре. В связи с проводившимися в 1830-х годах мероприятиями по возвращению в униатскую церковь православной обрядности все церкви Лидского благочиния обеспечивались дарохранильницами, дароносицами, к середине XIX века имели полный комплект литургических сосудов, иногда и не один. Вместе с тем в храмах оставались и отдельные предметы утвари униатского периода. В церковных библиотеках конца XVIII века находились лишь богослужебные книги, причем, по большей части, только Евангелия, служебники и требники Супрасльской и Виленской печати. Повсеместно появились евангелия с комментариями на польском языке. К середине XIX века во всех церквях Лидского благочиния

униатские богослужебные издания были заменены православными Московского, Петербургского и Киевского издательств, расширилась номенклатура богослужебных книг за счет миней, октоихов, триодей. Во всех церквях начали появляться не богослужебные издания, в частности книги проповедей vicария Литовской епархии, епископа Ковенского Евсевия (Ильинского).

Источники и литература

1. *Анохин Д.* Церковное краеведение: основные правила и типичные ошибки [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-vestnik.ru/interviews/tserkovnoe_kraevedenie_9345/

2. *Гомаюнов С. А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – 134 с.

3. *Завало В.* История Православия в Лидском уезде в XX веке: Дип. р. Жировичи, 1995.

4. *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 532 с.

5. *Извеков Н. священник.* Статистическое описание православных приходов Литовской епархии. – Вильно: Тип. И. Блюмовича, 1893. – 157 с.

6. *Лаўрэш Л. Л.* Грэка-каталіцкая (уніяцкая) Царква на Лідчыне. – Полацк: Грэка-каталіцкая парафія Святамучаніка Язафата ў г. Полацку, 2012. – 127 с.

7. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 605. Оп. 8. Д. 1286. Главная церковная и ризничная опись Докудовской Рождества Богородицы церкви Лидского уезда.

8. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1295. Главная опись Мытской Покровской церкви Лидского уезда.

9. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1302. Главная церковная и ризничная опись Белицкой Свято-Духовой церкви Лидского уезда Виленской губернии.

10. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1307. Главная церковная и ризничная опись Лебедской Свято-Николаевской церкви.

11. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1312. Дополнительная церковная и ризничная опись Свято-Аннинской церкви Виленской губернии Лидского уезда в селе Радивонишки (составлена 8 октября 1855 года).

12. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1313. Главная церковная и ризничная опись Радивонишской Свято-Аннинской церкви Лидского уезда.

13. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1317. Главная церковная и ризничная опись Бобровской Кресто-Воздвиженской церкви Лидского уезда.

14. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1329. Дополнительная церковная и ризничная опись Дикушской Свято-Преображенской церкви Лидского уезда.

15. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1330. Дополнительная опись Мытской Свято-Покровской церкви.

16. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1441. Дополнительная церковная и ризничная опись Гончаровской Покровской церкви Лидского уезда.

17. ЛГИА. Ф. 605. Оп. 8. Д. 1442. Главная церковная и ризничная опись Зблянкой Покровской церкви Лидского уезда и благочиния.

18. ЛГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 53. Акты генеральной визитации церковей Слонимского и Лидского деканатов (1784 год).

19. ЛГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 309. Об осмотре церковей Трокского и Лидского благочиний преосвященным Филаретом, епископом Ковенским, викарием Литовской епархии, в 1853 году.

20. *Лісейчыкаў Дз.* Святар у беларускім соцыюме: праспаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. – Мінск: Беларусь, 2015. – 719 с.

21. *Марозава С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.

22. Radwan M. Carat wobec Kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839. Roma; Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. – 504 p.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В ВУЗЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы организации и проведения в ВУЗе дисциплины «физическая культура» в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 для студентов, включая студентов, переболевших данным заболеванием. Предлагается в программе занятий физической культурой и спортом сбалансировать духовно-нравственные потребности человека с физическими нагрузками, а также предусмотреть упражнения, направленные на реабилитацию студентов, переболевших коронавирусом, что определяет актуальность исследуемой темы. В исследовании использовались теоретические методы логического и сравнительного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в теоретической и практической работе преподавателей физической культуры.

Ключевые слова: человек, духовная личность, здоровье, студент, дисциплина, физическая культура, спорт, пандемия, коронавирус, реабилитация.

A MODERN VIEW OF PHYSICAL CULTURE IN THE UNIVERSITY DURING THE PANDEMIC

Annotation. The article examines the issues of organizing and conducting the discipline «physical culture» at the University in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic for students, including students who have had this disease. It is proposed to balance the spiritual and moral needs of a person with physical activity in the program of physical culture and sports, as well as provide exercises aimed at rehabili-

---

* **Гузенко Святослав Сергеевич**, студент, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия. Научный руководитель: **Пескова Елена Валерьевна**, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия.

Guzenko Svyatoslav Sergeevich, student of Kazan state power engineering university, Kazan, Russian Federation. Scientific curator: **Peskova Elena Valerievna**, senior lecturer at the Department of physical education of Kazan state power engineering University, Kazan, Russian Federation.

tating students who have had a coronavirus, which determines the relevance of the topic under study. The study used theoretical methods of logical and comparative analysis. The results of the research can be used in the theoretical and practical work of physical education teachers.

Key words: person, spiritual personality, health, student, discipline, physical culture, sports, pandemic, coronavirus, rehabilitation.

В связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 проведение в ВУЗе полноценных и качественных спортивных мероприятий, занятий по физической культуре и спорту, различных спортивных тренировок для студентов стало очень непростой задачей для преподавательского состава.

Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определяются правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации [5]. При этом этим федеральным законом окончательно не решен организационный вопрос, касающийся проведения занятий по физической культуре и спорту в период пандемии и санитарно-эпидемиологических ограничениях, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, утвержденному приказами Минобрнауки России от 07.08.2014 г. № 935, от 19.09.2017 г. № 940, образовательная дисциплина 49.03.01 «Физическая культура» реализуется в форме практических занятий.

Система обучения по дисциплине «Физическая культура» с учетом новых требований в условиях коронавирусной инфекции включает разнообразные варианты заданий, которые в комплексе позволяют поддерживать должный уровень физического, функционального состояния студента, имеют оздоровительную направленность, позволяют добиться осознанного отношения к самостоятельным занятиям физической культурой на основе тщательного самоанализа [6, с. 137].

Преподаватели дисциплины «Физическая культура» в условиях сложившейся санитарно-эпидемиологической ситуации должны полноценно проводить практические занятия со студентами, включая и в дистанционном формате, при этом учитывая духовно-нравственные потребности и здоровье студентов.

Под здоровьем человека понимается состояние организма человека, в котором сбалансированы духовно-нравственные и материальные потребности души, духа и тела человека [2, с. 271]. К материальным потребностям человека следует относить не только потребности в пище, тепле, крыше над головой, размножении (биологические потребности) и социуме (социальные потребности), но и физические нагрузки, необходимые для правильного формирования скелетно-мышечной системы человека.

Духовно-нравственные потребности человека представляют собой потребности его духовной сущности (личности), связанные с деятельностью его души и духа (вера и любовь к Богу, мораль, религия, познание, творчество, молитва, духовное воспитание и просвещение и т.д.) [3, с. 38–40].

Как правило, дисбаланс в духовно-нравственных и материальных потребностях человека приводит к профессиональному выгоранию, различным профессиональным деструкциям и нервным срывам на работе или учебе, неравномерному физическому и духовному развитию человека, заболеваниям [3, с. 38–40]. Следовательно, при занятии физической культурой и спортом необходимо восполнять также духовно-нравственные потребности человека, что приведет к предотвращению различных заболеваний и других негативных явлений.

Считаем, что физическая культура и спорт направлены на духовно-нравственное воспитание и развитие посредством физического воспитания и подготовки [1, с. 158–160].

Врачами отмечено, что после перенесенного коронавируса у многих людей наблюдаются одышка, проблемы с голосовыми связками и памятью. В реабилитации и устранении последствий болезни помогают физические упражнения и определенные дыхательные системы. ВОЗ были разработаны рекомендации для поддержки самостоятельной реабилитации после болезни, вызванной COVID-19, которые могут быть использованы преподавателями физической культуры при разработке и проведении практических занятий у студентов.

В программу физической культуры и спорта должны включаться мероприятия и упражнения для профилактики коронавирусной инфекции, которые развивают и укрепляют дыхательную и иммунную системы человека (дыхательная гимнастика, тренировка мышц, участвующих в дыхании), реабилитируют переболевших ко-

ронавирусом студентов (упражнения, контролируемые дыхание, «метрономизированное дыхание», ходьба, оздоровительные физические нагрузки на мышцы), а также балансирующие потребности духовной личности (сущности) человека и физического организма.

По нашему мнению, перед физическими нагрузками необходимо сначала удовлетворить духовно-нравственные потребности души и духа человека, используя духовными средствами (практики).

Под духовными средствами, согласно С. И. Ивентьеву, подразумеваются: «определение смысла жизни, соблюдение Божьих заповедей и золотого правила нравственности (не делайте другим то, что Вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы с Вами поступили), удовлетворение духовных потребностей души и духа человека и потребности в познании, молитва, самосовершенствование, повышение духовного и нравственного уровня, духовное образование, обращение к духовным культуре и музыке, соблюдение постов, духовная терапия, движение к святости, умерщвление страстей, медитация, духовная йога, занятие творчеством, благими делами, использование колокольного звона и духовной музыки в борьбе с инфекцией, принятие мер по улучшению экологии и пр.» [4].

Занятия физической культурой и спортом также необходимо завершить духовными практиками (молитва, медитация, духовная йога и т.д.). Именно сочетание духовных практик с физическими упражнениями позволит эффективно заниматься профилактикой коронавирусной инфекции и других заболеваний у студентов, а также проводить необходимую восстановительную реабилитацию переболевших коронавирусом.

Источники и литература

1. *Гузенко С. С.* Духовно-нравственный аспект физической культуры и спорта // Православие и общество: грани взаимодействия. Материалы II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 158–160.

2. *Ивентьев С. И.* Справедливость с точки зрения четвертого и пятого поколений прав человека // Социальная справедливость – основа общественного здоровья / Материалы научно-практической конференции 13 марта 2018 г. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 271–282.

3. *Ивентьев С. И.* Духовно-нравственный аспект ментального здоровья человека // Ментальное здоровье – интеграция подходов: [электронный ресурс]. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 10-11 декабря 2019 г. – Нижний Новгород: Изд-во Приволжского исследовательского медицинского университета, 2020. – С. 38–41.

4. *Ивентьев С. И.* Духовно-нравственный аспект коронавируса Covid-19 // http://samlib.ru/i/iwentxew_s_i/covid.shtml/

5. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета, 2007, 8 декабря.

6. *Солодовник Е. М., Киселев А. В.* Применение мобильных приложений на занятиях физической культуры в условиях пандемии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-1 (49). – С. 137–139.

«ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. Современное положение Русской Православной Церкви характеризуется высоким уровнем легитимности, которая исходит от принятых ею действий в этом направлении. Под легитимностью автор понимает принятие и поддержку организации обществом, которая строится на довольно длительном временном промежутке. Одним из действий РПЦ в данном направлении стало принятие «Основ Социальной Концепции Русской Православной Церкви». В статье дополнительно приведена краткая ретроспектива взаимодействия между церковью, государством и обществом. Цель статьи – анализ «Основ Социальной Концепции», которые направлены на повышение уровня легитимности РПЦ на современном этапе.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, легитимность, «Основы Социальной Концепции РПЦ», Россия.

«FOUNDATIONS OF THE SOCIAL CONCEPT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH» AS A CONTINUATION OF THE POLICY OF INCREASING THE LEVEL OF LEGITIMITY OF THE ROC

Annotation. The current position of the Russian Orthodox Church is characterized by a high level of legitimacy, which comes from the actions it has taken in this direction. By legitimacy, the author understands the acceptance and support of the organization by society, which is built on a fairly long time period. One of the actions of the ROC in this direction was the adoption of the "Fundamentals of the Social Concept of

---

* **Клепиков Иван Александрович**, студент 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Зуляр Раксана Юрьевна**, кандидат политических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Klepikov Ivan Aleksandrovich, 4th year student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Zulyar Raksana Yurievna**, candidate of political sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

the Russian Orthodox Church". The article additionally provides a brief retrospective of the interaction between church, state and society. The purpose of the article is to analyze the ideas in the "Foundations of the Social Concept", which are aimed at increasing the level of legitimacy of the ROC.

Key words: ROC, legitimacy, Fundamentals of the Social Concept, Russia.

Актуальность выбранной темы главным образом связана с большой активностью Русской Православной Церкви в делах современного российского общества и государства. Это вызывает научный интерес к истории формирования государственно-конфессиональных отношений в России с анализом современных направляющих документов РПЦ.

Цель статьи – проанализировать идеи в «Основах Социальной Концепции», которые направлены на повышение уровня легитимности РПЦ. Под легитимностью автор понимает принятие и поддержку организации обществом, которая строится на довольно длительном временном промежутке.

Изначально положение Православной Церкви времен 988 года нельзя назвать устойчивым, так как принятие христианства затронуло часть населенных пунктов древних славян. Население еще несколько десятилетий постепенно отказывалось от прежних верований. Язычество сохранилось у славян в виде веры в «домовых и леших», а также некоторых праздников, в обрамлении христианских идей. Растущие возможности Православная Церковь трансформировала в легитимность Владимирских князей, перенеся туда кафедру митрополита. Сохраняя монополию на благословение, крещение, отпевание, закрытие церковей и другие важные действия для населения, церковь увеличивала собственную легитимность еще дальше до принятия концепции Москвы как Третьего Рима. Москва стала официальной преемницей христианских империй. Однако это также провоцировало и последующие кризисные моменты, такие как манипуляции с церквями в Твери или Церковный раскол времен патриарха Никона.

Внешнеполитическое взаимодействие Руси сказалось на роли церкви в государстве. Во многом к этому стоит отнести фактор влияния Византийской империи на Древнюю Русь, а после на Московское Царство, а также воздействия с Востока в лице Золотой Ор-

ды. Принятие идей христианства по Византийскому типу и признаков власти – скипетра, барм и державы стало началом перехода церкви к все большему влиянию на население совместно с центральной властью, а также к взаимодействию между государством и церковью в контексте симфонии властей.

Близкие связи церкви с официальной властью сохранились и в Царский период, и в Императорский. Во втором случае государство стремилось подчинить церковь своей воле через Священный Синод во главе с местоблюстителем. До начала XX в. ситуация сохранялась, но церковь поддерживала государство в сложные моменты. Демократическая революция 1917 г. дала возможность Православной Церкви избрать нового Патриарха. Но в уже в ноябре 1917 г. была принята «Декларация прав народов» которая радикально отделила церковь от государства, также церковь лишали имущества и статуса юридического лица. Священники же были дискриминируемым обществом, как лица не производившие общественные блага [9]. Приход власти Советов поставил РПЦ в статус поднадзорной организации, доступ в которую для народа стремились уменьшить через науку и новую культуру.

Во времена Советского союза и построения нового общества РПЦ не всегда могла себе позволить открыто взаимодействовать с населением. Осложняло положение церкви не только общее нежелание партийной системы оставлять что-то из прошлой жизни общества Царской России, но и пропаганда научного атеизма. Моменты открытого взаимодействия можно отметить только во времена Великой Отечественной Войны, когда со стороны РПЦ и верующих были собраны деньги для нужд фронта, в остальное же время церковь сохраняла полулегальный характер [6, с. 3].

Демократизация политической системы в 80-е годы дала толчок к пересмотру государственно-церковных отношений. Особенно стоит вспомнить празднование тысячелетия крещения Руси, что было началом отката плохих отношений с церковью, что для исследователя О.В. Вольтер [3], являются центральным поворотным пунктом в появлении новой церкви.

Был созван Поместный Собор, на котором принят новый устав Русской Православной Церкви. Чуть позже РПЦ был возвращен статус юридического лица, разрешена экономическая деятельность, а также началось постепенное возвращение собственности.

В 1995 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях», который построил систему, взаимодействия религиозных организаций. Новое тысячелетие ознаменовало собой продолжение построения диалога между церковью и государством в более стабильной системе.

Идея необходимости составления подобного документа была осознана РПЦ в начале 90-х годов прошлого века. Само написание Основ заняло 3 года. Документ был рассмотрен и одобрен Священным Синодом в 2000 г.

Важным шагом со стороны РПЦ было принятие «Основ Социальной Концепции РПЦ» (далее – ОСК) на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 г, как руководство к взаимодействию с обществом и государством [4, с. 2]. Собор был приурочен к 2000-летию Рождества Христова. Особую роль в исследовании данного процесса принадлежит исследователю Б. В. Вовченко [2]. Он обусловил цель, которую преследует РПЦ, а также ее ожидания от будущего. ОСК формулируют положения Московского патриархата по разным вопросам, разделенным на шестнадцать частей, где подробно расписаны предыстория, цели и средства для решения конкретных проблем.

Принятие Основ в 2000 г. было определено вхождением России в новое тысячелетие, которое обусловлено и новыми вызовами, такими как загрязнение окружающей среды, а также отказ от прежнего влияния церкви на личность. Новые идеи не должны были изменить духовное и нравственное состояние православного христианина, они должны были его сподвигнуть на новые действия не только в отношении собственной веры, но и в отношении политической ситуации в стране. Этот человек должен принимать свою судьбу и пытаться спастись, одновременно стремясь улучшить свое положение в светском мире через выборы и другие политические действия. Таким образом, новый христианин является политически активным гражданином, который сможет дать новый толчок увеличению легитимности не только церкви, но и государства. Так как государство и общество единое взаимозависимое целое, изменение общества повлекут за собой изменения в государстве [2, с. 5–6].

Опора на человека, и попытка рассмотреть его с точки зрения избирателя – важный шаг для РПЦ. В новом христианине должны совпасть ранее несовпадающие моменты – вера и активная политическая деятельность, как отмечает исследователь Б. В. Вовченко [2].

Исследователь А. В. Еремин в своей статье, посвященной анализу Основ Социальной Концепции, пришел к выводу о том, что в ОСК предоставлен объемный материал по деятельности церкви в прошлом, подведен итог и заложена база идей перед началом большой работы в будущем [4, с. 3].

Особую роль в ОСК отводится Византии, как государству, в котором была наиболее подходящая для РПЦ модель взаимодействия государства и церкви. Они помогали друг другу в кризисные моменты [8]. Постоянные контакты Василевса и Патриарха должны были стимулировать идти светскую и духовную власти в одном ключе. Именно традиции Византии повлияли на становление «сотруднических отношений» (отношения выделенные ОСК, переключаются по определению с «симфонией властей») между государством и церковью.

Опора на социальность, на проблемы общества, продвигаются не только самой идеей ОСК, но также и выступлениями патриархов. В них можно выделить не только попытку принять православие, как основополагающую религию российского общества, при сохранении многоконфессиональности, но и принять духовную составляющую человека как важную часть жизни государства [2, с. 2-5].

Традиционные и семейные ценности являются еще одним столпом, на который опирается РПЦ в ОСК. Сюда также можно отнести противодействие контрацепции и абортam, стремление уменьшить количество разводов. Особую роль в продвижении традиционных ценностей со стороны РПЦ исследователь В. М. Кокина видит в поддержании большинством населения данных идей [7, с. 2].

В то же время активно продвигается собирательное понятие о российской нации, как общности, проживающей на определенной территории, в частности в России. Между тем РПЦ, ставит себя выше какой-либо народности и позиционирует себя как цементирующая сила, стоящая над нацией и любой политической организацией [1, с. 4; 5, с. 3]. Она призывает к традиционным христианским и человеческим идеалам добра и мира, справедливости и взаимопомощи.

РПЦ соглашается с отделением себя от государства, то есть принимает наличие светскости [2, с. 3]. Одновременно она ожидает толерантного отношения к собственной культуре, свободе опавления обрядов, берет на себя идею о восстановлении мира, в частности российского, по христианской морали, который сегодня отвернулся от религиозности. Кроме того, в ОСК отмечается, что современное

положение веры, как личное дело человека противоречит первоначальной идее спасения, и говорит о распаде духовных ценностей.

В настоящее время российское общество потеряло прошлые идеи духовности и нравственности, заложенные в христианстве, что констатируется РПЦ. ОСК должны быть руководством к получению новых знаний о современном мире и инструментом для последующих действий.

Также были выделены моменты, в которых РПЦ активно будет продвигать «сороботничество» с государством – это семейные ценности, культура, наука и экология, которые разбиты на разделы в ОСК. Еще одним моментом «сороботничества» выделяется противодействие нетрадиционным религиям, которые опасны для личности, к примеру «Белому братству», секте, пик активности которой пришелся на 90-е годы прошлого века [5, с. 4; 7].

Основы Социальной Концепции – важный документ, не только для общества, но и для государства, который можно охарактеризовать как четкое построенный план действий РПЦ в различных областях жизни общества. Этот документ, совместно с его аналитической частью, также стоит рассматривать как встраивание в политику государства церкви для совместного решения проблем современности. Такое действие возможно только при высоком уровне легитимности РПЦ.

Источники и литература

1. *Ананьев Э. В.* Социальная концепция Русской Православной Церкви: ответ Церкви на вызовы времени [электронный ресурс] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kontseptsiya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-otvet-tserkvi-na-vyzovy-vremeni> (дата обращения: 17.10.2020).

2. *Вовченко Б. В.* Церковь и государство в социальной концепции Русской Православной Церкви [электронный ресурс] // Государственное управление. – Электронный вестник. – 2010. – № 23 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tserkov-i-gosudarstvo-v-sotsialnoy-kontseptsii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения: 17.10.2020).

3. *Вольтер О. В.* Отношения Русской Православной Церкви и государства в XX – начале XXI века: идеологическое измерение

проблемы [электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 3 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-i-gosudarstva-v-xx-nachale-xxi-veka-ideologicheskoe-izmerenie-problemy> (дата обращения: 17.10.2020).

4. *Еремин А. В.* Православное восприятие государства и общества современной России в свете социальной концепции Русской Православной Церкви [электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-vozpriyatie-gosudarstva-i-obschestva-sovremennoy-rossii-v-svete-sotsialnoy-kontseptsii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi/>

5. *Зверева В. А.* Государство и церковь в контексте современной Российской культуры [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 3 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-tserkov-v-kontekste-sovremennoy-rossiyskoy-kultury/>

6. *Зеленова О. В.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны [электронный ресурс] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – № 3 (41) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1> (дата обращения: 18.10.2020).

7. *Кокина В. М.* Семейные ценности в понимании Русской православной церкви (на материалах документа «Основы социальной концепции Русской православной церкви» 2000 г.) [электронный ресурс] // Вестник Московского университета. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-v-ponimanii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-na-materialah-dokumenta-osnovy-sotsialnoy-kontseptsii-russkoy-pravoslavnoy/>

8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [электронный ресурс] / Отдел внешних церковных связей. – М., 2001 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html/>

9. *Юсупова В. А.* Государство и церковь в 1917 – 1920 годах [электронный ресурс] // Инновационная наука. – 2015. – № 6-2 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-tserkov-v-1917-1920-godah/>

ФЕНОМЕН ПОЯВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ СКУЛЬПТУРЫ В ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ XVII-XVIII ВВ.

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен возникновения православной скульптуры в иркутской епархии в XVII-XVIII вв. Тема является малоизученной и непроработанной, однако в свою очередь такое проявление искусства способно указать многие происходящие процессы в сибирской обществе в XVII-XVIII вв. В статье анализируется похожий процесс, связанный с пермскими деревянными скульптурами. Также рассматривается влияние проникнувшего западноевропейского стиля барокко на появление деревянных скульптур.

Ключевые слова: православие, скульптура, барокко, католичество, Иркутск.

THE PHENOMENON OF THE APPEARANCE OF ORTHODOX SCULPTURE IN THE IRKUTSK DIOCHY OF THE XVII – XVIII CENTURIES

Annotation. This article has saw the phenomenon of the emergence of Orthodox sculpture in the Irkutsk diocese in the 17th-18th centuries. The topic is not worked out, but in turn, a manifestation of art is able to indicate many of the processes of in Siberian society in the 17th-18th centuries. The article analyzes a similar process associated with Perm wooden sculptures. Also, it examines the influence of the infiltrated Western European Baroque style on the appearance of wooden sculptures.

Key words: orthodoxy, sculpture, baroque, catholicism, Irkutsk.

---

* **Кукель Виктор Евгеньевич**, студент 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Кузнецова Виктория Сергеевна**, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Kukel Victor Evgenievich, 4th year student of the Department of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Kuznetsova Victoria Sergeevna**, candidate of philosophy, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

В Иркутской областной художественном музее им. В. П. Сукачева хранятся предоставляющие культурологический интерес предметы религиозного искусства, а именно там находятся деревянные скульптуры, которые использовались в качестве церковного убранства в храмах и церквях на прибайкальской области иркутской епархии того времени.

Актуальность данной темы заключается в том, что эти уникальные деревянные скульптуры являются совершенно неисследованными. Даже если какие-либо исследования делались в отношении данных объектов, то результаты и выводы этих исследований являются либо малодоступными, либо неопубликованными в целом.

Их культурологическая и историческая ценность и заключается в том, что они способны показать нам то, какие процессы происходили в Иркутской Епархии в XVII – XVIII вв. Исследования этих скульптур должны происходить, поскольку мы способны узнать, что конкретно и каким образом могло повлиять на христианскую православную паству и общество в целом.

Нам необходимо разобрать уже известные и изученные аналогичные явления. Интересными представителями в этом плане являются пермские деревянные скульптуры. Исследователи полагают, что такие изваяния на этих землях появились в связи с еще неискорененными языческими ориентациями как простого христианского местного населения, так и коренного, коми-пермяков. Дело в том, что, когда люди молились языческим богам, они использовали деревянные изображения для своих «покровителей». Людям нужны были ясные и понятные мотивы и образы, для укоренения их веры. И поэтому мастерами создавались деревянные изваяния, только уже с христианскими мотивами.

Несмотря на новые мотивы, паства относилась к уже христианским скульптурам с характерным языческим восприятием. Про скульптуры сочинялись легенды, им приносились дары. Поэтому в начале XVIII века Русская православная церковь даже запретила объемные изображения святых. Постановление Святейшего Синода от 21 мая 1722 года запрещало «иметь в церквях иконы резные, или истесанные, издолбленные, изваянные» [7].

Деревянные скульптуры языческого толка имели особый характер. Смысл языческих верований заключается в страхе перед природой, стихией, перед чем-то неизвестными и опасным. Языче-

ского бога нужно задобрить, иначе он может разозлиться. Языческий бог пугает, он устрашающий и опасный [1].

Однако же православные пермские скульптуры XVII века имеют другие основания. Рассмотрим известных шесть православных деревянных скульптур Христа. Такие творения вызывают совсем другие чувства. Они совсем не пугают нас. Они выражают кротость, смирение. Спас жертвенен. Такие скульптуры использовались скорее для правovedческой, миссионерской и просветительской деятельности [2, с. 10].

Что повлияло на пермскую православную скульптуру? Почему она не является языческой, что преобразило ее? Можно предположить, что это влияние проникнувшего в Российскую Империю западноевропейского барокко.

Появившийся к барокко интерес в столицах постепенно доходит до более отдаленных губерний. Так как Пермь была промышленным, богатым городом, множество производителей, купцов, ремесленников позволяли местному населению обращаться и к искусству, так барокко и появилось в этих землях. Приезжали архитекторы, иконописцы, и другие мастера.

Барокко зарождается в Западной Европе, в дальнейшем появляется и славянских странах, проникает на Украину, в Белоруссию, а в дальнейшем начинает свое распространение и по всей Российской империи. Барокко представляет собой сложное и необычное проявление в истории российского искусства на переходе к новому времени. Является малоизученным на Урале, в Сибири и других провинциальных областях России [4, с. 20].

Барокко можно назвать некой контрреформацией по отношению к реформаторской новой протестантской церкви. Изобилие форм, колон, скульптур, все это - противопоставление аскезе, и является характерными чертами для барокко. Влияние распространяется не только на светские художественные способы выражения, но и на церковные. Сложившаяся традиция использования скульптур в католической церкви принимается и в русском православии, только немного в иной более привычный для нас форме. Поэтому проявленный интерес к западному барокко выразился не только в архитектурном плане, но и в плане появления той самой деревянной скульптуры [5, с. 138].

Таким образом мы можем говорить о том, что могло повлиять на появление пермских деревянных скульптур. В первую очередь,

это необходимость христианизации местного населения. Люди еще не забыли о старых богах, их требовалось заменить на знакомые формы и представления. Во вторую очередь это проникновения западного влияния, запад был католическим, в католицизме активно использовалась и имела литургичность скульптура, следовательно, скульптура приходит и в православное храмовое устройство.

Какое было общество в Иркутске и Иркутской губернии в XVII – XVIII вв.? Что могло на него влиять?

Иркутск был торговым и промышленным городом. По мере освоения Сибири, по мере появления новых торговых путей с восточными странами, Иркутск начинает богатеть. В город за новыми возможностями приезжает все большее количество купцов. Активно разворачивается торговля и взаимоотношения с другими странами. Из западной Европы – саксонский фарфор, голландские и испанские сукна и полотна, из Сибири – пушнина, горностаи, рыси, лисицы, выдры песцы и многое другое. Открывается китайское посольство. Открываются исследовательские центры, приезжаю уже не только купцы, но и ученые, и деятели искусства. Иркутск уже является столицей губернии и занимает важное место во всей Российской империи [4, с. 20 – 27].

Вместе со всем этим на территории губернии проживает огромное количество коренного населения. Буряты, якуты, алтайцы, тувинцы, эвенки и многие другие. С востока идет буддистская миссионерская деятельность на эти народы. Со стороны запада активная православная миссия. Для православной миссии, в частности, и начинают создаваться неизвестными мастерами уже иркутская православная скульптура. Подтверждения в этом можно найти в чертах лица скульптур, они имеют явные монголоидные признаки [3]. Делалось это именно для того, чтобы коренное население могло узнать и признать новые для них образы.

Также, в Иркутск также активно проникает барокко, и занимает значимое место в творчестве сибирских мастеров. А. Н. Рындина в своих исследованиях находит ответ на причину некоего всплеска барокко на территории Сибири. Она считает иерархи православной церкви привозили вместе с собой в Сибирь художников, скульпторов и живописцев [4, с. 21].

А. Н. Рындина писала: «...самое последовательное отражение классических принципов барокко мы находим на выставках в образах сибирской работы... по духу они как нельзя соответствуют эсте-

тике барокко. Сибирский мастер воспринял новую художественную «волну» изнутри, органично, она не была для него посторонней... Явна его первородная связь со средой барокко. Это его стихия сфера духовного бытия, откуда это могло проникнуть в западносибирские центры?» [6, с. 12]. То есть здесь исследователь напрямую указывает нам неразделимую связь деревянной скульптуры с барокко.

Еще с XVI века в Сибирь ссылали разных преступников, среди них были и поляки. История польской диаспоры в Сибири имеет свою долгую историю. В Иркутск прибывали как ссыльные польские солдаты и крестьяне, так и купеческое сословие. И в целом многие из европейских купцов прибывали время от времени в Иркутске, естественно многие из них были католиками. Они строили свои костелы и храмы в городе в убранстве которых была и скульптура. Поэтому мы не можем не рассматривать возможное католическое прямое влияние на появление скульптур в православных храмах [8].

Александр Долганов пишет: «В деревнях и окружных городах ссыльные поляки были истинными распространителями просвещения и грамоты. Многие жители из самых захолустных уголков получили порядочное образование и сравнительно высокое развитие благодаря именно ссыльным полякам...» [8].

Разобрав миссионерскую необходимость и влияние проникнувшего западноевропейского барокко, мы можем сказать о том, что именно эти факторы повлияли на появление уникальной православной деревянной скульптуры в иркутской епархии в XVII – XVIII вв. Благодаря тому, как развивалось общество мы можем рассмотреть, как проходило свое развитие прикладное искусство и наоборот. Благодаря успешной экономической ситуации в городе, и из-за того, что город имел выход на другие страны и имел обширные торговые связи, произошло развитие скульптурного творчества. К тому, что на территории Сибири была необходима миссионерская деятельность, и в этой связи скульптура помогала миссионерам в их проповеди. Деревянная скульптура является явным отражением происходящих процессов в Иркутской Епархии в XVII – XVIII вв.

Также мы можем сделать вывод о том, что католицизм напрямую повлиял на РПЦ в период популярности барокко в России. Так как главным фактором возникновения стиля барокко является католическая контрреформация, а стиль барокко в свою очередь активно применялся при строении православных храмов и внутреннем обустройстве.

Источники и литература

1. *Байдин В. В.* Древнерусское предхристианство. – СПб.: Алетейя, 2020. – 352 с.
2. *Власова О. М.* Искусство Прикамья. Пермская деревянная скульптура. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1985. – 160 с.
3. Иркутский художественный музей имени В. П. Сукачева. Живопись. Графика. Декоративно-прикладное искусство. – СПб.: АРС, 1993. – 262 с.
4. *Крючкова Т. А., Зубрий Е. А.* Иркутское барокко. – М., 1993. – 357 с.
5. *Рашкова Р. Т.* Католицизм. – СПб.: Питер, 2007. – 240 с.
6. *Рындина А. В.* Русская деревянная скульптура XVI – XIX вв. (к проблеме стиля) // Творчество. – 1988. – № 12. – С. 9–12.
7. Пермское региональное отделение международной лиги защиты культуры // Пермская деревянная скульптура // URL: <http://ligaculture.perm.ru/page/item101-permskaya-derevyannaya-skulptura.html>
8. Польский Иркутск // Русский курьер Варшавы // URL: <http://www.rkw.3w.pl/irkutsk.htm> (дата обращения: 10.11.2020).

ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ И ПРАКТИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания военных коллаборационистских формирований на оккупированных территориях СССР в годы ВОВ. Причины, подтолкнувшие граждан советского союза к оказанию содействия оккупантам, у каждой категории коллаборационистов были различные. Необходимость в создании и использовании коллаборационистских формирований фашистской Германией в борьбе с СССР возникла не сразу, но, в первый же период ВОВ, командование Вермахта признало крайнюю необходимость в этом. Основное направление действий коллаборационистов было в противодействии партизанскому движению, однако были и факты использования против регулярных частей РККА.

Ключевые слова: коллаборационизм, СССР, оккупированная территория, нацистская Германия, военные коллаборационистские формирования, граждан СССР.

MILITARY FORMATIONS OF COLLABORATORS AND THE PRACTICE OF THEIR USE IN THE OCCUPIED TERRITORIES OF THE USSR

Annotation. The article examines the process of creating military collaborationist formations in the occupied territories of the USSR during the second world war. The reasons that prompted the citizens of the Soviet Union to assist the occupiers, each category of collaborators was different. The need to create and use collaborationist formations by Nazi Germany in the fight against the USSR did not arise immediately,

---

* **Махмудов Даниил Батырович**, курсант 5 курса Новосибирского военного института войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия. Научный руководитель: **Михеев Дмитрий Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Makhmudov Daniil Batyrovich, 5th year cadet of Novosibirsk military Institute of national guard troops, Novosibirsk, Russia. Scientific curator: **MikheevDmitriy Yurievich**, candidate of historical sciences, associate professor, Novosibirsk military Institute of national guard troops, Novosibirsk, Russia.

but, in the first period of the second world war, the Wehrmacht command recognized the extreme need for this. The main direction of the collaborators' actions was to counter the partisan movement, but there were also facts of use against regular units of the red army.

Key words: collaborationism, USSR, occupied territory, Nazi Germany, military collaborationist formations, citizens of the USSR.

Возникновение на оккупированных территориях СССР коллаборационистских военных формирований в таких больших масштабах стало для нашей страны новым и исключительным явлением. За всю историю Россия не знала таких масштабов оказания содействия врагу в борьбе с действующим правительственным строем. Именно поэтому необходимо уделить внимание вопросу возникновения и развития коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Причины возникновения на оккупированных территориях СССР коллаборационистских военных формирований необходимо рассматривать в совокупности с характеристикой контингента, составившего их мобилизационный ресурс. В основном его составили следующих категорий граждан СССР: дезертиры и перебежчики из РККА и партизанских отрядов; советские военнопленные; гражданское население оккупированных территорий СССР.

Различия, присущие указанным категориям, определяют различие мотивов становления части населения СССР на путь коллаборации [11, с. 11-32].

Советские военнопленные составили основной потенциал коллаборационистских военных формирований. В течение первых месяцев войны германским войскам удалось пленить несколько крупных группировок Красной Армии. Стоит учесть тот фактор, что большинство лагерей и сборных пунктов для советских военнопленных не было приспособлено для содержания такого количества людей. Можно с большой вероятностью предположить, что для самих немцев стала неожиданностью столь огромная масса советских военнопленных. В следствие чего уровень обеспечения военнопленных был так минимален, что почти отсутствовал. Об этом свидетельствует тот факт, что основная часть советских военнопленных, попавших в плен в первые шесть месяцев войны, погибла в течение зимы 1941-1942 гг. К весне 1942 г. из 3350000 чел. в живых осталось около 1/3 этого количества, то есть не более 1100000 чел. [10, с. 19-

33].

Основным полем деятельности лиц, проводивших набор добровольцев в коллаборационистские формирования, стали именно лагеря военнопленных. Посещавшие их с целью набора людей вербовщики в большинстве случаев свидетельствовали о нечеловеческих условиях содержания военнопленных.

В определенных случаях, когда род деятельности создаваемых коллаборационистских частей не был связан с диверсиями и разведкой, проводился обычный набор личного состава. Так, формируя весной 1942 г. русские части в районе Орши, белоэмигранты из-за большого количества желающих в сочетании ограниченным временем в создании антипартизанских частей, не успевали даже проводить тщательный отбор. Было объявлено о приеме всех желающих, кроме летчиков и танкистов [3, с. 332].

Известны случаи зачисления в коллаборационистские формирования военнопленных независимо от их желания. Используя тяжкие условия содержания красноармейцев в лагерях, вербовщики обмундировывали отобранных кандидатов, начинали их хорошо кормить, тут же объявляя, что в случае невыполнения приказов или нарушения воинской дисциплины их вернут в лагеря. В основном, желающих снова стать военнопленными, находилось мало. Подобные факты свидетельствуют о трудностях вербовки, а также о том, что количество собственно добровольцев было меньше, нежели их требовалось для укомплектования коллаборационистских формирований.

Помимо этого, велась постоянная агитация и пропаганда среди военнопленных, с целью создать в них иллюзию отсутствия выбора. В частности, вышедший 16 августа 1941 г. приказ № 270, подписанный Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым, Жуковым юридически закреплял репрессии по отношению к «попавшим в окружение», что использовалось для влияния на сознание красноармейцев.

Помимо нежелания выделять огромные материальные средства на содержания военнопленных, стоит помнить о политике нацистской Германии в адрес населения Советского Союза. Так, инструкция Верховного командования вермахта от 8 сентября 1941 г. предписывала применять к советским военнопленным любые меры, способствующие их истреблению. В ней, в частности, указывалось,

что «большевистский солдат потерял всякое право на обращение с собой как с честным солдатом».

Однако уже весной 1942 г. появились директивы ОКХ от 7.03.42 г. и 16.03.42 г., а также директива ОКВ от 24.03.42 г., предписывавшие улучшить содержание советских военнопленных, уменьшить произвол по отношению к ним. Это было вынужденным шагом, так как к тому времени германскому командованию стало ясным, что война с СССР будет затяжной, ввиду чего появилась необходимость более гуманного отношения к советским военнопленным с целью сохранить их жизни для использования в промышленности Германии.

Исключительность ситуации, сложившейся в период Великой Отечественной войны, в частности, упомянутый отказ СССР, присоединиться к Гаагской и Женевской Конвенциям, привел к тому, что Германия могла свободно игнорировать статью 44 Гаагской Конвенции 1899 г. и статьи Конвенции 1907 г., запрещающие принуждать военнопленных к участию в военных действиях против их собственной страны [8, с. 115-126].

В военном отношении именно СССР дал наибольшее количество коллаборационистов по сравнению с другими государствами, причем, набранных в основном за счет военнопленных. В отличие от СССР население западных стран не имело политических, экономических, национальных и других предпосылок для борьбы против своего же правительства.

Дезертиры и перебежчики из РККА стали второй категорией, составившей потенциал для создания коллаборационистских военных формирований. Отечественная историография, по ряду политических и технических причин того времени, старалась умалчивать о фактах и объемах дезертирства в годы ВОВ.

Важным фактором, способствовавшим дезертирству и добровольному переходу на сторону немцев, следует считать сложную фронтовую обстановку в первые полтора года Великой Отечественной войны, характеризующуюся первичными успехами германской армии и поражениями РККА. Кроме того, недовольство политикой действующей советской власти, личные обиды на ее действия, мнимая иллюзия лучшей жизни и непобедимости немецкой армии способствовали переходу на сторону врага [9, с. 313-339].

Немецкая пропаганда, действующая на всей оккупированной территории СССР и в прифронтовой зоне, была достаточно эффек-

тивна и способствовала вербовке новых кадров. Однако число добровольных переходов к немцам снижалось по мере побед Красной Армии и ее продвижения на Запад.

В последние месяцы войны какие бы то ни было упоминания о перебежчиках из РККА отсутствуют, что дает право говорить об основной массе перебежчиков и дезертиров не как об убежденных противниках советской власти, а как о людях, захваченных пораженческими настроениями и искавших оптимальный способ спастись от смерти или устроиться при новой власти.

Гражданское население оккупированных областей составило довольно многочисленную категорию лиц, сотрудничавших с врагов в военно-политической сфере. Именно местные жители стали основным контингентом в формировании антипартизанских групп самообороны, вспомогательной полиции, действовавших практически в каждом крупном населенном пункте. Зная условия данной местности, язык, они выполняли свои обязанности по борьбе с советскими партизанами более эффективно, нежели вермахт и войска СС [1, с. 42-25].

Противоречие между властью и народом, заложенное в самой тоталитарной системе, проявилось в настроениях населения многих оккупированных областей.

Часть сельского населения, настроенная враждебно к советской власти в результате политики раскулачивания, длительное время скрывала свои настроения из-за страха перед репрессиями. Лишь в ходе оккупации советских территорий германскими войсками эти антисоветские настроения проявились, показывая неоднородность советского общества [5, с. 89-91].

Значительное количество жителей оккупированных областей вступало в коллаборационистские военные формирования по чисто бытовым причинам. В точности отделить эту категорию изменников от убежденных противников советского режима сложно, так как социологический опрос никто не проводил, а кандидаты в военные формирования, как правило, называли именно политические мотивы - неприятие советской власти, желание бороться против большевизма [12, с. 173-181].

Однако в наличии большого количества коллаборационистов, движимых именно бытовыми причинами, нет оснований сомневаться. Так, вступление в антипартизанские формирования давало гражданским лицам ряд преимуществ: льготы при налогообложении,

спасение от угона на работу в Германию, наделение землей и сельхозинвентарем, гарантированная зарплата.

Очевидно, рычагов экономического давления оказалось недостаточно, поэтому уже к концу лета 1942 г. немцы начали повсеместно практиковать принудительную мобилизацию в антипартизанские отряды, а осенью того же года мобилизация проводилась уже под угрозой репрессий. Так, уклоняющихся привлекали к суду по законам военного времени, их семьи могли выселить из дома, в некоторых случаях - взять из семьи заложника [6, с. 123 – 125].

Кроме названных причин, специфичных для каждой из трех категорий лиц, к мотивам становления на путь коллаборационизма следует отнести карьерные побуждения, как части населения СССР, так и военнопленных высших и старших офицеров РККА. Для последних вопрос о выживании в условиях плена не стоял, ибо в плену они находились в более благоприятных условиях, нежели подавляющая масса красноармейцев.

Причины заинтересованности немцев в развитии коллаборационизма заключаются в практической необходимости для них этого явления. В этом вопросе взгляды оккупантов на военнополитическое сотрудничество с ними граждан СССР на протяжении войны, в частности, периода оккупации, претерпели изменения.

Первоначально, при вторжении Германии в СССР, ввиду нацистской теории, объявлявших славян низшей расой, какое бы то ни было их участие в совместных с германской армией действиях не только не планировалось, но и в корне отвергалось. Менее чем через месяц после начала восточной кампании 16 июля 1941 г. Гитлер заявил, что «никому, кроме немцев, нельзя разрешать носить оружие. Это исключительно важно. Даже если в конкретных обстоятельствах покажется проще обратиться за помощью к каким-нибудь другим завоеванным народам, это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас - неизбежно и неотвратимо. Только немцы могут носить оружие - не словаки, не чехи, не казаки или украинцы». Гитлер обосновывал это тем, что в случае создания русской армии это грозило бы потерей военных и политических целей.

Одной из главных причин, внесших определенные коррективы в первоначальные установки, стали большие потери, понесенные вермахтом на советской территории (в группе армий «Центр» в течение 1941 – 1942 гг.: 18 – 20%). Общие число убитых и пропавших без вести за первые два месяца восточной кампании составило более

100 тысяч человек, что превысило потери при оккупации стран Европы начиная с сентября 1939 г.

В то же время командование не имело возможности своевременно пополнять данные соединения из мобилизационных ресурсов Германии. Так, на начало декабря 1941 г. вместо выбывших 750 000 солдат и офицеров на пополнение прибыло всего 400 000 чел.

Второй причиной необходимости использования в военной сфере коллаборационистов стали трудности в обеспечения коммуникаций германских войск собственными силами. Огромные пространства СССР, бездорожье, лесистые территории, трудности со снабжением, вынудили вермахт уже в первые недели и месяцы войны использовать в качестве вспомогательного персонала (повара, шоферы, конюхи, разнорабочие, подносчики патронов, саперы, посыльные, связисты, проводники) добровольцев из числа советских военнопленных, недостатка в которых в этот период не было, а также местное население и освобожденных заключенных, в основном политических. Первоначально их называли «наши Иваны», а затем - «Hilfswillige» - добровольные помощники или сокращенно - «Хи-Ви». Впервые официальное разрешение на использование восточных добровольцев из числа военнопленных в вермахте для обслуживания железных дорог было получено в октябре 1941 г., когда Кейтель с согласия Гитлера издал соответствующий приказ. Вероятно, такой поворот произошел ввиду признания очевидного к тому времени факта, что Советский Союз за полгода не будет побежден.

Третьей причиной использования немцами коллаборационистов, в основном из местного населения, стала необходимость осуществления охранной деятельности и борьбы с партизанским движением. Уже в первые месяцы войны, по мере продвижения германских войск вглубь советской территории, встал вопрос об охране тыла, где действовали партизанские отряды и советские диверсионные группы. Необходимость привлечения для тыловой службы советских коллаборационистов на столь раннем этапе войны было вызвано недостатком тыловых германских подразделений.

Борьба с партизанами посредством коллаборационистских формирований, набранных из местного населения, знающего местность и приспособленного к ведению боевых действий в лесных или степных условиях, представляется оправданной с точки зрения эффективности.

Таким образом, можно выделить ряд причин, подтолкнувших часть населения СССР на путь коллаборации с гитлеровской Германией:

- пораженческие настроения части личного состава РККА и партизанских отрядов, развившиеся на фоне первичных успехов германской армии и поражений РККА;

- желание избежать боевых действий в РККА по различным причинам: сохранить жизнь, уйти на оккупированную территорию к семье и т. д.;

- антисоветские настроения, породившие намерения бороться против государственного строя СССР;

- тяжелые условия немецкого плена, поставившие красноармейцев на грань выживания и вынудившие искать спасения от смерти путем вступления в коллаборационистские военные формирования;

- насильственная мобилизация в коллаборационистские военные формирования;

- стремление получить определенные привилегии, причитающиеся военным служащим коллаборационистских формирований: избежать угона на работу в Германию, избавиться от необходимости платить налоги, получить земельный участок и т. д.

Способствующим фактором развития советского коллаборационизма, бесспорно, явилось то, что в первые месяцы войны германская пропаганда представляла войну против СССР как освободительный поход против коммунизма и в пропагандистских целях не выявляла своей враждебности к идее воссоздания свободной России.

Коллаборационистские формирования из граждан СССР на оккупированных территориях использовались германским командованием в основном в двух направлениях: для охраны коммуникаций, военных и промышленных объектов, а также для борьбы с партизанским движением, активность которого росла прямо пропорционально жестокостям и насилиям оккупантов. Мероприятия по принудительной отправке в Германию рабочей силы, в основном молодежи, увеличивали приток добровольцев в партизанские отряды. Кроме того, формирования в составе германских спецслужб (РННА, «Дружина») использовались для агентурной и разведывательной работы. В редких случаях коллаборационистские части и подразделения имели столкновения с войсками Красной Армии.

Практику использования коллаборационистских формирований на оккупированных территориях СССР нельзя рассматривать в отрыве от характеристики партизанского движения в исследуемых областях, так как именно оно обусловило создание боевых единиц из граждан Советского Союза, определило практику их использования.

Росту партизанского движения способствовало наличие определенных географических условий, например, лесистости и заболоченности больших территорий. Непроходимые леса, перемежающиеся с болотами, давали прекрасную возможность для дислокации значительных партизанских сил. Нельзя не учитывать и то, что через леса проходило много километров железнодорожных путей, ввиду чего немцам, и без того вынужденным постоянно латать взрываемые партизанами участки железнодорожного полотна, приходилось изыскивать силы для их надежной охраны [2, с. 120-126].

Привлекать для борьбы с партизанами регулярные германские части было невыгодно, во-первых, потому, что масштабы партизанского движения потребовали бы значительного распыления сил, во-вторых, из-за больших потерь, которыми неизбежно сопровождалась бы боевые действия в непривычных для немцев геоклиматических условиях.

Обзор практики применения коллаборационистских формирований на оккупированных территориях СССР позволяет выделить пять направлений их использования: охранная, антипартизанская деятельность, агентурно-разведывательная работа, репрессии против гражданского населения, боевые действия против Красной Армии. Что касается последнего, боевые столкновения коллаборантов с частями РККА имели лишь эпизодические, случайные проявления. Коллаборационистские части и соединения, включившие значительную долю гражданских лиц, проявили полную неспособность противостать регулярным советским войскам. В ходе боевых действий коллаборационистов против Красной Армии они показали в целом низкие боевые качества. Это стало результатом того, что изменнические формирования, включая крупные соединения, изначально были ориентированы на охранную и антипартизанскую деятельность, к тому же деморализация коллаборационистов в связи с победоносным наступлением Красной Армии не могла не сказаться на ведении ими боевых действий [4, с. 302 – 334].

Большой эффективностью отличалась борьба коллаборационистов с партизанами, так как контингент партизанских отрядов

включал значительное число лиц из гражданского населения, в результате, выучка противников была примерно равной. Результаты практического использования коллаборационистских формирований против советских партизан позволяют заключить, что боевые единицы из граждан СССР в целом оправдывали свое назначение. Ни одна антипартизанская операция не проводилась без участия коллаборационистов. Именно благодаря их применению в тылу немецких войск, в течение всего периода оккупации обеспечивалось функционирование тыловых коммуникаций германских армий [7, с. 160].

Таким образом, борьба с партизанами явилась наиболее значительным фронтом использования коллаборационистских формирований. Причем, практика боевого использования коллаборационистов была различна: в некоторых случаях антипартизанскую деятельность брало на себя само население, выступая против партизан крупными соединениями (РОНА), в других этим занимались оккупационные немецкие власти, используя коллаборационистов как вспомогательные части на уровне рот и батальонов. Коллаборационистские формирования обладали различной степенью надежности в смысле перехода их личного состава на сторону партизан, причем, эта надежность резко упала в период начавшегося отступления германской армии после провала операции «Цитадель». В целом же борьба на внутреннем фронте приобрела характер постоянных, не ослабевавших в течение всего периода оккупации боевых действий, по своей сути напоминавших гражданскую войну.

Источники и литература

1. *Александров К. М.* Оккупация отдельно взятого региона // Посев. – 2002. – № 5. – С. 42–45.
2. *Богатырь З. А.* В тылу врага: боевая деятельность соединения партизанских отрядов под командованием Героя Советского Союза А. Н. Сабурова. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 334 с.
3. *Бутков В. Н.* Участие белой эмиграции в борьбе с большевизмом в 1941 – 1945 годах // Вестник РОВС.– 2002.– № 5. – 811 с.
4. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. – М.: Эксмо, 2004. – 606 с.
5. *Кудряшов С. В.* «Предатели», «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль. – 1993. – № 14. – С. 89–91.

6. *Минасян Н.* Международные преступления Третьего рейха. – Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1977. – 387 с.

7. *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. – М.: Изд-во Военного университета, 2000. – 173 с.

8. *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. – М.: Юридическая литература, 1991. – 384 с.

9. *Семиряга М. И.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война: 1939 – 1945 / под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М., 1996. – С. 313–339.

10. *Семиряга М. И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. – 1995. – № 4. – С. 19–33.

11. *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

12. *Жуков А. Ф.* К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне // Клио. – 1997. – № 2. – С. 173–181.

ВСТРЕЧИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Личные контакты первых лиц государств являются одним из важнейших факторов выстраивания конструктивного диалога и развития тесных экономических связей. В данной стране рассматривается корреляция между частотой встреч российского президента с лидерами зарубежных стран и степенью развития экономических отношений России с этими странами.

Ключевые слова: международные контакты, переговоры, экономические связи, международные отношения, международная политика, лидер.

HIGH-LEVEL MEETINGS AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Personal contacts of the first persons of states are one of the most important factors in building constructive dialogue and developing close economic ties. This country considers the correlation between the frequency of meetings between the Russian president and leaders of foreign countries and the degree of development of economic relations between Russia and these countries.

Key words: international contacts, negotiations, economic relations, international relations, international policy, leader.

Контакты высших государственных деятелей являются важной частью как дипломатической практики, так и политических свя-

---

* **Нековаль Маргарита Алексеевна**, студентка 4 курса исторического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия. Научный руководитель: **Рыбалко Михаил Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Nekoval Margarita Alekseevna, 4th year student of the faculty of history of Irkutsk state university, Irkutsk, Russia. Scientific curator: **Rybalko Mikhail Leonidovich**, candidate of political sciences, associate professor, Irkutsk state university, Irkutsk, Russia.

зей. Визиты и встречи политиков во многом отражают степень состояния отношений между государствами. Высший уровень предполагает участие в двусторонних и многосторонних отношениях глав государств или глав правительств. Во время таких визитов решаются масштабные вопросы в сфере политических и экономических отношений между государствами и разрабатываются конкретные пути дальнейших взаимоотношений. В начале XXI в. визиты государственных деятелей стали регулярным явлением, и это объясняется усилением тесных связей и взаимозависимостью стран между собой в глобализирующемся мире.

Встреча глав государств – это всегда событие номер один в информационном пространстве. Встречи российских президентов и первых лиц зарубежных стран всегда хорошо освещаются в СМИ. Подобные события часто становятся отправными точками в международных отношениях. На современном этапе можно говорить о сокращении количества личных встреч российских политиков с зарубежными. Причинами тому могут быть следующие факторы:

1. Политическое и экономическое давление западных государств на Российскую Федерацию.
2. Сложная эпидемиологическая обстановка в мире в связи с пандемией коронавирусной инфекции.

В частности, в 2020 г. президент В. В. Путин выезжал за пределы РФ для встречи с иностранными лидерами всего пять раз. Все эти встречи состоялись в январе, до повсеместного введения ограничительных норм, связанных с предупреждением распространения коронавирусной инфекции. На Параде Победы, который в этом году состоялся в июне, присутствовали высокопоставленные иностранные гости: президенты Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы, Сербии, Абхазии и Южной Осетии, присутствовали послы Великобритании и США, бывших союзниками СССР в годы войны [5].

Рекордсменами по количеству встреч и переговоров с президентом В. В. Путиным являются главы Белоруссии А. Лукашенко и Казахстана К.-Ж. Токаев. Именно с Белоруссией и Казахстаном Россия имеет самые тесные экономические и политические связи. Частота встреч Путина и Лукашенко объясняется и тем, что по степени интегрированности Белоруссия – самая близкая страна для России, входящая в Союзное государство. Большинство переговоров с лиде-

рами стран бывшего Советского Союза проходит во время международных саммитов: ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и СНГ [6].

Кроме указанных, так же частотой отличаются встречи российского лидера с президентами Украины (с начала 2000-х гг. только В. В. Путин посетил эту страну 21 раз. Последний визит российского лидера в эту страну произошел в 2013 г.) и Армении [5]. В последние годы количество встреч сократилось в силу изменения курса этих стран после государственных переворотов. Тем ни менее близкое географическое положение и общее историческое прошлое обязывают сохранять контакты. Если украинский президент обычно ограничивается телефонными звонками, то новый премьер-министр Армении Н. Пашинян старается наладить контакты с российским президентом. В экономическом плане частоту встреч с Арменией объясняет ее участие в ОДКБ и ЕАЭС.

Среди контактов со странами дальнего зарубежья следует выделить лидеров Германии, Франции, Китая и Турции. Но в отношениях со странами Запада с середины 2010-х гг. наблюдается явное похолодание. Это отражается в замедлении темпов экономического сотрудничества. Ярким примером может быть ситуация со строительством газопровода «Северный поток-2», которое затягивается несколько лет. Обострившиеся отношения со странами Европы из-за эскалации конфликта на Украине серьезно ударили по энергетической сфере взаимодействия с Россией. Современные отношения России с Германией и Францией проводятся в основном в «нормандском формате» для обсуждения Минских соглашений и кризисной ситуации на Украине. Редкость контактов лидеров объясняет снижение темпов экономического сотрудничества [2. с. 2-4].

В таких условиях Россия вынуждена искать новые перспективные рынки на Востоке. В первую очередь здесь стоит упомянуть активно развивающиеся связи России с Китаем. В. В. Путин и Си Цзиньпин регулярно встречаются для обсуждения российско-китайских отношений. За последние шесть лет главы государств встречались около тридцати раз. В. В. Путин стал первым главой государства, который провел телефонные переговоры с Си Цзиньпином после его избрания на должность председателя КНР. В свою очередь, Россия стала первой страной для визита новоизбранного председателя КНР. С 2014 г. между Россией и Китаем подписано более сорока контрактов и пакет об инвестиционном сотрудничестве. Ставка делается на взаимодействие между двух стран в рамках

Азиатского банка, Банка развития БРИКС и Евразийского банка развития [4, с. 2].

Еще одним важным рынком для России является Турция. Хотя эта страна и входит в НАТО, да и в целом российско-турецкие отношения сложно назвать стабильно хорошими из-за разногласий по оценке ситуации в Сирии, Россия и Турция имеют довольно тесные экономические связи. Президент Турции Р. Т. Эрдоган стал одним из последних иностранных лидеров, с которым В. В. Путин встречался по экономическим вопросам до начала пандемии. Основными темами диалога двух лидеров стал ввод в эксплуатацию газопровода «Турецкий поток» и обсуждение актуальных международных проблем [5].

Резюмируя статистику встреч главы государства, можно отметить, что В. В. Путин намного чаще встречается с лидерами азиатских стран и стран СНГ. Это свидетельствует о заметном «развороте на Восток», укреплении многополярного мира с одной стороны и ухудшении отношений со странами Запада с другой, что существенно сказывается на положении России на международной арене.

Таким образом, можно проследить четкую связь между частотой международных контактов на высшем уровне и степенью развития экономических отношений. Выстроенный диалог между первыми лицами является залогом лучшего понимания ключевых вопросов и предупреждения международных конфликтов. В свою очередь отсутствие или редкость контактов может привести к неправильной интерпретации действий другой стороны, искажению информации и столкновениям.

Источники и литература

1. *Дохнадзе Л. Э.* Тенденции развития внешнеэкономических отношений России и Турции // Экономика и бизнес: теория и практика. –2020. – С. 43–47 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-vneshneekonomicheskikh-otnosheniy-rossii-i-turtsii-na-sovremen-nom-etape/>

2. *Жизнин С. З.* Экономические и геополитические аспекты Северного потока-2 // Балтийский регион.–2019. – С. 25–42 //URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-i-geopoliticheskie-aspekty-severnogo-potoka-2/>

3. *Кибенко Н. С.* Российско-китайское экономическое взаимодействие история и современность [электронный ресурс] // Кон-

цент. – 2018. – № 12. – С. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie-istoriya-i-sovremennost/>

4. *Потапенко М. В.* Стратегическое партнерство России и Китая как фактор глобальных международных политических и экономических отношений // Вестник РУДН. – Серия: Международные отношения. – 2011. – С. 75–83 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-rossii-i-kitaya-kak-faktor-globalnyh-mezhdunarodnyh-politicheskikh-i-ekonomicheskikh-otnosheniy/>

5. Президент России [электронный ресурс] // Поездки: офиц. сайт // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/>

6. С кем из иностранных лидеров Путин встречался чаще всего // ЦарьградТВ. 24 января 2019 г. // URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/articles/s-kem-iz-inostrannyh-liderov-putin-vstrechaetsja-chashhe-vsego_180407/

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПО А. Г. ДУГИНУ

Аннотация. Александр Гельевич Дугин известен в широких кругах не только как философ, но также как исследователь в таких областях как политология и социология. В рамках политической науки А. Г. Дугин, основываясь на своем богословско-философском учении, предлагает в качестве альтернативы трем политическим теориям модерна свою – четвертую политическую теорию. Однако определение сущности данной политической теории является проблемным и по сей день.

Ключевые слова: Дугин, традиционализм, 4ПТ (политическая теория), Хайдеггер, DaSein, модерн.

PROBLEMS OF DEFINITION OF THE FOURTH POLITICAL THEORY ACCORDING TO A. G. DUGIN

Annotation. Alexander Gelevich Dugin is known in wide circles not only as a philosopher, but also as a researcher in such fields as political science and sociology. Within the framework of political science, A.G. Dugin, keeping to his theological and philosophical doctrine, offers his own - the fourth political theory as an alternative to the three political theories of modernity. However, the definition of the essence of this political theory is problematic to this day.

Key words: Dugin, traditionalism, 4PT (political theory), Heidegger, DaSein, modern.

---

* **Рожков Александр Олегович**, студент 4 курса Института теологии им. св. Кирилла и Мефодия, Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия. Научный руководитель: **Коденев Максим Алексеевич**, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель, Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия.

Rozhkov Alyaxandr Alegavich, 4st year student of the Cyril and Methodius Institute of theology of Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus. Scientific curator: **KodenevMaxim Alyaxeevich**, Master of Arts, senior lecturer, Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus.

Четвертая политическая теория (далее – 4ПТ) – это политико-философский концепт, который А. Г. Дугин предлагает в качестве альтернативы трем политическим теориям модерна: либерализму, коммунизму и фашизму. Однако тут следует сразу сделать уточнение, что, по мнению А. Г. Дугина, Вторая политическая теория (далее – 2ПТ) и Третья политическая теория (далее – 3ПТ) (коммунизм и фашизм соответственно) пали еще под натиском Первой политической теории (далее – 1ПТ) (либерализма), вследствие чего, либерализм из-за отсутствия конкурентной среды стал, во-первых, доминирующей политической идеологией в мире; во-вторых, либерализм начал трансформироваться в пост-либерализм.

Исходя из этого, можно говорить о том, что А. Г. Дугин предлагает 4ПТ в качестве альтернативы 1ПТ, в которой он видит начало «дегуманизации и атомизации человека» [6]. Но следует сразу оговориться, что А. Г. Дугин выступает против того, чтобы 4ПТ была синтезом 2ПТ и 3ПТ, а также некоторым возвращением к одной из этих теорий, т.к. А. Г. Дугин считает их, во-первых, несостоятельными; во-вторых, таким же проявлением модерна как 1ПТ. Также добавим, что русский философ считает, что 4ПТ должна быть не «возвратом», иначе это будет «симулякром», а «шагом вперед», т.е. 4ПТ не должна быть повторением того, что уже когда-то было, а чем-то принципиально новым, но базирующимся на «Традиции» (про феномен традиции см. ниже) [6].

Сложность определения сущности 4ПТ заключается в том, что сам А. Г. Дугин дает весьма смутные характеристики данного политического концепта. Например, А. Г. Дугин говорит о том, что 4ПТ должна критиковать 1ПТ как «слева», так и «справа», однако не являясь, как было написано выше, синтезом 2ПТ и 3ПТ. Во время одной из своих лекций в Шанхае [6], А. Г. Дугин демонстрировал две свои версии «политических координат», которые вступают в некоторое противоречие с словами самого русского философа. Согласно этим схемам, 4ПТ должна иметь в себе «элементы левой экономики, но правой политики». Имеется в виду, что по оси «прогрессивизм-традиционализм» 4ПТ находится в поле «традиционализма», а по оси «социализм-капитализм» 4ПТ находится в поле «социализм».

Однако, в тоже время, можно заметить, что тот же «традиционализм» является частью 3ПТ, а «социализм» частью 2ПТ. Также это противоречие о том, что 4ПТ не является синтезом 2ПТ и 3ПТ усиливается тем, что в качестве политических сил, которые являлись

носителем 4ПТ, А. Дугин приводит не только его собственное «Международное Евразийское Движение», но также и НБП (Национал-Большевистскую Партию) до 1997 года. Однако сам А. Г. Дугин НБП не считает синтезом 2ПТ и 3ПТ. Исходя из этого возникает вопрос об оригинальности 4ПТ как политического концепта.

Схема 1.1 – Политические координаты А. Г. Дугина

Составлено по: [5]

Но следует отметить, что 4ПТ находится в оппозиции всем трем ПТ эпохи модерна и они преподносятся как нечто такое, что должно быть их альтернативой. При этом важно отметить, что 4ПТ должна включать в себя черты как «премодерна» так и «постмодерна». Т.е., как говорилось выше, 4ПТ это «шаг вперед», но с целью «восстановления человечности». Отсюда вытекают две черты, которые характерны для 4ПТ.

Первая из этих черт – базирование на феномене «Традиции». Традицию, следует отметить, А. Г. Дугин понимает как французский философ Р. Генон, однако с некоторым рядом уточнений. Для русского философа традиция – это некоторый метафизический «поток», который «конституирует все народы внутри себя» [4]. Т.е. можно говорить о том, что сам феномен «Традиции» существует в мире «чистой апофатики» как нечто единое, однако, в материальном мире

этот поток «конкретизируется» и «поэтическим способом» приобретает разнообразные формы, которые соответствуют уже «божественным эйдосам» [3].

Также следует добавить то, что, согласно А. Г. Дугину, в рамках этой «Традиции» с помощью «мифоса» (вся совокупность мифов, которые в процессе социализации закладываются в качестве фундамента сознания человека [2]; делятся по трем «Логосам» – «Аполлон», «Кибела», «Дионис» [1]) у тех или иных человеческих обществ формируется свой «Логос» (определенная комбинация мифов, которая лежит в основе «мировоззренческой матрицы» народов). Такая философская позиция (основанная, как можем заметить, на философии неоплатоников) выступает сразу против техноцентризма (как принципиальной части модерна), как феномена, который отрывает людей от своего «истока», тем самым их «дегуманизируя». Также можно заметить, что в среде такого понимания феномена «Традиции» видится негативным и либеральный индивидуализм, т.к. человек вне социума не может не находиться, ибо индивид сам по себе видится как незначительный атом, который в отрыве от системы из себя представляет «ничто» [4].

Исходя из вышесказанного можно перейти к описанию второй черты 4ПТ, а именно к особому субъекту 4ПТ. По мнению русского философа, субъектом 4ПТ является понятие «народ» или термин М. Хайдеггера «DaSein» (следует уточнить, что «народ» является носителем «DaSein») [6], в отличии от «индивида» (1ПТ), класса (2ПТ), нации/государства (3ПТ). И как мы можем видеть, А. Г. Дугин сразу различает понятия «народ» и «нация», говоря, что нация – это продукт эпохи просвещения, некоторая «политическая общность», объединенная идеей «государства» (в этом смысле и национализм понимается русским философом как часть 3ПТ). И тут возникают сложности с определением субъекта, т.к. сам термин «народ» является расплывчатым, а термин «DaSein» требует более детального рассмотрения.

«Народ» по А. Дугину – это то, что лежит в основе всякого государства и что является носителем своего «Логоса» [1; 2]. Государство в системе А. Дугина воспринимается как нечто вторичное, как продукт того самого «Логоса». Сам же «Народ» формируется из этнического ядра, которое и является носителем основных черт «Логоса» народа, а также этнических меньшинств, которые корректируют и дополняют «Логос» этнического ядра. Также, следует отметить,

что цивилизация в системе А. Дугина является носителем «Логоса», а уже общество данной цивилизации (которую, к слову, формируют государства) является продуктом «Логоса». Можно также установить, что понятия «Логос» и «DaSein» являются синонимичными.

Но следует учитывать, что сам термин «DaSein» является проблемным в философии М. Хайдеггера (у которого А. Дугин этот термин и заимствует), т.к. сам М. Хайдеггер внимание на этом термине не заостряет так сильно, как на проблеме «смысла бытия» в целом. Но самое главное, что следует подчеркнуть, это то, что сам «DaSein» является ни субъектом, ни человеком, т.к. имеет свой особый способ существования – экзистирование (в отличие от человека, для которого характерно «присутствие» (как для животного, как вида «наличного сущего»), и субъекта, для которого характерно «представление»). Но следует понимать, что для М. Хайдеггера «DaSein» может иметь только человек, но с человеком как таковым «сущим» не соотносится, ибо является другим родом «сущего». Далее, что нужно отметить, что для «DaSein'a» как «сущего», открыта возможность видеть «Бытие» в целом, вследствие этого и понимать «бытие в целом» [7].

«Представление» по М. Хайдеггеру не позволяет понять «бытие», но лишь позволяет субъекту «представить себя как сущее». Т.е. в этой системе субъект понимается как нечто атомарное и закрытое миру, закрытое от общей системы «бытия», а «DaSein», в следствие своей открытости, является внедренным в систему «бытия в целом». Однако, в тоже время, такой исследователь как Андрей Паткуль писал, что «DaSein является правильно понятым субъектом, а субъект есть DaSein, который был понят несобственным способом». А поскольку «DaSein» является «бытием в системе бытия» [5], «тут-бытием», то можно утверждать о том, что «DaSein» есть сверхсубъект, который существует не просто «присутствием», но «экзистированием». И «DaSein» является трансцендентальной структурой, которая является неким фундаментом субъективности. А из-за того, что «DaSein» существует «экстатически», то он «переступает через самого себя», тем самым существую «во вне», поэтому он и есть «бытие в мире» [7].

А. Г. Дугин же, интерпретируя М. Хайдеггера в неоплатоническом ключе, предоставляет тем самым своей политической системе «неоплатонический костыль», говоря о том, что «DaSein» есть

часть божественного Нуса, а значит «конкретизация» его идей / эйдосов / «Логосов», ибо сам божественный Нус есть «бытие» в принципе, а мир является его частью. Тем самым люди являются неким проводником «DaSein'a» в мир, которые сам лишь наличествует. Поэтому сам «DaSein» в такой системе есть Сверхсубъект [6], соответствующий идее конкретного народа. А значит политика в системе А. Г. Дугина переходит в область метафизического взаимодействия, и именно поэтому он историю интерпретирует именно как «Ноомахию» - «войну умов» (идей/DaSein'ов) [1]. Однако, если политика переходит в область метафизики, то вопрос о ее проявлении в имманентном мире остается острым, ибо не понятно, как должна себя проявлять политическая теория, если ее субъектом является метафизическая идея, которая «дает бытие» определенной социальной общности и неразрывно связана именно с человеком (но не субъектом, т.е. не с конкретным индивидом).

Обобщая, можно говорить о том, что 4ПТ является концептом, в котором А. Г. Дугин делает субъектом политики метафизический концепт, который из-за связи с человеком может «конкретизироваться» только в некоторой социокультурной общности, которая не отождествляется с государством и ставится выше отдельных «классов» и «индивидов».

Однако такая размытая характеристика субъекта политики введет к тому, что 4ПТ на данный момент в практическом поле данная теория представляется скорее, как синтез 2ПТ и 3ПТ, несмотря на то, что данная теория ставит себе вполне четкие философские цели: борьба с нарастающим влиянием техники, как тем, что убивает «DaSein» (в интерпретации А. Г. Дугина, ибо сам М. Хайдеггер не интерпретировал технику как нечто демоническое, говоря о том, что техника дает и закрывает некоторые возможности для «созерцания сути вещей»), борьба с однополярностью мира и отстаивание многополярности мира как основы многообразия «DaSein'a», преодоление парадигмы модерна.

Но эти цели, которые основаны на позиции «против» не являются достаточным основанием для постройки той или иной политической системы.

Источники и литература

1. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. – М.: Академический проект, 2014. – 447 с.

2. Дугин А. Г. Логос и мифос. Социология глубин. – М.: Академический Проект, Трикста, 2010. – 364 с.

3. Онтология и антропология театра: лекция 12 – Антропология смерти / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV//<http://paideuma.tv/video/ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-12-antropologiya-smerti#/?PlaylistId=0&videoId=0> (Дата доступа: 22.02.2020).

4. Онтология и антропология театра: лекция 3 – Μίμησης (μίμησις). Действие / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://paideuma.tv/video/ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-3-mimesis-mimisis-deystvie#/?playlistId=0&videoId=0/>

5. Человек, субъект, Dasein / А. Паткуль // АСΑΔΕΜΙΑ //https://www.academia.edu/18972812/%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82_Dasein (Дата доступа: 24.10.2020).

6. Fourth political theory: alternative to modern world / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://paideuma.tv/node/2784#/?playlistId=0&videoId=0/>

7. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1967. – 450 S.

Подписано в печать 16.03.2021.
Формат 90x60 1/16. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 29,06.
Тираж 50 экз. Заказ № 159 .

Издательство ООО «Типография «ИРКУТ».
Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ», 664020,
ул. Новаторов, 3,
664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523.